

ЛЮБОВЬ ВИНОГРАДОВА

ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ

Лётчицы Великой Отечественной



ЗАЩИЩАЯ
РОДИНУ

ЛЮБОВЬ ВИНОГРАДОВА

ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ

Лётчицы Великой Отечественной



Колумба

МОСКВА

УДК 94
ББК 63.3(0)62
В49

Оформление обложки Н. Данильченко

Фотография на первой стороне обложки:
Летчик-истребитель Лилия Литвяк, апрель 1943 г.
Фотография из архива ТАСС

Фотография на четвертой стороне обложке.
Любовь Виноградова. Из личного архива автора.

Виноградова Л.

В49 Защищая Родину. Летчицы Великой Отечественной. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-389-08960-0

В созданной легендарной советской летчицей Мариной Расковой «Авиачасти № 122» не было мужчин. Все ее воины — летчики, штурманы, техники — вчерашние студентки, работницы фабрик и заводов, воспитанницы аэроклубов встали в строй и прошли долгую дорогу войны до дня Великой Победы. Исследователь Любовь Виноградова работала в архивах, изучала мемуары очевидцев, встречалась с участниками событий и членами их семей. Результатом этого кропотливого труда явилась уникальная историко-документальная книга, в которой детально, с любовью и горечью рассказывается об удивительных девушках, главным событием в жизни которых стала война. У многих героинь книги судьба была короткой и трагической. Свои жизни они отдали за Родину, которую любили и сумели спасти.

УДК 94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-389-08960-0

© Виноградова Л., 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

КоЛибри®

*Светлой памяти Николая Ивановича Менькова
и Валентины Николаевны Краснощековой —
необыкновенных людей, которых мне выпало счастье знать*

От автора

Я родилась в 1973 году в Москве, в семье ученых. С детства хотела быть биологом, однако, закончив вуз и поступив в аспирантуру, поняла, что душа и интеллект требуют другого. Параллельно с работой над диссертацией получила второе высшее образование — переводчика с английского и немецкого языков.

Большим событием в моей жизни стала работа с Энтони Бивором, приехавшим в Россию собирать материалы для своей книги «Сталинград». В мою жизнь — жизнь человека, никогда историей не интересовавшегося, — ворвалась ИСТОРИЯ собственной персоной, в виде тысяч страниц текста, в виде документов с подчас невероятным содержанием, черно-белых фотографий и рассказов, рассказов тех, кто имел несчастье оказаться в водовороте событий в то страшное время. Я поняла, что история — это совсем не то, что мы когда-то зубрили в школе. История — это истории людей, таких же людей, как ты сам, это эпоха, увиденная их глазами.

Постепенно моя «подработка» — помощь историкам в сборе материала — стала основным моим занятием помимо воспитания троих детей. Какие-то истории тронули меня особенно глубоко — в основном женские, ведь женщины видят все не так, как мужчины, и запоминается им другое: не тактика и не стратегия войны, не цифры статистики, а детали, подробности, благодаря которым оживает рассказ.

Я была очень взволнована, получив от французского издательства предложение написать биографию летчицы Лили Литвяк. Ее история, несомненно, была одной из тех, которые давно меня интересовали. Когда оказалось, что у нее, погибшей в 21 год, биографии почти что еще и не было, родилась эта книга — рассказ о самых трагических месяцах войны глазами девушек-летчиц, штурманов и техников, и их коллег-мужчин. То, что мои издатели в России и в Англии решили приурочить ее выпуск к 70-й годовщине Победы — огромная честь для меня. Мне очень жаль, что сейчас уже нет в живых почти никого из моих героев, никого из очевидцев тех событий: они разделили бы мою радость.

Район операций 296-го
(73-го гвардейского)
полка. 1942–1943 гг.

0 30 км

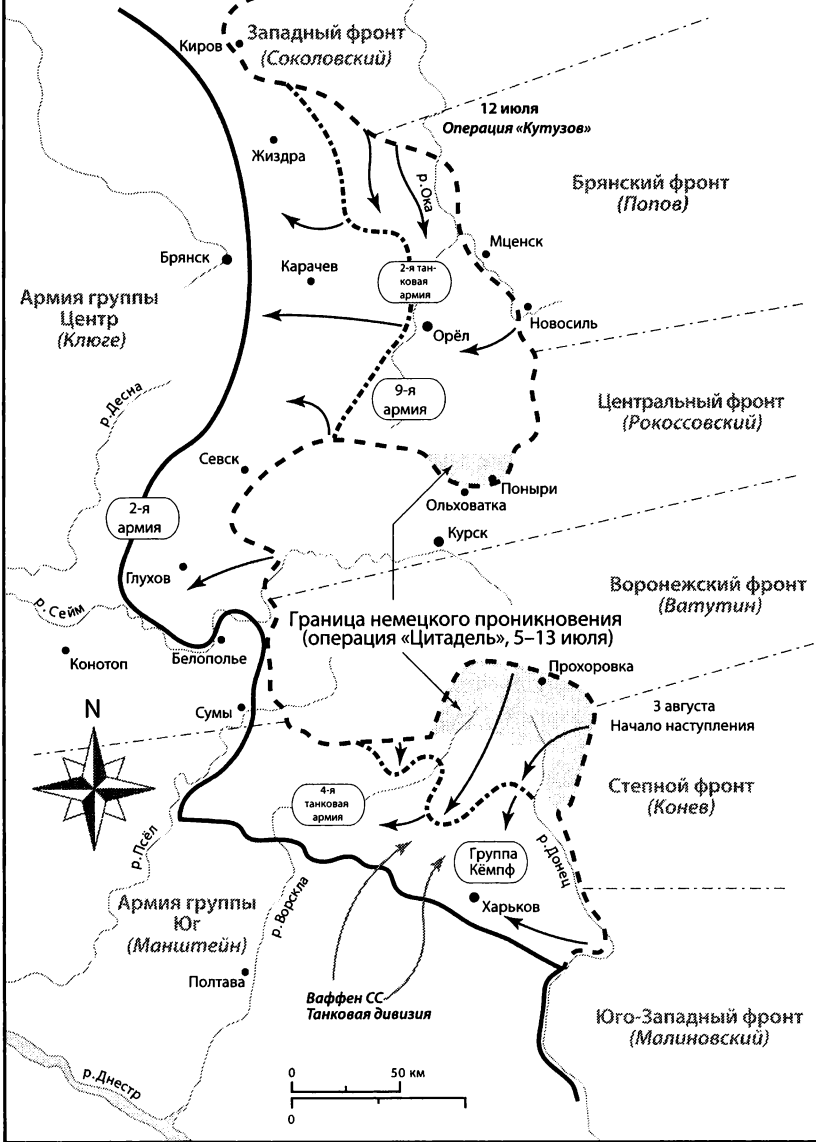


Юго-Восточный фронт



**Курск и советское контрнаступление.
5 июля – 23 августа 1943 г.**

- Русское наступление
- ⇝ Немецкое наступление
- - - - - Линия фронта на 12 июля
- · · · · Линия фронта на 5 августа
- Линия фронта на 23 августа



Глава 1

Прощай, прощай, Москва родная!

В Москве ждали немцев. На улице Горького витрины были заложены мешками с песком. Над Кремлем, как огромные неподвижные рыбы, стояли дирижабли. С плакатов смотрела печальным и строгим взглядом Родина-мать. Город, казалось, вымер, кипели жизнью только продуктовые склады и магазины, которые грабили озверевшие от неожиданной свободы мародеры; железнодорожные вокзалы и дороги, ведущие на восток. Охваченные ужасом москвичи и беженцы из уже оккупированных немцами областей пытались любой ценой бежать из города.

Панику, охватившую Москву к 15 октября 1941 года, можно было сравнить только с хаосом сентября 1812 года, когда в город вошла армия Наполеона. Взяв Москву без боя, французский император был вынужден сразу вывести из нее свои войска. Город охватил колоссальный пожар, по слухам начатый москвичами, не хотевшими оставлять свою древнюю столицу врагу. Пожар, почти полностью уничтоживший построенную из дерева русскую столицу, Наполеон мрачно наблюдал из своей ставки на северной окраине Москвы, в Петровском путевом дворце.

Этот приземистый псевдоготический дворец еще стоял в 1941 году, и теперь его старинные окна глядели уже не на Петербургский тракт, а на широкое Ленинградское шоссе. На Ленинградке 15 октября было пусто. Ходили слухи, будто накануне отряд немецких мотоциклистов, не встретив на пути никакого сопротивления, доехал по этому шоссе до самого Северного речного вокзала¹. Говорили, что за мотоциклистами ехали два бронетранспортера. Этот передовой отряд был сразу же уничтожен, но за ним должны появиться другие. После того как немцы за три с половиной месяца дошли до советской столицы, с легкостью беря почти все большие города, и теперь оказались у самых ворот Москвы, многие москвичи думали, что надеяться можно только на чудо. Находились люди, которые собственными ушами слышали, как главный советский диктор Юрий Левитан объявил по радио: «Немцы входят в Москву».

Тем удивительнее были царившие в старинном Петровском дворце шум и оживление. Под сводчатыми потолками, когда-то слышавшими музыку екатерининских балов, разносились женские голоса. Такого пестрого сборища здесь еще не видели. Управляли всем несколько женщин в военной форме: очень красивая худенькая капитан Милица Казаринова, приземистая полная комиссар Евдокия Рачкевич, знаменитая летчица Вера Ломако. Они были молоды, самым старшим немного за тридцать. Помимо женщин-офицеров, здесь было несколько десятков девушек в беретах с красной звездой и синих гимнастерках. Эту форму аэроклубов знала по плакатам Осоавиахима вся страна: девушки были летчицами-инструкторами. Остальные были в штатском: платьях и юбках, туфлях на каблуках и без каблуков. Почти все — с длинными волосами, заплетенными в косы или заколотыми

¹ Лубянка в дни Битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. М., 2002. С. 10.

шпильками в пучки. Трудно было представить себе более далеких от военной службы людей, но всем этим девушкам предстояло через несколько часов надеть военную форму, портянки и сапоги.

Переделав за утро огромное количество дел, к пестрому сборищу в Петровский дворец ехала на черной эмке с шофером красивая молодая женщина.

Серые глаза, черные тонкие брови и гладкая прическа, ладно сидящая военная форма и берет с красной звездой, на груди — «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Несмотря на молодость и красоту, женщина ехала в эмке не потому, что была женой директора завода или высокого военного чина. Автомобиль советское правительство выделило лично ей. Женщине было всего двадцать девять, но ее красивое лицо было знакомо всей стране по фотографиям в газетах, и каждый знал ее имя: Марина Раскова. Для миллионов советских людей это имя ассоциировалось с героизмом, крыльями, романтикой дальних перелетов. Каждый советский школьник твердо знал, что этой женщине были по плечу любые подвиги и любые испытания. «Я хочу быть как Марина Раскова», — писали сотни тысяч советских девушек в заявлениях о приеме в аэроклубы и секции Осоавиахима — Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, осуществлявшего военно-спортивное воспитание молодежи.

Раскова пересекла по воздуху поперек и потом вдоль самую большую страну в мире. Она испытывала новейшие самолеты. Десять дней провела одна в тайге практически без еды. И никто из собравшихся в Петровском дворце людей не сомневался — она справится с новой, грандиозной задачей, которую сама себе поставила: собрать подобных себе, бесстрашных, влюбленных в свою страну женщин, сделать из них боевых летчиков и выпустить в небо, чтобы нести врагам смерть.

В московском дворе, где росла Марина Раскова, дети прекращали игры и глядели в небо, если его, очень-очень редко, пересекал самолет.

*Ироплан, ироплан,
Посади меня в карман.
Из кармана выпадё,
Всю головку расшибу, —*

распевали они глупую песенку.

Все вокруг хотели стать летчиками, а Марина Малинина, дочь покойного учителя музыки, хотела быть оперной певицей и собиралась учиться в консерватории. Кроме музыки она, обладающая многими талантами и прекрасно учившаяся по всем предметам, обожала химию — на тот момент науку столь же актуальную в осуществлявшейся индустриализацию стране, как сейчас компьютерные технологии. В жизни Марины настал момент, когда пришлось сделать выбор между музыкой и химией: нужно было зарабатывать на жизнь, она выбрала химию. Поработав лаборанткой на химическом заводе, Марина вышла замуж за инженера Раскова с того же завода и родила дочь, но с мужем потом развелась. Когда девочка немного подросла, Марина Раскова снова пошла работать, на этот раз чертежницей в Военно-воздушную академию, где открыла для себя совершенно новый мир. В академии молодые мужчины в кожаных пальто реглан говорили о новых самолетах, перелетах на больших высотах и скоростях, о новых вооружениях и об огромных расстояниях, которые теперь стало возможно преодолеть. Лица этих людей мелькали в газетах, среди них были герои, которых знала вся страна. Появились и летчицы: правительство, проводившее стремительную индустриализацию огромной отсталой страны, декларировало равенство полов. Неженских специальностей не было, в любой области женщины могли работать наравне с мужчи-

нами. «Девушки — на стройки», «Девушки — на трактор», «Девушки — на самолет», — призывали «средства наглядной агитации» — советские плакаты. Девушки-летчицы начали появляться, а вот девушек-штурманов не было, да и мужчин-штурманов тоже: еще не успели обучить тех, кто помог бы управлять только появившимися большими воздушными кораблями, а также, если понадобится, вывести самолет на цель и точно поразить ее бомбами. Молоденькая чертежница из Военно-воздушной академии, почувствовав, что жизнь дает ей необыкновенный шанс, приняла решение: она станет штурманом. Ничего лучше нельзя было придумать, путь был совершенно свободен. Марина Раскова стала первой женщиной-штурманом в СССР.

Экзамены на звание штурмана она сдала экстерном. Закончила и школу пилотов при аэродроме Тушино в Москве, но летала мало. Это не мешало Расковой вращаться в кругах новой советской элиты — авиаторов. Красота, ум, интеллигентная речь, очарование сильной личности сделали ее своей в этом узком кругу. А очень скоро слава Расковой затмила славу почти всех ее новых знакомых.

В 1938 году Раскова участвовала в двух рекордно дальних перелетах с легендарными советскими летчицами. Сначала она полетела по маршруту Севастополь — Архангельск с Полиной Осипенко и Верой Ломако. После этого полета, который окончился очень успешно, был задуман еще более грандиозный: Москва — Дальний Восток.

Раскову взяли в свой экипаж Валентина Гризодубова и второй пилот Полина Осипенко. Командир перелета изящная и женственная Валентина Гризодубова была потомственным авиатором, в свои двадцать восемь лет имевшим уже огромный летный опыт. Второй пилот Полина Осипенко, которую по виду трудно было отличить от мужчины, еще недавно была нищей босоногой девчонкой-птичницей, но благодаря невероятно сильному характеру пробилась в Качин-

скую летную школу и проложила себе путь в небо. Для нее этот перелет не был первым: она еще в 1937 году установила несколько рекордов.

Даже у таких опытных летчиц захватывало дух от масштаба нового плана. Советский Союз занимал одну шестую часть земного шара. Они решили пролететь почти через всю его европейскую и азиатскую территорию, из Москвы в Комсомольск-на-Амуре, почти к самому Тихому океану — шесть тысяч километров без посадки.

Планировалось, что беспосадочный перелет на огромном серебристом самолете АНТ-137, которому дали имя «Родина», займет около суток. Радиосвязь с «Родиной» прервалась через девять часов после старта. Был конец сентября, погода непредсказуемая. Вся страна в тревоге ждала новостей.

Погода оказалась хуже, чем ожидали. Лишь на протяжении шестидесяти километров после старта летчицы видели землю, затем началась сплошная облачность. До Урала летели вслепую, ориентируясь по показаниям приборов. Потом стало еще труднее: самолет начал покрываться льдом. Ночью началась сильная болтанка, пришлось идти над облаками, на высоте 7500 метров. Замерзли и люди, и приемная и передаточная радиостанции, которые от холода перестали работать. Связи с землей больше не было. На рассвете, недалеко от маньчжурской границы, загорелась лампочка, которая показывала, что бензина осталось максимум на полчаса. Гризодубова велела Марине прыгать: ее изолированная от кабины пилотов штурманская рубка была на носу воздушного корабля и при аварийной посадке могла расплющиться в лепешку. Прыгать страшно не хотелось, но выхода не было. Раскова открыла нижний люк кабины. В карманах у нее были револьвер, компас, карманный нож, особые спички, которые загорались даже мокрые, и полторы плитки шоколада¹.

¹ *Раскова М.М.* Записки штурмана. М.; Л., 1941. С. 145–163.

Приземлившись в тайге, Раскова десять дней искала свой самолет. С огромным трудом продираясь через густой подлесок в тяжелом меховом костюме, она медленно двигалась в направлении, где, как ей казалось, следовало искать «Родину». В первый день, думая, что выйдет к самолету быстро, она съела полплитки шоколада, но в следующие дни ела по одной дольке. Иногда ей попадались ягоды. Один раз она нашла грибы, но, когда хотела их приготовить, устроила такой пожар, что еле унесла ноги. В одну из ее последних ночей в тайге Расковой приснился товарищ Сталин, упрекнувший ее в том, что она плохой штурман. Расковой было очень стыдно перед «самым дорогим человеком», как она его называла, и она пообещала ему, что будет работать лучше¹.

Утром десятого дня Раскова увидела самолеты и услышала выстрелы. Она еле шла на их звук, опираясь на палку. Скоро стал виден серебристый хвост ее самолета, красавицы «Родины». Увидев Раскову, люди, находившиеся около самолета, бросились ей навстречу. На Марине были теплые кальсоны и фуфайка, поверх фуфайки — шерстяной свитер с орденом Ленина на груди. Одна нога в унте, вторая — босая. Ее хотели отнести на руках, но гордая Раскова отказалась и сама дошла до самолета.

Товарищи по экипажу, уже почти потерявшие надежду увидеть Марину, рассказали ей, что Гризодубова очень удачно, не выпуская шасси, посадила самолет на болото на фюзеляж. Посмотрев на часы и приборы, летчицы подсчитали, что «Родина» находилась в воздухе 26 часов 29 минут, поставив мировой рекорд. Гризодубова и Осипенко стали ждать Марину, которая, как они думали, опустилась на парашюте где-нибудь недалеко. Но Марина не появлялась, и никто не появлялся: «Родину» искала вся страна, но нашли не сразу. К летчицам

¹ Раскова М. М. Указ. соч. С. 161–162.

приходили только таежные гости: сначала рысь, которую Гризодубова и Осипенко прозвали «Кися», а потом — медведь. Услышав, как он трется о самолет, летчицы решили, что их наконец-то нашли, и со словами «Пожалуйста, заходите!» распахнули дверь. В ужасе одна из них выстрелила из ракетницы, и зверь убежал в лес¹.

Только через неделю после начала поисков молодой летчик Сахаров наконец увидел на болоте серебристый корпус «Родины». Сесть на болото рядом никто не осмелился, летчицам на парашютах сбросили снаряжение и продукты. Весть о том, что «Родина» с двумя членами экипажа обнаружена, с быстротой молнии разнеслась по стране, и несколько следующих дней все в тревоге ждали известий о Расковой. Когда она, получив от доктора несколько ложек куриного супа, засыпала рядом с подругами, все газеты готовили передовицы: Марина Раскова жива!

Первые женщины — Герои Советского Союза прибыли на Белорусский вокзал в особом вагоне. Раскова вышла с клеткой, в которой прыгала белка — подарок дочке Тане от пионеров Комсомольска-на-Амуре. Летчиц повезли в Кремль в открытой машине по улице Горького, усыпанной цветами и листовками.

Освещая их возвращение в Москву, газеты не упомянули об авиакатастрофе двух самолетов над местом вынужденной посадки «Родины». Столкнулись, протаранив друг друга, самолет ДС-3, отправленный на помощь «Родине» научно-исследовательским институтом ВВС, и самолет ТБ-3 с десантом на борту. Погибло 16 человек: только четвертым с ТБ-3 удалось спастись, выпрыгнув из падающего самолета. Чтобы не портить праздника, никаких сообщений о случившемся ни в газетах, ни по радио не было².

¹ Раскова М. М. Указ. соч. С. 168–169.

² Шушаков О. А. И на вражьей земле. М., 2012. С. 2.

В книге «Записки штурмана», ставшей настольной для миллионов советских женщин, Раскова подробно рассказала и о приключениях в тайге, и о том, как она познакомилась с Гризодубовой¹. Раскова пишет, как они с «Валей» с первого взгляда друг другу понравились и скоро стали близкими подругами. Они вместе планировали свой рекордный перелет в тесном жилище Вали, уложив спать ее маленького сына. Но Валентина Гризодубова рассказывала совсем другую историю.

Гризодубова, на много-много лет пережив и Раскову, и Осипенко, дожила до глубокой старости и умерла только в 1993 году, когда стало возможно говорить такое, о чем раньше и помыслить было нельзя. Знаменитая летчица говорила с теми, кого считала достойными таких откровений, о многом, в том числе о Расковой. Гризодубова, замечательный, честный и великодушный человек, бесстрашная заступница обиженных, спасающая от сталинских репрессий многих связанных с авиацией людей, в том числе конструктора космических кораблей Сергея Королева, говорила о Расковой — товарище, с которым она прошла через такие испытания и рядом с которым пережила лучшие моменты своей жизни, — с неприязнью. Для этого были причины. По словам Гризодубовой, Раскова, не имевшая большого штурманского опыта, была «навязана ее и Осипенко экипажу». Навязана потому, что в СССР в любую группу людей, выполняющих масштабные задачи, всегда включали энкавэдэшника, — и в те времена, и позже. Эти откровения Гризодубовой во многом объяснили головокружительную карьеру Марины Расковой.

Мало кто знал, что к началу войны майор ВВС Марина Раскова была также и старшим лейтенантом госбезопасности — звание, соответствовавшее армейскому званию май-

¹ Раскова М. М. Указ. соч. С. 70–71.

ора, до которого совсем не просто дослужиться. Уже четыре года ее рабочим местом был кабинет на Лубянке. С тридцать седьмого года она работала в НКВД штатным консультантом, а с февраля тридцать девятого — уполномоченным особого отдела. Скорее всего, сотрудничество Расковой с НКВД началось до тридцать седьмого года, так как большинство «штатных консультантов» НКВД до получения этой должности были консультантами внештатными, попросту говоря — осведомителями. Документы, которые пролили бы свет на должностные обязанности старшего лейтенанта Расковой, если и сохранились, то недоступны публике, однако истории сходятся в одном: в ее обязанности входило осведомление о той среде, в которой она вращалась, — среде авиаторов. Репрессии против них набрали наибольший размах как раз к 1940 году, когда карьера Расковой в НКВД так быстро шла в гору. К началу войны были арестованы сотни авиаконструкторов, руководителей авиационных заводов и командиров советских ВВС. Многие были расстреляны.

Мы не знаем, кто и как пострадал в результате работы Расковой, но Гризодубова считала, что таких людей было немало. «Мне неизвестно, как Марина получила штурманское свидетельство, — говорила она о Расковой. — Я также не знаю, какую работу она совмещает, но уверена, что из-за нее пострадало много людей. У нас, можно сказать, получилось “распределение ролей”: она сажала, а я бегала по инстанциям и старалась вытащить»¹. И продолжила: «Если Полина Осипенко была летчиком высокого класса, то Марина Раскова, как штурман, не имела специального образования и налетала всего около 30 часов. У нее не было ни малейшего представления о полетах в экстремальных условиях, тем более ночью. В наш полет она была “рекомендована”»².

¹ *Карьков В.* Оборванный полет // *Серовский рабочий*. 2004. 14 мая. С. 2.

² Там же.

Но в 1941 году Раскова была известна советскому народу только как героический летчик. Она была легендой, кумиром целого поколения. Она доказала всему миру, что построенные молодой советской промышленностью воздушные корабли могут ставить мировые рекорды и что пилотировать их может женщина. Ей, пользовавшейся всенародной любовью и огромным авторитетом, всегда приходило огромное количество писем от советских женщин, а после начала войны такие письма полились потоком. Среди них было очень много писем от летчиц, которые безуспешно обивали все пороги, стараясь попасть на фронт. Брать их не хотели: в сорок первом году было достаточно летчиков-мужчин, не хватало только самолетов.

И Расковой пришла мысль: она должна сформировать и возглавить полк военных летчиц. В отличие от Вали Гризодубовой, которая командовала мужским полком, Раскова наберет себе полк из лучших советских летчиц, которые дадут фору любому мужчине. С этой идеей она пошла в Кремль к Сталину.

Во всех своих ипостасях — авиатора, чекиста и красивой женщины — Марина Раскова импонировала Сталину и была с ним в настолько хороших отношениях, что свое предложение о формировании женского авиационного полка адресовала лично ему. Сталин одобрил идею, и Раскова взялась за подготовку. Желających было столько, что полков было решено создать три: полк легких ночных бомбардировщиков, полк тяжелых бомбардировщиков и полк истребителей.

К середине октября сорок первого завершили подготовку и собрали в Москве будущих военных летчиц и студенток, из которых собирались готовить штурманов и техников. К этому времени Москва уже была в опасности.

Во все времена большинство студентов педагогических институтов составляли девушки. «Женихов себе не найдете!» —

полушутя-полусерьез предупреждала Валя Краснощекову подруга, когда Валя решила учиться на учителя истории. За лето сорок первого года мальчиков на курсе вообще почти не осталось, за исключением негодных к военной службе: кого призвали, кто ушел на войну добровольцем. Студенток в сентябре увезли строить оборонительные сооружения. Обрато их привезли в начале октября. Не успели начаться занятия, как комсорг курса задал не ставший полной неожиданностью вопрос: «Девчонки, хотите на фронт?»¹

В том, что она хочет на фронт, Валя Краснощекова не была твердо уверена. Хотелось помочь стране, хотелось бить немцев, оккупировавших ее родной город. Но жалко было бросать учебу, и непонятно было, что станет с двумя младшими сестрами и с маленьким братом: мама умерла, а отца уже забрали в армию. Но ответить на этот вопрос отрицательно, с Валиной точки зрения, было невозможно. Получив от Вали и еще нескольких девушек утвердительный ответ, комсорг сказал им прийти на следующий день в ЦК комсомола и предупредил: надо обязательно сказать, что они идут добровольцами.

Ночью они почти не спали. Наутро пошли пешком в ЦК комсомола на Маросейку. Там спросили, кем они хотят стать на фронте, и Валя за себя и за подругу ответила: «Пулеметчицами». В ответ кивнули, и этот кивок Валя приняла за согласие.

В конференц-зале было много девушек. «А кем же они будут? — подумала Валя. — Неужели все пулеметчицами?» Но тут на сцену вышли первый секретарь ЦК комсомола Н. А. Михайлов и Раскова.

Михайлов объявил, что сейчас выступит Марина Раскова, но Раскову представлять было не нужно. Ее все знали по портретам в газетах, по книге «Записки штурмана», которую большинство читали в «Роман-газете». Раскова сказала, что была у товарища Сталина и он разрешил ей сформировать

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Калуга, 2009.

женские авиационные полки. «Но товарищ Сталин предупредил, чтобы только добровольцы», — добавила она, и тогда Валя поняла, почему ее комсорг делал на это такой упор.

Раскова предложила собравшимся девушкам спросить разрешения у родителей, но Вале спросить было некого. Зато ректор пединститута проводил ее с подругами, как родных: устроил показательную линейку, выстроив всех студентов, и перед строем дал уходящим на фронт напутствие. Подруги, которые оставались в институте, сварили манную кашу без соли и сахара: с едой уже были большие перебои. Поели все вместе, и уходящие на фронт собрали рюкзаки, точнее, «сидоры» — простые мешки с двумя плечевыми ремнями и с горловиной, которая завязывалась веревкой или шнурком. Свою единственную нарядную вещь — белую батистовую блузку — Валя Краснощекова оставила подруге, которая не уходила на фронт. Сказала, что заберет после войны: на войне батистовая блузка не нужна.

На следующий день студенток провели пешком через весь центр Москвы, с Маросейки до Петровского дворца на Ленинградском шоссе. По дороге несколько раз была воздушная тревога, и тогда они спускались в метро. На станциях было очень много народу. Поезда еще ходили, но на станции «Маяковская» девушки смотрели не на красивейшие мозаики на потолке, воспевавшие достижения советской авиации, а на раскладушки на мраморном полу: станции ускоренно превращали в бомбоубежища¹. Через несколько дней движение поездов совершенно прекратилось, и людей стали размещать прямо на путях².

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Калуга, 2009–2012.

² Среди людей, спасавшихся на станциях метро от бомбежек, ходили слухи о секретных ветках метро, ведущих в особые, шикарно оборудованные и с огромными запасами продовольствия бомбоубежища для членов правительства. Эти невероятные слухи впоследствии подтвердились (Репин Л. Молчаливая драма в зловещей тишине Москвы в 1941 году // Московская правда. 2011. 15 октября).

Сопровождавший девушек красноармеец посмеивался: «И куда вы, девушки? Наденут на вас шинели и сапоги, с вами же ни один парень в кино не пойдет»... Во дворце на Ленинградском шоссе их встретили женщины в военной форме, которые, казалось, были сделаны из совсем другого теста. Настроение было боевое: девушки ждали, что вот сейчас им дадут обмундирование и ружья и они пойдут воевать. Увидев обмундирование, обомлели.

Военная форма была новенькая. Выдали и скрипучие кожаные ремни, и новые сапоги. Но все это было мужское. Брюки доставали до груди, огромный ворот гимнастерки опускался чуть не до пупка. Сапог меньше сорокового размера не было. Ребята, которых собрали там же в академии, чтобы сформировать мужскую часть, хихикали: «Девчонки, газет на фронте наматаете». Девушки были в растерянности. Шинели были длинные, особенно миниатюрным доходили чуть ли не до пят. Сбоку у каждой была пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны были входить в комплект «снаряжения». Смотрели друг на друга и не узнавали: «трудно было придумать форму, которая делала бы девушек менее женственными»¹.

Перед тем как вести в столовую на ужин, им приказали надеть все снаряжение. Делать было нечего. И вот в новехоньком, еще «стоявшем дыбом» обмундировании, в сапогах с железными подковами, которые ударяли по каменному полу дворца со страшным стуком, с пустыми кобурами на боку они прошли через строй парней, смотревших на них с любопытством и насмешкой. Как горели от смущения уши и сколько насмешек ждало впереди...²

На следующий день из них начали делать солдат: обучать строевой подготовке и уставу. Однако положение Москвы уже

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Нас называли ночными ведьмами. М., 2005. С. 12.

² Краснощекова В. Н. Интервью автору.

было настолько опасным, что сосредоточиться не могли ни учителя, ни курсанты. 15 сентября стало известно, что «Авиагруппа № 122», как на тот момент называлось соединение Расковой, будет эвакуирована в волжский город Энгельс.

Утром 16 октября они с песнями прошли по городу. Было очень холодно, трамваи уже не ходили, стояли полузанесенные снегом. Редкие прохожие останавливались и смотрели на девушек, а старухи «подходили к самому краю тротуара, молча стояли и крестили»¹ их, провожая колонну грустным взглядом. Если среди молодых москвичей большинство считали, что Москва выстоит и враг будет побежден, старшее поколение, уже столько выстрадавшее, было настроено пессимистично: слишком уж быстрым и легким казалось наступление немцев.

Немецкое генеральное наступление на Москву началось 30 сентября и развивалось стремительно. Вскоре советские войска сдали города Калугу и Вязьму, оставив немцам шестьсот тысяч пленных солдат и офицеров. 13 октября немецкие войска форсировали около Калинина неширокую в тех местах Волгу, 15-го взяли Калинин. До Москвы осталось сто пятьдесят километров. Немцы подтянули еще войска и, прорвав слабую советскую оборону, прямо по Ленинградскому шоссе устремились к Москве. Русские так и не успели создать линию обороны Калининского фронта.

15 октября Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». В постановлении указывалось, что сам Сталин покинет Москву на следующий день или позднее, в зависимости от обстановки. Правительство должно было эвакуироваться в тот же день. Москвичи же были уверены, что правительство из Москвы уже уехало. В московских очередях за продуктами говорили, что немцы сбрасывают листовки: «Ля-

¹ Ракобольская И. В., Кравицова Н. Ф. Указ. соч. С. 159.

жете спать советскими, а встанете немецкими». Именно так случилось в Орле. Молодая москвичка писала в своем дневнике, что «везде полная растерянность — даже начальство, не говоря уж о подчиненных, не знает, что делать...»¹. Те, кто не собирался уезжать из города, «с утра до вечера смотрели, как уезжает народ» и «как люди теряют человеческий облик»².

Москва, по которой шла маршем «Авиагруппа № 122», была готова к сдаче и дальнейшей подпольной борьбе. В ночь на 16 октября был спешно заминирован Большой театр. Многие заводы, склады, учреждения, мосты, крупнейшие магазины были заминированы раньше. Чтобы интендантские склады не достались немцам, первый секретарь МК и МГК партии А. С. Щербаков распорядился бесплатно раздать москвичам муку, крупы, консервы, теплую одежду и обувь, хотя и был обвинен за это в «упадническом настроении»³. Вход в Кремль был заложен бревнами, а сам Кремль стал неузнаваем не только с воздуха, но и изнутри. На его стены надстроили макеты, и казалось, что это обычные городские дома. Рядом построили бутафорский мост через Москву-реку. Крыши и открытые фасады кремлевских зданий и стен перекрасили. Красные звезды больше не сияли над башнями: их закрыли деревянными щитами, а кресты с кремлевских куполов сняли⁴. Вокруг Мавзолея был построен бутафорский особняк из ткани, дерева и картона. Впрочем, мавзолей уже давно был пуст.

Советскую святыню — тело Ленина — еще 3 июля вывезли особым поездом в Тюмень. Кроме тела были вывезены сердце Ленина, пуля, которая осталась в его теле после покушения эсерки Фанни Каплан, и препараты мозга⁵. С телом отправился его главный хранитель профессор Б. И. Збарский с целым кол-

¹ Краузе И. Дневник // Известия. 2009. 16 октября.

² Краузе И. Указ. соч.

³ Репин Л. Указ. соч.

⁴ Лубянка в дни Битвы за Москву. С. 31–32.

⁵ Там же. С. 42–44.

лективом сотрудников. Разместившись вместе с реликвией в удаленном от чужих глаз большом доме под охраной милиции и НКВД, Збарский докладывал правительству, что «его работа» — то есть тело Ленина — «имеет прекрасное состояние»¹.

Напуганное быстрым наступлением немцев советское начальство спешило за телом своего вождя. Начальники до потолка нагружали черные эмки вещами и пробивались по шоссе Энтузиастов на восток. Рядом с ними двигались на машинах, телегах, велосипедах или пешком, обвешанные узлами и котомками, сотни тысяч людей.

Проехать становилось все сложнее, люди приходили в отчаяние. Движение никто не регулировал. Начались массовые погромы: разъяренная толпа останавливала автомобили с начальством, грабила их, а потом сбрасывала в кювет. Погромы шли в ночь с 15 на 16 октября и в Москве. Люди разбивали витрины, выламывали двери и выносили все из промтоварных и продовольственных магазинов. Мгновенно возникли банды мародеров, которые самовольно занимали квартиры эвакуированных, расхищали вещи и ценности со складов и предприятий. Толпу подогрела полная безнаказанность и неожиданно свалившаяся свобода.

16 октября заговорило долго молчавшее московское радио. Диктор объявил, что Москва находится в угрожающем положении и всем жителям предлагается покинуть город.

Порядок восстановили через пару дней, справившись с паническими настроениями. Сталин, вопреки слухам, остался в городе, хотя Москва находилась в непосредственной опасности еще месяц.

В такт нестройному шагу позвякивали привязанные к рюкзакам котелки. На боку болтались пустые кобуры, фляги, противогазные сумки. Старались идти в ногу, но ходить по-воен-

¹ Лубянка в дни Битвы за Москву. С. 42–44.

Любовь Виноградова

ному пока не очень получалось. Было очень холодно, в лицо летел колючий снежок. Они шагали мимо неподвижных, занесенных снегом трамваев, мимо станций метро, которые теперь превратились в бомбоубежища, мимо скверов с зенитками, мимо закрытых магазинов. Пройдя через толпу людей на платформу Казанского вокзала, долго грузили в вагоны матрасы, мешки и продовольствие. Выехали только к вечеру. Нашлась и подходящая песня:

*Прощай, прощай, Москва родная,
На бой с врагами уезжаю я...¹*

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч., интернет-версия.

Глава 2

У меня пока что и биографии не было...

«**З**А ГОРАМИ, ЗА ЛЕСАМИ, ЗА ШИРОКИМИ МОРЯМИ, НЕ на небе, на земле...» — читала наизусть тонким певучим голосом Женя Руднева. Сказка Ершова «Конек-Горбун» была одной из книг, которые все любили, но наизусть никто не мог выучить: слишком уж длинная. Только Женя помнила. Долгий путь в вагоне коротали за песнями и сказками, подключались многие — Валя Краснощекова читала сказки Пушкина: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...» — но больше всех рассказывала Женя, знавшая неисчерпаемое количество сказок, мифов и стихов. День за днем колеса то стучали, то умолкали в станционных тупиках, день за днем Женя рассказывала сказки о рыцарях и прекрасных дамах, мифы о созвездиях, читала стихи, пересказывала книги, и товарищам даже не верилось, что столько всего может вместить одна голова. Новые подруги, сидя вокруг нее, слушали и слушали, всматривались в Женино лицо. То, что Женя не похожа на других, было понятно сразу же.

«Не от мира сего», — сначала подумала про нее Валя. У Жени были большие светлые глаза и длинная, тугая светлая коса, уложенная вокруг головы. Она была невысокого роста,

с тонкой шеей, неуклюжими медлительными движениями. Серо-голубые глаза светились умом и добротой¹.

Женя Руднева пыталась попасть на фронт с первых дней войны. Ее открытое и чувствительное сердце было полно идеалов. Еще школьницей она, посмотрев фильм «Ленин в Октябре», писала в дневнике:

«Я очень хорошо знаю: настанет час, и я смогу умереть за дело моего народа так, как умирали они, безвестные герои из этого чудного фильма!

Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю: все условия создала Советская власть, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело для меня дороже, чем свое личное, именно так я и рассматриваю свою профессию, и если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию, сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком...»²

И такой день настал: Женя, одна из лучших студенток курса в Московском университете, будущий астроном, звезда научного студенческого кружка, «стала бойцом». Единственный ребенок в интеллигентной семье, отец которой в последнее время болел, она не смогла сказать родителям правду: уезжая, соврала, что идет обучать ополченцев пулеметному делу. Родители были изумлены: неужели никого опытнее не нашлось?

Женины родители по советским меркам не были бедными, и так, как сейчас, в товарном вагоне, она еще никогда не ездила. Для многих других девушек, из бедных рабочих семей или из деревни, такое путешествие не было чем-то новым.

Слово «теплушка», которое теперь уже многим непонятно, в первой половине XX века не нужно было никому

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Руднева Е. М. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1995. С. 11.

разъяснять. В таких вагонах, обычных товарных, дощатых, но утепленных двойной обшивкой, с железными печками и нарами, в первой половине XX века перемещались по огромной стране и даже жили миллионы русских. В теплушках возили до революции крестьян осваивать новые земли, после революции — молодежь на комсомольские стройки, высланных — на новое место жительства и, конечно, перевозили, держа по несколько дней без еды и даже воды, миллионы заключенных, которым предстояло строить в тайге новые города и валить лес. В этих вагонах везли на войну здоровых солдат, назад — больных и раненых. Разговорное, придуманное народом слово «теплушка» звучало ласково. В нем была благодарность за тепло: утепленные стены и железную печку, пылающую в центре. Без этой маленькой печки путешествующим пришлось бы тяжело.

Туалета в теплушках не было. Чтобы справить нужду, нужно было попросить подруг подержать тебя за руки и высунуть соответствующую часть тела в открытые двери вагона. Валя Краснощекова запомнила, как у Тани Сумароковой соскользнула нога и ее чуть не уронили. Оправившись от испуга, все, в первую очередь сама Танька, долго хохотали¹. Путешествие все не кончалось, но никому не приходило в голову жаловаться. Теперь они были солдатами, а солдат не возят в мягких вагонах.

Главное — поскорее выучиться, скорее попасть на войну. О фронте они, как и сама Раскова, имели отдаленное представление и, хотя немцы уже дошли до Москвы, очень боялись, что война кончится без них. Когда состав останавливался на дальних путях какой-нибудь станции, Раскова немедленно отправлялась к военному коменданту, чтобы требовать как можно более быстрой отправки. Ее лицо, которое узнавали сразу (в жизни оно оказывалось красивее, чем на фотогра-

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Калуга, 2011.

фиях), уверенная манера держаться мгновенно оказывали действие. Начальники давали обещание отправить состав при первой же возможности. Но до начальников еще надо было добраться. Как попасть к станционному зданию, если эшелон стоит на самых дальних путях, а остальные заняты другими поездами? Что делать на обычной для того времени советской узловой станции, где может не быть переходов через десяток пар рельсов, на которых стоят бесконечные поезда? Начальник штаба Милица Казаринова вспоминала, как они с Расковой среди ночи вылезли из поезда и спросили у обходчика, как попасть на станцию. «Да вот отсчитайте под вагонами путей двенадцать — будет станция», — ответил тот.

Раскова тут же полезла под вагоны. Казаринова, торопясь успеть за ней, считала: один состав, второй, третий... потом сбилась со счета. Некоторые поезда маневрировали, приходилось ждать. Военный комендант, увидев Раскову, с удивлением спросил, как они до него добрались. «Под вагонами», — смеясь, ответила Раскова. Комендант только головой покачал. Раскова отлично знала, что поезда в любой момент могли начать двигаться и задавить ее, но рисковать и своей жизнью, и чужими она давно привыкла. «Мы на фронт торопимся!» — других объяснений не требовалось¹.

Но быстро доехать все равно не получалось. Состав стоял и стоял на запасных путях, пропуская другие, более срочные поезда. В разных направлениях в таких же теплушках ехала вся страна. На запад без конца шли воинские эшелоны, на восток везли раненых и эвакуирующихся, перевозили целые заводы со всем оборудованием.

В пути кормили именно так, как будут кормить потом и в Энгельсе, и на войне, до открытия второго фронта: серым хлебом, селедкой, пшенной кашей, которую давали иногда на

¹ В небе фронтовом: Сб. воспоминаний советских летчиц — участниц Великой Отечественной войны. М., 2008. С. 18.

остановках. Вместо чая был кипяток, но это было не страшно: у многих из них был за плечами если не настоящий голод, то жизнь впроголодь. Помыться в дороге было, конечно, никак нельзя, постирать тоже. Захваченная из дома смена белья давно уже была грязная, переодеться не во что. Хотя брать с собой что-то из гражданской одежды не запрещали, мало кто взял с собой что-либо кроме смены белья. Зачем? На фронте это не нужно, пусть останется младшей сестре или продаст мама, если тяжело придется. Излишнюю привязанность к материальным объектам советская идеология осуждала, объявляла мещанством. Строителям коммунизма не пристало дорожить тряпками. Да и тряпок у них почти никаких не было, большинство, как будущая летчица-истребитель Валя Петроченкова, выросли в нищете.

Валя летом 1941 года просилась на войну, но ей отказали, сказав, что ее задача — готовить пилотов для фронта. Уезжая на новое место работы, она успела на пару часов заехать в комнату в Москве, где ютились родители с младшими детьми. Проводила восемнадцатилетнюю дочку в большую жизнь, на опасную и трудную взрослую работу мама только добрым словом. Она смогла дать Вале с собой только немного сухарей. Больше дать было нечего: ни рубашки, ни подушечки, ни полотенца. У Вали теперь была аэроклубовская форма — единственное платье можно было оставить младшей сестре. Она была старшая и надеялась, как только сможет, начать помогать семье.

Приехав на место службы, новый инструктор застала там полный хаос. Мужчины-инструктора почти все ушли на фронт, судьба аэроклуба была непонятна, на довольствие ее не ставили. И полтора месяца, пока не разобрались, она так и прожила: питаясь кое-как, проводя ночи на соломенном тюфяке в пристройке к сараю, не имея ни одеяла, ни подушки, ни простыни, ни полотенца, ни смены белья, ни какой-либо одежды кроме той, что была на ней. Одежду она терла мокрой тряпкой,

белье ночью сушила под собой и утром надевала сырое. У нее было тридцать курсантов, молодых парней, из них она должна была сделать десантников-парашютистов. Некоторые ей ровесники, другие — старше. А Валя, красавица с темными яркими глазами, темными кудрями, ямочками на щеках, не могла ни переодеться, ни белье сменить, ни поесть вдоволь, ни даже вымыться как следует: мыло дали только через две недели¹.

Валя Абанькина, принятая в «Авиагруппу № 122» Марины Расковой для обучения на авиатехника, тоже оставила дома большую семью и крохотный гардероб. Когда ее попросили написать биографию, она ответила: да у меня пока что биографии и не было. Какая там биография — родилась, в школе училась да работала на мотоциклетном заводе². Но теперь в ее биографии, как и в биографиях всех юных солдат Марины Расковой, начала писаться самая трудная и опасная, но и самая яркая, главная за всю их жизнь страница — ВОЙНА.

В первый день, пока все не перезнакомились, будущие техники и вооруженцы держались кучками: девушки с мотоциклетного завода, девушки с авиационного завода, девушки из пединститута, девушки из МГУ. Помимо Жени Рудневой на сборный пункт Расковой пришло еще шестнадцать девушек из Московского университета — студентки и аспирантки с математического, физического, химического, географического и исторического факультетов. Саша Макунина была самой старшей, самой зрелой.

Война застала ее в геологической экспедиции на Урале, в таком отдаленном месте, что она узнала о нападении немцев только через три дня. Саша, «невысокая глазастая девушка», умела пилотировать планеры и прыгала с парашютом. Она

¹ *Петроченкова-Неминущая В.А.* Интервью автору. Чкаловская, сентябрь 2009.

² *Полунина Е.К.* Девчонки, подружки, летчицы. М., 1999. С. 93.

выбрала в университете географический факультет потому, что профессия географа обещала путешествия, открытия и приключения. Но война была приключением почище любой экспедиции. Когда Саша ехала с Урала, все мысли были о том, чтобы поскорее добраться до Москвы: как большинство советских людей, она была уверена, что война продлится самое большое две недели, немцев будут бить исключительно на их собственной территории и долго им не продержаться. Так что главное — успеть повоевать.

В октябре сорок первого конце войне еще не было видно, но Сашин первоначальный настрой — как можно скорее и в любом качестве принять в ней участие — не изменился. 10 октября подруга Ира Ракобольская вызвала ее с занятий со студентами. «Берут добровольцами. Давай побыстрее. Сбор в шесть»¹. Мать уже уехала в эвакуацию, убитый новостью отец не мог возражать против Сашиного решения, только тихо спросил: «Значит, и девчонки уходят?» Соседки по коммунальной квартире организовали проводы не хуже мамы: поплакали, собрали нехитрый вещмешок, насушили сухари и нагладили белье.

В бесконечном путешествии студентки и заводские девчонки знакомились, пели песни, говорили без конца. Рассказывали об оставшихся в тылу родных, о своих заводах и вузах, о том, что будут делать, когда кончится война, но, главное, о том, что у Расковой они непременно хотят выучиться на летчиц или штурманов. С ними в поезде, в каком-то другом вагоне, ехали и настоящие, профессиональные, летчицы, которым нужно только переучиться на боевые самолеты. Всем было очень интересно — какие они. Вчерашним девчонкам-студенткам летчицы казались совершенно особыми существами — намного старше, неизмеримо опытнее и смелее, умнее и образованнее. Если Раскова была богиней, то летчицы были полубогини.

¹ *Полунина Е. К.* Указ. соч. С. 93.

На самом же деле летчицы оказались совсем земными. Мало кто из них даже окончил десятилетку, большинство пришли в аэроклубы с производства, с заводов, из мастерских — как Катя Буданова.

Кате, активной и смышленной деревенской девчонке, досталось тяжелое детство. Она была еще маленькая, когда умер отец, и мать, которая не могла прокормить большую семью, отправила девятилетнюю дочку работать, нянчить чьих-то детей. Катя отдыхала от работы только в школе. После семи классов сельской школы ее отправили в Москву к старшей сестре. Там она пошла работать на авиационный завод слесарем и активно включилась в комсомольскую жизнь: проводила мероприятия, работала с пионерами и вместе с подругой Ниной Соловей организовала заводскую лыжную команду. Но, что самое главное, Катя наконец-то начала двигаться к своей давней мечте: поступила в аэроклуб. После аэроклуба была летная школа, где Катя осталась работать инструктором, были выступления на авиационных парадах и немалое количество прыжков с парашютом¹. Пошла совсем другая жизнь. У Кати появился реглан — длинное кожаное пальто, полы которого застегивались вокруг ног, так что можно было надевать парашют. Реглан был мечтой каждого летчика, а об отдельной комнате в Сивцевом Вражке, которую Катя тоже получила как летчик, никто и не мечтал, это по тем временам была неслыханная роскошь. В характере Кати, по словам ее знакомых, появился некоторый гонор, заносчивость, которых раньше за ней не замечали. Деревенская девчонка, рабочая завода, стала летчицей.

Где в облаках, верша полет... —

¹ Катюша. К 90-летию со дня рождения Екатерины Будановой. Вязьма, б.г. С. 41–45.

заводила Катя низким красивым голосом, и будущие военные летчицы подхватывали. И позже, думая о погибшей в 1943 году Кате, девушки из полков Расковой вспоминали Катин красивый сильный голос, песни, которые она так часто и охотно пела, ее густые вьющиеся волосы и белозубую улыбку.

Еще в поезде многие обратили внимание на стройную, невысокого роста красивую девушку, которая в мужской военной форме ничем не походила на мальчика. У нее были светло-русые вьющиеся волосы, зеленые глаза, изящная фигура и уверенная, красивая походка. Девушку звали Лидия, но она всегда представлялась Лилей, так ей больше нравилось. Она тоже была летчицей, только не знаменитостью, не как Катя. Куда ей было тягаться с прославленной пятеркой Евгении Прохоровой, которая, как говорили, тоже сейчас ехала к Расковой! Этих девушек знала вся страна по воздушным парадам, которые проводили на аэродроме в Тушине каждый год в день авиации, 18 августа.

«Женщины-пилоты Попова, Беляева, Хомякова, Глуховцева. Их ведет рекордсменка мира по планерному спорту Евгения Прохорова, — объявлял диктор. — Сейчас смелая пятерка покажет свое искусство». И пять маленьких самолетов, выстроившись в треугольник совсем близко один к другому, начинали выписывать в воздухе фигуры высшего пилотажа, рисовать петли, ни на секунду не нарушая совершенного строя. «Как будто один человек управляет пятью самолетами», — восторженно комментировал диктор.

В восторге была и публика. С трибуны Центрального московского аэроклуба наблюдало приехавшее на черных эмках правительство. Все были одеты в белое: белые гражданские костюмы или белые военные френчи с фуражками, даже обувь была белая. Только Сталин был в неизменном френче цвета хаки. Все обсуждали полеты, жестикулировали, имити-

руя движение самолетов. Здесь же была и Валентина Гризодубова, с модной прической, в светлом платье, и, на голову ниже, Раскова, в неизменной военной форме и берете. Они оживленно разговаривали о чем-то, смеялись, позируя камере. Как и все в этот день, они были радостно взволнованы¹.

На поле, на холмах вокруг аэродрома, рассаживалось согласно с трудом добытым билетам прямо на траве, разделенной белыми канатами на квадраты, несметное множество зрителей. Они добирались на этот дальний аэродром на трамваях, забитых людьми внутри и обвешанных ими снаружи, в кузовах грузовиков, даже пешком.

Самолеты писали в небе: «Слава Сталину!» С огромных флагов, которые они поднимали в небо, смотрело лицо Сталина в три четверти оборота — его самый выгодный ракурс. Диктор вещал о сталинских соколах, заявляя, что «с именем Сталина по первому зову партии и правительства ринется в бой на защиту советских рубежей орлиная стая советских летчиков, и враг будет уничтожен на его же территории».

И Женя Прохорова, неизменная участница парадов, всенародно известная летчица, пошла защищать свою страну именно так, «по первому зову партии и правительства». Пятёрка распалась: с Женей поехали в Энгельс только Рая Беляева и Лера Хомякова. Все трое погибли.

Несмотря на все старания Расковой, путешествие в восемьсот километров заняло десять дней. Она очень быстро поняла, что пройдет много времени, прежде чем ее подопечные станут настоящими солдатами. До погрузки в эшелон Казаринова пошла проверить караулы, выставленные у еще непогруженного имущества «Авиагруппы № 122». Разводящий караула Катя Буданова спокойно спала, лежа на столе в холодном сарайчике. Отправившись с ней к имуществу — штабелям ящи-

¹ Хроника авиационного парада в Тушине на YouTube.

ков, мешков и матрасов, Казаринова не увидела ни одного часового ни на одном из постов. Когда кончилась воздушная тревога и умолкли зенитки, Буданова наконец докричалась до своих часовых и те высунули сонные головы из груды матрасов, в которые спрятались, как они объяснили, от холода. Услышав от Казариновой о пропавших часовых, Раскова от души смеялась и сказала Казариновой: «Вы, капитан, хотите, чтобы они сразу стали военными, а это не так просто»¹.

За эту дорогу Марина Раскова много передумала и приняла несколько важных решений относительно своих девушек. В том числе и о том, что у ее солдат не будет кос².

На одной из остановок она наблюдала, как две девушки в военной форме выпрыгнули из поезда и побежали вдоль состава. Увидев Раскову и Казаринову, они остановились, чтобы попросить разрешения отправить письма. Раскова разрешила, и они, взявшись за руки, побежали дальше. На непокрытых головах развевались длинные, свалявшиеся за время долгой дороги кудри. Казаринова заметила, что боится, как бы они не попались на глаза коменданту станции без головного убора. Длинные волосы, по ее мнению, не следовало допускать в военной части. Вздохнув, Раскова велела ей составить проект приказа: всему личному составу по прибытии в Энгельс коротко подстричься.

Выбегая на остановках, девушки отправляли письма домой, в мирную жизнь, частью которой они были еще несколько дней назад. Торопясь назад в свой вагон, спрашивали у людей на платформе, какие новости. Что на фронтах? Держится ли Москва?

¹ В небе фронтовом. С. 15.

² Там же.

Глава 3

Деточки, на кого же вы нас покидаете?

«**К**ак там Москва?» — постоянно спрашивали радистов в эскадрилье Ани Егоровой: эскадрилья формировалась под Москвой, и в ней было много москвичей. Немцев в первые дни после отъезда Расковой из Москвы потеснили от города, но очень скоро они снова начали наступать. 19 октября в столице было введено осадное положение. В постановлении Государственного Комитета Обороны говорилось: «Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»¹. 20 октября сдались в плен окруженные при наступлении немецких танковых частей на Москву части Брянского фронта. Жалкий вид советских военнопленных поразил даже командовавшего наступлением генерал-фельдмаршала фон Бока, который записал: «Впечатление от созерцания десятков тысяч русских военнопленных, тащившихся почти без охраны

¹ Приказ № 813 «Об осадном положении» Государственного Комитета Обороны. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 167, 168.

в сторону Смоленска, ужасное. Эти смертельно уставшие и страдавшие от недоедания несчастные люди брели бесконечными колоннами по дороге мимо моей машины. Некоторые падали и умирали прямо на шоссе от полученных в боях ран»¹.

Ближе к концу октября немецкое наступление замедлилось от больших дождей, сделавших многие дороги непроезжими. Вскоре после этого начались морозы, подорвавшие нравственные силы не привыкших к таким испытаниям немцев. 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, свежие части, пройдя парадом по Красной площади, уходили прямо в бой, защищать Москву. Вместе с ними шли московские ополченцы, которых не призвали в регулярную армию из-за немолодого возраста, плохого здоровья или важной для страны профессиональной деятельности. Кто-то из них был уже в военном обмундировании, часто неновом, кто-то в телогрейке, кто-то в гражданском пальто; кто в шапке-ушанке, кто в фуражке, а кто-то даже в шляпе. Большинство из них шли на смерть: считается, что из ста двадцати тысяч московских ополченцев погибло сто², но сколько их было, сколько погибло, никто точно не знает.

Возможное падение Москвы представлялось колоссальной катастрофой, равносильной проигранной войне. Аня Егорова пыталась представить, что тогда будет, и не могла. Для нее, строившей первые станции московского метро, этот город уже стал родным.

Она приехала в Москву к старшему брату длинноногим подростком в вылинявшем пионерском галстуке и сшитых дядей сапогах с резинками. Здесь была необыкновенная, быстрая, большая жизнь, так непохожая на жизнь ее деревни в глухих тверских лесах. Мама отпустила ее с условием, что

¹ Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы.

² Москва прифронтовая. 1941–1942. М., 2010.

Аня будет учиться в институте, но комсомол звал на стройки. И главной стройкой для каждого москвича в предвоенные годы стало метро.

Сталин решил: московское метро не будет утилитарно, как в других европейских столицах, где бесцветные, с простой отделкой станции похожи одна на другую. Московское метро будет самым технически совершенным и самым красивым в мире, совершенно непохожим на метро других стран. Пусть люди живут в деревне в примитивных избах, а в Москве ютятся в переполненных бараках без воды и туалета, в коммунальных квартирах по десять человек в одной комнате. Метро ведь тоже принадлежит народу, а значит, каждый, зайдя на станцию, которая красотой и богатством ничем не уступает дворцам прежней знати, будет счастлив и горд за свое государство, а следовательно, и за себя.

К строительству и оформлению метро привлекли лучших архитекторов, скульпторов и художников, для подземных станций не жалели ни привезенного за тысячи километров мрамора, ни хрусталя, ни позолоты. Советские идеологи считали правильно: подземные дворцы должны были заменить разрушенные советским строем церкви, одновременно возвышая человека и подавляя его, внушая благоговение перед новым божеством — маленьким сухоруким рябым человеком.

Из всех строек одержимого гигантоманией Сталина метро стало единственной, где не использовали заключенных ГУЛАГа: его строили комсомольцы и комсомолки. Неженских специальностей в то время не существовало. Аня Егорова стала на строительстве станции метро «Красные Ворота» арматурщицей: вместе с другими девушками носила металлическую арматуру на плечах, согнувшись под огромной тяжестью груза. Никто не жаловался, они считали нужным доказать, что девушкам по плечу любой мужской труд. Потом Аня и почти все остальные освоили другие строительные специ-

альности: стройка подходила к концу, нужны были облицовщики и штукатуры. Люди учились, потому что им хотелось возводить «свои» станции метро от начала и до конца.

Когда в октябре 1934 года в Москве прошел первый поезд из двух красных вагонов, Аня с товарищами бежали за ним, обнимались, плясали. 6 февраля 1935 года строители промчались через тринадцать «своих» станций, первых станций советского метро¹.

В шестнадцать лет Аня начала заниматься в аэроклубе и, работая в шахтах самых глубоких московских станций, без конца мечтала о полетах в небе. После занятий на планерах и учебном самолете У-2 и первых прыжков с парашютом она решила поступать в летное училище — и поступила. С блеском сдала экзамены, прошла придирчивую медкомиссию и стала курсантом летной школы. Только учиться не дали: почти сразу же после начала учебы начальству стало известно, что старший брат Ани Василий репрессирован. Из школы ее выгнали в тот же день.

Авиационную школу она все-таки окончила, только Херсонскую: помогли добрые люди. После школы до самой войны Аня Егорова работала инструктором в аэроклубе Калинина, поближе к маме и родной деревне. Воскресным утром 22 июня, сидя с подругами на высоком берегу Волги, она услышала по радио с проплывающего теплохода: война. В ту же минуту Аня знала: она сделает все, чтобы летать на фронте. Как военная летчица она сможет больше сделать для родины, которая столько ей дала. В боевых вылетах она сможет показать, каких высот летного мастерства достигла за годы учебы и инструкторской работы.

В военкомате Егоровой сказали то же, что говорили и другим летчицам: повоевать успеете, сейчас нужно готовить кадры для фронта. И отправили работать инструктором

¹ Тимофеева-Егорова А. А. Небо. Штурмовик. Девушка. М., 2007. С. 31.

в аэроклуб города Сталино¹. Но уже по дороге она узнала, что никакого аэроклуба, и не только его, в Сталино больше нет. Заводы, институты, организации и людей из города эвакуировали. В Сталино, столицу угольного бассейна, должны были вот-вот войти немцы.

Приехав в Сталино, Аня прошла по пустому зданию аэроклуба и от нечего делать сходила на последний спектакль оперного театра. За день до своей эвакуации театр давал «Кармен». Но спектакль Аня смотрела «как через стекло», не волновали сердце ни любовь, ни смерть. На следующий день ей очень повезло: она встретила «купца» — старшего лейтенанта из летной части, приехавшего за летчиками в аэроклуб и в госпиталь. Она предложила «купцу» свою кандидатуру, чем очень его удивила. Но в конце концов вместе с другими ей удалось попасть в эскадрилью связи Южного фронта: взяли, конечно, неохотно, но в хаосе отступления искать летчиков-мужчин было некогда. К тому времени, когда немцы подошли к Москве, Аня уже месяц летала у самой линии фронта: возила приказы в отступающие части, перевозила связных офицеров, устанавливала местоположение войск. Летала она на том же самолете У-2, на котором училась в аэроклубе и на котором сама учила курсантов. Этот легонький биплан — то есть самолет с двухэтажными, как этажерка, крыльями — конструктор Поликарпов придумал в тридцатых годах как учебный. Именно на нем учились летать все герои и героини этой книги. В У-2 было две кабины — для ученика и для инструктора, в каждой из них было управление. Когда инструктор закрывал, что ученик в состоянии вылететь один, в заднюю кабину ему клали балласт — мешок с песком, который прозвали Иван Иваныч. Самолет был маленький, легкий, тихходный, делали У-2 из фанеры и перкали, так что и стоил он совсем дешево. Претензий к нему не было и раньше, но только с на-

¹ До и после — Донецк.

чалом войны, когда У-2 из аэроклубов мобилизовали для фронта, поняли до конца, насколько это удачный, незаменимый самолет. Маленький У-2 — «кукурузник», «уточка», или, как прозвали его немцы, «рус-фанер», стал незаменимой рабочей лошадкой войны. На нем возили раненых, с его помощью осуществляли связь, сбрасывали грузы для окруженцев и партизан и даже, научившись подвешивать ему под крылья бомбы, использовали как ночной бомбардировщик. Не требующий пространства для разгона, он мог взлететь даже с небольшой поляны в лесу и приземлиться на шоссе.

Н. Н. Поликарпова, конструктора столь полезного маленького самолета, родина отблагодарила своеобразно. Он был репрессирован первым из советских авиаконструкторов. Скорее всего, «помогло» его непролетарское происхождение: отец Поликарпова был священником¹. Свои следующие самолеты он разрабатывал в тюремном конструкторском бюро, которое, по мнению руководителей НКВД, должно было намного превзойти по своим успехам гражданские организации, так как конструкторов там ничто не отвлекало и они могли сосредоточиться на работе. «... Только условия работы в военизированной обстановке способны обеспечить эффективную деятельность специалистов в противовес разлагающей обстановке гражданских учреждений», — написал когда-то в письме Молотову стоявший у истоков сталинских репрессий Генрих Ягода². Поликарпову повезло: за успешные испытания сконструированного под его руководством истребителя И-5, который показал Сталину любимец советского народа и властей летчик Валерий Чкалов, он был амнистирован. Конструкторы Туполев и Петляков провели в тюрьмах гораздо более долгие сроки, а создатель космического ко-

¹ Григорян В. Два неба конструктора Поликарпова: Беседа с исследователем жизни и творчества Н. Н. Поликарпова В. П. Ивановым // Вера. Христианская газета Севера России // www.rusvera.mrezha.ru/645/5.htm

² Бешанов В. Летящие гробы Сталина. М., 2011. С. 32.

рабля, на котором полетел в космос Юрий Гагарин, Сергей Королев, умер бы в ГУЛАГе, если бы его не спас вызов на работу в тюремное КБ.

Ловкий маленький У-2 сейчас казался летавшей на нем у линии фронта Ане Егоровой совершенно беззащитным. В любой момент можно было встретить немецкий истребитель, а сбить У-2 можно было даже из винтовки. От немецкого истребителя не уйдешь — нет скорости. Одно спасение при дневном полете — нырнуть к земле как можно ниже, лететь на бреющем полете...

Отступающие по территории Украины советские войска не были похожи на армию. Части, на поиски которых вылетала Аня, двигались не колоннами, а отдельными группами. Истощенные и измученные, в оборванной одежде, они еле шли, таща на себе оружие и раненых. Увидев красноезвездный самолетик, солдаты махали ему руками, пилотками, касками: самолет вселял надежду. Несколько раз приходилось садиться в селах, уже чуть ли не в тылу у немцев. Но маленький У-2 всегда выручал, взлетая почти без разбега, взлетая даже с дырами в крыльях.

Узнав, что привезла приказ об отступлении, Аня всегда недоумевала: зачем он нужен, когда армия давно отступила? На аэродроме в Харькове, куда она летала в штаб Юго-Западного фронта, была полная неразбериха. Тут Аня впервые узнала, что самолет на войне могут угнать с такой же легкостью, как лошадь¹.

Летчик из ее эскадрильи прилетел в Харьков с секретной почтой, но, когда собрался лететь обратно, не нашел своего самолета. По стоянке бродило много «безлошадных» летчиков: кто-то потерял машину в бою, кто-то и без боя — огромное количество машин немцы разбомбили прямо на аэродромах.

¹ Тимофеева-Егорова А. А. Указ. соч.

Аню с товарищем отправили искать пропавший самолет, но ничего не получалось, и они собрались в обратный путь. Но когда на аэродроме в Чугуеве, после напрасных попыток получить какую-то еду в столовой, Аня вернулась к своему У-2, к ее огромному удивлению, в кабине сидел какой-то майор и кричал: «Контакт!» — а второй летчик, тоже майор, тянул руками за винт, помогая завести мотор. На смену удивлению пришла ярость: забыв о субординации, Егорова вскочила на крыло своего самолета и начала лупить майора кулаками, крича: «Ворюга! Ворюга! Как не стыдно?!»

Майор отреагировал спокойно: повернулся к ней и сказал: «Ну что кричишь, как на базаре? Сказала бы по-человечески, что это твой самолет, — и мы уйдем искать другой, ничейный». Когда майоры пошли прочь со стоянки — один широкими шагами, другой семеня, Ане их почему-то даже стало жалко...

Уцелевший на войне пилот У-2 рассказывал о своих приключениях на фронте, а его жена, прошедшая всю войну в наземной части, нет-нет да и напоминала ему, что, перелетая с аэродрома на аэродром с шоколадкой «Кола»¹, он не видел тяжелых и грязных сторон войны. Страшную, тяжелую и грязную войну, без романтики и крыльев, видели солдаты тех частей, на которые Аня Егорова смотрела сверху в горькие дни отступления. Среди этих подавленных, измученных людей, отступавших от Харькова, шагала в больших не по размеру сапогах восемнадцатилетняя Аня Скоробогатова. Аня была очень невысокого роста, с прямым носом, густыми темными волосами и живыми, голубыми, как незабудки, глазами. Она с детства хотела быть летчиком и окончила аэроклуб².

¹ Цагаряев В. Один век Андрея Цагаряева// www.anaharsis.ru/kultur/tsagar/tsag_5.htm. Летчиков У-2, в особенности выполнявших ночные вылеты, снабжали этим особым шоколадом, чтобы прибавить им бодрости.

² Скоробогатова А. М. Интервью автору. Санкт-Петербург, июнь 2011.

Но когда началась война и она пошла в военкомат, там объяснили: девушек летчиками пока не берут, хотите — идите на курсы радисток для авиационных частей. Ане Скоробогатовой годилось и это: она будет работать в боевых летных частях и, кто знает, может быть, там все же найдут применение ее летному опыту.

В Харькове, куда их отправили на курсы радистов, спокойной учебы не вышло. На улицах красивого города появлялось все больше военной техники, городские больницы переполнили раненые, днем и ночью доносился далекий грохот — «голос войны». Войска отступали к Сталинграду. Именно это отступление, а не бои многие запомнили как самое тяжелое время за всю войну. Солдаты шли голодные и измученные, многие совершенно потеряли боевой дух. Командир отделения разведчиков Владимир Пивоваров вспоминал, как по дороге они с товарищами нашли пасеку и в мгновение ока разобрали соты и наелись меда. Тут им еще сильнее, чем до этого, захотелось пить. Очень некстати раздались крики: «Коммунисты и комсомольцы — вперед с оружием!» — где-то рядом были немцы. Но когда, выдвинувшись, они увидели перед собой маленькое озерцо, им сразу стало не до немцев и не до своих командиров. Все бросились пить, взбаламутив воду в этой луже¹.

С войсками отступали и Анины курсы радистов. Приказ об эвакуации курсов в город Россошь, находившийся в степи между Харьковом и Сталинградом, Аня восприняла болезненно. Он означал, что ей придется уехать еще дальше от родителей. Она оставила их в деревне рядом с Таганрогом. Ей было еще так мало лет, а опереться уже не на кого. Начиналась — и как начиналась! — взрослая жизнь.

На курсах Аня Скоробогатова близко подружилась с тремя девушками: Фридой Кац из Гомеля, Аней Стобовой

¹ Шеваров Д. О Владимире Пивоварове // Дружба народов. 2010. № 5, интернет-версия.

Глава 3. Деточки, на кого же вы нас покидаете?

из Полтавы и Леной Бачул из Молдавии. Их сразу прозвали «четыре сестры», и они договорились всю жизнь не бросать друг друга. С войны вернулась только Аня Скоробогатова.

Курсантов вооружили — выдали по ржавой винтовке. Патронов не было. Впрочем, стрелять их все равно еще не учили. Дали сапоги и шинели «на вырост» и велели собрать вещмешки. Перед уходом из Харькова Аня отправила письмо маме, не зная, дойдет ли оно. Письмо было в стихах — банальное, пафосное, искреннее послание, заканчивавшееся словами: «Итак, прощай, с победой жди меня!» Их группа, около ста парней и девушек, прошла пешком двести пятьдесят километров до Россоши. Сначала шли днем. Было страшно. Над головой на бреющем полете летали самолеты с крестами на крыльях. В селах, через которые они проходили, женщины кормили их вареной кукурузой, а сами плакали: «Деточки, на кого же вы нас покидаете?» Вместе с ними шли беженцы, нагруженные бедным скарбом, тащили детей, гнали коров. Пошли дожди, и они целый день шли мокрые. Потом командиры решили, что днем идти слишком опасно. Теперь они целый день отдыхали где-то в сарае и шли дальше с наступлением темноты. Ночью идти было сложнее, с непривычки они засыпали прямо на ходу. А в ушах все раздавался плач деревенских женщин: «Куда же вы, деточки?»

Когда они наконец дошли до Россоши, выяснилось, что город, который недавно был в глубоком тылу, уже не так далеко от линии фронта: немцы тоже не стояли на месте. До Сталинграда остался один переход через Дон.

Они снова начали учить «микрофон и морзянку», то есть прием и передачу по радио. Аня прикидывала, сколько еще осталось учиться, и намеревалась требовать, чтобы ее после курсов отправили радисткой в авиачасть. Она не теряла надежды летать¹.

¹ Скоробогатова А. М. Интервью Олегу Корытову//www.iremember.ru

Глава 4

Разве можно снимать такое горе?

В ЭНГЕЛЬС «АВИАГРУППА № 122» ПРИБЫЛА НОЧЬЮ. На платформе — ни души. Дождь, туман, ни одного огонька. «Да Энгельс ли это?» — сомневалась Раскова¹. Но когда, поблуждав в темноте, она нашла дежурного по военному гарнизону, оказалось, что в Энгельсе их ждали. Дежурный показал общежитие: спортивный зал Дома офицеров, где, как и в вагоне, девушкам предстояло спать на двухэтажных нарах. Расковой приготовили уютную комнатку с широкой кроватью и ковром, которую она обозвала «будуаром», ковер приказала убрать, а кровать заменить двумя узкими койками — для себя и начальника штаба.

С огромным удовольствием поев после бесконечного сухого пайка в поезде в гарнизонной столовой горячую «блондинку» — так прозвали пшеничную кашу, девушки начали устраиваться на новом месте. Мужчины из других авиационных частей, расквартированных в авиагарнизоне, конечно, «очень развлекались на их счет»². Полностью женская часть,

¹ *В небе фронтовом.* С. 18.

² *Краснощекова В. Н.* Интервью автору.

да еще и авиационная, была явлением невиданным, и люди реагировали на нее самым непредсказуемым образом. Между собой мужчины сразу же прозвали девушек из части Расковой «Дуньками». Когда комсорг, серьезная круглолицая Нина Ивакина, сообщила старшему лейтенанту-преподавателю, что является политработником части, тот «сделал удивленные большие глаза и воскликнул: “Как? У вас есть даже и политработники? Совсем как в настоящем полку?..”» Вера Ломако, услышав, как ребята из Энгельсской военной авиационной школы пилотов, глядя на девушек с усмешкой и состраданием, называют их «батальоном смерти», говорила: «Девушки, да вы смотрите на них свысока»¹. Раскова, когда слышала о таком отношении к своим подопечным, только улыбалась. Ее девушки еще успеют всем показать, что они не хуже мужчин.

В сентябре Энгельс был еще в глубоком тылу: немцы уже подошли близко к Волге выше по ее течению, но оттуда до Энгельса больше тысячи километров. В «городишке», как его сразу с пренебрежением стали называть летчицы, шла обычная жизнь военного времени: с проводами на фронт мужчин, с ежедневной борьбой за существование. Становилось голодно: матери маленьких детей готовили и стирали для военных, поставленных к ним на квартиру, если те отдавали им очень небольшое количество манной крупы, которое получали в пайке². Носивший имя одного из основателей коммунистической идеологии городок был, по общему мнению летчиц, «дрянь». «Домишки слеплены из глины, набок головы склонив от старины», — писала в своем дневнике Нина Ивакина. Стены большинства домов и правда были сделаны из глины, перемешанной с соломой и хворостом. В центре было четыре каменных здания: НКВД, горком партии, Дворец пионеров и кинотеатр «Родина». В городе было полно на ред-

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Козьмина М. М. Интервью автору. Красный Луч, Украина, январь 2011.

кость трусливых бродячих собак. В «плохоньких одноэтажных каменных хибарках» расположились городские магазины с сельским барахлом, весьма однообразным, так что навряд ли даже самая заурядная провинциальная кокетка смогла бы удовлетворить свои прихоти¹.

Зато Энгельсский авиационный гарнизон был идеальным местом учебы для летчиков: плоские, как стол, сухие степи, среди которых он лежал, были как один огромный аэродром: приземлиться можно было где угодно (а зимой — и на лед, покрывающий необозримую Волгу). В году было намного больше дней с летной погодой, чем в Центральной России. И фронт был пока что далеко.

Новым домом для девушек стала казарма, где у каждой из них было свое место на нарах, свое серое байковое одеяло, свой соломенный тюфяк. Всех поселили в одном большом зале. Среди них были, конечно, такие, кому условия показались почти невыносимыми, но большинство не привыкли к роскоши. Девушки из крестьянских семей выросли в избах, где мебели никакой не было — только деревянный стол и лавки. Разумеется, ни у кого не было собственной комнаты, разве что родители жили за занавеской или в отдельной, «чистой», половине избы. Остальные спали на печке, на лавках или на полу — стоит ли говорить, что у них не было ни простыней, ни наволочек. Ели все вместе деревянными ложками из одной большой чашки, хлебая суп все по очереди, а мясо, если оно было, делил глава семьи.

Уезжая в город работать на заводах, крестьяне находили себе новое жилье в рабочих бараках, где жили по многу человек в одной комнате безо всяких удобств. Даже те, кому удалось хорошо устроиться в городских квартирах, как правило,

¹ *Ивакина Н.* Дневник комсорга (Приложение к: *Полунина Е.К.* Указ. соч.). М., 1999. С. 4.

жили всей семьей в одной комнате. На кухне у каждой семьи был свой стол и шкафчик, готовили на большой плите, туалет на всех был один, как и раковина с водой, а мыться ходили в баню, так как ванной в квартирах, конечно, не было. До войны многие успели узнать голод.

Знакомство с военным бытом солдаты Расковой начали с того, что из девушек превратились в мальчиков. Первое, что сделала Раскова, привезя своих подопечных в Энгельс, — отправила их в баню и в парикмахерскую. Составленный начальником штаба приказ о стрижке, «вперед на пол-уха», зачитали сразу по прибытии, чуть ли не на платформе. Пожилой парикмахер шелкал ножницами, и на полу постепенно образовался ковер из длинных женских волос — светлых и темных, прямых и вьющихся.

Будущий штурман Наташа Меклин, когда парикмахер, последний раз шелкнув ножницами, отступил от зеркала, увидела мальчишку, смотревшего прямо на нее. «И все же — нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно тарачил на меня глаза...» У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Девушка попробовала пригладить волосы, но они не поддавались. Она оглянулась на мастера, и тот сказал: «Ничего-ничего, это с непривычки. Потом улягутся. Следующий!»

В кресло села Женя Руднева и стала неторопливо расплетать тугую светлую косу. Наконец она тряхнула головой, и по плечам рассыпались длинные золотые волосы. Все кругом застыли: неужели они сейчас упадут на пол? Пожилой парикмахер, поглядывая на Женю, стал молча выдвигать и задвигать ящики. Потом спросил: «Стричь?» Женя удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула¹.

Большинство девушек расстались с косами так же спокойно, как Женя, но кое-кто всплакнул, по своим волосам

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 160, 161.

или по чужим. Чтобы не отрезать косу, требовалось личное разрешение Расковой, но беспокоить ее по таким пустякам осмелились лишь несколько человек. Большинство, жалея об утраченной красоте, понимали после десяти дней в теплушке, что на войне косы не нужны.

В ту осень, забыв русскую поговорку «Коса — девичья краса» и вспоминая другую — «Снявши голову, по волосам не плачут», остригали косы сотни тысяч советских девушек. Стриглись отправляющиеся на фронт санинструкторы, связистки, радисты, зенитчицы, телефонистки и писари. Шура Виноградова, растившая косу все свои восемнадцать с небольшим лет, никогда не думала, что будет умолять окружающих найти ножницы, чтобы избавиться от нее. Она только успела начать работать учительницей в сельской школе, как пришла повестка. На войну не хотелось: жалко было бросать школу, в которой другого учителя не было, жалко было оставлять без помощи семью. Но с военкоматом не поспоришь. А в документах, как она потом увидела, написали, что она пошла на фронт добровольно. К месту службы на Ленинградском фронте Виноградова добиралась бесконечно. Через десять дней появились вши, а еще через пару недель их кишело в косе столько, что она в отчаянии пошла вдоль колонны машин искать ножницы. Косу в конце концов отрезал ей водитель грузовика. Отрезал и бросил поскорее под куст. «Отращу еще, как война кончится», — утешала себя Шура, но, конечно, уже никогда не отрастила. Длинная русая коса, оставшаяся навсегда под кустом в Малой Вишере, вспоминалась ей потом всю жизнь¹.

Разместив свое войско в Доме Красной армии, Раскова незамедлительно начала занятия: самолеты, моторы, вооружение, аэронавигационные дисциплины, строевая подготовка. Еще

¹ Виноградова А. А. Интервью автору. Ярославль, июнь 2011.

при первой встрече начальник авиагарнизона полковник Бадаев сказал, что уже пришел приказ, определяющий номера и наименования полков: 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный и 588-й полк ночных бомбардировщиков. Полки эти пока существовали только на бумаге, людей по ним нужно было распределить. Необходимо было также решить, кто из людей с летным опытом будет летчиком, кто — штурманом, а также кто из не умеющих летать будет учиться на штурмана, кто — на техника. Решения принимали Раскова и Вера Ломако. Обид было много, но авторитет Расковой был настолько высок, а она сама так умно общалась с людьми, что могла убедить любого.

Все ее новые солдаты хотели летать — если не летчиками, то штурманами. Все штурманы хотели быть летчиками. Все летчики хотели стать истребителями. Раскова выслушивала каждого недовольного, который отваживался прийти к ней с просьбой о переводе. С каждым она говорила серьезно и уважительно. Галя Докутович хотела стать летчицей, однако Раскова объяснила ей, как нужны в полку бомбардировщиков штурманы с летным опытом. Напористую круглолицую Фаину Плешивцеву убедили, что, хотя та окончила аэроклуб, для страны сейчас гораздо важнее ее прекрасное знание механической части самолетов: Фаина ушла к Расковой с четвертого курса авиационного института. Плешивцева согласилась, хотя все равно надеялась, что будет летать. Надежду Раскова не убивала, даже подогревала ее. И многие вооруженцы и техники, мечтавшие подняться в небо, не обманулись в своих ожиданиях: шла война, в полку ночных бомбардировщиков техников и вооруженцев переучивали на штурманов, а штурманов — на летчиков, и они занимали места выбывших по болезни, ранению или убитых.

Почти всех профессиональных летчиц с большим налетом, пришедших к Расковой из гражданской авиации или из аэроклубов, где они работали инструкторами, определили

в полк тяжелых бомбардировщиков. Тех, у кого налет был поменьше, записывали в полк легких бомбардировщиков или в штурманы. И только самые лучшие — летчицы-спортсменки с хорошим налетом — могли попасть в истребительный полк. Но все решали контрольные полеты. Не имевшая сама достаточного летного опыта, но обладавшая прекрасной интуицией и отлично разбиравшаяся в людях, Раскова считала, что настоящего истребителя сразу видно по смелости воздушного почерка, по искусству маневра, по блестящему управлению скоростью. Помогала в принятии решений профессиональная летчица-истребитель Вера Ломако, товарищ Расковой по ее первому беспосадочному перелету от Черного до Белого моря. Хотя она пробыла в полку мало из-за испорченного недавней авиакатастрофой здоровья, все отлично запомнили ее колоритную фигуру. Ломако была высокая и коренастая, носила кожаное пальто реглан и сапоги, на голове — шапку-ушанку с серым каракулем. Но главным было, конечно, ее лицо, которое казалось девушкам лицом настоящего воина: твердый взгляд карих глаз, на брови и на носу марлевые накладки. Перед Ломако так робели, что как-то Валя Краснощекова, рапортуя ей о вручении пакета мужу Ломако майору Башмакову (он был военный летчик и в этот момент тоже находился в Энгельсе), назвала его по ошибке «майор Сапогов», разозлив Ломако¹. С мнением Веры Ломако мало кто отваживался спорить. В истребительный полк отобрали тех, в ком она и Раскова угадали мгновенную реакцию, умение нестандартно мыслить, которое сможет спасти летчика в непредвиденной ситуации, и очень большую смелость. Летчик-истребитель по характеру своему — всегда лидер. Ему не на кого рассчитывать, не за кем идти. В кабине он один и рассчитывать может только на себя. Решения в воздушном бою принимаются и выполняются за

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

доли секунды, и, если они оказываются неверными, за них платят очень высокой ценой.

Решения Расковой и Ломако были порой неожиданными: в истребители не взяли опытного инструктора Любу Губину, сказав, что с ее налетом она может водить «самый сложный самолет — тяжелый бомбардировщик». Летчица была разочарована назначением в 587-й полк: разве можно сравнить полеты даже на самом современном бомбардировщике с работой истребителя, с пилотажем, необходимым для воздушного боя на нем? Валю Кравченко, у которой были тысячи часов налета, — тоже в бомбардировщики. Опытную летчицу-инструктора Ларису Розанову и вовсе отправили в полк ночных бомбардировщиков. Недовольным Раскова объясняла: в других полках тоже нужны опытные летчики. Родина в опасности, так что нужно, забыв личные предпочтения, делать то, что необходимо.

К 27 ноября истребительный полк был почти сформирован, летчики распределены по эскадрильям. Но многие летчицы, отправленные в полк бомбардировщиков, все не могли смириться. Если верить комсоргу Нине Ивакиной, летчицы Макарова, Тармосина и Гвоздикова были возмущены тем, что их технику пилотирования не сочли подходящей для истребителей¹. Валя Гвоздикова, летчик-инструктор из московского аэроклуба, «яркая, статная, веселая», одной из первых получила назначение к Расковой. Вместе с Аней Демченко и Ларисой Розановой ей нужно было добраться до Москвы из поселка в Рязанской области, куда был эвакуирован аэроклуб. Когда пришел вызов и они кинулись за деньгами на проезд в кассу аэроклуба, там оказалось всего 60 рублей 80 копеек, которых не хватало на то, чтобы нанять телегу с лошадкой и добраться до станции. Что за беда: они тут же отправились в путь, пройдя двадцать пять километров до станции пеш-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 4.

ком, и прибыли в «Авиагруппу № 122» раньше всех. Разве не говорила Раскова своему начальнику штаба Милице Казариновой, что прибывшие к ней Катя Буданова, Валя Гвоздиков и Тамара Памятных будут отличными истребителями? А теперь Гвоздикову хотят пересадить на бомбардировщик! Валя «расстроилась до того, что не хотела летать ни на каких машинах». Она отказалась перебраться из отведенного истребителям помещения и была «готова таранить старшину бомбардировщиков при первом напоминании о переселении». Страсти подогривало и то, что Раскова без колебаний взяла в истребители подругу Гвоздиковой по Херсонской школе пилотов Лилю Литвяк, хотя к тому времени уже выяснилось, что та как-то ухитрилась приписать себе сто часов налета, чтобы попасть к Расковой, и ее реального налета едва хватало для легкого бомбардировочного полка. История с Валей Гвоздиковой дошла до Расковой, которая уважала таких же упорных, какой была сама. Посмеявшись, она разрешила Гвоздиковой остаться — и на «жилой площади» истребителей, и в их полку¹.

Ждали девушек из знаменитой пятерки Жени Прохоровой, которые должны были составить ядро истребительного полка. Они сильно опоздали к началу контрольных полетов. Ученица Прохоровой Лера Хомякова с другими инструкторами из Центрального московского аэроклуба ехали в Энгельс своим ходом и очень долго: аэроклуб эвакуировали в поселок Владимировка, находившийся недалеко от Сталинграда. Инструкторам было разрешено взять с собой семьи, и Лера настояла на том, что возьмет всех ближайших родственников: больного отца, мать и сестру с тремя маленькими детьми. Перегнав самолеты и эвакуировав семьи, несколько инструкторов аэроклуба, включая Леру, получили повестки: их призывали на

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 2.

фронт. Родные остались во Владимировке, и Лера до своей гибели успела написать им пятьдесят писем, каждое из которых начиналось словами: «Мои дорогие горячо любимые»¹.

Пополнения прибывали весь ноябрь, но кроме них к Расковой постоянно шел незванный поток девушек-комсомолок, закончивших аэроклубы или вообще не имеющих никакой подготовки, надеявшихся, что Раскова найдет для них место в рядах своей маленькой армии. Шли в первую очередь из большого города Саратова, отделенного от Энгельса лишь двухкилометровой полосой Волги.

Студентка Саратовского сельскохозяйственного института Лена Лукина вернулась в город с уборки урожая и узнала, что ее институт закрыт: в его здание переехал эвакуированный оборонный завод. Мама сказала, что за ней уже приходили: всю молодежь отправляли копать окопы. Но как копать окопы, когда люди вокруг заняты интересными и героическими вещами? Знакомые мальчишки уходили на фронт солдатами, девчонки — медсестрами. Самым верным средством обо всем разузнать было сходить к подружке Ире Дрягиной: та была секретарем партийного бюро факультета, умела и стрелять, и повязки накладывать, даже училась в аэроклубе и всегда была в центре событий. Мама Иры Дрягиной, эмоциональная украинка, сказала, что Иры дома нет. «А где она?» — спросила Лена. «Да к Расковой пошла!» — Ирина мама только рукой махнула.

Выяснилось следующее: Ира Дрягина узнала о том, что Раскова формирует в Энгельсе авиационные полки, из письма товарищей по аэроклубу. Не раздумывая, она пошла в Энгельс. Моста через Волгу не было, но люди уже ходили на другой берег по ноябрьскому, еще довольно тонкому, льду. Дежурный на проходной ответил Ире, что ее документов не-

¹ *Полунина Е. К.* Указ. соч. С. 24–33.

достаточно, и ей пришлось еще раз сходить по льду в Саратов и обратно. Как и других студентов, Раскова и комиссар Елисеева пытались Иру отговорить и вернуть на учебу, но Ира не сдавалась, просила взять ее если не летчиком, то хотя бы вооруженцем — о такой возможности она узнала от девочек в очереди. Елисеева сказала, что Дрягина, как партийный кадр, как раз может быть комиссаром авиаэскадрильи в полку ночных бомбардировщиков. Ира не растерялась и сказала: «А комиссар должен летать!» Раскова засмеялась и сказала, что летать она будет.

Узнав обо всем этом, Лена Лукина тоже пошла к Расковой. Мама, если бы знала правду, не отпустила бы ее: отец и брат уже ушли на фронт, дома были маленькие братья и сестры, помочь матери, кроме Лены, некому. Лена сказала маме, что поработает в подсобном хозяйстве авиационного гарнизона и заработает там овощи, которые и до войны были для их бедной семьи большим подспорьем. Мама отпустила. Летную школу в Энгельсе Лена хорошо знала: ходила туда с подругами на танцы. Когда она нашла в школе Ирку Дрягину, та, к Лениной зависти, была уже в военной шинели. Ира отвела подружку к Расковой, но та не хотела брать: «У тебя отец и брат на фронте, мама одна с детьми». Как и Дрягину, Лену Лукину выручила Елисеева, сказавшая, что нужен комсорг в полк тяжелых бомбардировщиков. Нужны были документы, и Лена сходила по льду домой и, уходя, снова сказала маме, что пойдет на недельку. Но прошло десять дней, а ее все не было, и мама, догадавшись, откуда дует ветер, пошла к маме Иры Дрягиной. «Да они ж летают!» — объяснила мама Иры. Мама Лены только руками всплеснула: ее дочь еще неделю назад никакого отношения к авиации не имела. «Где летают?» — только и смогла спросить она. «Да у Расковой!» — ответила Ирина мать¹.

¹ Лукина Е. И. Интервью автору. Саратов, сентябрь 2010.

В Энгельсе в полку появилась и Оля Голубева, семнадцатилетняя, талантливая, бесшабашная. Она мечтала о карьере актрисы, не смущаясь тем, что не была красавицей: сила и живость характера вполне компенсировали заурядную внешность. Сейчас нужно было приближать мирную жизнь, защищая родину, и Оля хотела это делать в небе.

На войну она попала еще летом: закончила курсы медицинских сестер и попросилась работать на санитарный поезд, отправлявшийся в сторону фронта. Мама плакала и кричала на отца: «Почему ты молчишь? Совсем распустил девчонку, своевольничает!» Но отец, убежденный коммунист, воевавший в Красной армии еще в Гражданскую войну, сказал своей семнадцатилетней дочери: «Как знаешь». Он был членом мобилизационной комиссии и мог без больших усилий сделать так, чтобы ни Ольга, ни ее братья на фронт не попали. Но, как казалось Оле, такая мысль даже не пришла ему в голову¹.

Юной медсестре понравилось в санитарном вагоне. В нем присутствовал тот неуловимый, неизвестный запах, который присущ вагонам и вокзалам и не уничтожается ничем. Поезд, идущий к фронту, был с красными крестами на крышах вагонов, и старый доктор сказал ей, что по крестам немцы бомбить не станут. Доктор ошибся, их бомбили постоянно.

В день первой бомбежки Оля встретила сержанта Сашу, с которым когда-то вместе училась в школе в Сибири. Саша хотел ей что-то рассказать, но поезд резко затормозил и остановился, и Олечка, спрыгивая, крикнула ему: «Саша, потом расскажешь!» Она хотела посмотреть на плывущие над головой самолеты и пожелать им удачи, уверенная, что самолеты свои. Но самолеты развернулись и зашли на бомбежку. Красные кресты на крыше не помогли.

Сколько все длилось, Оля не знала. Сквозь какую-то пелену, приглушавшую все звуки, она отчетливо слышала,

¹ Голубева-Терес О. Т. Интервью автору. Саратов, сентябрь 2010.

как раскалывается под ней земля. На десять, на сто, на великое множество крохотных частиц. Раздавались крики: «Сестра-а-а!» Олины товарищи уже бегали кругом, оказывая помощь раненым, но она все стояла как в столбняке. Кто-то дотронулся до ее плеча: «Помоги...» — и она подняла голову. Пожилой боец звал ее помочь корчившемуся в муках человеку. Раненый визжал и плакал так жутко, что Ольга покрылась холодным потом. Наклонившись над ним, она начала перевязывать, но он никак не давался. У Ольги дрожали руки, мучало отчаяние и стыд оттого, что она все делает «так неловко и плохо». Но тут у раненого что-то булькнуло в горле, и он затих, лежал спокойно, как будто ему и правда помогла перевязка. У Ольги немного отлегло от сердца. Позвавший ее к этому раненому пожилой солдат поднялся и снял шапку. Ольга только тут поняла, что случилось, и громко зарыдала. «Молоденькая еще, смертей не видела», — сказал кто-то, а другой грубо закричал: «Будет выть!» Налет продолжался еще какое-то время, и, когда немецкие самолеты наконец ушли, Оля, оглядевшись вокруг, не узнала станцию: горели вагоны, рушились здания, из-под завалов вытаскивали убитых и раненых. Школьный товарищ Ольги Саша лежал около поезда. Его лицо не пострадало, и Ольга на какой-то момент подумала, что он жив. Но, подбежав, увидела — у Саши нет ног, он мертв. Вытирая мокрыми от крови ладонями непрерывно бегущие слезы, Оля без конца повторяла в голове свою фразу, сказанную Саше совсем недавно, но будто уже в другой жизни: «Потом расскажешь, Саша...»

Поезд продолжил путь. Его начальник, толстый, с большим, как у Бабы-яги, носом, оглядев Олю еще в первый день каким-то неприятным взглядом, сказал, что возьмет ее на поезд диетсестрой. Потом он как-то вызвал Олечку к себе в купе и «бил на жалость», рассказывая, что у него есть такая же дочка, а где она осталась, неизвестно, вся семья растерялась. Рассказывая об этом, он гладил Ольгу по руке, а потом положил руку ей

на ногу. Тут Ольга сбежала и была за такое поведение понижена до санитарки, но это было не страшно. Поезд делал один рейс за другим, она работала в вагоне с легкоранеными — потом оказалось, что это потруднее, чем работать в вагоне, который вез тяжелораненых. Те лежали, «бедняги, на своих подвесных койках и чаще всего молчали»¹. Никто не ходил по вагонам и не вылезал в кальсонах на станции покупать картошку и самогон. Легкораненые, пока было больно, кряхтели или стонали, а когда чуть легчало, начинали рассказывать байки, ухаживать за санитарками, петь песни. Им уже море было по колено: ужасы фронта, пусть хотя бы на время, остались позади, впереди ждал тыл, а заплачено за это было всего лишь легким ранением. Время показало, что радоваться им было рано, шанс выжить был как раз у тяжелораненых, тех, кто после лечения был признан негодным к военной службе и больше не попал на фронт. Они составили значительную часть тех нескольких процентов молодых советских мужчин, которые пережили войну. Согласно некоторым источникам², из мужчин, рожденных в 1923 году, выжило всего три процента.

Легкораненые поднимали такой хохот и такой шум, что вагон дрожал. «Товарищи, неприлично в одном белье на перрон!» — кричала им Олечка, а они только смеялись ей в ответ. Про то, что самогон вреден, можно было даже не заикаться. Утихомиривались они только тогда, когда Ольга читала им стихи, которые она обожала.

Шло время. Бежала за окнами поезда огромная Россия, поля, леса, серые деревни. Ольга привыкла к тяжелой работе, к запахам немых тел, мочи и лекарств, к стонам раненых, к бессонным ночам. Она осталась бы на этой работе до конца войны, если бы не услышала от раненого летчика о том, что

¹ Голубева-Терес О. Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941–1945, электронная версия.

² Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999, электронная версия.

Марина Раскова набирает женские полки. Конечно, она должна быть там! К Расковой отправили медсестру Лиду, у которой был летный опыт, и Оля, взяв увольнительную, чтобы проводить ее, в поезд уже не вернулась, сбежала.

На момент приезда в Энгельс увольнительная была просрочена, и Раскова, увидев это, нахмурилась. Олечке пришлось сослаться на то, что начальник поезда хватался за колени, из-за чего она и сбежала. Рассказ подействовал: Раскова, велев никому не говорить ни слова о том, что Ольга сбежала, взяла ее в полк электриком. Это было лучше, чем ничего, а для настойчивой Оли это был, конечно, только шаг на пути в небо.

В полку тяжелых бомбардировщиков, которым Раскова решила командовать сама, оказались две «обстрелянные» летчицы, успевшие побывать на фронте в составе мужских полков: Маша Долина и Надя Федутенко — обе с бесстрашным мужским характером, обе неунывающие и веселые. Федутенко выбыла из своего полка после ранения. По выздоровлении ее направили к Расковой. Переводом она была недовольна, но, как человек дисциплинированный, держала недовольство при себе. А вот Маша Долина, горячая и вспыльчивая украинка, переводу в женский полк отчаянно сопротивлялась.

Пробив себе путь в небо из такой нищеты и безысходности, какую нам сегодня и представить себе невозможно, маленькая черноглазая Маша с длинными косами к началу войны была инструктором аэроклуба. Наверное, она так и продолжала бы воспитывать одно поколение «учлетов» за другим, если бы не война, превратившая в хаос ее «с таким трудом налаженную жизнь».

19 июля сорок первого года Маша довольно необычным образом стала военным летчиком¹. Немецкие части, осущест-

¹ Долина М. Дочери неба. Дневные ведьмы на пикировщиках / Лит. запись Елены Вавиловой. Киев, 2010. С. 32.

вляя план «Барбаросса», уже в начале июля, преодолев последний советский рубеж обороны в Белоруссии по реке Березина, устремились к линии рек Западная Двина и Днепр — на Украину. Здесь им оказали неожиданное сопротивление войска восстановленного Западного фронта, однако долго они продержаться не смогли. Выше по течению Днепра немецкие армии, в начале июля захватив на территории Западной Украины Бердичев и Житомир, вскоре подошли вплотную к Днепру, окружив под Уманью две советские армии, взятые ими в плен вместе с командармами. За Днепром был Киев, столица Украины, который, как Сталин совсем недавно заверил союзников, никогда не будет сдан врагу.

В июле 1941 года, перед тем как Киев взяли немцы, Константин Симонов, молодой и уже очень известный советский поэт, писатель и драматург, а теперь военный корреспондент, видел чудовищный хаос отступления на днепровских переправах, беженцев, которым ничем не мог помочь и перед которыми, как большинство военных, испытывал мучительный стыд. Фотограф газеты «Красная звезда» Яков Халип, который тогда был с ним вместе, через много лет сказал ему: «А ты помнишь у переправы через Днепр того старика?» И Симонов вдруг вспомнил старика, который, впрягшись вместо лошади, тащил телегу, на которой сидели дети. Халип начал снимать беженцев, а Симонов, вырвав у него фотоаппарат, затолкал его в машину и орал на него: «Разве можно снимать такое горе?» Вспоминая это, Симонов думал, что оба они были правы. Он был прав в том, что невозможно, чтобы вылезший из машины военный человек снимал «этот страшный исход беженцев», снимал «старика, волокущего на себе телегу с детьми». Ему «показалось стыдным, безнравственным, невозможным снимать все это», он не знал, как можно объяснить идущим мимо несчастным людям, зачем их фотографируют, но теперь, когда война осталась в прошлом, он понял, что, точно так же как он мог об этом написать, фо-

токорреспондент «мог запечатлеть это горе, только сняв его», и он был прав¹.

В Никополе, где работала в аэроклубе Маша Долина, в те дни царил неразбериха: немцы были у Днепра, уже шли бои за предместья Киева. Никополь наспех эвакуировали, совершенно забыв про аэроклуб. Маша, которая осталась в аэроклубе за старшую, так как большинство инструкторов забрали на фронт, не знала, что делать. Когда немецкие танки были уже километрах в восьмидесяти, она в отчаянии кинулась к командиру отступающей из Никополя истребительной дивизии: «Товарищ полковник! Возьмите нас добровольцами в летную часть с нашими самолетами!» Но полковнику было не до нее. Он только раздраженно отмахнулся, сказав, что даже не знает, сможет ли спасти свои самолеты.

Долина снова прибежала к нему на следующий день, когда немцы подошли совсем близко. В дивизии была «беготня и суматоха». Полковник Долину сначала даже не заметил, обратив на нее внимание только после того, как она со слезами крикнула ему в спину, что бросить здесь аэроклубовцев и оставить врагу их три самолета У-2 будет настоящим предательством. Посмотрев на нее в упор, полковник приказал уничтожить ангары и бензоцистерны аэроклуба, чтобы не достались немцам, а самолеты перегнать ночью через Днепр. Если летчики справятся, они будут зачислены в его часть. Собственными руками, отворачиваясь друг от друга, чтобы не дать отчаянию прорваться наружу, Маша и ее товарищи уничтожили родной аэроклуб. Ночью, совершенно не имея опыта ночных полетов, Маша Долина и два ее товарища произвели свой первый и самый страшный боевой вылет.

Днепр сорок первого года она помнила потом всю свою жизнь. Казалось, что даже сама вода Днепра, которую они видели под собой в разрывах дымовой завесы, была охва-

¹ *Симонов К.* Разные дни войны. 1942–1945. М., 2005. С. 225–226.

чена огнем. Каким-то чудом им удалось провести через этот «кромешный ад» все три самолета и благополучно посадить их на аэродроме, который из-за бомбежки нельзя было даже обозначить огнями. Командир дивизии не забыл своего обещания и зачислил их в 296-й истребительный авиаполк.

Многие летчики этого полка успели уже повоевать на Финской войне и получить награды. Многие, как командир полка Николай Баранов, воевали с первого дня войны. И первое время, когда Маша оказывалась рядом с закаленными в боях летчиками-истребителями 296-го полка, у нее «горло пересыхало от волнения». У Маши Долиной зародилась сумасшедшая мечта, и день ото дня в ней крепла решимость эту мечту осуществить: летать на истребителе. Еще в ранней юности она поняла, что «человек без цели — это бессмысленное существо»¹.

Маша Долина была в семье старшей из целой кучи детишек. Неграмотная мама зарабатывала на жизнь стиркой, отец с парализованными ногами передвигался на коляске. «Горюшко-горе», голодная, тяжелейшая жизнь. Маша не могла принести из дома еду, чтобы перекусить на перемене в школе, и иногда ее подкармливали добрые одноклассники. Одежда была латаная-перелатаная, а первые настоящие валенки ей купили в складчину учителя после того, как она отморозила ноги. Семья долгое время ютилась в углу сельской гончарни, потом они вырыли себе землянку, построив для нее верхнюю часть из кирпичей, которые мать вместе со всеми детьми — мал мала меньше — лепили из глины, смешанной с конским навозом. Гордости не было предела — ведь теперь у них был свой дом, поднимавшийся над землей на семьдесят сантиметров и глядевший крохотным окошком. В моменты отчаяния Маше не верилось, что когда-нибудь удастся вырваться из этой страшной бедности. После седьмого класса из школы

¹ Долина М. Дочери неба. С. 19.

пришлось уйти, чтобы работать и кормить семью. Интуиция подсказывала, что единственный ее шанс — авиация, такая модная в те дни профессия, открывающая невероятные возможности. Теперь, став в свои двадцать лет бывалым летчиком, обучая других, решив навсегда связать свою жизнь с авиацией, Маша хотела освоить и высшее летное мастерство, быть истребителем.

Но сейчас было не до нее: полк постоянно отступал, оставляя позади один аэродром за другим. Оставляли немцам Украину, Машину родину. «Не дай бог кому-то пережить отступление, видеть глаза земляков, в которых... растерянность, детская беспомощность и надежда...»¹ Когда они оказались совсем рядом с Михайловкой — Машиним селом, где осталась ее семья, Маша набралась смелости и попросила, чтобы командир полка Николай Баранов отпустил ее попрощаться с родными: те оставались под оккупацией. Она уверяла командира, что обернется мигом, только передаст родным продукты, обнимет их — и вернется. Баранов, среднего роста, лет тридцати, плечистый, с вьющимися рыжеватыми волосами и большой круглой головой, внимательно смотрел на Машу серыми глазами, «как будто проверяя на прочность». Он рисковал не только летчицей, но и самолетом У-2 и все-таки не разрешить не мог.

«Только учти, прилетишь в свою деревню, сгрузи подарки, обними родителей, но ни в коем случае не выключай мотор», — сказал он. Если верить утреннему докладу разведки, немцы уже подошли к станции Пришиб в семи километрах от Михайловки.

Баранов, смелый летчик и очень хороший командир, заслужил у летчиков прозвище «Батя». Так называли тех командиров, которых не только уважали, но еще и любили. После разговора с Машей «Батя» собрал летчиков и что-то сказал

¹ Долина М. Дочери неба. С. 41.

им. Тут же один за другим они потянулись к Машиному самолету. Чего только не несли. Почти все притащили из своих самолетов НЗ, хранившийся на случай вынужденной посадки: шоколадки, галеты, консервы, все продукты, какие у них были, шинели и гимнастерки, мыло, медицинские пакеты. Завалили подарками всю машину. Курс на Михайловку Маша взяла на перегруженном У-2 уже после полудня.

Людей на улицах села не было. Маша заметила аэродром, с которого когда-то летала на планере, потом школу, потом землянку, в которой ютилась ее семья. Сделала круг и увидела, что из домов стали выходить люди. Самолет она посадила прямо на улице у сельсовета. Со всех сторон сбегались люди. Привезли отца на инвалидной коляске, а рядом с ним, снова беременная, с огромным животом, бежала Машина мама. Обняв со слезами родных и выгрузив подарки, Маша побежала к самолету: «Мне пора!» Но люди облепили самолет как мухи, и ей удалось улететь только вечером...

На следующий день в Михайловке были немцы, и с тех пор Маша жила в постоянной тревоге за семью. Но у нее теперь была и фронтовая семья, верные товарищи, среди которых она уже чувствовала себя своей. И приказ, который, вызвав ее осенним днем, объявил Баранов, был для нее как гром среди ясного неба: «Товарищ младший лейтенант! Вас откомандировывают в распоряжение Героя Советского Союза Расковой!»

Маша начала реветь. Даже имя ее кумира не подействовало, даже Расковой Маша не могла простить, что ее, без пяти минут истребителя, забирают с фронта и хотят «заставить вышагивать ать-два по учебному плацу». Баранов, которому нужен был пилот для связного У-2 и который уже убедился, что Маша хороший и бесстрашный летчик, тоже не хотел ее отпускать, однако сказал, что не может пойти против приказа.

В ужасном настроении Маша Долина приехала в Энгельсскую военную школу. «Как будто в прямом смысле слова

с небес на землю опустили и по рукам связали». На ней была красивая форма истребителя: темно-синяя шинель с голубыми петлицами и голубая пилотка, которая ей очень шла. А девушки, маршировавшие перед ней по плацу, были в огромных кирзовых сапогах и огромных серых шинелях. Маше стало ужасно обидно. Ее, опытного фронтового летчика, выдернули из гущи событий и посадили на школьную скамью с этими «желторотиками»? Ну уж нет. Надо бежать. Она понимала, что по военным законам ее поступок могут классифицировать как дезертирство, но надеялась, когда доберется обратно в полк Баранова, упросить его замять эту историю. Вряд ли в хаосе, который сейчас везде царил, кто-то станет сильно переживать на ее счет.

Убежать не вышло: только она оказалась на станции Энгельс, как ее взял патруль. Политотдел, куда передала ее расерженная Раскова, как следует «промыл» Маше мозги, пригрозив отправить под трибунал как дезертира. Ничего не оставалось, как надеть не подогнанную для ее маленького роста серую шинель и начать учиться.

Глава 5

Чудачки, война не отменяет поцелуев и любви!

«**П**илот Литвяк находилась после отбоя в самовольной отлучке. Отсутствовала час тридцать минут...»¹ — писала в дневнике Нина Ивакина 21 декабря. Отлучка Литвяк подозрительно совпала по времени с танцами, которые устраивали в гарнизоне в субботу вечером. Вообще, по мнению начальства, Литвяк «вела себя безобразно»: пререкалась, опаздывала, нарушала дисциплину чуть ли не ежедневно.

С ее своевольным, независимым, сильным характером было очень сложно подчиниться военной дисциплине. Но плохим поведением отличалась не одна Лиля Литвяк: многим ее новым подругам, совсем недавно носившим крепдешиновые платья и туфельки, было совершенно непонятно, почему они не могут отлучиться в парикмахерскую или пойти на танцы, которые устраивали для гарнизона здесь же в Доме офицеров. Дверь из физкультурного зала, где для девушек поставили двухэтажные нары, в актовом начальник штаба Милица Казаринова предусмотрительно заперла

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 7.

в первый же день. Но девушки тут же процарапали дырочки в белой краске, которой было замазано стекло, чтобы можно было смотреть на танцующих. Смотрели все, но Литвяк была в числе первых сбежавших. Она была наказана, но на танцы бегать не прекратила. Плохому примеру последовали другие.

Валя Краснощекова смогла устоять перед танцами, но, когда летчица Клава Блинова предложила ей сбежать и посмотреть оперетту, согласилась не размышляя: оперетту она обожала. Этот жанр в Советском государстве считался поначалу буржуазным и был не в почете, и только во второй половине тридцатых снова по-настоящему вернулся на сцены: давали и европейские оперетты — в первую очередь «Сильву» Имре Кальмана и оперетты Штрауса («Цыганский барон» была любимой опереттой Лили Литвяк), и новые советские, главным образом написанные Исааком Дунаевским: «Женихи», «Золотая долина». Они пользовались огромной популярностью, и Валя Краснощекова, приехав из Калуги в Москву учиться, бегала в оперетту очень часто, из-за нехватки денег покупая билет на самый-самый верх или вообще без места.

Приехавшая в Энгельс труппа, конечно, не шла ни в какое сравнение с труппой московского Театра музыкальной комедии, но выбирать не приходилось, Валя понимала, что у нее не скоро появится еще один шанс. К тому же будущая летчица-истребитель Клава Блинова была ей очень симпатична. Блинова была самая молодая из летчиц и, в отличие от многих других, не задирала перед техниками нос. Многие в полку истребителей считали, что самая красивая у них Литвяк, кто-то говорил, что красивей всех Клава Нечаева, но Вале самой красивой казалась Клава Блинова. У нее были светлые волосы и милое юное лицо с большими глазами и нежным румянцем. Клава была очень веселая, бесстрашная, хохотушка и певунья.

Об отлучке Литвяк на танцы начальству донесли ее соседки по общежитию, а вот Валу с Клавой Раскова поймала сама.

Она их пристыдила, а потом каждой сделали выговор и дали по внеочередному наряду: Клаве сказали, что она выполнит свой наряд на аэродроме, а Валю Краснощекову отправили чистить туалет.

В холодное время года почистить туалет — деревянный домик с дырой в полу — можно было только с помощью лома. Откалывая нечистоты, Валя тихонько плакала: было обидно из-за наказания и стыдно из-за слов Расковой о таком поведении в военное время. Неожиданно она услышала: «Валь, а Валь, не плачь...» Это Клава Блинова тайком пришла помогать¹.

Чтобы как-то компенсировать запрет на посещение актового зала Дома Красной армии, девушкам разрешили слушать патефон. Будущий истребитель Клава Панкратова, раздобыв у мужской части гарнизона пластинки, вечером в казарме крутила ручку этого примитивного приспособления с такой нежностью и заботой, «как будто боялась нарушить нежную мелодию русского романса». В это время ее товарищи уже готовились к отбою и лежали на нарах в белых мужских рубашках, но «с печатью девичьей нежности на лицах»².

Специфику партийной и комсомольской работы в коллективе, состоящем из девушек, средним возрастом которых было двадцать лет, комиссары понимали очень хорошо. Своим подопечным они не доверяли — никогда, ни при каких обстоятельствах. Даже 7 ноября, когда военнослужащие «Авиагруппы № 122» приняли военную присягу.

День был чудесный и солнечный. Снег, «устлавший белой пеленой поля и горы»³, весело блестел на солнце, как будто старался украсить и без того торжественное событие. На-

¹ Краснощекова. Интервью автору.

² Ивакина Н. Указ. соч. С. 2.

³ Там же.

кануне девушки убрали комнаты и, взяв под мышки узелки с чистым бельем, сходили в баню. Потом до ночи работали, делали свою первую стенгазету «За Родину». Рано утром 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, в актовом зале играл оркестр. Раскова произнесла речь. Принятие присяги было мероприятием колоссальной важности среди советских ритуалов: как Пасха для православных христиан, только еще торжественнее, ведь присягу принимают лишь раз в жизни. На глазах у многих блестели слезы. Теперь, после принятия присяги, они могли считать себя настоящими военными. Но вечером, когда в том же актовом зале проходило празднование в честь 7 Ноября, девушек из «Авиагруппы № 122» на нем не было. Они пели и плясали в коридоре за закрытой дверью, отдельно от других военнослужащих гарнизона. Плясали «не оттого, что радостно, а чтобы развеять тоску, одолевшую довольно большое количество людей» из-за решения главного комиссара Евдокии Рачкевич: та считала, что вверенный ей женский коллектив должен праздновать годовщину революции отдельно от мужского гарнизона, — решение, которое возмутило даже ее коллег-политработников.

Нина Ивакина была коллегой Рачкевич, но решение о том, что «Авиагруппа № 122» будет отмечать годовщину революции в коридоре, вывело ее из себя. Было обидно, что их «держат, как в монастыре». Почему вверенных ей комсомольцев, которые добровольно пошли на войну, считают легкомысленными девчонками, не умеющими за собой следить? По мнению комсорга, ее девушкам нужно было в свободное время «общаться с народом» — то есть с мужчинами. А Евдокии Рачкевич неплохо было бы вспомнить, что «у родителей, строго следящих в этом отношении за своими птенцами, чаще бывают блудливые дочери».

Рачкевич в конце концов уговорили и все поправили. Девушек пустили в актовый зал на спектакль. В перерыве танцевали. Спать все отправились «блаженные и усталые».

Батальонный комиссар Евдокия Рачкевич была очень колоритным персонажем. Маленького роста, полная, она в военной форме выглядела абсурдно, однако не представляла своей жизни вне армии. Молоденькой девушкой, спасаясь от петлюровцев, она попала на советскую погранзаставу в Молдавии, и была там поначалу уборщицей, прачкой и санитаркой. Дуся Рачкевич едва умела читать и писать, однако очень любила учиться. Уже на погранзаставе она закончила юридические курсы, однако решила остаться в армии и учиться дальше. Она хотела стать политработником, так как была фанатично предана власти, сделавшей ее из неграмотной пастушки всеми уважаемым человеком. Рачкевич написала письмо в Москву, в Военно-политическую академию. Ответ пришел краткий: «Женщин не берем». Возмутившись, Рачкевич написала письмо маршалу Буденному, который ей помог: очень скоро пришел вызов. Она стала первой женщиной, окончившей Военно-политическую академию. После академии бывшая пастушка осталась в адъютантуре и написала диссертацию, но защитить ее решила после окончания войны. Когда ей предложили стать комиссаром в женской авиачасти, она, не раздумывая, согласилась. Уезжая в Энгельс, попрощалась с мужем — как выяснилось, навсегда: разлучившись со своей Дусей, он быстро нашел новую, молодую жену¹. У Рачкевич, не имевшей ни детей, ни родных, не осталось никого, кроме ее подопечных.

«Комиссар — отец солдат, а я, комиссар-женщина, — буду вашей мамочкой», постоянно говорила она девушкам. И вела себя соответственно, как любящая, но чрезмерно требовательная и не очень умная мать. Подобно тому как деревенские женщины пугали своих детей серым волком, Рачкевич могла пригрозить кому-то, что напишет товарищу Сталину, и провинившаяся девушка долго не могла прийти в себя от страха. На следующий день, совершенно забыв о своих угрозах, Рач-

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. Саратов, 2008. С. 77.

кевич уже называла ту же девушку «деточкой» и строила с ней планы на будущее¹.

Заметив небрежность в одежде или поведении, Рачкевич могла устроить провинившейся подопечной страшный разнос — такой, на который способны только украинки: ругалась «бурно, горячо, искренне». Если девушке случалось хотя бы заговорить с парнем, Рачкевич была тут как тут и клала конец любому, даже еще не наметившемуся кокетству. В полках ее все между собой так и звали — мамочка, только не с любовью, а с иронией. Она была наделена большой властью, и с ней не ссорились, подчинялись ее зачастую самодурным указаниям, однако не любили и старались держаться подальше. Время показало, что эта женщина была абсолютно предана своим летчицам и техникам: уже немолодая, с плохим здоровьем, она много лет после войны ездила в свой отпуск по боевым местам, чтобы отыскать могилы пропавших без вести. Рачкевич не успокоилась, пока не нашла всех.

Нина Ивакина, с самого начала невзлюбившая комиссара Рачкевич, чем дальше, тем больше убеждалась в том, что строгость в «Авиагруппе № 122» совершенно необходима. Свежеиспеченные военнослужащие убегали в город делать шестимесячную завивку, вели себя дерзко по отношению к командирам и комиссарам, «трепались без конца» и даже «заводили любвишки». Комиссары иногда были близки к отчаянию, и только Раскова точно знала, что ее девушки будут самыми лучшими солдатами. Она верила в них, и они верили в Раскову. Все были «немножко в нее влюблены»². Девизом Расковой было: «Мы все можем», и ее летчики, штурманы и техники верили, что действительно все могут, пока с ними такой командир.

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. Саратов, 2008. С. 77.

² Ракобольская И. В. Интервью автору. Москва, 2011.

За самовольную отлучку, за которую других наказывали нарядами, Литвяк получила более серьезное взыскание. Внеочередные наряды у нее уже были; на этот раз начальство сочло, что нужно что-то более весомое. На следующий день провели строевое собрание полка, на котором было объявлено, что за проступок ее будет судить красноармейский товарищеский суд.

Таких общественных судов было введено в тридцатых годах огромное количество: были суды рабочие, колхозные, заводские, бригадные. Это были неформальные суды, имеющие целью не столько наказание провинившихся, сколько их идеологическую проработку. В компетенцию красноармейских товарищеских судов, которые потом стали называться «офицерский суд чести», входило рассмотрение дел о хулиганстве, драках, оскорблениях, воровстве, имевших место в данной воинской части. Эти суды во время войны были очень актуальны, так как военные трибуналы не рассматривали административные и гражданские дела военнослужащих.

На следующий день выбрали представителей суда, и 24 декабря провели заседание, которое имело форму скорее обсуждения, чем сессии военной судебной инстанции. Литвяк к суду отнеслась равнодушно. «Своего поступка не осознает»¹, — записала в дневнике Нина Ивакина. Литвяк объявили строгий выговор с предупреждением, который на нее совершенно не подействовал, и посадили на гауптвахту. Но гауптвахта, или «губа», представляла собой просто сарай на аэродромном поле, который охранял солдат с винтовкой. Чтобы нарушительница дисциплины не очень скучала, подруги, во главе с Клавой Панкратовой, завели патефон.

Молоденькие штурманы и техники — такие, как Олечка Голубева, — смотрели на Литвяк во все глаза. Странное дело: если приглядеться, она не была красавицей, внешность со-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 7.

вершенно заурядная. «Пройдешь на улице, и не обратишь внимания»¹. Рост невысокий, худенькая, носик острый. Но у нее была очень изящная фигура, красивый цвет лица, волосы вились, и, главное, лицо было очень живое, глаза яркие, и очень приятная улыбка. Общалась она со всеми просто, не делая различий между начальством, летчиками и техниками.

В Энгельсской школе, как и везде, Лиля Литвяк «была окружена толпой поклонников», особенно после того, как начала ходить в ДК на танцы: она здорово танцевала. Девушки, считавшие, что на войне не место флирту с парнями, осуждали ее, требовали: «Прекрати кокетничать! Ведь война!» Лилю такие разговоры не смущали, она отвечала: «А если война, так что?» И, когда кто-то бросил ей, что она, «поди, и целуется», ответила: «Чудачки! Война не отменяет поцелуев и любви!» Впрочем, решила Оля Голубева, она, может быть, сказала это только для того, чтобы позлить зануд².

Женский истребительный авиаполк номер 586 сформировали первым из трех полков: если верить записям Нины Ивакиной, его формирование было полностью закончено еще 8 декабря. «Учебке не было конца и края», а перспектива лететь на фронт казалась очень отдаленной, так как не было самолетов. «Поговаривают о том, что будем здесь до мая, так как нет самолетов, вот печаль», — писала Ивакина. Пока тренировались на старых учебных самолетах авиагарнизона, с нетерпением ожидая «своих»: было уже известно, что это будут Як-1, самые современные на тот момент. Женя Прохорова после отъезда Веры Ломако исполняла обязанности командира полка, и все были уверены, что именно она поведет их воевать. В полку ее авторитет был непререкаем, уважение к ней

¹ Голубева-Терес О. Т. Интервью автору.

² Там же.

огромно, и при этом ее очень любили. Лучшего командира для себя будущие истребители не могли представить.

Женю Прохорову немного портило несоответствие крупной головы с массивным подбородком и маленького стройного тела. Но у нее были очень красивые длинные прямые волосы «цвета спелой ржи», большие зеленые глаза и милая улыбка, от которой на щеках появлялись ямочки. Ей было около тридцати. Летала Женя Прохорова как бог¹. Летчица Валя Лисицина увидела ее впервые в конце тридцатых годов и запомнила эту встречу. Летним июльским днем она — летчик-инструктор — занималась с курсантами на подмосковном аэродроме. Неожиданно с юга на бреющем полете появился спортивный самолет УТ-1. Сделав над аэродромом круг, самолет совершил красивую посадку. Вале было очень интересно посмотреть, кто же прилетел на этом самолете. Она, уже опытный инструктор, на УТ-1 не летала: на этом сложном в управлении спортивном самолете летали летчики-спортсмены высшего класса. Из кабины вылез маленького роста человек «с профессиональной сутулостью пилота». Когда пилот подошел к Вале ближе и снял шлем, он оказался женщиной. Кто-то рядом с Валей тихо сказал, что это Евгения Прохорова прилетела на аэродром готовить свою пятерку к воздушному параду в Тушине. Во второй раз Валя встретила с Женей Прохоровой уже во время войны и была очень рада служить под ее командой. Ждали только самолетов.

С самолетами конструктора Яковлева Женя Прохорова была знакома уже много лет: еще в 1934 году она участвовала в перелете Ленинград — Москва на «самолете № 6 конструктора Яковлева»². Истребитель Яковлева Як-1, который в полку с таким нетерпением ждали, действительно был очень удачным самолетом, самым востребованным совет-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 11.

² Там же.

ским истребителем Второй мировой войны. Его конструктор Александр Яковлев был талантливый, но, по воспоминаниям многих, тяжелый, недобрый и завистливый человек¹. Он был практически единственным из создателей советских самолетов, не пострадавшим от репрессий в тридцатых и сороковых годах. Как и у Расковой, у Яковлева были доверительные отношения со Сталиным, который еще в 1939 году начал вызывать его в Кремль и интересоваться мнением по разным вопросам, в том числе о различных людях. Как вспоминал сам Яковлев, Сталин еще тогда жаловался ему, что «не знает, кому верить»². Судя по многочисленным премиям, которыми награждали Яковлева в то время, как его коллеги работали в тюремных конструкторских бюро, Яковлев пользовался доверием. В 1940 году Сталин сделал его заместителем наркома по опытному самолетостроению.

О вреде, который Яковлев причинил своим коллегам, можно лишь догадываться. Вред, который он причинил многим талантливым разработкам других конструкторов, неоспорим: по его инициативе целый ряд новых самолетов, разработанных в других конструкторских бюро, был «затерт» и так и не достиг стадии производства. Яковлев боялся конкуренции, и, наверное, зря: его Яки, сменившие допотопные, достаточно бесполезные в воздушных сражениях с «Мессершмиттами» истребители И-16, пользовались огромной популярностью. На Як-1 был установлен пулемет и пушка, самолет был быстрый, надежный и маневренный. Начав тренировочные полеты на учебных Яках авиагарнизона, будущие истребители быстро их освоили и полюбили.

Вот-вот должны были прибыть новые У-2, на которых предстояло воевать ночным бомбардировщикам, а пилоты тяжелого бомбардировочного, 587-го, полка, пока обучались их штур-

¹ Микоян С. А. Интервью автору. 14 июля 2009.

² Яковлев А. Цель жизни. М., 2000, электронная версия.

маны, все еще не знали, на чем им предстоит летать. Перед самым Новым годом летчики-инструкторы пригнали для обучения три стареньких Су-2. Раскова, теперь командир 587-го бомбардировочного полка, «долго ходила вокруг этих приземистых одномоторных самолетов», принохиваясь. От Су-2 пахло не так, как от других самолетов: запах бензина смешивался с каким-то незнакомым крепким запахом. «Чем это они так пахнут?» — спросила она техника¹. Парень ухмыльнулся: «Так он же касторовым маслом заправляется. Зимой еще ладно, а летом будет нам работа... Как забрызгает кабину, так не ототрешь».

Помимо эстетических соображений Раскову в Су-2 не устраивали и более серьезные моменты: у него была маленькая скорость и горел он как спичка. Один из серьезных недостатков этого самолета, впервые испытанного в 1937 году и сразу поставленного на вооружение, заключался в том, что машина, особенно зимой, при посадке частенько «капотировала», то есть становилась на нос. Эти Су-2, применявшиеся на фронте как легкие бомбардировщики или разведчики, летчицы возненавидели, вспомнив их прозвище «сучки». Поговаривали, что скоро Су-2 вообще снимут с производства. Но какие же самолеты выделят тогда полку? Раскова, разумеется, взяла решение этого вопроса в свои руки.

Время летело. Вот и новый, 1942 год на пороге. 31 декабря стоял ужасный мороз, но день прошел как обычно, на аэродроме и в учебных группах. Вечером среди завешенных белыми простынями коек показывали самодеятельность, танцевали и пели, но, когда все легли спать, многие взгрустнули по дому и мирной жизни, без которой немислим новогодний праздник. И тут вдруг появился настоящий Дед Мороз с белой бородой и седыми длинными кудрями и поздравил всех с Новым годом. Он даже принес игрушки: лошадок на коле-

¹ Долина М. Указ. соч. С. 51.

сах, зайчиков и гармошки. Летчики и штурманы, как записала в дневнике Ивакина, «повскакали с коек и в подштанниках и длинных, как смирительные, рубашках весело закружились, как покажется постороннему, в безумном хороводе»¹. Все это организовали штурманы, уж наверное при активном участии Жени Рудневой. Этот год, по мнению Нины Ивакиной, должен был стать «могилой для фашистской сволочи, оторвавшей нас от мирной работы, домашнего очага и уюта». Именно так все они и думали, несмотря на сокрушительные поражения сорок первого года. Ведь руководство страны называло именно 1942 год, как же не верить? На параде Красной армии 7 Ноября 1941 года Сталин сказал: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений»². А если так сказал Сталин, то иначе произойти не могло.

Весело было и под старый Новый год: по русской традиции девушки гадали. Вспоминая святочные гадания, популярные в России с древности, они снова стали просто девчонками, мечтающими о любви. Самым популярным гаданием было выйти на улицу и спросить у первого встречного мужчины его имя, при этом внимательно всмотревшись в его лицо. У суженого обязательно должно быть такое же имя и похожее лицо. Кроме того, бросали за дверь башмаки, чтобы они показали, с какой стороны появится суженый, и капали в воду воском от свечи, а потом рассматривали, на что похож застывший комочек. Но Лиля, если и гадала о женихах, родным в этом не признавалась. Рассказывая о гаданиях с подругами в письме маме и брату Юре, Лиля писала:

«Собираемся гадать, что нас ждет в новой военной жизни? Так много интересного впереди, так много неужи-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 8.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, электронная версия.

данностей, случайностей судьбы»¹. Не щадя чувств своей мамы, Лиля дальше объясняла ей, какой жизни хотела бы для себя. Ее слова полны юношеского максимализма, но это не удивительно: ей было всего двадцать лет. «Но что же ждет? Или что-то очень хорошее, большое, великое, или все может рухнуть в один миг, пойти обычным чередом спокойной и мирной жизни, такой, как живут мирные грешники... Я, конечно, за то, чтобы пожить лучше немного, но бурной, интересной жизнью, как вот и Чапаев в сказке одной рассуждает про орла и ворона... Недалек тот час, когда мы начнем парить на своих ястребках, тогда житейская обстановка примет совсем другой оборот».

Отступление, которое сводки Информбюро, как правило, интерпретировали просто как переход на более выгодные позиции и о котором Нина Ивакина вообще старалась говорить поменьше, все равно долетало до личного состава тревожными слухами, обрывками официальной информации, намеками в письмах из дома. А в других военных частях, ближе к фронту, девушки изучали войну на практике.

Аня Скоробогатова снова отступала с деморализованными советскими частями. Она закончила двухмесячные курсы радистов в Россоши, получила квалификацию радиотелеграфиста и приняла присягу. Надежды на то, что ее пошлют в авиационную часть, не оправдались: при распределении она попала в отдельный 65-й батальон связи Юго-Западного фронта. В середине ноября Аня узнала, что в Таганроге, где остались ее родители, уже немцы. Отец был партийным активистом, и, насколько она знала из газет, шансов остаться в живых при немцах у него, матери и младшего брата практически не было. У Ани был сильный характер и коммунистическое воспитание, поэтому она не позволила себе плакать при людях, ушла в степь и рыдала там. Прошло много вре-

¹ В небе фронтовом. С. 333.

мени, прежде чем она узнала, что ее семья успела из Таганрога эвакуироваться. Боль о родных, которых она считала погибшими, была с ней постоянно, но слез больше не было — как будто она их все выплакала тогда, на ветру в ледяной степи¹.

Уезжая из Россоши, личный состав ее батальона связи собирался уже под грохот артиллерии. Был получен приказ эвакуироваться в Сталинград, а для этого нужно было переправиться через Дон. Отступали, «по правде говоря, уже в полном хаосе»².

Основные силы Юго-Западного фронта немцы разгромили в Киевском котле — самом большом за всю Вторую мировую войну. По немецким данным, было взято в плен шестьсот шестьдесят пять тысяч человек, потери советской стороны убитыми и ранеными составили не менее полумиллиона³. В дивизиях, которым следовало иметь почти десять тысяч солдат, осталось по тысяче, как в стрелковом полку. Отступали неорганизованно, части перемешивались, и не всегда было понятно, где какая часть сейчас находится. Ане и другим радистам батальона, ехавшим с рациями на полуторках, начальник связи приказал по возможности останавливаться, включать радиостанцию и ходить по волнам. От них требовалось определить свои собственные координаты и сообщить в штаб, где они находятся⁴. Когда дали позывные, Анина радиостанция смогла передать, что находится недалеко от Котельникова, небольшого города в двухстах километрах от Сталинграда. Когда Аня вышла на связь в следующий раз, она передала, что они вместе с большой колонной попали под бомбежку, но теперь движутся дальше.

¹ *Скоробогатова А. М.* Интервью автору.

² Там же.

³ *Исаев А. В.* Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005, электронная версия.

⁴ *Скоробогатова А. М.* Интервью автору.

Бомбежка была страшная. Заметив большую советскую колонну, немецкие самолеты-разведчики «фокке-вульф», получившие за свою конструкцию прозвище «рама», передали информацию на землю, и были вызваны бомбардировщики. Темнело. Немцы сбросили осветительные ракеты и начали бомбить. Сразу же появилось множество убитых и раненых. Вокруг стоял шум и страшный крик. Солдаты, видя девушку, кричали Ане: «Сестричка, сестричка! Тащи раненых».

На курсах радистов Аня не научилась даже оказывать первую помощь, но настоящей медсестры рядом не было, и она начала помогать. Вместе с солдатами Аня носила раненых в ближайшую хату — тех, кого можно было перетащить. В доме хозяйка рвала простыни и рубашки на бинты. Раненых было человек двенадцать, раны всевозможные — настоящий кошмар для Ани, которая не бывала еще в таких переделках. Аня с хозяйкой и солдатами сделали, что могли. Нужно было уходить, взять с собой раненых возможности не было. Они остались в этом деревенском доме ждать прихода немцев, которые, с большой вероятностью, должны были их прикончить.

Свою полуторку Аня нашла уже глубокой ночью. Товарищи, увидев ее, закричали: «Слава богу, жива!» Аня все переживала, что в деревне остались без охраны и медицинской помощи раненые. Ребята ее успокаивали: «Наши придут, подберут». Но всем было ясно, что сзади уже нет наших: немцы наступали на пятки.

Глава 6

Я ведь могла прожить жизнь и ни разу не летать

КОМАНДА «ПОДЪЕМ» РАЗДАВАЛАСЬ ЗАДОЛГО ДО того, как над замерзшей Волгой поднималось холодное ноябрьское солнце. Эту команду Оля Голубева ненавидела больше всего¹. Кажется, только-только согрелась, только уснула, и тут же раздается: «Подье-о-ом!» Она вжималась в подушку, но тут же вздрагивала от окрика адъютанта эскадрильи: «Тебя особо надо будить?» Еще не проснувшись, девушки тянули руки к еле теплой батарее, где сушились их портянки, сделанные из пушистой бумазеи, которые их научила ловко наматывать коммиссар Рачкевич, служившая в армии уже много-много лет.

Только теперь они начинали понимать, какая она, солдатская служба. Оле, да и не только ей, было совершенно непонятно, для чего нужно было всегда находиться в строю. Строем ходили на занятия, в столовую, на аэродром и даже в баню, с рассвета и дотемна. Даже ночью снились непривычные еще команды: «Равняйся!.. Смирно!.. Кругом!.. Отставить разговорчики!..»

Строевой подготовкой с девушками занимался лейтенант лет тридцати пяти, которого они называли «строевой дед»: для

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 46.

них он был настоящим стариком. Тридцатипятилетний «старик» ходил вдоль строя, «щурил нахальные глазки» и тыкал девчонок пальцем в живот: «Заправочка!»¹ «Деда» ненавидели все, но большинство свою ненависть держали при себе. Лишь немногие осмеливались показать свое недовольство. Бесстрашная Голубева совершила очень вызывающий, с точки зрения «деда», поступок: пришла на занятия вместо сапог в валенках. Стоял страшный мороз, и валенки не помешали бы всем, но командиры так не думали, считали, что следует одеваться строго по форме независимо от капризов погоды. «Дед» дал всем, кто обул валенки, по три наряда вне очереди.

Муштровали и в полках. Механики полка легких бомбардировщиков сразу невзлюбили инженера полка Софью Озеркову — строгую, по-военному подтянутую, физически закаленную. Она прибыла в полк из Иркутского военного училища. Озеркова тоже начала свою работу с ними с муштры: военной выправки и строгого соблюдения уставных правил. Требовала дословно повторять ее приказы, докладывать об исполнении, рапортовать по форме. Техники, пришедшие с «гражданки», считали соблюдение внешней дисциплины ненужной формальностью и ненавидели Озеркову за то, что она в любое время и в любую погоду могла поднять их по тревоге и по часам отслеживать исполнение своих приказаний. Только на фронте они поняли, какой она хороший человек².

Тем, кто учился в аэроклубе, было легче привыкнуть к новым условиям, но новичкам с непривычки приходилось очень тяжело. Занятия шли с раннего утра до позднего вечера: штурманская подготовка, огневая подготовка, строевая подготовка, материальная часть. А у летчиков, к их радости, еще начались тренировочные полеты.

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 73.

² Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч., электронная версия.

Истребительный полк получил свои Яки в конце января. 28 января Нина Ивакина писала о первом доставленном им Як-1, называя его «первой ласточкой»: «Самолетик беленький, как снег, на лыжах, два скорострельных пулемета и пушка». Ивакину поразило, с каким трепетом смотрели на эту машину летчицы, с каким нетерпением ждали, кому же дадут этого «первенца». Все бросили свои дела и собрались на аэродроме, устроив «бестолковую толкотню»¹.

Вскоре через Волгу с Саратовского авиационного завода пригнали и остальные Яки. Как их ждали, как готовились к встрече! Когда был получен приказ «готовиться к приему материальной части», техники бросились перепроверять инструменты и места стоянки своих самолетов, повторять правила встречи и сопровождения машины на стоянку.

В день прибытия самолетов, проснувшись, все побежали к окнам: «Летная будет погода или нелетная?» День выдался, как по заказу, яркий и солнечный. Снег на аэродроме искрился так, что больно было глазам, но все, щурясь, смотрели в небо и ждали.

Долгожданный гул моторов раздался около полудня, и у всех захватило дыхание, когда над аэродромом появились Яки. Девушки были от них в восторге: Яки в зимней маскировочной окраске были тоже белые, все на лыжах. Это были их единственные белые самолеты за всю войну, вскоре от белой краски отказались. Лыжи вместо колес в зимнее время также оказались непрактичным решением, и потом все самолеты были с колесами. Именно поэтому всем так запомнились прилетевшие к ним в солнечный зимний день белоснежные, как сказочные птицы, первые самолеты. Техник звена Санинский, своими нескончаемыми шуточками помогая остальным техникам бороться с усталостью, продержал их на морозе у самолетов целый день. К вечеру машины были готовы.

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 10.

Боевые части, получавшие такие же белоснежные Яки с переквалифицировавшегося с выпуска комбайнов саратовского завода, не могли поверить в свою удачу. «Ишачки» — самолеты И-16, на которых они воевали до этого, были «маленькие самолеты со слабым вооружением... к тому же и скорости нет», у них был один пулемет ШКАС, «шкастик», которого в бою было недостаточно — «нажмешь, все вылетело, и бить нечем». Когда белые Яки были доставлены в 296-й истребительный полк, по которому так скучала Маша Долина, летчики оценили новую машину сразу: качественно новый самолет имел отличные летные характеристики и был серьезно вооружен: пушкой, двумя пулеметами и шестью реактивными снарядами. Посадка на лыжах давалась сначала тяжело, «тормозить нечем», но наконец у них была «машина, на которой можно воевать»¹.

29 января Лиля Литвяк писала маме, что наконец-то самостоятельно вылетела на Яке — это уже много месяцев было ее мечтой. «Можете считать меня натуральным истребителем»². Она очень была довольна тем, что «вывозной налет», то есть налет на Яке с инструктором, пока ее не допустили до самостоятельных вылетов, у нее был минимальный. Настоящие тренировки были еще впереди: полеты на большой высоте, высший пилотаж, тренировочные воздушные бои.

Они начали изучать, помимо других специальных предметов, тактику истребительной авиации и фоторазведку. Летал каждый уже на своем самолете, который механики терли до блеска. Все вставали, как и раньше, в шесть и летали с девяти до пяти часов. Плохо было только то, что обедали из-за этого в шесть вечера. Кормили временами неважно даже летчиков. «Сливочное масло по 20 г дают один раз в пять дней. А тут как-то в первый раз по одному яйцу дали», — писала

¹ Еремин Б. Н. Интервью Артему Драбкину // www.iremember.ru

² В небе фронтовом. С. 333.

родным Лера Хомякова. «Выхожу из столовой и хочу есть»¹. Техники, которых кормили хуже, чем летчиков, старались не съедать свой хлеб за обедом, а взять его с собой к самолету. Когда от голода совсем подводило животы, они доставали его и грызли, ледяной и твердый от мороза, и становилось полегче.

В тот же день, когда Лиля Литвяк писала о первом самостоятельном вылете на Яке, на служебном совещании Нина Ивакина узнала, что в феврале их планируют отправить на фронт. Для личного состава это пока было секретом. Отправка полка, который будет летать на У-2, предполагалась скорее — их проще было учить.

В день, когда было объявлено о формировании полка ночных бомбардировщиков, учивший штурманов морзянке преподаватель был в прекрасном настроении. На своем ключе он выстукивал разные забавные фразы, и по классу то и дело пробегал смешок. Внезапно он начал стучать все быстрее и быстрее, взяв скорость, которую могли принять немногие. «Пришел приказ о создании полка легких ночных бомбардировщиков. Кто понял меня, может быть свободным и без шума покинуть класс»². Несколько человек поднялись и вышли с загадочными улыбками, а остальные, оторопев, смотрели на них. Когда все выяснилось, у девушек как будто выросли крылья: «Значит, скоро на фронт!»

Долгожданные самолеты они получили в начале февраля: новые У-2 были точно такие же, как те старенькие, на которых учились, — легкие, тихоходные, с матерчатыми крыльями. Парашютов не выдали: по мнению начальства, да и самих экипажей, этот самолет в случае поломки мог прекрасно спланировать на землю, так что прыгать не требовалось. То, что сделанный из фанеры и перкали самолет заго-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 24

² Аронова Р. Ночные ведьмы. М., 1980, электронная версия.

рался как спичка и люди могли сгореть в нем заживо до того, как успеют посадить самолет, начальству в голову не пришло. Иногда пилотам У-2 приходилось слышать, что, так как летать им предстоит за линию фронта, лучше погибнуть в самолете, чем сесть за линию фронта и попасть к немцам в плен. Такая точка зрения кажется сейчас бесчеловечной, но так думали в 1942 году и сами летчицы и штурманы: лучше смерть, чем немецкий плен, о котором такие ужасы пишут в газетах. Но большинство из них не думали ни о возможности плена, ни о смерти. В двадцать лет об этом не думаешь, даже на войне.

Если в большой мороз взяться голой рукой за металлическую деталь в самолете, рука сразу же примерзнет, и, отдернув ее, человек оставит на металле кусочки кожи, а рана на руке будет долго кровить. Такое происходило с летчицами и техниками У-2 неоднократно, пока они не научились никогда не снимать в самолете перчатки. Зима 1941/42 года запомнилась суровостью, сильными морозами и жестокими метелями. Летчиков одели очень тепло: в унты с меховыми чулками внутри, меховые комбинезоны, меховые перчатки, дали даже кротовые маски на лицо. Но разве такая одежда спасет человека, поднимающегося суровой зимой на высоту в открытой кабине У-2? Замерзали страшно, нередко обмораживали лица. Штурманов с непривычки тошнило. Но почти никто не хныкал. «5 января я первый раз в жизни 10 минут была в воздухе, — писала Женя Руднева. — Это такое чувство, которое я не берусь описывать, так как все равно не сумею. Мне казалось потом на земле, что я вновь родилась в этот день. Но 7-го было еще лучше: самолет сделал штопор и выполнил один переворот. Я была привязана ремнем. Земля качалась, качалась и вдруг встала у меня над головой. Подо мною было голубое небо, вдали облака. И я подумала в это мгновение, что жидкость при вращении стакана из него не выливается... После первого полета я как бы заново родилась, стала на мир смотреть другими глазами... и мне

иногда даже страшно становится, что я ведь могла прожить жизнь и ни разу не летать...»¹

Галя Докутович в те дни тоже начала летать в качестве штурмана. Оказалось, что быть штурманом не менее интересно, чем летчиком. «Теперь я понимаю, как может захватить штурманское дело!» — писала она. «Немного полетаешь, и ходишь как зачарованная, скорей хочется опять в воздух»². Но и тут ее подстерегало жестокое разочарование: Галю, как человека с незаконченным высшим авиационным образованием и летным опытом, назначили адъютантом эскадрильи.

Незадолго до этого летчиков и штурманов полка У-2 распределили по парам, и появились выражения «мой штурман» и «моя летчица». Назначенная командиром полка Евдокия Бершанская, опытный летчик-инструктор, понимала, как важно, чтобы штурман и летчица, которые в полете будут действовать как единый организм, подходили друг другу по характеру. Она много думала, когда составляла с начальником штаба Ракобольской эти пары. Большинство оказалось удачными, просьб о переводе в другой экипаж практически не было. Если одна из пары погибала, для другой это становилось огромной трагедией. Но гибли они, как правило, вдвоем.

Тем, кто, как Галя Докутович, совмещали административную должность с летной работой, не назначали постоянную пару. Предполагалось, что они будут летать в свободное от административной работы время, но такого времени у них было мало, и поэтому их планировали отправлять с теми летчицами, у которых не оказалось штурмана. Галя Докутович была этим очень расстроена, хотела летать. «У меня неприятность, писала она в дневнике. — Назначили адъютантом эскадрильи. Я ду-

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 94.

² Докутович Г. Сэрца и крылы. Дзенник штурмана жаночага авияцыоннага палка. Минск, 1957. С. 10 (цитаты приводятся в переводе с белорусского В. Горбылевой и О. Вашковой).

маю, это значит — прощай полеты»¹. Сидя на ежедневных занятиях в штабной группе, которые обещали сделать их «страшно умными», Галя завидовала тем, кто сейчас поднимался в небо, и очень ценила свои редкие тренировочные вылеты, особенно ночные, самые сложные. 5 февраля она писала: «Очень интересно... Чудные какие мы вчера в столовую пришли после ночных полетов! Лица красные, волосы лохматые, глаза воспаленные. Пришли в час ночи прямо в комбинезонах, унтах. Сидим, едим, а Женя Жигуленко клонит и клонит голову Вере Белик на плечо, глаза совсем закрываются».

Но от штурманов ночных бомбардировщиков требовалось не только найти ночью дорогу к цели и дорогу назад на свой аэродром. Они должны были и точно сбросить над целью бомбы. Мирные тихие маленькие У-2 превращали в бомбардировщики самым кустарным способом, уже на местах. Более совершенный их вариант, приспособленный для перевозки бомб, стал поступать в боевые части только к 1943 году. А пока бомбы с помощью несложных приспособлений подвешивали под крылья, а светящиеся маленькие бомбы САБ штурманы просто-напросто брали на колени, как багаж. Самолет нес 200 кг бомб. Галя Докутович писала в дневнике, что, как только будет освоена «матчасть» — то есть новые У-2, их отправят на фронт. Командир полка Бершанская собиралась в ближайшее время лететь в Москву за приказом.

Летчики 587-го полка завидовали истребителям и легким бомбардировщикам: они все еще ждали своих самолетов, а тренировались на «сучках» Су-2. Их штурманы проходили курс подготовки на бомбардировщике ТБ-3, в который можно было погрузить всех сразу. Перед первым полетом они боязливо подошли к огромной машине и замерли, глядя на сваленные под крылом парашюты. «Надеть парашюты!» — скомандовал

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 14.

штурман-инструктор. Как их надевать, никто не знал, но маленькая Тоня Пугачева смело взяла парашют и стала надевать. Парашюты были подогнаны на мужчин, поэтому плечевые ремни оказались на уровне Тониных ног, которые она в ремни и продела. Мужской экипаж бомбардировщика покатился со смеху, но инструктор не растерялся, прикрикнул на них, забрал у Тони парашют и объяснил девушкам, как с ним обращаться¹.

Самолеты им, наконец, дали, и самые современные — добилась Раскова. Прилетев в Москву к наркому авиационной промышленности Шахурину, с которым была хорошо знакома, Раскова на вопрос о цели ее приезда ответила, что приехала просить для своего полка новейшие пикирующие бомбардировщики Пе-2. Шахурин едва не рассмеялся ей в лицо: «Это вам не У-2»². Выпуск двухмоторного бомбардировщика Пе-2 начали еще до войны, но к 1942 году им вооружили лишь немногие части.

Конструктор Петляков разработал свой самолет в тюремном конструкторском бюро (он находился в заключении с 1937 года по невероятному обвинению в создании русско-фашистской партии). Первоначально Пе-2 разрабатывался как истребитель, но, когда выяснилось, что стране срочно нужен пикирующий бомбардировщик, истребитель в кратчайшие сроки был в него переделан. Самолетом начальство осталось очень довольным, и конструктора поощрили: дали Сталинскую премию и даже выпустили на свободу. Новейший пикирующий бомбардировщик мог нести полторы тонны бомб, развивал скорость до 540 км/ч, поднимался на большую высоту. На нем можно было пикировать под углом 50–60 градусов, за счет этого более точно сбрасывая бомбы. Ни у одного самолета не было таких прочных шасси, как у Пе-2.

¹ Долина М. Указ. соч. 50.

² Маркова Г. Взлет. О Герое Советского Союза М. М. Расковой. М., 1986, электронная версия.

Конечно, у этого самолета, как у всех, были и недостатки, причем серьезные. Сажать машину приходилось на высоких скоростях, что было очень опасно. Угол, под которым самолет заходил на посадку, нужно было определять с очень большой точностью: малейшая ошибка могла иметь смертельные последствия. Но главным недостатком была сложность пилотирования. Говорили, что именно из-за этого недостатка Пе-2 погиб и сам конструктор, потерпев катастрофу, когда в 1942 году летел в Москву на своем самолете. Петлякова похоронили на кладбище под Казанью недалеко от места катастрофы, и на его каменном памятнике вскоре появилась выбитая зубилом надпись: «За шасси тебе спасибо, а планер ты на себе испытал»¹. Эта надпись была, скорее всего, сделана человеком, хорошо знакомым с Пе-2.

Но все то, что Раскова слышала о сложности этого нового самолета, совершенно ее не обескуражило. В отличие от курсантов летных школ, которые попадали на фронт с очень небольшим налетом — обычно меньше ста часов, — летчицы ее полка имели тысячи часов налета, так что переучить их даже на самый сложный самолет было проще, чем ребят — выпускников авиационных училищ. Раскова не отступалась, и Шахурин сдался под напором красавицы и героини, пообещав дать ее полку Пе-2 в обход фронтовых полков, которым самолеты были нужны как кислород.

В 587-м полку известие о том, что их будут переучивать на такой сложный самолет, встретили не очень радостно, даже командиры эскадрилий растерялись: как освоить в короткие сроки громадину Пе-2? Но Раскова убеждала их не трусить и, как только прибыли Пе-2, сразу же сама включилась в занятия. Ей было намного сложнее, чем остальным, ведь ее налет был совсем маленький.

В полку Расковой капризную машину приручили и полюбили, и скоро стали ее звать «пешечка» и «ласточка». Во

¹ Долина М. Указ. соч. С. 53.

время учебы у них не было ни одного несчастного случая, в то время как в соседнем, запасном, полку, где переучивались на Пе-2 молодые ребята — вчерашние курсанты с налетом у кого сто часов, а у кого и двадцать, то и дело были катастрофы: летчики не справлялись с управлением. По правилам, в день, когда кто-то разбивался, полеты отменяли. Однако билось столько, что правило пришлось упразднить.

Летчицы летали весь световой день, у техников работы теперь было хоть отбавляй. Политработники трех женских полков тоже трудились не покладая рук. Помимо таких задач, как проведение занятий по теме «Красная армия — верный страж социалистического государства» и докладов о товарище Сталине, им приходилось очень много заниматься частными вопросами. В женском коллективе беспрестанно возникали всевозможные склоки, разрешать которые приходилось комиссарам. На русское Рождество, 7 января, 586-й полк в полном составе переселился из спортивного зала ДК в красный корпус авиашколы, где условия были намного лучше. Командование было довольно, устроив весь личный состав полка в одной большой комнате. Однако летчики сразу же начали бунтовать, поразив командиров и политработников: они не хотели жить вместе с техниками, своими товарищами. В советском государстве все были равны, но только в теории. Техники уже привыкли к неравенству в довольствии и к тому, что летчики смотрят на них свысока: «Как же летчик будет хорошо смотреть на нелетчика?»¹ Однако всех возмутила грубая форма, в которой протестовали летчицы: например, коммунист Клава Нечаева заявила, что ноги техников оказались в головах ее постели, что для нее совершенно невыносимо².

¹ Пасько Е. Б. Интервью автору. Москва, зима 2010.

² Ивакина Н. Указ. соч. С. 8.

В свою очередь, механиков отделили от мотористов, установив для них различные нормы питания. То, что летный и технический состав будут питаться по-разному, стало известно практически сразу после приезда в Энгельс. Это было связано с тем, что летчикам должны были быть присвоены офицерские звания, а в советской армии, как и в армии царской России, солдаты и офицеры питались совершенно по-разному. Теперь и технический состав разделили, объявив, что у механиков будут младшие офицерские звания, и поэтому норма питания у них будет другой, чем у мотористов и вооруженцев. Мотористы и вооруженцы возмутились. Нину Ивакину вывело из себя то, что нашлись члены комсомольского бюро, которые поддержали бунтарей, заявив, что следует обеспечить всех механиков одинаковым питанием. Ведь сейчас плохо кормили даже командиров. Даже те, кто ел в «военторговской столовой» — офицеры и политрабтники, — все равно представляли собой забавное зрелище, когда «ели жидкую гречневую кашу руками» из-за отсутствия ложек и вилок: есть было «нечего и нечем»¹. Чай пили несладкий, и многие мечтали о фронте еще и потому, что, как рассказывали, с едой там все было в порядке.

Почти ежедневно Нине Ивакиной приходилось вникать во всевозможные споры и ссоры. Комсомолка Федорова поссорилась с комсомолкой Соколовой, назвав ее «заразой». При разборе конфликта комсоргом обе ревели. Командир первой эскадрильи Беляева не хотела готовиться к докладу по политинформации, приходилось заставлять. А командиры делили власть. Раскова и Вера Ломако не переносили комиссара Куликову — нетерпимость была очевидна для всех окружающих, о чем Ивакина конечно же информировала саму Куликову. Сама Ивакина ссорилась с парторгом Касаткиной, говорившей, что у нее злой язык. Парторги с комсоргами не особенно дружили и в эскадрильях.

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 5.

Присланный политотделом батальонный комиссар постоянно «мучил» политработников полков: читал директивы, рассказывал, как нужно проводить политработу в различных ситуациях. От него Ивакина с удивлением услышала, что у «больших военных» с курсов комиссаров есть не меньше недостатков, чем у ее девушек. И «большие военные» были не прочь отлучиться без увольнительной из части и пойти в ДК на танцы. Оказалось, что такое поведение — совершенно обычное, и только комиссары в полках Расковой, в отличие от своих собратьев в других частях, были уверены, что смогут быстро искоренить такие беспорядки. Применявшиеся методы были в порядке вещей для того времени.

Нина Ивакина с одобрением писала в своем дневнике о письме, полученном Валею Краснощековой от школьного товарища, восемнадцатилетнего юноши, который на фронте потерял глаз. Понравившееся Ивакиной письмо было, с ее точки зрения, «совершенно не юное»¹. Загвоздка была в том, что Валя Краснощекова не давала Ивакиной этого письма и очень удивилась бы, если бы узнала, что его читал кто-то кроме нее самой².

В сталинские времена политработникам внушалось: нет ничего стыдного в том, что вы тайком читаете письма своих подопечных и роетесь в их вещах. Наша страна борется с врагами, внутренними и внешними, враги очень сильны, и поэтому так важно знать настроения людей, обладать всей информацией, какую можно получить.

Парторги и комсорги — люди, как правило, общительные и умеющие найти подход к каждому — старались время от времени проводить с подопечными доверительные беседы с глазу на глаз. Аккуратно, исподволь они вызывали людей на откровенность, располагая к себе, а потом предлагали расска-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 21.

² Краснощекова В. Н. узнала об этом только в 2011 г., прочитав дневник Ивакиной. (Прим. авт.)

зять о товарищах. Валя Краснощекова, помня урок своей мудрой бабушки — «доносчику первый кнут», не лила грязь и не наушничала, но таких, кто рассказывал, зачастую не сознавая, какой опасности подвергает подруг, нашлось достаточно.

18 февраля Ивакина отмечала в дневнике, что они с парторгом Клавой Касаткиной «нашли» некоторые странички дневника начальника штаба полка Нины Словохотовой и ее письмо сестре. В письме и дневнике про полк было написано «много гадости», а также содержались «возмутительные вещи о командовании, рядовых и наших полковых делах»¹. И письмо, и дневник Ивакина и Касаткина «передали КУДА СЛЕДУЕТ» (выделено Ивакиной), прекрасно понимая, как Словохотова может пострадать.

Однако большинство советских людей все еще по старинке считали чтение чужих дневников и писем невообразимой подлостью. Ведение дневника считалось упражнением, полезным для развития личности, и было очень распространено, и дневник конечно же не был предназначен для чьих-либо глаз.

Тем, кто попадал на фронт, обычно приходилось отказываться от ведения дневника. Официального запрета вести дневники на войне не было, однако практически в каждой воинской части политработники и командиры объясняли личному составу, что, попав в руки врага, дневник может быть очень опасен. А врагами были не только немцы, ими могли оказаться и те, кто был совсем рядом.

«...Только хочу что-то уяснить, переспросить, а мне: “Отставить!” Откуда только набрали таких солдафонов? Они не видят в нас человека, девушку...»² — писала в своем дневнике Оля Голубева. Она всегда любила писать, и, попав в армию, не

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 12.

² Голубева-Терес О. Т. Птицы в синей вышине. Саратов, 2000, электронная версия.

могла не писать о своей новой жизни, которая так сильно отличалась от прежней, о переполнявших ее новых впечатлениях. Очень скоро дневник, «случайно» кем-то прочитанный и ставший достоянием многих людей, «тогда определявших» Олину судьбу, «принес ей много огорчений». Как и во всех случаях, когда чей-то дневник «случайно» оказался на виду и был прочитан, подведя автора под монастырь, ничего случайного здесь не было. Кто-то из товарищей, с которым Ольге Голубевой очень скоро предстояло рисковать жизнью на фронте, ответил положительно на призыв политработников к сотрудничеству. Мотивы такого поступка могли быть разными. Кто-то, имея репрессированных родственников, боялся за себя, у других могли быть идейные соображения. Им было всего по двадцать лет. Газеты, писавшие о рекордах и всепобеждающей силе социализма, героях-летчиках и стахановцах, призывали к бдительности, сообщали о диверсантах, шпионах и вредителях. «И как можно было им не поверить, когда печатали признания врагов народа, когда выявляли виновных в поджогах колхозного хлеба, скотных дворов, взрывах на заводах?»¹ Большинство верили, верили даже тогда, когда арестовывали старого и больного учителя немецкого языка, который оказался шпионом, даже когда выяснялось, что вежливый интеллигентный друг семьи оказался опасным троцкистом.

И когда политработник, человек старше и опытнее тебя, наделенный властью, читает лекцию о бдительности, поневоле начнешь верить, что врагом может быть и соседка по нарам, комсомолка и патриотка, с которой ты укрываешься одним одеялом. И если тебя попросили во имя революционной бдительности найти и просмотреть дневник подруги, то какое право ты имеешь отказаться?

Сами политработники считали — и ошибочно, — что они-то могут вести дневники, не подвергаясь никакой опас-

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 29.

ности: их проверять некому. И Нина Ивакина, считая, что ее дневник никто не прочитает, писала и писала, подробно рассказывая о своей работе и переживаниях. С прибытием в середине января нового пополнения из Саратова ее работа стала еще сложнее.

Когда в Энгельсе выяснилось, что для трех авиаполков не хватает технического персонала, Раскова попросила о помощи саратовский горком комсомола. Девушки устремились потоком — в основном студентки, но были и заводские. С раннего утра они занимали очередь на собеседование, толпясь в тесном коридоре. Все внимание было обращено на дверь, за которой заседала комиссия. На выходящих наваливались кучей с вопросами. Девчонки были молоденькие, внешность у большинства не была достаточно внушительной для военной службы. «Ты куда, дитятко? — спросила одну из них комиссар Рачкевич. — Здесь не детский сад»¹. Только воспитанницы аэроклубов держались уверенно, робя лишь перед Расковой, которую узнавали сразу: «высокий лоб, гладкие темные волосы с пробором посередине, «Золотая Звезда» — на груди». Внимательно глядя на девушек, Раскова задавала множество вопросов об учебе, семье и работе, пытаясь понять, место ли ей в ее военной части. Ее спокойный, доброжелательный голос вселял уверенность. В полки приняла примерно каждую вторую.

Саратовских девушек разместили в одной большой комнате, где стало шумно и тесно. В целом ими были довольны, даже почти неграмотной Машей Макаровой, которая компенсировала недостаток образования тем, что, успев поработать шофером и трактористом, сразу прекрасно разобралась, что к чему в моторе Яка. Но новенькие принесли с собой и новые проблемы с дисциплиной. Девушки убегали с аэродрома греться, опаздывали на поверку, притаскивали в казарму котят и напропалую флиртовали с мужской частью гарнизона.

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 42.

Комсомолку Федотову дежурные по авиационному гарнизону застукали на лестнице, поближе к чердаку, с каким-то лейтенантом, который «позорно скрылся»¹. Растрепанная Федотова сказала дежурному чужую фамилию и другой номер полка, однако летчица Малькова и техник Фаворская из истребительного полка, оказавшиеся свидетелями инцидента, сочли своим долгом, краснея, выяснить у дежурного все подробности и сообщить их «куда следует» — Ивакиной и выше.

Некомсомолка Донецкая часто отсутствовала на аэродроме, игнорировала приказы, а потом совершила такое, о чем Ивакина даже не решилась написать в дневнике, а ветераны полка отказывались рассказывать. Проступок был настолько серьезен, что Донецкая покинула полк под конвоем. По поводу того, что делать с такими, как Федотова и Донецкая, на партсобрании полка возникли большие споры. Механик Осипова говорила, что Красная армия — это воспитательный дом, где вполне естественно заниматься перевоспитанием таких людей, но многие считали, что время военное и с такими, как Донецкая, «некогда возиться»², и чем скорее они покинут полк и перестанут его позорить, тем лучше. По мнению политработников, таких было немного, ведь работой личный состав был занят с раннего утра до позднего вечера. По их наблюдениям, «любвишками» занимались в основном девушки, работавшие в наркоматах и управлениях, бывшие секретарши больших начальников, которые такую же фривольную жизнь вели и на гражданке. Борьба с такими, как Донецкая и Федотова, нужно было решительно. Но как это сложно, когда даже летчики, самые взрослые и сознательные люди в полку, проявляли вопиющую несознательность.

В своем письме от 13 января Лиля Литвяк писала маме и брату Юре, что очень довольна тем, что все ее «мелкие неприятности,

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 16.

² Там же.

что были, сгладились благодарностью от начальства. Можно сказать, немного выслужилась». Даже те, кто наблюдал за ней с недоброжелательным вниманием — а таких хватало, должны были признать после начала тренировочных полетов, что летала Литвяк очень хорошо, а стреляла вообще лучше всех.

7 января, когда летчики практиковались в стрельбе по «конусам» — длинным матерчатым рукавам, которые тащил за собой самолет-буксировщик, — Ивакина отмечала в дневнике, что летчики стрелять еще не научились. Маша Кузнецова, Клава Блинова и многие другие «не справлялись с поставленной задачей»¹. Если верить Ивакиной, хорошо стреляла одна Литвяк. «Вообще, — писала Ивакина, — она по своим способностям может достигнуть многого. Но делает это лишь тогда, когда ей хочется кому-либо понравиться». Настороженное мнение Ивакиной не изменилось даже после успехов, которые Литвяк показывала в учебно-боевой подготовке. Яростно не соглашаясь с теми политработниками, которые, как парторг эскадрильи Таня Говоряко, высказывались в защиту Литвяк, Ивакина считала, что успокаиваться она не имеет права, так как имеет дело со «слишком самовлюбленным человеком». Литвяк, получив понижение наложенного на нее взыскания, продолжала ходить вне строя и убегать без разрешения в актовЫй зал. Но это были еще цветочки. Скоро Ивакина записала в дневнике: «У нас появилась шикарная летная дама-кокетка».

«Курсант Литвяк, два шага вперед!» — скомандовала Раскова. Только теперь собравшиеся на построение сто с лишним курсантов истребительного полка — летчики, техники, вооруженцы — заметили, что на зимнем комбинезоне Лили Литвяк появился пушистый белый воротник. Накануне все получили зимнее обмундирование, в том числе теплые комбинезоны с некрасивыми коричневыми воротниками из цигейки. Лиля Литвяк, недовольная видом комбинезона, придумала выход:

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 8.

отпорола пушистый белый мех от «унтят» — меховых чулок, которые вкладывали в унты, и пришила его на комбинезон. Она очень любила белый цвет, и он ей был к лицу.

То, что военную форму перешивать не разрешается, ей не пришло в голову. Дома, когда ей в руки попадало не совсем подходившее платье, она садилась за любимую швейную машинку и моментально перешивала его. Мама, до революции бывшая мастером по шляпам, возможно, даже владелицей шляпной мастерской, прекрасно шила. Лиля научилась у нее шитью и унаследовала редкий талант из ничего создать красивый наряд. После ухода отца они жили очень бедно, мама билась как рыба об лед, но на Лилиных платьях всегда были банты, на пальто — большие меховые воротники. Красивые шарфики она себе делала сама. Девчонки во дворе ей завидовали: Лилька Литвяк была одета лучше всех.

Большинство Лилиных ровесниц в тридцатых годах были одеты очень бедно. Когда они были маленькие, в стране царил НЭП, все можно было купить, были бы деньги. Но в конце двадцатых годов, когда большевики приняли новый курс форсированного построения социализма, повседневная жизнь снова стала такой же «чрезвычайной», как в годы ленинского «военного коммунизма». Промышленные товары теперь выдавали населению по карточкам, но все равно, чтобы их получить, требовалось отстоять в бесконечных очередях. «В очереди становились с ночи. В очередях стояли семьями, сменяя друг друга» (Д. Гранин). Население страны, включая москвичей с ленинградцами, снова погрузилось в эпоху «оборванства и нищенства». Как вспоминала Лилина ровесница, все ее одноклассники «ходили в синих сатиновых халатах... Редко кто из ребят имел красивое шерстяное платье, или теплый свитер, или рейтузы. Одевались очень плохо, особенно в 1929–1933 гг. На ногах резиновые тапки или парусиновые баретки на резиновой подошве, руки вечно красные, мерзли без варежек. Какие у нас были пальто, уж не помню, но точно,

что не купленные в магазине, а перешитые из какого-нибудь старья»¹. Единственная пара белья стала типичным явлением. Покупка пары галош, стоивших 15 рублей, в тридцатых годах пробивала огромную брешь в семейном бюджете.

В конце тридцатых ситуация начала меняться: появились модные журналы, а граждан стали даже поощрять одеваться хорошо. В моду вошли крепдешиновые платья и красивые прически. Жены партийных и советских работников уже не носили френчи и красные косынки, а одевались в элитных закрытых магазинах. Остальным женщинам купить красивые наряды было сложнее, да и не на что. Приобретя ткань по ордеру, шили сами. В случае бедных, как у Лили Литвяк, семей, спасали ситуацию только старые запасы: сохранившиеся с лучших времен куски материи, старая одежда, которую волшебные руки могли неузнаваемо переделать. Спасибо золотым рукам мамы и своим собственным: Лиля привыкла щеголять.

Но военные должны быть одеты по форме — по крайней мере, курсанты второго месяца службы. Вызвав Лилю из строя, Раскова поинтересовалась, когда она успела пришить новый воротник, и Литвяк ответила, что ночью. Раскова объявила, что Литвяк отправляется под арест на гауптвахту, где должна будет пришить белый мех назад на «унтыта», а цигейку — обратно на комбинезон. Поступок Литвяк многих возмутил. Механик Фаина Плешивцева, высокая спортивная девушка, с осуждением глядя на Лилю, думала: «Как это может быть — идет такая война, а эта девушка, эта блондинка, может думать о такой ерунде, как меховой воротник! Какой же летчик из нее получится?»² Для комсорга Нины Ивакиной этот инцидент был очень показателен: то, что с Литвяк нужно работать, она

¹ Воспоминания С.Н. Цендровской, цит. по: *Сидоров А.* На Молдаванке музыка играет. Ч. 6. М., 2012, электронная версия.

² *Овчинникова Л.* Сталинград, девушки, самолеты // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. 2012. 16 октября.

поняла сразу же по приезде в Энгельс. Сначала кто-то рассказал ей о часах налета, которые Литвяк себе приписала. Потом, когда Ивакина начала осторожно наводить справки, оказалось, что некоторые летчицы имеют о Литвяк совсем не лестное мнение. Ивакиной захотелось поподробнее изучить социальное происхождение Литвяк, что не сулило Лиле ничего хорошего. Не составило бы большого труда выяснить, что ее отец репрессирован, но, если это и всплыло, видимо, помогло то, что он бросил семью задолго до своего ареста.

Поступок Литвяк расколол полк: большинство ее осудили, но подруги Литвяк Клава Панкратова и Валя Лисицина возмутили комсорга тем, что не только не остановили Лилю, когда та пришила на комбинезон белый мех, но и «помогали ей и потом весело сопровождали Литвяк в обновленном одеянии на аэродром»¹. А она и после случая с мехом и гауптвахтой продолжала подолгу укладывать перед маленьким зеркальцем светлые (говорили, что она осветляет их перекисью) выющиеся волосы и ходить в вывернутой мехом наружу летной безрукавке — «самурайке», мех которой, как и внутренность унтят, был белый и очень ей шел².

Галя Докутович таких, как Литвяк, презирала, она была совсем другая. Будущая летчица полка ночных бомбардировщиков Рая Аронова, как и многие, обратила внимание на Галю в первые же дни, заметив «высокую, смуглолицую, с густым румянцем и темными бархатными глазами». Ей сразу подумалось, что эта красивая девушка умна, «только уж очень сдержанная» — такая строгая, что так просто к ней не подойдешь. Галя Докутович считала, что о нарядах и мальчиках можно будет думать только после войны, на которой всю себя нужно отдать борьбе. Те, кто думал так же, как она, еще больше укрепились во мнении, когда личному составу прочитали статью под

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 9.

² Голубева-Терес О. Т. Интервью автору.

заголовком «ТАНЯ», опубликованную в «Правде» 27 января 1942 года. История восемнадцатилетней девушки изменила мировоззрение и самоощущение всего военного поколения и многих поколений, пришедших ему на смену.

Сотни тысяч таких же, как Нина Ивакина, юных комсоргов проводили комсомольские собрания, рассказывая о героической смерти комсомолки. «Замечательная девушка-патриотка, героически погибшая за свою родину», — писала о ней Ивакина.

Историю неизвестной девушки, назвавшейся на допросе Таней, корреспондент Лидов услышал от крестьянина в освобожденной деревне Волоколамского района Подмосковья, и немедленно о ней написал. Партизанка «Таня» была схвачена в деревне Петрищево и подверглась пыткам: немцы требовали, чтобы она выдала других участников диверсионной группы и ее руководителей. «Таню» раздели догола и пороли, несколько часов босую и в одном белье водили по морозу, вырвали ногти, но она ни в чем не призналась и никого не выдала. Как писал Лидов, «Таня», когда ее вели на виселицу, призывала собравшихся деревенских бороться и кричала немцам: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете!» — слова, которые после статьи Лидова разнеслись по всей стране, став крылатыми. Изуродованный труп девушки несколько недель не снимали с виселицы.

«Таня» стала первой советской девушкой-иконой, святой, на которую идеология требовала равняться. Слушая комсоргов, давая перед товарищами торжественное обещание быть такими же бесстрашными, как «Таня», преданные Родине и коммунистическим идеалам девушки впервые примеряли на себя страшную роль, впервые пытались понять, хватит ли у них сил выдержать пытки и не выдать товарищей, смогут ли они так же, как Таня, грозить немцам перед казнью. Этот вопрос, ответа на который не было, лишал их сна и отравлял жизнь.

Вскоре выяснилось, что Таню на самом деле звали Зоя Космодемьянская, и ей было всего восемнадцать. Лидов написал более подробную статью, к которой были приложены фотографии казни Зои, найденные у убитого немецкого солдата. Все газеты писали об истории Зои, публиковали передовицы, призывающие за нее отомстить. Все знали, какое у нее было лицо: в газетах напечатали довоенный портрет — во всех один и тот же, выбранный Зоиной мамой, школьной учительницей. Все моменты, которые не устраивали пропаганду, были опущены. История была сложная.

Зоя, нервная, романтичная, очень ранимая девушка, в подростковом возрасте из-за конфликта с одноклассниками пролежавшая месяц в клинике нервных заболеваний, была фанатичной комсомолкой. С начала войны ее охватило стремление идти воевать с немцами. Желание осуществилось 31 октября 1941 года, когда в числе других добровольцев Зою приняли в диверсионно-разведывательную группу. Их обучали всего пару дней и 4 ноября уже перебросили в район Волоколамска под Москвой. Они минировали дороги и собирали разведывательные данные, но главная задача была другой. 17 ноября вышел приказ Ставки Верховного главнокомандования № 428, предписывавший лишить «германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом», с каковой целью было приказано «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог»¹. Абсолютная бесчеловечность этого приказа поражает. Зима в тот год была на редкость суровая, с морозами под со-

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 257–258.

рок градусов. Жители прифронтовых деревень, где остались уже лишь старики, женщины и дети, у которых военные, сначала советские, потом немцы, забрали все запасы продовольствия, отобрали лошадей, зарезали коров, съели кур, не оставили даже зерна для посева весной, теперь, в самом начале этой лютой зимы, лишались еще и домов.

Не имея ни малейших сомнений в правильности приказа, члены Зоиной группы, вооруженные бутылками с зажигательной смесью и пистолетами, 27 ноября 1941 года начали с деревни Петрищево, спалив там три дома (согласно полученному заданию, они должны были полностью сжечь в течение пяти-семи дней десять населенных пунктов). После этого один человек из группы, не дождавшись в условленном месте товарищей, благополучно вернулся к своим, второй был схвачен. Зоя, оставшись одна, решила вернуться в деревню и продолжить поджоги. Но настороже были уже и немцы, и местное население, не согласное с приказом Верховного главнокомандования об уничтожении их жилья. Когда вечером следующего дня Зоя попыталась поджечь сарай крестьянина Свиридова, тот вызвал немцев. Партизанку схватили и долго мучали. К истязаниям пытались присоединиться две погорелицы, лишившиеся по ее вине домов. Даже на следующий день, когда девушку вели на казнь, повесив ей на грудь табличку с надписью «Поджигатель домов», одна из этих женщин по фамилии Смирнова била ее палкой по ногам и кричала: «Кому ты навредила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала!»¹ Обе погорелицы и крестьянин Свиридов после освобождения деревни были расстреляны. Расстрелян был и Василий Клубков, единственный человек из группы Зои, благополучно вернувшийся к своим. Выбив из него признание, что он предал Зою, которое планировалось использовать в отредактированной истории ее гибели, Клубкова расстре-

¹ Горинев М. М. Зоя Космодемьянская. Отечественная история. 2003. № 1.

ляли. А подписанным им показаниям так и не дали ход: передумали.

Казнь Зои Космодемьянской одна из свидетелей описывает следующим образом: «До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Довели до виселицы. Вокруг виселицы было много немцев и гражданских. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать.. При ней была сумка с бутылками [с зажигательной смесью]. Она крикнула: «Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Эта моя смерть — это мое достижение». После этого один офицер замахнулся, а другие закричали на нее. Затем она сказала: «Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен». Все это она говорила в момент, когда ее фотографировали.. Потом подставили ящик. Она без всякой команды стала сама на ящик. Подошел немец и стал надевать петлю. Она в это время крикнула: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Это она сказала уже с петлей на шее. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла. Она взялась за веревку рукой, но немец ударил ее по рукам. После этого все разошлись»¹.

Тело Космодемьянской повисело на виселице около месяца, неоднократно подвергаясь надругательствам со стороны проходивших через деревню немецких солдат. Под новый 1942 год пьяные немцы сорвали с повешенной одежду и в очередной раз надругались над телом, исколов его ножами и отрезав грудь. На следующий день немцы отдали распоряжение убрать виселицу, и тело было похоронено местными жителями за околицей деревни. Останки обрели здесь покой лишь на время: впоследствии их перезахоронили на Новодевичьем кладбище.

¹ Горинев М. М. Зоя Космодемьянская. Отечественная история. 2003. № 1.

Глава 7

Первые похороны

ЗЕМЛИ НЕТ: НОЧЬ ОДЕЛА ЕЕ В ГУСТОЙ МРАК. ГОРИЗОНТА НЕТ: ЗАТУШЕВАН НОЧЬЮ. «Нужна особая сноровка, особое чутье, чтобы по отдельным сгусткам темноты, неясным штрихам, белесым пятнам определить свое местонахождение. Иногда случайный огонек может сказать очень многое и послужить спасительным маяком среди океана тьмы»¹ — так вспоминала о ночном полете одна из летчиц полка Бершанской. По чужим описаниям сложно составить себе представление о ночном полете с примитивными приборами. Только испытав его на себе, можно понять, сколь специфических навыков он требует. «Ночники» — летчицы и штурманы полка ночных бомбардировщиков — учились видеть в темноте и жить ночью.

Пришедшая в голову конструктору Поликарпову идея применять самолет У-2 в качестве легкого ночного бомбардировщика оказалась необыкновенно удачной. Его самолеты (которые в 1944 году после смерти конструктора переименовали в его честь в По-2) несли двести-триста килограммов

¹ *Аронова Р.* Ночные ведьмы. С. 42.

легких бомб и, хотя могли нанести противнику относительно небольшой ущерб (тяжелые бомбардировщики несли бомбовую нагрузку в десятки раз выше), выполняли очень важную задачу: «...бомбардировочные операции на малой высоте, преимущественно ночью, с целью не давать покоя противнику, лишать его сна и отдыха, изнурять, уничтожать его авиацию на аэродромах, склады горючего, боеприпасов и продовольствия, мешать действиям транспорта, штабов и т.п.»¹, навлекая на себя ненависть немцев. Но научиться летать и бомбить ночью было очень непросто.

Своей новой, изнуряющей ночной жизнью полк ночных бомбардировщиков начал жить сразу после получения новых самолетов, и распорядок дня остался неизменным до конца войны. Вернувшись на рассвете после ночных полетов, летчики и штурманы завтракали в столовой и ложились спать. Спали, конечно, недостаточно: мешал шум просыпающегося вокруг мира. Когда спали техники и вооруженцы, поджидавшие и обслуживавшие свои самолеты ночью и чинившие их днем, неизвестно: несколько часов в общезитии, часок, когда тепло, прямо под крылом самолета на земле. Спать, как и есть, хотелось всегда.

Тренировки состояли в полетах ночью по определенному маршруту и в полетах на полигон для ночного бомбометания. Точность бомбометания отработывали, бросая сначала «люстру» — светящуюся авиабомбу, или САБ, а потом, прицелившись, сбрасывали цементную тренировочную бомбу. Полет длился около часа — на столько хватало топлива. Как только У-2 садился, его тут же заправляли, вооружали, и можно было летать снова. Каждую ночь до рассвета командир Бершанская провожала на старте уходившие один за другим в ночь маленькие самолеты и встречала их после посадки, место которой было обозначено светящейся буквой «Т». Вол-

¹ Техническое описание самолета По-2ВС // www.airwar.ru

нение за своих учениц она прятала за внешней строгостью и бесстрастным суровым лицом.

Сама Бершанская имела многие тысячи часов налета — и днем, и ночью, и вслепую по приборам. В Батайской летной школе она командовала женским отрядом пилотов, много лет работала инструктором, а после этого летала на линиях гражданской авиации. Путь ее в летчицы был таким же непростым, как и у большинства ее учениц. Бершанская, которой в 1941 году было двадцать восемь лет, росла в страшные времена — Гражданскую войну. Маленькой девочкой ей пришлось просидеть целую ночь рядом с мертвой мамой, успокаивая братишку. Какое же было счастье, когда через несколько дней объявился дядя и забрал их в свою семью, где они росли пусть в труде и лишениях, но и в любви. Однажды, когда Дуся с другими детьми бегала на школьном дворе, раздался чей-то звонкий крик: «Аэроплан летит!» Самолет пролетел над деревней и стал резко снижаться. Когда дети, запыхавшись, добежали до него, возле самолета, разминая затекшие ноги, приседал и подпрыгивал молодой веснушчатый паренек, совсем такой же, как сельские ребята. Глядя на него, Дуся неожиданно поняла, что «таинство полета доступно самым... обыкновенным людям» (М. Чечнева). Тут же она решила, что тоже будет летать, и отговорить ее было невозможно. Она закончила аэроклуб, потом Батайскую летную школу, в которой осталась работать инструктором. Раскова была давно знакома с Бершанской и пригласила ее в «Авиагруппу № 122» одной из первых. Стоит ли говорить, что, появившись в части Расковой, Евдокия Бершанская потребовала, чтобы ее переучили на истребителя, и расстроилась, когда ей сказали, что дадут командную должность в полку бомбардировщиков. Летать на истребителе ей хотелось намного больше, чем быть командиром полка. Но, услышав приказ, она взялась за дело без возражений. Маленький сын от неудачного брака с летчиком Бершанским остался в тылу с бабушкой. В конце войны у Бер-

шанской была фамилия Бочарова: она вышла замуж за командира летавшего на У-2 мужского полка, рядом с которым женский ночной бомбардировочный авиаполк шел всю войну¹.

Вместе с Бершанской проводила самолеты и принимала рапорты после их посадки по светящейся букве «Т» стройная кареглазая черноволосая женщина среднего роста — начальник штаба Ракобольская. Для летчиц и штурманов она была совсем не тем, чем командир полка. Бершанская была намного старше (по крайней мере, казалась), профессиональная летчица и уже настоящая военная — существо непонятное, далекое, внушающее уважение и робость. А Ира Ракобольская была просто подругой, повышенной до командной должности. Совсем недавно она училась на механико-математическом факультете Московского университета. В отличие от Бершанской, комиссара Рачкевич, инженера полка Озерковой, которые были начальством и от которых старались держаться подальше, Ракобольская была хоть и начальник, но «своя» — невоенная, с такими же интеллектуальными интересами, как остальные студентки, с той же любовью к книгам. В казарме ее называли Ирой, в официальной обстановке — «товарищ лейтенант». Ира, девушка со светящимся в «лукавых карих глазах»² недюжинным интеллектом, была связующим звеном между командованием полка и личным составом.

Как построить отношения с командиром полка, Ракобольская понять не могла. Бершанская была старше и вышла из совсем другой среды, чем бывшая студентка МГУ³. Все выступления командира полка на различных собраниях Ракобольской приходилось для нее писать, и Бершанская читала их, не отрывая от шпаргалки глаз. Никакой близости к Бершанской, которая была как будто сделана из другого

¹ Ракобольская И. В. Интервью автору.

² Руднева Е. М. Пока стучит сердце..., стр. 236.

³ Ракобольская И. В. Интервью автору.

материала, Ира не ощущала, однако Бершанская почему-то выбрала ее своим доверенным лицом, односторонне решив, что Ира ее близкий человек в полку, и доверительно рассказывала многое личное, о чем Ракобольская не очень хотела знать. Рассказывала о сыне, об интимных подробностях жизни с мужем-летчиком, нисколько не смущаясь тем, что Ира была девушкой и часто не понимала, о чем она говорит. Однако чем дальше, тем больше Бершанская Ире нравилась: решительностью, порядочностью, выдержанностью, высоким мастерством летчика, суровым и неустанным вниманием к подопечным, способностью постоянно расти и учиться. Незаметно для Иры, ведь они всегда были вместе, Бершанская повышала и свой профессиональный уровень, и уровень своего образования: к концу войны все тексты своих выступлений она уже составляла сама.

«Ты спрашиваешь, как бомбить? — писала Женя Руднева подруге в Москву. — Навести самолет на цель и включить сбрасыватель — бомба оторвется и полетит на головы проклятых немцев. О, как я ненавижу их...»¹ Только сейчас она призналась родителям, что находится в летной части и готовится к отправке на фронт. «Родной мой, — писала Женя отцу, — в меня уже здесь столько вложено сил, денег и, главное, знаний, что я вместе с остальными представляю некоторую ценность для фронта. Я обязательно вернусь к вам домой после войны, но уж если что случится, то фашисты дорого заплатят за мою жизнь, так как владею совершенной техникой...» Неуклюжая, медлительная, нелепо выглядывшая в военной форме, Женя Руднева к этому времени уже была штурманом полка. Она прошла очень большой путь. Как-то в начале учебы в Энгельсе им сказали, что все штурманское снаряжение должно быть привязано, чтобы его не унес ветер.

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 236.

На следующий день Женя появилась вся увешанная предметами штурманского обихода, которые были аккуратно привязаны веревочками к пуговицам ее военной формы. Над ней добродушно посмеивались, но Женя, одержимая целью в совершенстве освоить штурманское дело, не обращала внимания. «Я чувствую, что я иду единственно правильным путем, — писала она родным. — Я здесь делаю то, что должна делать»¹. Она постоянно работала над собой. У Жени никак не получалось быстро влезать в кабину самолета. Летчица Дина Никулина, с которой она летала, долго и совершенно неделикатно тренировала ее, заставляла по многу раз подряд в толстом теплом комбинезоне и унтах залезать в самолет и вылезать из него. Другим это казалось почти издевательством, но Женя была за учебу всегда благодарна: «Все-таки с Диной я больше всего люблю летать. Потому что теперь я знаю, что летать могу, что со мной можно летать спокойно. Никто кроме Дины не говорит мне о моих ошибках. Каждый полет с ней меня чему-то учит...»² На любых теоретических занятиях, после того как преподаватель заканчивал занятие и осведомлялся, есть ли у кого-то вопросы, непременно раздавался тонкий голосок Жени: «А почему вы написали эту формулу? Как она выводится?» И преподаватель задумывался: действительно, как выводится формула, и объяснял, углубляясь в высшую математику. Не проходило и дня, чтобы Женя не спросила: «А почему?» Ей хотелось знать все, только так она привыкла учиться. Она была уверена, что вся эта наука и практика очень скоро пригодятся ей на войне.

Приказ об отправке в действующую армию для ночных бомбардировщиков и для истребителей был получен одновременно — оба приказа привезла из Москвы Раскова. Это

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 92.

² Там же.

случилось как раз накануне 8 Марта — Международного женского дня, праздника, который был так любим в СССР.

Поздравляя маму с праздником, «днем, который говорит о силе и могуществе советской женщины», Лиля Литвяк рассказывала ей о том, что в этот «радостный день Майор привезла замечательную новость из Москвы»¹. Для Лили эта новость была вдвойне прекрасна тем, что полк истребителей отправляли на защиту ее родного города. «Нам выпала счастливая доля и честь, о которой мечтают все истребители. Мы даже не смели мечтать, что партия и правительство доверят нам защищать нашу славную столицу... И скоро мы появимся на своих непобедимых птицах близко от Москвы и если не увидимся, то близость присутствия будет частично успокаивать мою скуку по вас».

Раскова зачитала приказ вечером 7 марта в актовом зале Дома Красной армии. Поздравив личный состав с наступающим Международным женским днем, она объявила, что полк У-2 через неделю, 14 марта, улетает на Западный фронт, где сейчас пытались развить успех контрнаступления, отбросившего немцев от Москвы. Вскоре после этого, сказала Раскова, отправятся истребители. Вскочив с мест, девушки аплодировали. После Расковой здорово выступила Катя Буданова, говорившая о боевых крыльях своей машины, которые будут защищать сердце Родины. Ее тоже окрылил перевод на защиту Москвы. Мама Кати Будановой и ее маленькая племянница жили в родной деревне Коноплянке под немецкой оккупацией, но в Москве была сестра, товарищи по заводу, пионеры, с которыми Катя до войны вела большую работу. Защитить Москву для девушек-москвичек значило защитить и столицу Родины, и свой родной город, но и для остальных не было боевой задачи важнее: Москва — сердце страны, город, из которого даже в самый опасный момент не уехал Сталин.

¹ Письма Л. Литвяк из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1 г. Красный Луч.

Лиля Литвяк писала маме, что Энгельс они покинут очень скоро, «очевидно, до таяния снега», и, конечно, завидовала ночным бомбардировщикам, которым осталось быть в Энгельсе всего пару дней.

Но 14 марта «ночники» не улетели. Как вспоминала командир полка Бершанская, вечером 9-го погода была вполне благоприятной для полетов. «Экипажи ушли по маршруту и на полигон для бомбометания. Вскоре усилился ветер, пошел снег, видимость по горизонту исчезла, не видны были и световые сигналы на аэродроме... Мы летели, как в молоке, ничего видно не было, кроме приборов в кабине»¹. Бершанской помогли добраться до аэродрома знание маршрута и опыт, а у ее учениц опыта ночных полетов было еще мало.

Летчики знают, как опасно попасть в снегопад, тем более на У-2, у которого нет почти никаких приборов для слепого полета. Они знают, что значит потеря пространственного положения: пилот перестает представлять себе, как идет самолет. Хуже того, возникают обманные ощущения: например, начинает казаться, что созданся правый крен, пилот старается вывести из него самолет. На деле крен был не правый, а левый, летчик только усугубил положение, и самолет идет по спирали к земле. Иногда эти ложные ощущения настолько сильны, что летчик перестает верить показаниям приборов. Потеря пространственного положения — самое страшное, что может случиться с летчиком в воздухе.

И в наши дни маленькие спортивные самолеты, в отличие от больших воздушных кораблей, которые могут лететь вслепую, по приборам, не летают в плохую погоду. На У-2, в котором приборов практически не было, погибнуть в плохую погоду было легче легкого. Если внезапная непогода застала тебя в воздухе, нужно было немедленно поворачивать на 180 гра-

¹ Ракобольская И. В., Кравицова Н. Ф. Указ. соч. С. 24.

дусов и лететь к своему аэродрому, контролируя по приборам высоту, скорость, направление, и, вычислив (это было одной из задач штурмана), через какое время под тобой окажется аэродром (в случае, если курс верный), снизиться, и сделать круг над предполагаемым расположением аэродрома, и попытаться что-то разглядеть внизу. Не получится — продолжать делать круги, изменяя их радиус, и искать аэродром. Если ничего не увидишь, а бензина осталось совсем мало (количество оставшегося бензина примерно определяли по времени, проведенному в воздухе), нужно садиться, но садиться неизвестно куда, в темноте и при плохой погоде страшно опасно. Снижаясь и стараясь что-то увидеть на земле, ты можешь врезаться в высокий берег реки или оврага, в деревья. Если даже ты посадил самолет на землю, он может попасть колесами в яму и скапотировать — перевернуться носом вниз. Попад на У-2 в непогоду ночью, спастись мог только счастливчик.

В ту ночь сильный снегопад скрыл землю и небо, все замелькало перед глазами, закружилось в снежном вихре. «Мигающие сквозь плотную пелену снега огоньки на земле стали казаться далекими звездами, а настоящие звезды превратились в огоньки на дороге». Не вернулись три экипажа, и о том, что с ними случилось, можно было только догадываться. Перед рассветом раздался страшный звонок: «Произошла катастрофа. Подготовьте комнату, где можно будет положить тела погибших». Погибших было четверо: Лиля Тормосина со штурманом Надей Комогорцевой и Аня Малахова с Мариной Виноградовой. Чудом уцелел еще один экипаж: самолет врезался в землю, но они выбрались из-под обломков почти невредимыми. Всего несколько часов назад Лиля, собираясь в полет, шутила с Надей Комогорцевой: «Штурман, даю тебе конфету, только попади, пожалуйста, сегодня на полигоне хоть в один фонарь! А если погасишь все три, то дам еще две конфеты»¹.

¹ Аронова Р. Указ. соч. С. 43.

О том, что пропавшие экипажи уже никогда не вернуться, одной из первых и из неожиданного источника узнала штурман из полка «ночников» Дуся Пасько. В большой деревенской семье, в которой она выросла, было три сестры и шесть братьев. Братья все были на фронте, и из редких писем из дома сложно было понять, где они находятся. Какая же была неожиданность, когда, придя по вызову на проходную авиагарнизона утром 10 марта, Дуся увидела, что там ее ждет брат Степа! Она даже закрыла глаза, подумав, что «это ей привиделось»¹, а когда открыла, Степа уже стоял с ней рядом. Оказалось, окончив военное училище в Алма-Ате, он был назначен командиром пулеметной роты и ехал со своими солдатами на фронт. Дуся даже не успела выяснить, куда он едет, потому что Степа, как старший, больше расспрашивал сам. Ему хотелось знать все о жизни и работе сестры. «Ну как, у вас опасная, трудная работа — летать-то?» — все спрашивал Степа. Не понимая, почему он так беспокоится, Дуся уверяла его, что «все нормально, ничего страшного нет». Наконец, усмехнувшись, Степа сказал ей, что сегодня на рассвете он провел митинг. Оказалось, что темой этого митинга была гибель девушек из полка его сестры: они разбились рядом с дорогой, по которой следовала на фронт Степина часть, и он был на месте происшествия. После этого Дусе бесполезно было рассказывать брату о том, какая спокойная у нее будет жизнь на фронте. Судьба распорядилась по-своему: Дуся вернулась с войны без единой царапины, а Степу, погибшего на Украине, она больше никогда не видела.

Гале Докутович раньше случалось думать о том, что она может погибнуть на войне, и смерть ее несколько не пугала. Ей представлялось, что она обязательно погибнет как-то красиво и героически, разбившись на самолете. Став «на целую жизнь

¹ Пасько Е.Б. Интервью автору.

старше» после первых похорон товарищей, она в душе смеялась и над этими мыслями, такими детскими, и над подружками, которые еще увлекались фантазиями о красивой и героической гибели.

В ночь с 8 на 9 марта гибель в ночном вылете перестала быть абстрактной, став реальностью. Четыре открытых гроба поставили рядом в актовом зале, где девушки так любили танцевать. Тела летчиц и штурманов, с разбитыми лицами, сломанными ногами и изуродованными спинами, были все же узнаваемы. Многим запомнилось, что лицо Лили Тормосиной и мертвое осталось красивым, только не было на нем прежнего румянца.

Было «мучительно тяжело за такую бессмысленную смерть»¹. Все плакали. Нина Ивакина записала в дневнике, как «бережно поставив гробики с недавно такими веселыми и улыбающимися подружками на машину, под звуки траурного марша медленно провожали родных соколят в последний путь на кладбище».

Все, что касалось похорон, Раскова делала сама. «Аккуратно клала в гробы цветы, закрывала их крышками, первая бросила в могилы прощальную горсть земли» и сказала на митинге, который провели на кладбище, теплые прощальные слова: «Спите, дорогие подруги, спокойно. Вашу мечту мы выполним»². Раскова, женщина с многочисленными талантами, и говорить умела так, что каждое ее слово трогало слушателей до глубины души.

«У летчиков подавленное настроение», — писала несколько дней спустя Ивакина. «Очень тяжело переживают гибель девчат с У-2... Полк У-2 на фронт не улетает, отправка в связи с катастрофами отменяется». Начальство, видимо, решило,

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 16.

² Там же.

что полк ночных бомбардировщиков морально не готов для фронта или что им нужно еще поучиться. Отправку на фронт отменили, перенеся на неопределенное время.

Галя Докутович считала, что их задержали правильно. 13 марта, все еще с трудом веря, что ее «хороших и честных» подруг, «четырёх молодых жизней», больше нет на свете, она писала в дневнике, что причина их гибели — в чрезмерной самоуверенности, в том, что все возомнили себя уже прекрасными летчиками, а на самом деле это еще совсем не так. По ее мнению, после катастрофы среди ее товарищей зародилась как раз ужасная неуверенность в своих навыках и способности сориентироваться в критической ситуации. Что сделать, чтобы вернуть товарищам уверенность в себе? Галя считала, что стоит выпустить ее с летчицей в такую же темную ночь с плохой видимостью, чтобы они пролетели по маршруту и сбросили бомбы и чтобы это видели все те летчики и штурманы, у которых еще остается хотя бы маленький червячок сомнения.

Глава 8

Вот замечательно! Вот где скорость!

«**В**от замечательно! Вот где скорость!» — писала своей маме Лиля¹. Истребители освоили машины и получили разрешение летать самостоятельно, тренируясь в «зоне» — воздушном пространстве установленного размера, в котором пилоты обычно ожидают своей очереди захода на посадку или подхода в район аэродрома. Лиля хвастала, что летала на высоте пять тысяч метров «без кислорода» — опасный эксперимент, который она, скорее всего, делала без разрешения. Это было в ее характере (на большой высоте воздух такой разреженный, что при отсутствии дополнительного источника кислорода летчику трудно вести себя адекватно). С восторгом писала она о том, что «впервые почувствовала машину без шасси». Как всегда не щадя маму, писала, что несколько раз сорвалась в штопор, но в конце концов «выражить научилась». Тренировки теперь были серьезные: не только стрельба, но и высший пилотаж, и, конечно, тренировочные воздушные бои.

¹ Письма Л. Литвяк из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1 г. Красный Луч.

С топливом в этот момент проблем не было, и истребители тренировались с утра до вечера, чувствуя себя все увереннее в скоростных самолетах. «А как летают наши девушки! — писала в это время Нина Ивакина. — Даже мужчины, те, которые когда-то поговаривали: «Наломаете дров», и то теперь смотрят на наших пилотов с молчаливым восхищением».

Теперь на Дом Красной армии совершенно не осталось времени. «Знакомых летчиков» девушки встречали только в столовой. И все же, как признавалась в письме Лиля, «откровенно говоря, когда идем туда, то девки пудрятся по полчаса»¹.

Пудрились, правда, только некоторые, ведь большинство из этих девушек вообще не пользовались косметикой. В магазинах больших городов, конечно, продавали и пудру, и помаду, и тени, но стоили они дорого, так что мало кто покупал. А женщинам в маленьких городках и в деревне и купить-то все это было негде. Нехитрую косметику делали сами: могли, собираясь на танцы, нанести себе брови жженой пробкой, могли сделать сами помаду, настрогав грифель красного карандаша и смешав с чем-нибудь жирным. До войны в СССР было два главных вида духов: женские «Красная Москва» и мужские «Шипр». Их делали на той же, что и до революции, фабрике — «Брокер», переименовав ее сначала в Замоскворецкий мыловаренный комбинат № 5, потом — в фабрику «Новая Заря». Духи «Красная Москва» изначально назывались «Букет Императрикс» (парфюмер Брокер создал их в качестве подарка на день рождения императрице Марии Федоровне), а загадочное «Шипр» — на самом деле всего лишь французское название Кипра — так и оставили.

¹ Письма Л. Литвяк из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1 г. Красный Луч.

Тушь для ресниц, если кому-то посчастливилось ее иметь, была в виде твердой пасты в прямоугольной коробочке. Прежде чем краситься, требовалось плюнуть в коробочку и хорошо повозить в ней щеточкой. Да что там тушь и помада! Не было в сороковых годах в СССР ни зубной пасты, ни туалетной бумаги, а о шампуне, разумеется, даже понятия не имели. Все это в советских магазинах появилось лишь в шестидесятые годы.

С косметикой или без, девушкам всегда хотелось быть красивыми, даже на войне. Снайпер Катя Передера, стоявшая в 1943 году со своей частью на позициях в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью, вспоминала, как тратила драгоценные капли воды, которую с радостью бы выпила, на то, чтобы умыться. «Зачем ты умываешься, здесь же все равно темно», — смеялась над ней подруга, черноглазая Женя Макеева — подземные помещения еле-еле освещали самодельными лампами, сделанными из гильз от снарядов. Но и Катя, и Женя, и другие девушки из их взвода делали все, чтобы в нечеловеческих условиях, не имея возможности помыться и постирать, все равно остаться привлекательными, и волновались, что, когда в просторном пещерном зале при свете самодельной лампы будут танцы под гармошку, их не пригласят танцевать. Косметического крема они до войны в глаза не видели и были в восторге, когда нашли в брошенном немецком окопе помятую железную баночку крема «Нивея». Какой у него был запах! Мазались все по чуть-чуть, и хватило надолго¹.

Лиля Литвяк, москвичка и модница, знала о косметике больше своих неискушенных подруг, но не злоупотребляла ею: например, она гордилась тем, что пудриться еще не начала. Зато все были уверены, что она ухитрится высветлять

¹ Терехова Е. Ф. Интервью автору. Краснодар, сентябрь 2010.

себе волосы: у нее были светло-русые, но Лиля считала, что ей гораздо больше идет быть блондинкой¹. Светлые волосы в то время более, чем темные, соответствовали идеалу красоты, в том числе в СССР. Блондинками были главная советская кинозвезда Любовь Орлова и знаменитая киноактриса Валентина Серова, гражданская жена поэта Симонова, на которую, как считали, Лилия была похожа. На соответствие идеалу красоты советские женщины тратили тонны перекиси, делавшей волосы сухими и непослушными. В войну, когда перекиси не стало — теперь она была нужна раненым, — прически потемнели.

У Расковой находились и девушки, которые, получив увольнительную в город, делали «химию». Химическая завивка стала источником ожесточенных споров: многие считали, что в военное время она, как и кокетство с мужчинами, неуместна. Конечно, полгода, проведенные в армии, изменили взгляды на многие вещи. Ира Ракобольская, ставшая начальником штаба у ночных бомбардировщиков, теперь смотрела на это не так, как в первые дни после приезда в Энгельс. Тогда, только начав обучаться военному делу, девушки строем ходили в столовую в сопровождении черной собачки Бобика, который облаивал всех встречных мужчин. Девчонки из МГУ как-то встретили своих бывших однокурсников и после обеда шли с ними вместе, а не в строю со всеми, и болтали. По мнению Ракобольской и других товарищей, такое поведение было неприемлемо. Нарушительницам сказали, что они позорят университет. Девушки плакали и обещали больше никогда так не поступать.

Тогда, как вспоминала Ира Ракобольская, им «казалось, что война скоро кончится и это время надо прожить, отрешившись от всего личного». Но прошли месяцы, и они по-

¹ Рассказ брата Лили Юрия, цит. со слов Валентины Ивановны Вашенко, директора Музея при гимназии № 1 г. Красный Луч.

няли, что «война — это и есть их жизнь и что разговаривать с мужчинами не грешно»¹. Тем не менее находились и непримиримые — разумеется, среди них был Галя Докутович. Поводом для возмущения стало то, что девушки из ее полка сделали химическую завивку. В своем дневнике Галя гневно писала: «Все трое сделали шестимесячную завивку. Я не брала бы таких в армию. Это — не советские девчата, место которых действительно на фронте... Да-да, пусть обижаются. Еще не хватало, чтобы они накрасили губы, начернили брови, налепили мушки — и тогда их надо будет отправить... я даже сама не знаю, куда их отправить. В институт иностранных языков, на ярмарку невест...»²

Многие считали Галю Докутович чрезмерно строгой и к самой себе, и к другим. Даже лучшая подруга Полина Гельман в трудные для нее моменты вызывала у Гали сначала неодобрение, а уже потом жалость. По мнению Гали, Гельман пошла на фронт зря. Когда Полина в сердцах обвиняла Галю в недоброте и грубости, та признавала, что во многом ее лучшая подруга права. Но ведь время какое, и разве она к самой себе не требовательна точно так же или даже более, чем к другим? На фронте, по мнению Гали, было место только таким, как она сама: например, командиру Галиной эскадрильи Любе Ольховской, которую Галя очень уважала. «Никакой ветер ей не страшен. Смеется себе, и все! Молодчина, настоящий командир!»

Лиля Литвяк всегда была независима, и осуждение товарищей ее не волновало: друзей у нее тоже было много. Собственный внешний вид всегда был для нее так же важен, как и профессия летчика. Лиля переживала, что не взяла с собой из дома красивую синюю гимнастерку (скорее всего, речь идет об аэроклубовской форме). Она жаловалась маме и на

¹ Ракобольская И. В. Интервью автору.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 20.

сапоги: они были велики, да еще и разные: один короче другого. Узнав, что инженер полка и комиссары иногда летают в Москву, Лиля просила маму приготовить ей посылку: белый шлем из плотной материи, чтобы хорошо стирался, носки, перчатки и батистовые или шелковые носовые платочки. Одним словом, она всем походила на тех девушек, которым, по мнению Гали, место было только «на ярмарке невест». Тем не менее каждой своей тренировкой она опровергала мнение Докутович, что тем, кого так заботит внешность, не место на войне. В ответ брату Юре, писавшему, что он гордится сестрой, Лиля писала, что гордиться рано, она еще не закончила тренировку и не стала «победителем над врагом». Однако уже хорошо представляла себе работу летчика-истребителя и была уверена, что справится «на отлично». Настроение было прекрасное, тренировки интересные, даже «питание нормальное», только вот беспокоили родные.

В своих письмах, которые она, наивно нарушая военную тайну, адресовала «Летчику Литвяк», Лилина мама мало писала об их с Юрой жизни. Лиля требовала писать чаще и подробнее: подозревала, что маме, которой и до войны жилось нелегко, сейчас совсем туго. Москва уже не была в опасности: немцев отбросило от нее начавшееся 5 декабря контрнаступление (первая, и пока единственная, победа советской стороны) и сейчас, в начале марта, бои шли в двухстах километрах от главного города СССР, у Вязьмы. Но первоначальная эйфория по поводу отражения угрожавшей Москве опасности, которая в декабре охватила всю страну, теперь сменялась усталостью и подавленностью: уж очень тяжело жилось людям¹.

Английский корреспондент Александр Верт, проехав зимой 1941/42 года по северу России на поезде, отмечал, что, «хотя немцы все еще оккупировали огромные районы СССР,

¹ Агафеева Л. И. Интервью автору. Москва, июль 2012.

тот факт, что им не удалось овладеть ни Москвой, ни Ленинградом, вселял в людей известное чувство уверенности в собственных силах». Правда, как отмечал он, моральное состояние их отнюдь не было одинаковым, отчасти оно зависело от того, как люди питались. Гражданское население «жестоко страдало от недоедания, у многих была цинга». Верт, наполювину русский, прекрасно владевший языком, за долгие часы в поезде смог хорошо разобраться в настроениях: он всю дорогу разговаривал с людьми. По его наблюдениям, особенно склонны к слезам и пессимизму были старухи: они считали, что немцы страшно сильны, и говорили, что «одному Богу известно, что ждет Россию летом». Пусть ситуация на фронте уже не была такой безнадежной, как год назад, «страшную силу» немцев признавали и ехавшие с англичанином в поезде военные: офицеры, играя в домино, называли шестерку-дубль «Гитлером», «потому, что она самая страшная из всех», а пятерку-дубль — «Геббельсом»¹.

Из Лилюного двора на Новослободской улице уходили достигшие призывного возраста ребята. Во многих семьях уже побывал страшный гость — почтальон с похоронкой на мужа или сына. С едой было плохо.

Солдатам нечем было помочь родным, но офицеры старались отсылать домой свою зарплату — вернее, то, что от нее оставалось после всевозможных вычетов на взносы и государственный заем. Это были небольшие деньги, быстро терявшие ценность по мере того, как дорожали продукты, но все-таки подспорье. Деньги отправляли, сами экономя на всем. Лера Хомякова признавалась родным в письмах, что ей голодно. Однако она прекрасно понимала, насколько хуже приходится им. Ее семья еще была во Владимировке около Сталинграда, уже не в таком глубоком тылу, как полгода назад. Видя, как трудно живут местные в Энгельсе, «едят лепешки из очисток

¹ Werth A. Russia at War. London, 1964. P. 367.

картошки», Лера старалась отправить родным все, что только могла. Как командир эскадрильи она получала 1500 рублей, но 350 вычитали на налог и комсомольские взносы, 330 — на государственный заем, были еще и другие вычеты, так что оставалось «совсем мало, чтобы как-то помочь» семье. Картошка стоила 70 рублей за килограмм, молоко — почти столько же, мясо достать было практически невозможно. Чтобы не отдавать тридцать рублей в месяц за стирку, Лера стирала сама. Она послала родным и свою запасную пару портянок, и пару сапог, которые ей дали как командиру эскадрильи, и мыло. Отправив пару кусков мыла свекрови, когда к ней прилетал муж («неудобно было делить»), она очень волновалась, поделится ли свекровь с ее родными. Лере, рано столкнувшейся с трудностями и лишениями и теперь несущей ответственность за большую семью, война была в тягость: «Не хочу! Не хочу!» Не складывались у нее, да и других, отношения с новым командиром полка. «Начальство противное», — писала Лера¹.

Майор Тамара Казаринова прибыла в полк истребителей в конце февраля. Она, как и ее сестра Милица, начальник штаба в полку Расковой, была кадровой военной летчицей, которую Раскова знала с предвоенных лет. О ее приезде никого не предупредили, и личный состав, не желавший для себя лучшего командира, чем Женя Прохорова, был неприятно удивлен. Что касается командования, оно никогда и не планировало назначить на должность командира полка Прохорову. Женя была великолепной летчицей, но не военной, а спортсменкой и, самое главное, беспартийной, поэтому могла рассчитывать самое большее на должность командира эскадрильи. Командир полка ночных бомбардировщиков Бершанская пришла из Гражданского воздушного флота и, в отличие от Жени,

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 24.

окончила летную школу. В Батайской летной школе она командовала особым женским отрядом, к тому же была членом партии с большим стажем. Раскова, командовавшая другим бомбардировочным полком, была обязана своей карьерой в армии службе в НКВД и знаменитым перелетам. Что касается майора Казариновой, у нее на груди был приколот орден Ленина, вторая по значению советская награда после «Звезды Героя». Этот орден она получила в 1937 году, когда никакой войны СССР не вел, кроме войны против своих собственных людей, которых сотнями тысяч отправляли в ГУЛАГ.

Тем не менее Казаринова, появившись в полку, произвела благоприятное впечатление. «Симпатичная и умная женщина, видно, волевой командир, который по-настоящему научит работать, а не играть в солдатики» (Ивакина)¹. Говорила Казаринова грамотно и хорошо поставленным голосом. У нее было красивое бесстрастное лицо, военная форма сидела на ней безупречно. Вот какое впечатление она произвела при первой встрече на Александра Гриднева, который тогда и представить себе не мог, что через несколько месяцев сменит Казаринову на посту командира женского истребительного полка: «... Стройная, ниже среднего роста, в меру полная, еще молодая женщина с открытым лицом, воспаленными с грустинкой глазами... В ее взгляде и манере чувствовалась независимость и самоуверенность. И когда кто-то не без иронии спросил, могут ли летчицы летать на истребителе без посторонней помощи, она отнеслась к этому с подчеркнутым пренебрежением. Отвечать не стала»².

Казаринова появилась в полку с палочкой, прихрамывая: у нее была сломана нога. Раньше никому не приходило в голову, что человек в таком состоянии может быть допущен к командованию военной частью, которая должна скоро

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 14.

² Гриднев А. Неопубликованные мемуары.

отбыть на фронт. Единственное возможное объяснение заключалось в том, что травма могла быть быстро долечена и не должна была помешать Казариновой выполнять обязанности командира полка. Все ждали, когда она начнет летать, чтобы увидеть ее воздушный почерк, и совершенствовать свое мастерство, вылетая в качестве ведомой с кадровым офицером истребительной авиации. Только в таких полетах, стрельбе по цели, учебных воздушных боях с другими летчиками и может утвердить свой авторитет командир истребительного авиационного полка. Шли недели, а Казаринова не спешила садиться в самолет.

В ожидании отправки на фронт полк в конце февраля включился в работу противовоздушной обороны Саратова. На первое дежурство кого-то из летчиков полка должен был повести инструктор Энгельсской школы, и Женя Прохорова доверила этот вылет Ане Демченко, высокой и крепкой, мужеподобной украинке со жгучими черными глазами и неуправляемым характером. Женя любила Демченко, прощая ей неукротимый характер и страшную неводержанность в языке. В армии эти качества уместны разве что у командного состава, но главным для Прохоровой было то, что Демченко отлично летала. Отношения Демченко с Тamarой Казариновой сложились совсем не так, как с Женей.

Глава 9

Мы ненавидим командира. Она трус!

Созданной Мариной Расковой «Авиагруппы № 122» больше не существовало. Все три полка еще находились в Энгельсе, и старые подруги, хоть и не жили под одной крышей, встречались в столовой и на аэродроме. Но единым коллективом они быть перестали. Приходя в другой женский полк на вечер самодеятельности, девчата из 586-го полка «вели себя как-то скованно, и уже не было того единого общего, которое существовало до создания полков»¹. Почему так получилось, никто не знал. Может быть, дело было в том, что теперь все жили по отдельности, работали по отдельности и планы на будущее имели разные. Возможно, еще жили обиды из-за распределения в разные полки. Бомбардировщики считали, что истребители «зазнались», но, скорее всего, охлаждение по отношению к товарищам из других женских полков произошло постепенно, параллельно тому, как каждый полк сплывался внутри и сживался со своими самолетами, вокруг которых теперь вращалась их жизнь. Охлаждение было, как казалось Иваки-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 13.

ной, неминуемо, но многие замечали его, и им становилось грустно. «Авиагруппа № 122», которая так недавно была их жизнью, стала историей.

Пришло время покидать Энгельс, вылетать из гнезда во взрослую, настоящую военную жизнь. Энгельсский аэродром истребительный полк покинул первым, 9 апреля. По дороге в Москву требовалось «переобуться» с лыж на колеса на транзитном аэродроме Разбойщина. Но колес не было, и они крепко застряли на этом захолустном аэродроме, который, оправдывая свое зловещее название, оказался очень неприятным местом. «Гарнизончик кошмарный, — писала Нина Ивакина. В центре аэродрома она увидела «озеро из масла и бензина, на берегах которого масса мертвого транспорта, повсюду навалены кучи говна. В столовой с потолка капает всякая гадость прямо в тарелки»¹. Радио не было. Света и воды тоже. После сносного житья в Энгельсе условия, в которые они попали в Разбойщине, многим показались совершенно невыносимыми. В бараке, где всех поселили, было очень тесно, кормили из рук вон. Нине Ивакиной много хлопот доставили механики, возмущенные как плохой кормежкой, так и еще сильнее, чем раньше, бросавшейся здесь в глаза разницей в питании командиров и подчиненных. «Начальство устроилось, а нас посадили на голодный паек!»² — возмущалась Соня Тишурова, подбивая подруг вообще не ходить в столовую. С точки зрения Нины Ивакиной, суп и каша, шестьсот граммов хлеба в день — нормальная красноармейская еда, вполне хорошая по военному времени. Сама Ивакина получала командирский паек с колбасой, сыром и маслом.

Неделя шла за неделей, а колеса не привозили. Девушки, как записывала Ивакина, «пели и играли», чтобы занять время. Аня Демченко улетела на У-2 в Саратов, причем никто не знал, по

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 20.

чьему приказу. Она где-то заблудилась, пошла на вынужденную посадку и скапотировала, однако осталась жива и невредима. Заняться было нечем, и Катя Буданова решила немного обустроить жизнь полка, построив на аэродроме «удобства». Нина Ивакина зафиксировала окончание строительства, записав: «Летчики сотворили прелестный деревянный сортирчик с залом ожидания и пр. и пр.». Деревянный домик «держался прямо на честном слове», но его увивали прутья, как самую лирическую беседку, а конструкция была очень оригинальна. На туалете сделали надпись: «12 апреля 1942 г. Главный инженер Буданова, главный конструктор Хомякова. Доски воровали все»¹.

Пока многократные участницы парадов в Тушине проектировали в Разбойщине деревянный сортир, дела у советской военной авиации, в том числе истребительной, шли далеко не блестяще. Человеку, воспитанному на советской литературе о Великой Отечественной, покажется совершенно невероятным и кощунственным приведенное ниже описание ситуации, сложившейся в воздухе в первой половине войны. Как и советские газеты того времени, все, написанное на эту тему после войны в российских источниках, подчеркивало беззаветную отвагу советских летчиков, их высокое мастерство и стремление бить врага везде и в любой обстановке. Тем не менее в 1941 году и первой половине 1942 года советские истребители сплошь и рядом уклонялись от вступления в бой. Немецкие самолеты были настолько более совершенны, немецкие пилоты настолько лучше обучены, что советским летчикам не верилось, что немцев в принципе можно побеждать. Советские газеты об этом никогда не упоминали, но советская истребительная авиация в первый и второй год войны терпела сокрушительные поражения. Истребителей часто сбивали в первом же вылете, они несли такие потери, что бом-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 21.

бардировщикам и штурмовикам часто приходилось летать без сопровождения. Наземные войска под беспрестанными бомбежками с надеждой смотрели в небо. Но когда «ястребки», как ласково звали истребителей, наконец появлялись, «наземникам» слишком часто случалось с болью в сердце провожать их взглядом, горящих, до земли: в начале войны советские ВВС не могли конкурировать с немецкими ни по техническим характеристикам машин, ни по уровню подготовки летчиков и командиров, ни по количеству самолетов.

Но об этом знали только те, кто сам был на фронте или рядом. Константин Симонов, вернувшись летом 1941 года в Москву из Белоруссии, где на его глазах немцы сожгли за десять минут шесть летевших без сопровождения огромных бомбардировщиков ТБ-3, понял, что не сможет рассказать правду даже самым близким: они были к такому совершенно не готовы. По мнению Симонова, имевшего возможность сравнить ситуацию на фронте с ее освещением в газетах, «наиболее далекие от реальности выводы могли в те дни связываться у читателей газет с материалами, посвященными нашей авиации»¹. Рассказать о том, что он увидел в воздухе над Бобруйским шоссе, Симонов не мог даже матери, сознавая, какой силы душевное потрясение обрушит «на нее, все еще продолжавшую жить довоенными представлениями» о небывалой мощи советской армии. По его мнению, из всех родов войск советской армии авиация в начале войны оказалась в самом трудном положении.

В своих мемуарах бывший командующий ВВС А. А. Новиков прославлял «фантастическую стойкость духа советских летчиков»², однако, по многочисленным свидетельствам немецких летчиков-фронтовиков, «в начале войны советские истребители не представляли угрозы соединениям немецких

¹ Симонов К. Указ. соч. С. 56–60.

² Абрамов А. С. Мужество в наследство. Свердловск, 1988. С. 24.

бомбардировщиков и часто избегали боя с последними»¹. Положение не спасли и намного более современные Яки. Они все равно уступали немецким истребителям по основным характеристикам, но главная беда была даже не в этом, а в летчиках. Тактика ведения боя, которой их обучили, была безнадежно устаревшей. Как правило, в бою с немцами они придерживались оборонительной тактики: последовательно вставали в вираж и летали друг за другом по кругу — так, что хвост каждого самолета оказывался прикрыт летящим сзади. В оборонительном круге «ястребки» были практически неуязвимы, если немцы вели бои в горизонтальной плоскости, но и сами они никак не могли атаковать противника. От круга было мало пользы, когда немцы применяли свой излюбленный вертикальный маневр: набирали высоту и обрушивались на круг сверху. В 1941 году стал модным и широко пропагандировался воздушный таран: если не побеждать умением, так хотя бы обменять свой самолет на более совершенный немецкий — как правило ценой собственной жизни. Жизнь человека стоила мало; совершившие таран — одним из первых Виктор Талалихин — становились героями, как правило, посмертно, но некоторым везло. Пропаганда делала героями тарана даже тех, кто совершал их случайно, столкнувшись с немецким самолетом из-за потери управления. Советская тактика ведения воздушного боя начала изменяться только в 1942 году, причем перемены шли не сверху, от авиационного начальства и теоретиков, а от самих боевых летчиков, которые до многого дошли сами и многое переняли у немцев.

Сознавая, на какой устаревшей технике летают советские летчики, авиационные командиры большие надежды возлагали на новые Яки, но первое время с ними тоже не все шло гладко. В конце февраля или начале марта 1942 года конструк-

¹ *Смирнов А.* Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 83.

тора Яковлева вызвал недовольный им Сталин. Яковлев, всегда пользовавшийся расположением вождя, сейчас был напуган: Сталин спросил: «Чем это, каким это лаком покрывают самолеты Як и Ла, из-за чего они так горят?»¹

Советские газеты отчаянно хватались за каждый успешный боевой эпизод с участием «сталинских соколов» (излюбленное клише тех лет, перешедшее даже в название газеты советских ВВС). Когда в начале марта сорок второго года семь летчиков из 296-го истребительного полка под руководством командира эскадрильи Бориса Еремина одержали блестящую победу над превосходящей по количеству группой немецких самолетов, об этом написали все газеты. Целую полосу этому бою и его участникам посвятила «Правда». И Маша Долина, уже полюбившая свою «пешечку» и полк Марины Расковой, еще раз пожалела, что Николай Баранов не оставил ее у себя в 296-м.

Вот цитата из «Правды», напечатавшей большую статью о Борисе Еремине и его товарищах: «Наши доблестные герои, сделав боевой разворот, бросились на «Мессершмиттов». В воздухе ревут моторы. Трещат пулеметы. Гремят авиапушки. Разворот следует за разворотом. Бой кипит. Ожесточение нарастает. Наши летчики четко и умело наносят сосредоточенные удары. Противник распылен, и один за другим падают на землю 4 вражеских самолета»². Бой действительно был успешный. Борис Еремин, один из лишь двух его участников, запомнил его в подробностях, хотя после участвовал в десятках других³. Он вспоминал, что в этот боевой вылет, один из первых вылетов его полка на Як-1 (их переучили с И-16), он, двадцатидевятилетний капитан, отправился со своим ведомым, светловолосым крепышом Алексеем Соломатиным, талантливым и смелым летчиком. С ними вылетели еще две

¹ Яковлев А. Указ. соч. С. 260.

² Правда. 7 ноября. 1942 г.

³ Еремин Б. Н. Интервью Артему Драбкину.

пары и штурман полка Запрягаев — всего семь самолетов. Около линии фронта, увидев под собой большую группу немецких бомбардировщиков в сопровождении «Мессершмиттов», Еремин, уже облетанный истребитель (он успел повоевать в воздухе над озером Хасан во время пограничного конфликта с Японией и был на фронте с начала войны), набрал высоту, развернул группу в линию и атаковал немцев. Атака была удачная, и они продолжили, разбившись на пары. Сразу сбили четыре самолета. Все происходило в совсем небольшом пространстве. Мелькали самолеты, перед глазами вспыхивали огненные трассы выстрелов, и уже не было твердой уверенности, что ты не стреляешь по своим. Немцы стали отходить: одна группа на север, вторая — на запад. Догоняя их, летчики из группы Еремина сбили еще три самолета. Боеприпасы кончились, нужно было идти домой. Еремин покачал крыльями, собирая группу (рации на Яках стали устанавливать через год, так что сигнал можно было подать только таким способом). Одним из первых пристроился Соломатин, у которого «стала какая-то странная конфигурация самолета». Присмотревшись, Еремин понял, что у Леши больше нет фонаря — прикрывающей летчика сверху выпуклой части кабины: снесло снарядам. Вид у Соломатина, пригнувшегося под выбивающей его из самолета струей воздуха, был «неважнецкий». За самолетом Вани Скотного тянулся белый шлейф дыма: ему пробили радиатор. Но невероятно: за Ереминым пристроились все шесть человек его группы. Все были живы! У них было чувство, на этой войне еще не изведенное: победа! На аэродром нужно было прийти «с победным салютом». После посадки все было так же необычно — люди бежали к ним, шумели, кричали: «Победа! Победа!» Подбежал и начальник штаба, и командир полка Баранов. Что и как? Как все было? Сколько самолетов сбили? А они сами точно не знали, сколько сбили самолетов. В таком бою не станешь следить за самолетами, которые атаковал, не будешь следить

за их падением и запоминать место, где они упали. Еремин и его группа считали, что сбили около семи — результат для 1942 года почти невероятный.

Отправили доклад, который привел в восторг начальство, вплоть до самого высшего: Яковлеву позвонил Сталин, сказавший: «Видите! Ваши самолеты показали себя»¹. Командующему ВВС Юго-Западного фронта был дан приказ встретиться с летчиками, выяснить все обстоятельства столь уникального по тем временам победного боя и наградить их. Начались звонки, бесконечные вопросы, потянулись корреспонденты. Дали ордена. Но важнее орденов было то, что теперь они поняли: немцев можно бить. День 9 марта сорок второго года стал для Еремина и его ребят поворотным моментом войны.

Получив короткий репортаж о бое от своего корреспондента с Юго-Западного фронта, главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг напечатал его крупным шрифтом на первой полосе. В полк Баранова отправили корреспондента, который через несколько дней передал подробную статью. Чтобы отправить ее в номер, требовалась виза Сталина, однако тот все не давал ее: обстановка на фронте осложнилась, и статья, видимо, была не ко времени. Наконец разрешение было получено, и, как только вышел номер со статьей, к Ортенбергу в кабинет буквально ворвался Борис Король, замначальника фронтового отдела газеты. «Да это же мой родной брат, Дмитрий Король!» — объяснял он об одном из летчиков семерки, и все обрадовались, «как будто отважный летчик был и нашим родственником²...»

О необыкновенно успешном бое просили писать еще, и к Баранову потянулись корреспонденты. Среди них, собравшихся, чтобы записать подробности боя, вошедшего в историю как «бой

¹ Яковлев А. Указ. соч., электронная версия.

² Ортенберг Д. И. Год 1942-й. Рассказ-хроника. М., 1988, электронная версия.

семи против двадцати семи» (хотя точного количества немецких самолетов никто не мог знать), и сфотографировать его молодых симпатичных участников, был корреспондент газеты «Красная звезда» на Юго-Западном фронте Василий Гроссман.

Этот человек в круглых очках на типично еврейском лице, с широкой талией, на которой смешно выглядел красноармейский ремень, стал лучшим советским военным корреспондентом Великой Отечественной войны. Безусловно, еврей-интеллигент не вызывал в военных такого автоматического доверия, как, например, молодцеватый голубоглазый Александр Твардовский, в будущем большая литературная фигура, а в то время — уже довольно известный поэт и сотрудник газеты Юго-Западного фронта. Однако стоило Гроссману заговорить с человеком, начать задавать ему вопросы, все недоверие исчезало, и у занятого человека появлялось время для разговора. Почему Гроссман, человек с нелегким характером, умел так расположить к себе людей, никто из его коллег точно не знал. Безусловно, большую роль играло то, что он никогда не записывал то, что ему рассказывали. Обладая необыкновенной памятью, он, кивая головой и глядя в лицо собеседнику, только слушал, а потом, когда его коллеги отправлялись спать, записывал все услышанное химическим карандашом в блокнот. И самое главное, Гроссман был безрассудно смел.

Гроссман пробыл у летчиков два дня и подробно записал все, что они рассказали о себе и о ставшем знаменитым бое. Записал, кто кого сбил, записал то, что Еремин рассказал о тактике, — например, как они старались любой ценой сохранить пары, записал замечания летчиков о немецких самолетах — «мессер» похож на шуку», «Ю-87 сразу узнал, ноги торчат, нос желтый». Спросил он летчиков и об их отношении к воздушному тарану. Алеша Соломатин, «маленький, белый, широкий»¹, считал таран героизмом, но остальные не

¹ Гроссман В. С. Годы войны. М., 1989, электронная версия.

придерживались на этот счет такого мнения, считая, что сменить свой самолет на немецкий — проще простого и героизма никакого тут нет, героизм в том, чтобы сбить больше и при этом уцелеть самому. Эти летчики уже научились воевать, им не требовалось, жертвуя собой и самолетом, таранить немца. Каждый из них кратко рассказал о себе, но больше им хотелось говорить о только что погибшем, любимом всеми товарище — Демидове. Обмывая свои ордена, они подняли первый тост за Сталина, второй — за Демидова, который «в Москве жил на Сушевском Валу и учился на артиста». Демидов все время пел песни, «любил петь и летать». Он был на пару лет постарше Соломатина и других ребят и относился к ним как старший брат — в воздухе проверял, все ли с ними в порядке, не отстали ли. «Батя», командир полка Николай Баранов, вручая ордена, плакал, вспоминал Демидова.

Эти молодые летчики-истребители, с которыми Гроссман провел совсем немного времени, произвели на него такое сильное впечатление, что через несколько лет, работая над своим знаменитым романом «Жизнь и судьба», он вывел их в нем под теми же именами — точнее, конечно же использовал их имена и образы для героев своего романа. Нашлось в романе место и для погибшего Демидова. К этому времени в живых из семерки остались лишь ее командир Борис Еремин и Саша Мартынов. Если бы не тот знаменитый бой, не статьи в «Правде», не записная книжка Гроссмана, люди из которой перешли в великий роман «Жизнь и судьба», погибшие на войне боевые товарищи Еремина — Скотной, Король, Запрыгаев, Седов и Алеша Соломатин — так и остались бы безвестными, как десятки миллионов других, не вернувшихся домой.

После нескольких недель голодного ничегонеделания в Разбойщине 586-й полк наконец-то получил приказ о перебазировании. Но какой приказ! «Настроение у всех резко упало, да

иначе и не могло быть»¹, — записала Нина Ивакина, которой подопечные сейчас казались детьми, у которых отняли любимую игрушку. Москва, как им объяснили, была впереди, а пока требовалось показать себя на второй линии противовоздушной обороны, охраняя Саратов от немецких бомбардировщиков, которые теоретически могли над ним появиться. Саратов, хотя и имел ряд важных объектов, был в тылу и пока что бомбардировкам не подвергался. С точки зрения летчиц, такой приказ мог означать лишь одно: им не доверяют более серьезную боевую работу. Что поделать, приказу нужно подчиниться. Они начали подготовку к перелету на аэродром Анисовка, с которого предполагалось осуществлять оборону Саратова.

Попасть в ПВО — противовоздушную оборону — было завидной участью для летчика-истребителя Великой Отечественной войны. Поднимаясь в воздух для охраны важных объектов в тылу, эти летчики подстерегали немецкие бомбардировщики и сопровождавшие их истребители. Потери, конечно, были и в ПВО, однако несравнимые с потерями истребителей на фронте. У попавших в ПВО истребителей было меньше сбитых немецких самолетов и меньше наград, зато больше шансов выжить. В то время как некоторые летчики-мужчины только и мечтали о том, чтобы пересидеть войну в ПВО, девушкам-истребителям из 586-го полка такой вариант казался унижительным.

«Ближе к фронту в Анисовку», как с горькой иронией писала Ивакина, перелетели 14 мая. Ивакина продолжила запись: «Настроение у летчиков убийственное — тыл»². Кругом была степь, мирная, покрытая майскими цветами, в разросшемся вокруг узловой железнодорожной станции поселке доцветали сады. Аэродром оказался очень хороший, на большом зеленом поле. Нина Ивакина сразу организовала волейбольную пло-

¹ Ивакина Н. Указ. соч. С. 21.

² Там же.

шадку, но среди летчиц нарастал ропот. Их не устраивало то, что полк не отправили на фронт, не устраивала плохая — не фронтовая, а тыловая — кормежка в столовой, не устраивала нелетающая, притеснявшая их на каждом шагу командир полка. «Казаринова утверждает, что мы не готовы, — писала родным Лера Хомякова. И продолжала: — Все изменилось, с Расковой они не дружат»¹. Плохие отношения между Казариновой и их обожаемой Расковой, конечно, не добавляли командиру полка популярности. Недовольство росло, пока наконец дело не дошло до открытого противостояния.

Нина Ивакина, с документальной точностью фиксирующая конфликт в своем дневнике, записала, что у «людей» настолько «плохое настроение», что командир второй эскадрильи Прохорова стала давать летчицам разрешения на вылет, не спрашивая позволения у Казариновой². Основным информатором Нины Ивакиной по поводу настроений среди летчиц (о которых она, вероятно, докладывала командиру и комиссару полка) была штурман полка Зулейка Сеидмамедова. Именно от нее Ивакина узнала, что летчики второй эскадрильи написали письмо Сталину, планируя переслать его через Раскову. В письме летчиц говорилось о том, что «окончание боевой программы искусственно тормозится и летчиц совершенно напрасно держат в таком недоверии», тогда как все они имеют около двух тысяч часов налета. Как передала Ивакиной штурман полка, среди летчиков второй эскадрильи «проскальзывали такие разговоры, что было бы совсем неплохо, если бы эта хромая ведьма разбилась, да вот только жаль для нее самолета». Как удалось «после длительных наблюдений» установить Ивакиной, центром таких настроений была лейтенант Хомякова.

Летчицы Клава Блинова и Ольга Голышева, в неудержимом юношеском максимализме, открыто выражали общее

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 26.

² Ивакина Н. Указ. соч. С. 24.

мнение: «Мы ненавидим командира. Она трус!» Всем было ясно, что Казаринова не подходит к Якам не из-за хромоты. Она отлично пилотировала старые примитивные истребители, но с Яком раньше не сталкивалась и сейчас не считала нужным его осваивать. По ее мнению, командиру боевого летного полка было совсем не обязательно летать самому.

Руководители двух других женских полков понимали, как важно быть в воздухе вместе со своими летчицами. Комиссар ночных бомбардировщиков Евдокия Рачкевич считала, что даже комиссар летного полка непременно должен летать. В Энгельсе она нашла время выучиться — конечно, не на летчика, а на штурмана — и, преодолевая постоянно мучавшую ее тошноту, летала так часто, как только ей позволяли. А Раскова, хоть и была штурманом, а не летчиком, решила, что имеет моральное право командовать полком Пе-2 только в том случае, если будет сама летать на «пешке». Самолет Пе-2 был капризен и сложен в управлении, налет у нее — совсем небольшой, но Раскова была бесстрашна, талантлива и упорна. Она училась вместе со всеми остальными (имевшими налет в десятки раз больше, чем у нее) и в первом самостоятельном вылете показала, что училась на совесть. Как только ее самолет набрал высоту, из одного мотора начала выбиваться белая струя дыма: мотор отказал. Летчицы смотрели на нее с земли в страшном волнении. Маша Долина до христа сжимала кулаки: как Раскова, летчица с небольшим опытом, сможет выйти из такого положения? «Господи, помоги ей сохранить скорость!» — молилась Богу комсомольская активистка Долина, и не она одна¹.

Словно услышав их, Раскова правильно зашла на посадку и, не теряя направления, легко приземлилась, причем не на фюзеляж, а на колеса, что с неработающим мотором было намного сложнее. Когда Маша с товарищами, не помня себя от радости,

¹ Долина М. Указ. соч. С. 72.

добежали до самолета, Раскова, вылезая из кабины, улыбалась им своей спокойной улыбкой. «Маша, закрой рот, птичка влетит», — толкнула Машу Долину подруга. А Маша, глядя на Раскову, вспоминала стихи Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей — крепче бы не было в мире гвоздей».

Как считали девушки-истребители, отношения между Расковой и Казариновой испортились как раз из-за того, что одна была «нелетающим» командиром, а вторая никогда бы себе такого не позволила. Как и они, Раскова могла расценить поведение Казариновой только как трусость, а трусов она не любила. По мнению летчиц 586-го полка, именно в неприемлемом для командира полка поведении Тамары Казариновой крылась причина перевода в ПВО. Они считали, что полк с таким командиром никто не воспринимает всерьез.

С каждым днем усиливаясь, конфликт с командиром полка перерастал в открытый бунт. Подобные ситуации во время войны были не редкостью в частях, воевавших на переднем крае. Например, у разведчиков непопулярных командиров частенько находили убитыми выстрелом в спину. В тыловой летной части такой бунт был совершенно невероятным, небывалым ЧП. Тем не менее, проанализировав ситуацию, ему легко найти объяснение. Лучшие советские летчицы своего времени, которых призвала в боевую авиацию и воодушевляла своим примером героическая Марина Раскова, испытали страшное унижение, получив себе командира, которая даже не освоила самолет, которым был оснащен полк, оставшись вместо фронта в тылу, в то время как намного менее опытные истребители-мужчины отправлялись на передний край. Подчиняться человеку, которого не уважали и считали трусом, для них было невыносимо. «Майорша», как они ее неприязненно звали между собой, старалась прибрать личный состав полка к рукам, запугивая их, но справиться с летчицами не могла. Подогревало страсти и то, что полк ночных бомбардировщиков уже отправился воевать.

Глава 10

Жди меня

В КОНЦЕ МАЯ ПОЛК НОЧНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ сделал прощальный крут над Энгельсским аэродромом. Впереди летела Раскова, которая решила, что сама поведет их на Юго-Западный фронт, а потом вернется к своему полку в Энгельс. Саратовские комсомольцы подарили девушкам на прощание баян, который, сразу попав в крепкие руки Нины Даниловой, потом всю войну поднимал настроение ей и ее товарищам.

Столько об этом мечтали, столько готовились, а красивым, как на картинке, строем долететь до места не вышло. Все было испорчено, когда, увидев советские истребители, прилетевшие их прикрыть, девушки с непривычки перепугались, приняв их за немцев, и смешали строй. Это на долгое время стало поводом для насмешек. Инцидент Расковой не понравился, и она, с характерной для нее склонностью толковать события в желаемую сторону, писала о нем Милице Казариновой следующее: «... Из Сталинграда вылетели под прикрытием “чаек” [истребителей И-153]. Они нас провожали долго, так как Яки в это время играли с “мессерами” за облаками. Пришлось всех тащить бредущим. При этом был встречный ветер и жуткая болтанка. Досталось народу крепко... Перед Морозовской нас снова

встретили “чайки” и прикрывали нашу посадку...» Раскова замечала дальше, что «вообще девчат не узнать. Все вдруг стали военными, чего нельзя было сказать о них в Энгельсе...»¹. Она собиралась, проведив ночных бомбардировщиков «до самого места», залететь на день-два в Москву к дочке и матери.

Прощаясь со своими воспитанницами, Раскова сказала трогательную речь, пожелала им получить ордена и стать гвардейцами. Говорила, что они должны доказать, что женщины могут воевать не хуже мужчин, «и тогда в нашей стране женщин тоже будут брать в армию»². Воспитанницы, как всегда, впитывали каждое слово. Никто из «ночников» больше Раскову не видел, но для большинства из них она стала эталоном на всю дальнейшую жизнь — и военную, и мирную. И через много лет, превратившись из отчаянных девчонок в военной форме в обычных женщин, они, сталкиваясь с серьезной задачей или испытанием, вспоминали слова Расковой: «Мы все можем», ставшие и их девизом.

Командующий 4-й воздушной армией, красивый сорокалетний генерал Константин Вершинин, принял Раскову и Евдокию Бершанскую приветливо и расспрашивал их о личном составе. Его особенно волновало, умеют ли летчики летать в лучах прожекторов и могут ли производить посадку по сигнальным фонарям без подсвечивания посадочных прожекторов — в этом случае, не видя земли до последнего момента, приходилось постоянно следить за приборами. Садиться по сигнальным фонарям они умели, а летать в ослепляющих лучах прожекторов им еще не приходилось. С этими проклятыми прожекторами, дезориентирующими, делающими маленькие самолетики мишенью для немецких зениток и ночных истребителей, им очень скоро пришлось столкнуться.

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч., электронная версия.

² Там же.

Вершинин передал 588-й полк в дивизию полковника Попова, которому полк У-2 был нужен как воздух. Тем не менее Попов совершенно не обрадовался, узнав, что «покупает» женский полк. «В чем мы провинились? Почему нам присылают такое пополнение?»¹ — спрашивал он. Приехав познакомиться с полком, Попов сначала молча и мрачно шагал от одного самолета к другому, а потом с трудом сдержал смех, когда девушка-часовой, чтобы его приветствовать, переложила винтовку из правой руки в левую. При знакомстве с Расковой и Бершанской Попов был «невесел и молчалив». «Ну что же, товарищ полковник, покупаете?» — спросила Раскова в свойственной ей полушутливой манере. «Да, покупаю», — ответил Попов, помолчав. Выбора у него не было.

Дивизия Попова поддерживала советские войска, оборонявшие небольшую часть Украины, еще не оккупированную немцами. Снова, как и в Энгельсе, вокруг бесконечно, насколько хватало глаза, лежали степи, казавшиеся Гале Докучаевич скучными после дремучих лесов и зеленых полей Белоруссии. Здесь, в Донбассе, около Ворошиловграда, пейзаж состоял из огромных плоских полей, разделенных тонкими полосами высоких тополей или оврагами, мутных «ставков», где разводили рыбу, деревенок с маленькими белыми домиками. Единственными возвышениями рельефа были странной формы холмы, стоящие по одному там и тут, — горы породы, вынутой из шахт. Кончался май, и даже такая непривлекательная местность казалась красивой. В поселке Труд Горняка под Краснодоном, который стал первой точкой их фронтового пути, в густой траве цвели ромашки, пели птицы. Девушек разместили в домиках, выдали белоснежное постельное белье. Как-то не верилось, что они уже на фронте. Но линия фронта была всего в тридцати километрах на реке Миус.

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 26.

После того как немецкие армии групп «Юг» и «Центр» смогли в сентябре 1941 года окружить юго-восточнее Киева основные силы советского Юго-Западного фронта, потерявшего из-за этого убитыми, пропавшими без вести и, главное, взятыми в плен более шестисот тысяч человек, немцы осенью начали наступление на Донецкий угольный бассейн¹. Донбасс играл очень важную роль в планах Гитлера: до войны он давал шестьдесят процентов советского угля, сорок процентов чугуна и двадцать три — стали. Гитлер считал, что исход войны будет зависеть от овладения этой территорией — между Азовским морем, низовьями Дона и нижним и средним течением Северского Донца. Потеря советской стороной донбасского угля должна была, по его мнению, лишить ее возможности выдержать войну в экономическом отношении².

После Сталина немцы, продвигаясь к своей следующей важной цели — Ростову-на-Дону, — 8 октября неожиданно для русских взяли крупный порт Мариуполь на Азовском море, а 17 октября, после незначительных столкновений с советскими войсками, еще один большой портовый город — Таганрог. Защищавшие Донбасс обескровленные советские армии пополнили свежими дивизиями, набранными с бору по сосенке из местного населения (так как местные мужчины почти поголовно были шахтерами, эти дивизии получили название «шахтерских»). Продвижение немцев замедлилось из-за осенней распутицы и истощившихся запасов горючего, но Гитлер настоял на продолжении наступления, и 21 ноября был взят Ростов-на-Дону. Через неделю его снова, пролив много крови, отбила Красная армия: у немцев не хватало сил, чтобы удержать город. Немецкие армии всю зиму простояли на укрепленном рубеже вдоль реки Миус и весной начали наступление со свежими силами. Планировалось, овладев Ро-

¹ Быков К. Киевский котел. М., 2008. С. 457.

² Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., 2012. С. 187.

стовом-на-Дону, одновременно открыть себе путь на Кавказ и получить плацдарм для наступления на Сталинград. Бои на Южном фронте возобновились с новой силой.

Первым заданием женского бомбардировочного полка стала борьба с немецкими частями, наступавшими на Ростовском направлении. Требовалось уничтожить склады их боеприпасов и горючего, автотранспорт и живую силу. Немецких солдат, если их не удастся уничтожить, нужно было деморализовать, лишить сна и отдыха ночными бомбежками. Еще несколько дней назад Галя Докутович, все так же сердясь на кокеток в военной форме, писала о них, подражая Пушкину:

*... В то время в утреннем уборе
Галина Корсун красит брови.
За ней Горелкина спешит
Разрисовать свой внешний вид...¹*

Теперь все изменилось: Галя сердилась уже на то, что их аэродром подскока (аэродром ближе к линии фронта, предназначенный для кратковременной стоянки с целью увеличения дальности полетов), по ее мнению, находился слишком далеко от линии фронта, и на то, что первые боевые вылеты были, как ей показалось, тренировочные, с учебными целями. На других летчиц и штурманов первые боевые вылеты тоже не произвели большого впечатления. Над целью в них никто не стрелял. Прошел слух, что, не доверяя, им дали слабо укрепленные цели, так что получился обычный тренировочный полет. Когда в ту ночь из своего второго вылета не вернулись командир эскадрильи Люба Ольховская со штурманом Верой Тарасовой, все были уверены, что возникла неполадка в работе самолета и они сели на вынужденную посадку. С Любой Ольховской, самой сме-

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 24.

лой, самой опытной летчицей во всем полку, не могло ничего случиться. Скоро они появятся. Но Ольховская и Тарасова не вернулись. Шло время, а их судьба все оставалась неизвестной. «До этого времени их нет», — писала Галя. Оказалось, что летчики соседнего летавшего на У-2 полка, «братского», видели, как какой-то самолет обстреляли зенитки. «Что, где — ничего не известно. Летчики (браточки) видели, что один самолет попал в свет прожектора. По нему открыли огонь вражеские зенитки. Самолет дал сигнал “я свой”, видимо, принял вражеские прожекторы за наши... Тяжело первый раз думать о том, что подружки не вернутся...» Что с ними могло случиться, если они попали в плен? «Дорогие подружки, — писала Галя, восхищаясь Любовью Ольховской. — Как много вы пережили, если и правда попали к врагу». Несколько дней Любу и Веру ждали, отказываясь верить в плохое. Как только над аэродромом появлялся самолет, все скорее бежали смотреть, «может, это комэскина машина»¹.

Жители маленького поселка около донбасского городка Снежное слышали в ту ночь, когда начал свою работу полк Бершанской, взрывы, а утром нашли сбитый У-2. В передней кабине сидела, склонив голову на борт, «красивая темно-русая девушка в летном комбинезоне» — несомненно, летчик Люба Ольховская. Во второй кабине была еще одна девушка — лицо круглое, чуть вздернутый нос — Вера. Обе девушки были мертвы. Жители поселка хоронили летчиц тайком: Снежное было уже занято немцами. Однополчанки узнали о том, где они похоронены, только через двадцать три года, когда Евдокия Рачкевич отыскала их могилу. А тогда, в мае 1942 года, Ира Ракобольская отправила родным Веры и Любы извещение о том, что девушки пропали без вести.

«Наша эскадрилья пока что без командира, — писала Галя через несколько дней. — Теперь уже каждый чувствует, что не вернутся наши девчата...»

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 24.

Приехав в находившийся неподалеку от Труда Горняка шахтерский Краснодон, девушки были поражены совершенно тыловой обстановкой в городе. Немцы уже однажды были близко от Краснодона, но их прогнали, и теперь местные не верили, что ситуация может повториться с совершенно иным результатом.

Краснодонские девушки с интересом разглядывали летчиц, одетых в гимнастерки и брюки и вооруженных пистолетами. Никто не представлял, что через пару недель город будет оккупирован. Еще через полгода семнадцатилетние ребята и девушки, создавшие там подпольную организацию «Молодая гвардия», были выданы предателем и зверски замучены немцами. Александр Фадеев написал о них роман, так и называвшийся — «Молодая гвардия». В нем рассказывалось о борьбе и гибели Олега Кошевого и его товарищей, но это было, конечно, художественное произведение, пусть и написанное на основе реальных событий. Краснодонские комсомольцы, вчерашние школьники, которым было от четырнадцати до двадцати пяти, а большинству — по шестнадцать или семнадцать лет (организатору подпольной группы Олегу Кошевому едва исполнилось шестнадцать), отличались от созданных Фадеевым художественных героев, людей невиданной силы духа. Все они были обычные, честные и хорошие ребята, почти дети, любившие Родину и с увлечением включившиеся в борьбу, не понимая, чем все может закончиться. Люба Шевцова, член штаба «Молодой гвардии», восемнадцатилетняя радистка диверсионной группы, написала своей маме из тюрьмы такую записку:

«Здравствуйте, мамочка и Михайловна! Мамочка, Вам уже известно, где я нахожусь. Я очень сейчас жалею, что я не слушала Вас, а сейчас сожалею, так мне трудно. Я не знаю, никогда не думала, что мне придется так трудно.

Мамочка, я не знаю, как Вас попросить, чтобы Вы меня простили за то, что я Вас не слушала, но сейчас поздно. Мамочка, прости меня за все, что я тебя не слушала. Прости. Может быть, я тебя вижу в последний раз.

Прости меня, я не знаю, как простишь. Не увидела я своего отца и уже, наверное, не увижу маму. Передайте всем привет. Тете. Всем, всем. Шуре, пусть меня тоже простит... Прости, уже больше, наверное, не увидимся...»

Любу, как и других ребят, немцы после пыток расстреляли, но после освобождения Краснодона мама Любы Шевцовой получила еще одну весточку от дочери. На стене камеры Люба нацарапала: «Прощай, мама, твоя дочь Любка уходит в сырую землю»¹.

Об этих письмах, письмах не железного большевика, а растерянной, ошеломленной близостью гибели юной души Александр Фадеев если и знал, то не стал писать в своей книге: для его произведения они были лишними. Любка Шевцова, Любка-артистка, певица, танцовщица, бесстрашный борец с фашистами, в романе «Молодая гвардия» принимает смерть с гордо поднятой головой и без тени сомнения.

В Труде Горняка полк ночных бомбардировщиков пробыл недолго: советские войска отступали. Победа под Москвой осталась единственным крупным военным успехом сорок первого и первой половины сорок второго года. Приближалось второе лето войны, оказавшееся не менее страшным, чем первое.

Аня Егорова, уже много раз обеспечивавшая связь с частями, находящимися почти в окружении, теперь летала в отходящие из-под Харькова армии, вокруг которых вот-вот должно было замкнуться кольцо немецкого окружения. Харьковская операция, планировавшаяся как попытка стратегического наступления, завершилась окружением и почти полным уничтожением советских наступающих сил, которые в конце концов оказались заперты на пяточке в пятнадцать квадратных километров. В конце мая окруженные советские армии предпринимали попытки прорваться из окружения (немецкий генерал Ланц вспоминал о чудовищных советских

¹ Последние письма с фронта. 1943. М., 1992. С. 473–474.

атаках массами пехоты)¹, но девяносто процентов состава этих армий погибли в кольце или пропали без вести вместе со своими генералами, среди которых был сам заместитель командующего Юго-Западным фронтом.

Утром 20 мая, подлетая к городу Изюм с секретным пакетом для штаба 9-й армии, Аня увидела отходившие по дорогам и просто по полю советские войска. В долине реки Северский Донец и в Изюме все было в огне. В небе шли воздушные бои. Анин самолет атаковал немецкий истребитель и поджег. Посадив горящую машину на кукурузное поле, Аня сорвала с себя тлеющий комбинезон и бросилась к лесу под огнем немецкого пилота, который, снизившись, ее преследовал. Наконец «мессер» улетел, и Ане так захотелось лечь на лужайку, закрыть глаза и забыться. На деревьях пробилась молодая листва, и девушка внезапно почувствовала, как хочется жить. Нет, она никогда не боялась смерти, но теперь вдруг поняла, как плохо умирать весной. Самолет сторел дотла вместе с мешком почты и регланом, предметом Аниной гордости. Что теперь делать, как доставить в штаб секретный пакет? Ничего не оставалось, как пойти по телефонному проводу, проложенному по ветвям деревьев: Аня надеялась, что он приведет на какой-нибудь командный пункт. Почти сразу она встретила двух бойцов, сматывавших этот провод на катушку. Когда Аня спросила, где КП, они крикнули, не останавливаясь: «Какой тебе КП, там немцы!»² Тут и там отходили отдельные солдаты и группы. Аня выбежала на дорогу, но дорожка была пуста. Проскочил грузовик, не остановившийся на ее сигнал, потом появилась эмка, без сомнения с каким-то начальством. Эмка тоже неслась мимо, не обращая внимания на летчицу. Не задумываясь, Аня вытащила из кобуры пистолет

¹ Быков К. Последний триумф вермахта. Харьковский котел. М., 2009, электронная версия.

² Тимофеева-Егорова А. А. Держись, сестренка, электронная версия.

и выстрелила в воздух. Шофер тут же дал задний ход, и, легко выскочив из машины, бравый капитан выхватил у Ани пистолет и скрутил ей руки за спиной. Когда он полез в ее нагрудный карман за документами, Аня в ярости впиалась ему в руку зубами. Неизвестно, что было бы дальше, но тут из машины с трудом выбрался откормленный генерал и стал с интересом расспрашивать летчицу, у которой все еще были выкручены руки, о том, кто она и почему безобразничает на дороге.

Аня, вне себя от обиды и боли в обожженных и выкрученных руках, выкрикнула: «А вы кто?» Тем не менее, попросив, чтобы отпустили руки, она достала удостоверение, которое было довольно внушительное: в нем предлагалось всем воинским частям и организациям оказывать всяческое содействие предъявителю документа.

Толстый генерал сразу сделался вежливым и спросил, куда нужно ехать. Посадив Аню в машину, чтобы подвезти в штаб 9-й армии, он спросил, где это ее так опалило. И тогда, рассказывая о том, что с ней случилось, Аня расплакалась. Очень уж болели обожженные руки, да еще и капитан содрал с них кожу.

«Не плачь, девушка, — утешал генерал, — а то и лицо начнет саднить от слез».

Через три часа они нашли штаб армии. Аня вручила пакет и пошла в санчасть, где ей наконец смазали лицо и забинтовали руки. Теперь можно было вернуться в родную эскадрилью, где уже и не знали, ждать ее или нет.

Немцы наступали. Украинское руководство, до этого из Киева переехавшее в Ворошиловград, теперь поспешно эвакуировалось дальше на восток: последний свободный клочок этой советской республики вот-вот должны были захватить немцы.

Армии уходили, полк Евдокии Бершанской все время перелетал на новые аэродромы, все дальше и дальше в глубь советской территории. Аэродромы, которые частенько оказывались за обрезами карты. Настроение было подавленное, физические силы на исходе.

Как-то дождливым вечером, когда в ожидании прилета разведчика погоды все собрались у командного пункта, Женя достала из планшета потрепанную книжку — повесть «Как закалялась сталь» — и начала тихо читать. Сначала никто не обратил внимания, но постепенно девушки одна за другой стали подсаживаться к Жене поближе, слушая историю Павки Корчагина.

Опубликованная в 1932 году, эта повесть о бесстрашном революционере стала советским Евангелием. Главный герой Павел Корчагин очень походил на самого автора, Николая Островского, имея точно такую же биографию: делал революцию, потеряв на этом поприще здоровье, укреплял советский строй и, наконец, слепой и парализованный в двадцать с небольшим лет, стал писателем, потому что хотел помогать любимому большевистскому строю хотя бы словом. К чему бы ни приложил руку бесстрашный и трудолюбивый Павка Корчагин, все у него получалось: мальчишкой он так здорово трудился в станционном буфете и на электростанции, что хозяева прощали ему сильный и несговорчивый характер, красноармейцем и военным комиссаром обращал в бегство врагов, потом так же успешно очищал вверенный ему район от всевозможных банд противников большевистской революции. Недостатков у Корчагина практически не было, а у самой книги, как у художественного произведения, — предостаточно, ведь автор едва закончил несколько классов, а все последующее образование дал себе сам, будучи уже тяжело болен. И все же книга выделялась на фоне произведений того времени: яркая и талантливая.

Советская культура, направленная на модернизацию общества и пространства, приучала массовое сознание ко всевозможным трансформациям, необходимым для строительства нового государства и нового человека. Шла смена календарей, переименование не только улиц и учреждений, но и городов (а после Второй мировой войны и стран), «электрификация всей страны», переход к типовой застройке городов. Идеальный советский человек, выводимый в новых художественных

произведениях — книгах, картинах и фильмах, казался человеком будущего, однако имел много общего с идеалами древности: был красив душой и телом, бескомпромиссно бесстрашен, безжалостен к врагам и беззаветно предан своему государству, которое ценил больше собственной жизни.

Как правило, написанные в жанре социалистического реализма книги того времени отличались полным отсутствием бытовых, физиологических, интимных подробностей. На каких постелях спали советские люди, какие пили напитки, чем и как стирали белье, из этих книг не узнаешь. Они становились все более безжизненными и пустыми, выполняя функцию формы, в которое время вкладывало идеологическое содержание, которое требовалось на тот момент. «Как закалялась сталь» стала исключением.

Стремительное, захватывающее повествование, как лава прорывающееся сквозь несовершенную форму романа, уносящее читателя в горячем потоке короткой и яркой жизни — то ли жизни черноглазого Павки Корчагина, то ли жизни самого автора, — было совсем не похоже на большинство произведений тех лет. Написанное непрофессиональным, необразованным, но очень талантливым автором, оно было обречено на успех. Роман довели до ума несколько редакторов «Молодой гвардии», и он стал советским бестселлером. Наверное, в успехе книги сыграла роль не только ее житийность, не только героический образ Корчагина — героических образов тогда в литературе было хоть отбавляй, — не только торопливое, динамичное повествование. Идеологизированные читатели тридцатых годов, возможно, не отдавали себе отчета в том, что в романе, написанном парализованным и слепым писателем, постоянно присутствует секс. В книге встречаются товарищи женского пола, под гимнастерками которых красиво вырисовывается грудь, поцелуи, «жгучие как удар тока» и полные сексуального напряжения ситуации, в которых Павел всегда ведет себя как подобает настоящему

коммунисту. И тема сексуального насилия над женщинами, которое действительно происходит или которое только им угрожает, также проходит через весь роман прикованного к постели Островского.

Поколение Жени Рудневой не анализировало любимых книг, не склонно было размышлять о художественных качествах романа и психологических проблемах авторов. На это у них, так же спешивших жить, как Павка Корчагин, не было времени — особенно теперь. Павка, с его стойкостью перед лицом сложных и опасных ситуаций, был именно той моделью, которая была им сейчас нужна. Слушая, как Павка выходил победителем из самых безвыходных ситуаций, они больше не ощущали ни усталости, ни подавленности. Когда появилась «Юнкерсы» и кто-то крикнул: «Воздух!» — никто не двинулся с места.

Кроме книги о Павке Корчагине Женя Руднева всегда носила в полевой сумке еще один маленький томик. Там были стихи, которые она читала всегда про себя. Но как-то, чтобы подбодрить подруг, прочитала им строчки:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте Родину мою», —*

и видя, как они реагируют, начала читать им из этого томика, сначала изредка, а потом все чаще и чаще¹. Подруги переписывали стихи в свои тетрадки — такие тетради для стихов были почти у всех — и учили наизусть. Поэта звали Сергей Есенин.

Лучший поэт своего времени, голубоглазый и золотоволосый крестьянский сын с очаровательным русским лицом, Есенин воспевал в своих стихах красоту родной природы,

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч., электронная версия.

любовь и самого себя — юношу-поэта, но также говорил и о темных страданиях человеческой души, смятении и водке. После того как он, страдая от депрессии, повесился в 1925 году в номере ленинградской гостиницы «Англетер», его стихи многие годы фактически были в СССР под запретом, пусть и неофициальным. Что бывает, когда такой запрет нарушается, узнала на собственном страшном примере семья Оли Голубевой.

Отец Оли, старый большевик, был выходцем из крестьян, но всегда тянулся к образованию и очень ценил книги. Однако в большой домашней библиотеке Есенина не было. После посмертной кампании против него и его творчества, в результате которой Есенин был объявлен упадническим поэтом, чуждым происходящим в стране переменам, его стихи не печатались.

Один из главных большевистских теоретиков и экономистов, главный редактор «Правды» Николай Бухарин был очень интеллигентным человеком. Он оказал помощь многим литераторам, в том числе Осипу Мандельштаму и Борису Пастернаку, защитив их при конфликтах с властями. Однако по какой-то причине этот человек стал ярким противником Есенина и «есенинщины» — возможно, просто потому, что с положительными оценками творчества Есенина выступал Троцкий, с которым шла активная внутрипартийная борьба. В любом случае статья Бухарина в «Правде» под названием «Злые заметки» поставила крест на издании есенинских стихов. «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм внутренней жизни вообще», — писал Бухарин¹. Все усилия внучки Льва Толстого Софьи Андреевны Толстой и Надежды

¹ Бухарин Н. И. Злые заметки. Правда. 1927. 12 января.

Вольпин — которые воспитывали его детей и были заинтересованы как в издании произведений Есенина, так и в доходах от них, — оказались напрасны. Во всех редакциях им давали понять, что публиковать Есенина не позволяет негласный запрет сверху. В 1933 году вышли избранные стихи тиражом 10 200 экземпляров, больше изданий не было. Но Есенина не забыли, его стихи ходили по стране в огромном количестве переписанных от руки экземпляров. С Есениным боролись и в прототипе самиздата. Когда у старшей сестры Оли Голубевой и ее подруги нашли (вероятно, использовав все тот же метод «случайной» находки) альбом со стихами Есенина, в школе поднялся ужасный шум. Девочек, которым было всего по пятнадцать лет, постоянно «прорабатывали» на всевозможных собраниях, сделав настоящими изгоями. Им, еще не научившимся защищать себя от агрессивного, жестокого внешнего мира, находить в потоке слов истину, юным и ранимым, показалось, что у них нет выхода. Они взяли у Олиного отца наган и застрелились¹.

Среди обвинений, которые бросали мертвому Есенину советские литераторы и политики, было одно совершенно справедливое: своим самоубийством он ввел в России страшную моду — на самоубийства. В самом деле, что может быть романтичнее, чем умереть так же, как самый прекрасный русский поэт? После смерти Есенина самоубийство совершили множество его поклонниц.

После смерти сестры Олина семья уже никогда не была такой веселой, как раньше, мама жила в постоянном страхе за оставшихся детей. А Есенин через несколько лет все-таки стал менее запрещенным, стихи издали. Софье Андреевне помог «всесоюзный староста» — старенький Председатель Президиума Верховного Совета СССР, де-юре первое лицо страны Михаил Иванович Калинин. Он был из крестьян, всегда любил

¹ Голубева-Терес О. Т. Интервью автору.

стихи Есенина, а кроме того, живо интересовался музеем Льва Толстого в Ясной Поляне. «Не унывайте! Есенина будут издавать», — заговорщически сказал он при встрече внучке Толстого. Калинин помог. Сборник «Стихотворения и поэмы» Есенина увидел свет перед самой войной, в 1940 году. Это и был маленький томик, который всегда носила с собой Женя Руднева.

Трудно было найти стихи, в которых так нуждались бы молодые сердца, скорбящие о друзьях и жаждавшие любви.

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди, —*

писал Есенин в своем последнем стихотворении, написанном кровью — как считал друг Есенина Мариенгоф, просто потому, что больше нечем было написать. Это стихотворение после самоубийства Есенина много обсуждали и осуждали за «упаднические» нотки, но противостоять его пронзительной, прекрасной грусти молодые сердца не могли.

А его более ранние, такие прекрасные стихи были о любви и разлуке:

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа...*

и

*Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся.*

Стихи были нужны этим девушкам как воздух: они мечтали о любви, их душа требовала лирики, и их чувства были



▲ Лиля Литвяк в детстве. Ок. 1925 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



◀ Лиля Литвяк с братом Юрой. Москва, 1938 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Женя Прохорова (справа) и ее звено. Тушино, парад (?) 1938 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Анна Егорова (в верхнем ряду вторая справа) с товарищами по работе, Метрострой. Конец 1930-х. (Из личного архива Артема Драбкина)



► Лиля Литвяк, довоенная фотография. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Раиса Сурначевская, Катя Буданова и Ольга Шахова. (?) Московский аэроклуб. Довоенная фотография. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Участницы авиационного парада 1939 г. Катя Буданова — вторая справа. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Портрет Марины Михайловны Расковой. 1938–1942 гг.
(Из коллекции РГАКФД)



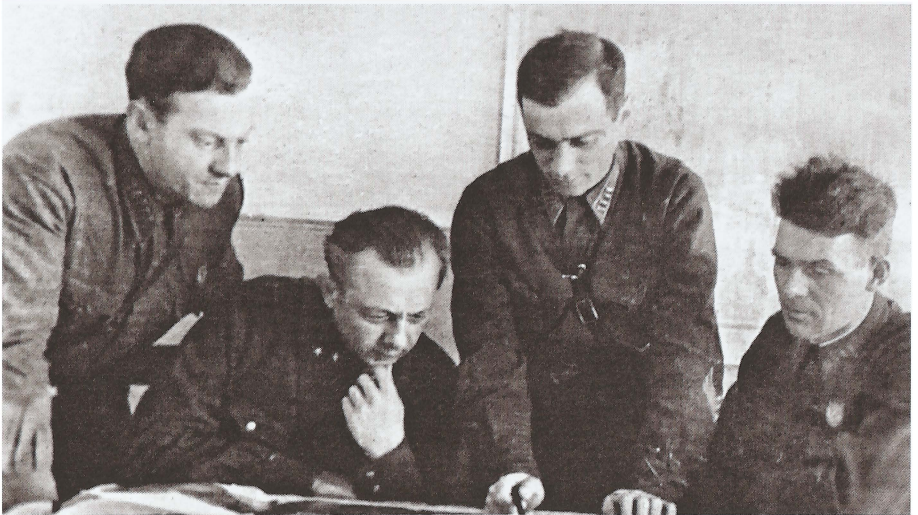
▲ Катя Буданова с курсантами аэроклуба. Начало войны.
(Фотография из личного архива Валентины Николаевны Краснощековой)



▲ Лиля Литвяк с курсантами (?) в Московском аэроклубе. Ок. 1940 г.
(Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



► Портрет летчицы Е. Ф. Прохоровой (погибла 3 декабря 1942 г. при сопровождении особо важного транспортного состава). 1940–1942 гг.
(Из коллекции РГАКФД)



▲ Иван Гольшев (справа). 1941 г. *(Фотография из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)*



▲ Катя Буданова у самолета. Не позднее 1941 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



◀ Лилия Литвяк. Вероятно, 1941 г., Энгельс. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



► Комсорг Лена Лукина. 1941 г.
(Из личного архива Е. И. Лукиной)



▲ Неизвестная, Катя Буданова и Женя Прохорова. Зима 1941/42 гг.,
586-й истребительный авиаполк. (Из коллекции Музея боевой славы
при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



◀ Раиса Беляева. 1941 или 1942 г.
(Из коллекции Музея боевой славы
при гимназии № 1, г. Красный Луч,
Украина)



▶ Клава Нечаева. 1941 или 1942 г.,
не позже сентября. (Из коллекции
Музея боевой славы при гимназии
№ 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Летчица 586-го истребительного авиаполка Клавдия Блинова в «мужском» полку – среди летчиков Н-ского гвардейского полка. 1941–1942 гг.
(Из коллекции РГАКФД)



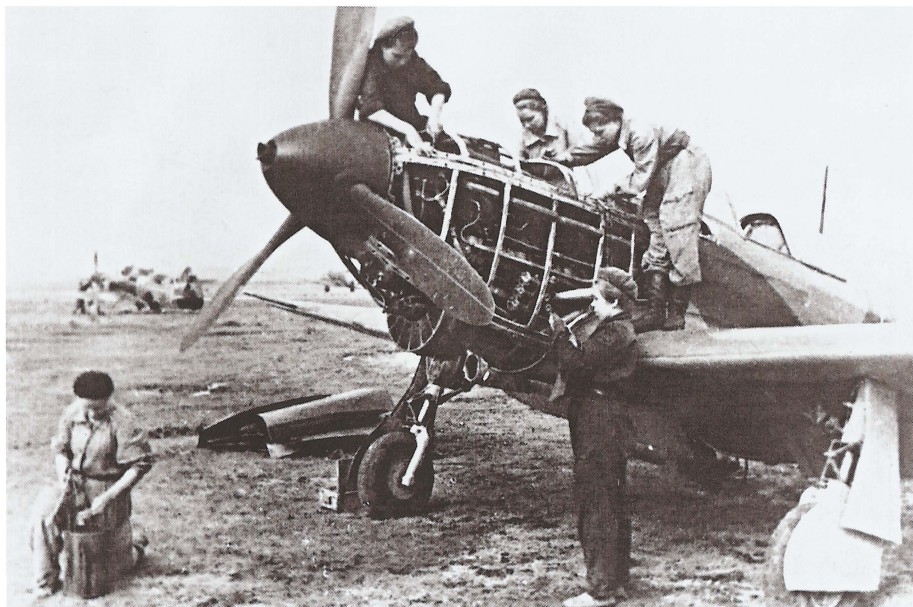
◀ Анна Егорова в кабине У-2. 1941 или 1942 г.
(Из личного архива Артема Драбкина)



▲ Лиля Литвяк (стоит в профиль) с девушками-механиками. Валентина Краснощекова — четвертая слева. Сталинград, ноябрь 1942 г. (Фотография из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Лера Хомякова (в центре) принимает поздравления от комиссара полка (слева) и командира полка Казариновой. Саратовская обл., сентябрь 1942 г. (Из коллекции РГАКФД)



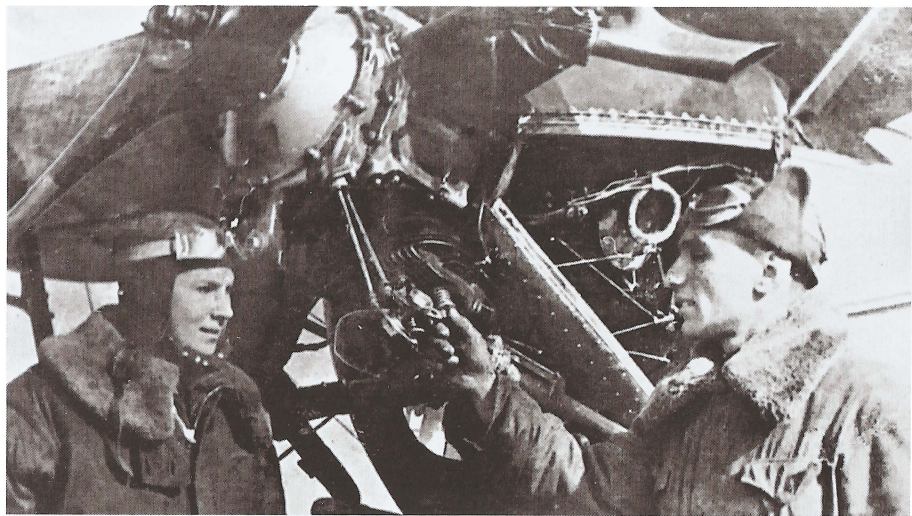
▲ Механики за починкой самолета Як. В середине Нина Шебалина. Сталинград, осень 1942 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



◀ Анна Егорова рядом с самолетом У-2: получение боевого задания. Не позднее 1942 г. (Из личного архива Артема Дробкина)



▲ Владимир Микоян (в центре) с летчиками своего полка. 1942 г. (Из личного архива С. А. Микояна)



▲ Лиля Литвяк с механиком Семеном Низиним. Сталинград, октябрь или ноябрь 1942 г. (Фотография из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)

► Лиля Литвяк. Зима 1941/42 г.
(Из коллекции Музея боевой славы
при гимназии № 1, г. Красный Луч,
Украина)



◀ Алексей Соломатин. 1942 или
1943 г. (Из коллекции Музея боевой
славы при гимназии № 1, г. Красный
Луч, Украина)



▲ Летчицы женского 586-го истребительного авиаполка М. М. Кузнецова, Е. В. Буданова и Л. В. Литвяк (слева) у самолета. Осень 1942 г.
(Из коллекции РГАКФД)



◀ Катя Буданова. 1942 или начало 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)

гораздо острее потому, что они рисковали жизнью. Те же эмоции испытывали и солдаты-мужчины, но все же, наверное, не так.

Стихотворение Константина Симонова «Жди меня», опубликованное в «Правде» 14 января 1942 года и переписанное в тетрадках сотни тысяч, наверное, даже миллионы раз, стало голосом всего поколения, песней тех, кто на войне тосковал о доме, и тех, кто ждал с войны солдат, молитвой тех, кого могли убить, и тех, кто ждал. Оно было написано в первые месяцы войны, когда Симонов, корреспондент фронтовой газеты, видел ужас отступления и хаоса, навсегда простался с только что обретенными фронтовыми друзьями и несколько раз чудом спасся сам. «Если бы не написал я, написал бы кто-то другой», — как-то сказал он об этих стихах, ставших голосом каждого фронтовика. И еще: «У стихотворения «Жди меня» нет никакой особой истории. Просто я уехал на войну, а женщина, которую я любил, была в тылу. И я написал ей письмо в стихах». Писатель Лев Кассиль, на чьей даче были написаны стихи, сказал, когда Симонов дал почитать, что стихи хорошие, но печатать их сейчас не время. Примерно так же отреагировал на них главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг, когда Симонов, теперь уже его корреспондент, принес стихи ему. «Это стихи не для военной газеты, — сказал он. — Нечего растревлять душу солдата»¹.

Но стихотворение прокладывало себе дорогу. Куда бы ни приехал корреспондент Симонов, вечером у огонька после напряженного дня военные просили его почитать стихи. И он, прочитав «Жди меня» в первый раз на Северном фронте, потом читал его очень часто. В декабре 41-го эти стихи были прочитаны по радио самим автором, а 14 января их напечатала «Правда». Стихотворение стало событием в жизни страны. После его публикации Симонова — автора

¹ Симонов К. Указ. соч., электронная версия.

стихотворения «Жди меня» — знал даже совсем далекий от литературы советский человек. И люди как-то поверили, что, если очень сильно ждать, с любимым человеком ничего не случится.

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера...¹*

Ходили слухи, что актриса Валентина Серова, для которой были написаны стихи, не очень-то Симонова и ждала, крутила роман с молодым и блестящим маршалом Рокоссовским, но разве это было важно? Она была музой поэта, написавшего главное стихотворение Великой Отечественной войны.

И через много лет после войны Симонов получал письма от тех, кто дождался, и от тех, чьи любимые не вернулись. Некоторые не дождавшиеся своих мужей или сыновей женщины писали, что из-за его стихотворения всю жизнь живут с чувством вины: если его убили, значит, она плохо ждала.

До конца войны в своих поездках на фронт Симонов, собрав материал для очередной корреспонденции, отогреваясь после холода и опасностей передовой водкой или разведенным спиртом в компании фронтовых офицеров, охотно читал свои стихи, и, конечно, всегда — «Жди меня».

¹ Позже по просьбе редакторов Симонов заменил «Изменив вчера» на «Позабыв вчера».

Глава 11

Мы немца одолеем, только нюни распускать не надо

НА юге России, между двумя большими реками — Доном и Волгой, до самого Азовского моря, лежит еще одно море, нежно-зеленое и колышущееся в мае, желтое и выгоревшее в июле, — бескрайние степи. В ковыле и полыни, кроме которых мало что растет на этих засушливых полупустынных землях, прячутся от волков зайцы и антилопы-сайгаки. Кочевники-ногайцы в меховых одеждах и высоких сапогах из сафьяна перегоняли здесь огромные стада лошадей и верблюдов, коров и овец. После них пришло другое степное племя — калмыки, приземистые люди с узкими глазами и широкими плоскими лицами. Потом — донские казаки — смелые воины, первопроходцы, отличные хозяева, певцы и сказочники. Веками, тысячелетиями через степи шли завоеватели, расчищая себе путь к берегам Азовского и Черного морей, на покорение Кавказа: скифы, татаро-монголы, русские. Тем же путем, гоня по степям танковые колонны, в 1942 году шли к Кавказу войска Гитлера. Летом с воздуха было отчетливо видно, как черные полосы свежевыкопанных окопов и противотанковых рвов уродуют степной океан, как шрамы.

Шло немецкое наступление на Ростов-на-Дону. Взяв его, планировали наступать дальше, на Сталинград и Кавказ. Взяв Ростов, немцы имели не только реальную перспективу выхода в Закавказье, к запасам бакинской нефти, которые для СССР были основными, но и получили бы возможность захватить Сталинград — крупнейший транспортный узел и центр военной промышленности. К июню сорок второго года южный участок советского фронта был ослаблен из-за провала весеннего наступления под Харьковом. 28 июня танковой армии Гота удалось прорвать его между Курском и Харьковом, и она начала быстро двигаться к Дону. 3 июня немцы взяли Воронеж, и советские войска, под командованием маршала Тимошенко защищавшие направление на Ростов, оказались под угрозой окружения с севера. Ане Скоробогатовой, окончившей курсы радистов в городе Россошь Воронежской области и эвакуированной с другими свежеиспеченными радистами вместе с одной из военных частей, посчастливилось вырваться из сшитого немцами мешка: танки прошли за десять дней двести километров, стремительно продвинувшись на юг между Донцом и Доном. Только пленными войска под началом Тимошенко потеряли двести тысяч человек. Армиям Южного фронта и прикрывавшей их с воздуха 4-й воздушной армии тоже пришлось несладко.

Полк Евдокии Бершанской менял аэродромы, следуя за потоком отступающих советских войск, но духом не падал; боевая работа шла хорошо, новых потерь не было. Женя Руднева учила штурманов полка ориентировке в степи. Сориентироваться в однообразном пространстве, да еще ночью, дело непростое. Главное — это найти на плоской территории точку привязки: шоссе или железную дорогу, церковь в деревне, рощицу, речку. И конечно же в ясную ночь помогут сориентироваться звезды и луна. Кто мог лучше рассказать о них, чем Женя, будущий астроном? Для нее созвездия и звезды были хорошими знакомыми, друзьями, их она любила показывать

летчику, возвращаясь от цели, а всем остальным в дождливые вечера рассказывала о звездах волшебные сказки.

Нельзя постоянно жить с сознанием того, что каждый день рискуешь жизнью, что каждый боевой вылет может стать последним. Даже к смертельной опасности со временем привыкаешь. «Фронтовая обстановка отличается от нашей учебной работы только тем, что иногда стреляют зенитки, — писала родителям Женья Руднева. — Но ведь я тоже, как и вы, хорошо помню бомбежки Москвы: сбить самолет очень трудно. А если что и случится, так что ж: вы будете гордиться тем, что ваша дочь летала. Ведь это такое наслаждение — быть в воздухе»¹.

Как штурману полка Жене не полагалось много летать. Она должна была контролировать работу летчиц и штурманов на старте. Но она летала постоянно, ссылаясь на то, что должна знать каждого летчика в полку, его индивидуальные качества. Она очень часто высаживала из кабины штурмана и летела сама, ведь дни, а для полка «ночников» — ночи сейчас были горячие.

Летчица Катя Рябова, с которой летала Галя Докутович, заболела, и Галя летала с Надей Поповой — стройной, красивой, голубоглазой, светловолосой девушкой. С ней, очень смелой, летавшей спокойно и «как-то легко»², Гале нравилось летать. Была ночь, когда им удалось взорвать что-то большое — видимо, склад боеприпасов, потому что взрывы внизу были сильные, и после этого они чувствовали себя «именинницами». Несмотря на то что сейчас у нее получалось много летать (ситуация была такая напряженная, что выпускали летать всех), несмотря на удачные бомбежки, на цветы, которые клала ей в кабину вооруженец Аня, Гале временами казалось, что ей снится страшный сон. Как получилось, что немцы так далеко продвинулись?

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 105.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 31.

«Ростов и Батайск все время бомбят. И ночью, и утром, и вечером. Гады!» — писала она 16 июля. «Немцы снова наступают, — писала она на следующий день. — Они прошли от Изюма до Ворошиловграда дальше на Лисичанск, Миллерово, Морозовскую»¹. Советские войска отступали от Ростова.

У Александра Федяева, молоденьким солдатиком отступавшего со своей частью из Ростова, потом всю жизнь наворачивались слезы, когда он вспоминал 1942 год. «На город бешено напирали фашистские танки, а у нашей пехоты в руках были только винтовки». В его память врезался эпизод, когда он с товарищами проходил мимо группы девушек лет пятнадцати. «Они плакали, ведь уже пережили одну оккупацию, близится вторая... А наши солдаты готовы были сквозь землю провалиться от сознания того, что не в силах их защитить»².

Через хутора, на которых останавливался полк Бершанской, непрерывно шли отступающие войска. «...Только умоляю, не беспокойтесь обо мне! — писала в те дни родителям Женя Руднева. — Папист, я боюсь, что, читая газеты, ты сделаешь грустное заключение о моем положении. На самом деле мы как раз сейчас стали здорово бомбить немцев (я веду счет бомбам, которые я им на голову сбросила)». Это письмо было написано 19 июля, когда немцы уже подходили к Ростову. Женя напрасно беспокоилась: из сводок Информбюро нельзя было составить представление о непосредственной угрозе Ростову. Иногда бои на этом направлении вообще не упоминались в сводках, иногда о них писали пару строчек: «В течение дня... июля советские войска вели ожесточенные бои с противником в районе Воронежа, а также в районе Цимлянская, Новочеркасск, Ростов...» Об идущих

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 32.

² Ростов официальный. 2012. № 17 (908). 25 апреля.

в районе Ростова боях Совинформбюро писало и 24 июля, когда немцы взяли Ростов и форсировали Дон, и 25-го, и 26-го. Только 27-го советская сторона нехотя признала, что город сдан.

О героизме защитников Ростова, которых так много погибло при стремительном немецком броске на город, никто не писал ни тогда, ни позже: повторная сдача Ростова не считалась одной из славных страниц Великой Отечественной. О гибели на подступе к городу целой зенитной батареи, состоявшей из ровесниц Олечки Голубевой, стали говорить только через пятьдесят лет.

Военная профессия зенитчика, безусловно, не очень подходила для женщин — переносить и заряжать тяжеленные снаряды мужчинам было бы намного легче. Но мужчины были нужны в пехоте, в тяжелой артиллерии, в танковых войсках. Девушек с удовольствием записывали в зенитные части: обучение быстрое, с работой, на первый взгляд намного менее опасной, чем у частей, действовавших на передовой, они справлялись. Но вот как о своей военной профессии, с ее точки зрения даже не очень героической, говорила зенитчица Наталья Шолох: «Мы подвигов не совершали: не участвовали в рукопашной, не ходили в разведку, но ежедневно, рискуя жизнью, мы отражали атаки немецкой авиации. Если сказать откровенно, то мы не думали, что останемся после такой бойни живыми...»¹ Зенитные батареи, представлявшие собой опасность для немецкой авиации, были одной из целей для бомбардировщиков. Советская авиация в первой половине войны практически их не защищала, а огонь самих зенитных батарей был достаточно малоэффективен против немецких бомбардировщиков.

¹ Шолох Н. Интервью, опубликовано на сайте www.pomnivoinu.ru 13 марта 2012.

При стремительном наступлении немцев на советские города нередко случалось так, что не успевшим эвакуироваться зенитным батареям приходилось стрелять не по самолетам, а по танкам. Третья батарея 1-го дивизиона 734-го зенитно-артиллерийского полка была сформирована из ростовских девушек-комсомолок. Большинству из них было семнадцать, восемнадцать или девятнадцать лет. Пока немцы приближались, их авиация бомбила город несколько суток — считается, что каждые сутки она совершала по 1200 вылетов. Около ста девушек, обслуживавших орудия батареи, непрерывно подносили снаряды, заряжали пушки, стреляли; отдыхали только тогда, когда перегревались пушки. 21 июля, после нескольких часов непрерывной бомбежки, неожиданно наступила тишина. Не понимая, что это затишье предшествует штурму города или, может быть, устав настолько, что им было уже все равно, батарея заснула мертвым сном в окопчиках у своих орудий. Многие даже не услышали рева наступавших на батарею немецких танков. Все произошло очень быстро. Лишь несколько девушек успели подняться и развернуть зенитки, направив их на танки 5-й дивизии СС «Викинг». Подбить удалось всего два танка; остальные проутюжили батарею вместе с ее защитницами¹.

Говорили, что немцам стало не по себе, когда они увидели, что полностью уничтоженная батарея состояла из девушек, и что они приказали местным старикам и женщинам собрать и похоронить тела, а на холмике братской могилы выложили крест из пилотов. Кто знает, правда ли это.

Потеря Ростова деморализовала всех, от простого солдата до Верховного главнокомандующего. Как говорилось в приказе Ставки Верховного главнокомандования от 23 июля Юж-

¹ *Защитницам неба* // электронный ресурс «Памятники Дона». 4.10.2010 <http://www.voopiik-don.ru>

ному, Северо-Кавказскому и Сталинградскому фронтам, «если немцы наведут понтонные мосты через Дон и смогут переправить танки и артиллерию на южный берег Дона, это будет смертельной угрозой для фронтов. Если немцы не смогут навести понтонные мосты на южный берег, то они смогут переправить только пехоту, и это не представляет большой опасности для нас... Исходя из этого, главной задачей наших сил на южном берегу Дона и для нашей авиации является не позволить немцам построить понтонные мосты через Дон...»¹ Помешать немцам не удалось: через пару дней они в нескольких местах переправились на южный берег Дона и начали быстрое наступление на Кавказ и Сталинград. Сталин принял решение: немцы должны быть остановлены любой ценой. Если люди не захотят стоять насмерть, их нужно заставить сделать это под угрозой смерти.

В конце июля, после сдачи Ростова, войскам Южного фронта был зачитан приказ Сталина номер 227, известный как приказ «Ни шагу назад!». «Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россосшь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов на Дону... Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором... Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток...»² Войска

¹ Сводка Информбюро, цит. по: www.great-victory.ru

² Там же.

Южного фронта оставили Дон и позорно, панически бегут. Обстановка на юге страны тяжелая. Отступление без приказа будет приравниваться к измене Родине.

Приказ не публиковался в газетах, но «Ни шагу назад» быстро стало лозунгом прессы лета 1942 года, и передовицы распространили его в широких массах.

Личному составу 588-го полка приказ зачитала начальник штаба Ира Ракобольская. Накануне ночью они были вынуждены срочно покинуть хутор, куда только что прилетели: подходили немецкие танки. Улетали так поспешно, что не имели даже карт нового района. «Площадка, куда мы должны сесть, находится за обрезом карты», — объяснила штурманам полка Женя Руднева.

На рассвете они были на новом месте, где, зверски голодные, накинулись на незрелые арбузы на бахче. Крестьяне были только рады: все равно скоро придут немцы, так пусть лучше съедят свои. Умывались арбузным соком: воды не было. Пропылив самолетами по сельской улице, летчицы спрятали их поближе к домам и деревьям. Внезапно их вызвали строиться, и они услышали от Ракобольской страшные слова.

«Ужасные вещи», слова приказа Верховного главнокомандующего, не укладывались в голове. Было件нятно, что в этих южных степях негде укрепиться, зацепиться не за что. Что же будет? Когда Ракобольская кончила читать, долго стояло полное молчание. Девушки, усталые и голодные, плакали, ведь они тоже были войсками Южного фронта¹.

Потери их полка пока были небольшие, но рядом стояли другие летные полки, бомбардировочные и истребительные, в которых осталась половина, треть или того меньше летного состава и машин. В один из дней погода была нелетная, собиралась гроза. Девушки уже укладывались спать в большом сарае, где раньше была конюшня, когда пришла парторг полка.

¹ Ракобольская И. В., Кривицова Н. Ф. Указ. соч. С. 172–173.

«Пойдемте хоронить летчиков из соседнего полка. У них в полку почти никого не осталось»¹. Оказалось, что накануне «Мессершмитт» расстрелял двух летчиков мужского полка У-2. Девушки пошли на похороны. Было уже совсем темно, началась гроза. Шел дождь, дорогу освещали молнии. Телега, на которой стояли гробы, постоянно застревала. Они вытягивали ее и ползли дальше. Среди общего молчания раздался голос парторга Рунт, для которой партбилет был святыней: «Товарищи, прячьте дальше комсомольские и партийные билеты». И правда, они уже промокли до нитки, вода стекала с промокших насквозь пилоток на волосы, на носы, булькала в сапогах.

Никто из девушек не знал погибших летчиков в лицо, никто не запомнил их имен. Телегу с гробами проводили в темноте до деревенского кладбища и, пока закапывали могилу, стояли под дождем, увязая в раскисшей глинистой земле, с водой, хлюпающей в сапогах. И многим было странно, что гибель этих безвестных летчиков почти их не трогает.

Как писала Галя Докутович, было «странно, что здесь гибель боевых товарищей переживается не так тяжело, как там, в Энгельсе. Каждый знает, что и с ним может случиться то же самое, и готов к этому»².

Аня Егорова выслушала приказ номер 227 в той же сильно потрепанной в боях 4-й воздушной армии генерала Константина Вершинина, отступавшей с Южным фронтом. Приказ стоять насмерть у них теперь был, а вот ресурсов никаких не было: в очередной раз перелетев на новое место, летчики потеряли свои тылы: теперь не было у них ни штаба, ни столовой, ни бензина. Где их искать?

Накормила их в тот день пожилая женщина, которая, увидев, как они приземляются, пришла из деревни. Поздо-

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 174.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 33.

ровавшись, внимательно посмотрев на Аню и ее товарищей, женщина сказала: «А кушать-то у вас есть что?» Они не ответили, но ответа не требовалось: измученные лица, голодные глаза говорили сами за себя. Женщина сказала, что как раз сегодня наварила ведерный чугунок борща — «как знала, что прилетите»¹. У нее самой сын был летчик, только вот давно не было от него писем. Может, и его где-то накормят добрые люди. После обеда у щедрой женщины, которая проводила их, утирая слезы подолом широкой кофты, летчики решили слить бензин со всех машин в один самолет и отправить его на поиски тылов. Полетела Аня, как самая опытная. Снова внизу была окутанная дымом земля, горящие дома, необрунные поля. Бесконечный поток беженцев шел и ехал на повозках, люди тащили узлы, вели на веревках коров. Больно было смотреть, и еще больнее было оттого, что ничем ты не можешь им помочь.

Через Дон в направлении Сталинграда тянулся колоссальный поток беженцев. В том, что они успеют хотя бы переправиться до подхода немцев, уверенности уже не было, как и в том, что не погибнут на переправе. Переправы через Дон превратились в ад кромешный. Войска ожидали очереди на переправу со своей техникой и ранеными, там же ждали крестьянские семьи, скот, тракторы и телеги, нагруженные домашним скарбом, с сидящими наверху детьми. Страшно забиты всем этим потоком были ведущие к переправам дороги. Переправлялись через Дон в основном ночью: днем их бомбили. «Самолетов с красными звездами на крыльях почти не было», и немцы терроризировали у переправ военных и гражданских совершенно безнаказанно: сначала бомбили, потом расстреливали с малых высот.

Аня Скоробогатова, радист Отдельного батальона связи Южного фронта, работала на рации, установленной на гру-

¹ Тимофеева-Егорова А. Указ. соч. С. 99.

зовике-полуторке. Среди военных, старавшихся не смотреть в глаза ожидающему очереди переправиться мирному населению на донских переправах, была и она. Скоробогатова уже много повидала на войне, но бомбежка переправы, этот бесконечный кошмар, еще долго ее преследовала. Происходившее было слишком страшно, чтобы запомниться целиком. В памяти сохранились какие-то обрывки. Был какой-то генерал, стоявший у переправы и оравший на Аню матом: «Куда ты? Ложись, чего стоишь?» И потом кому-то еще: «Куда прешь? Отставить! Эту машину — радиостанцию давай первую...»¹ Аня, ошалева, совершенно не могла понять, что она должна делать. Она впервые ясно видела «немцев», точнее, немецкие самолеты, самолеты с крестами. Когда они бомбили, раздавался вой: «У-у-у». Аня тогда не знала, как называются эти самолеты. Только позже, став бывалым солдатом, она узнала, что это были немецкие бомбардировщики Ю-87, прозванные «лаптежниками» за неубирающиеся, нелепого вида шасси.

Аня Егорова и ее товарищи, летая на своих У-2 среди бела дня, постоянно были в воздухе: возили приказы и разведывали расположение советских частей и противника. Аэродромы, вернее, просто площадки, оборудованные в поле для неприхотливых У-2, постоянно менялись, перемещаясь все дальше к Дону, а потом — к Волге. Летать приходилось постоянно, отдохнуть было негде. Поесть тоже было некогда и негде, а часто и нечего: приготовленный на старом аэродроме обед попадал на новый или пропадал совсем. Спали где придется: в кабине самолета, на чехле под крылом, на траве, в брошенном крестьянском доме. Но то и дело, ночью и днем, их будил крик: «По самолетам!»² Разведка расположения частей на линии фронта была опаснейшим мероприятием: в населенном

¹ Скоробогатова А. М. Интервью автору.

² Тимофеева-Егорова А. Указ. соч. 138.

пункте, куда отправляли невооруженный медленный У-2, уже могли находиться немцы. Так, нарвавшись на немецкую часть, попали под обстрел Анины товарищи. Поняв, что со штурманом, сидящим во второй кабине, случилась беда, летчик при первой возможности приземлился, чтобы оказать ему помощь. Но помощь уже была не нужна. В каком-то забытии летчик снял с себя кожаную куртку, свернул ее и, беззвучно плача, стал подкладывать другу под голову, чтобы тому было удобнее лежать.

Гибель человека, с которым ты вместе рисковал жизнью, с которым под обстрелом сливался в одно целое, управляя картонным самолетиком, была для летчиков и штурманов У-2 огромной травмой. «Почему он, а не я? Он погиб, я теперь живу за него». Погибший, навсегда двадцатилетний, друг оставался с ними на всю жизнь, день за днем в ней присутствуя. Для летчика, потерявшего штурмана, для снайпера, потерявшего свою снайперскую пару, эта травма оказывалась самой страшной за всю войну: боль с годами притуплялась, но оставалось чувство какой-то ужасной вины, хотя ты ни в чем не был виноват.

Самым тяжелым воспоминанием войны для Ани Егоровой стал трехлетний сирота. Он пристал к ней и ее товарищам где-то около Новочеркасска, грязный, изголодавшийся, весь в ссадинах. Ничего не мог сказать кроме своего имени — Илюша — и слова «мама». Маму он звал беспрестанно, но, как узнала Аня от солдат, ее уже не было в живых. Плакать мальчишка уже не мог, только тихонько всхлипывал. У Ани разрывалось сердце. Надо было улетать, а малыш вцепился в ее шею так, что оторвать было невозможно. Что было делать? Как бросить беззащитное существо, самую несчастную жертву войны — маленького ребенка, потерявшего мать?

Аня решила взять Илюшу с собой. «Сошла с ума! — начали орать на нее ребята-летчики. — Что ты можешь дать

ему? Ты хоть знаешь, где мы в следующий раз остановимся? Что с ним будет, если тебя убьют?»¹

Им нужно было срочно улетать. Аня, плача, прижимая к себе ребенка, бросилась к деревне. И там судьба неожиданно сжалилась над ней. Им встретилась старая женщина с палочкой, которая, всмотревшись в ребенка, вдруг запричитала, заплакала: «Илюшенька, внучок!»

Аня, отдав ребенка, бросилась к самолету. Ей стало вдруг «так невыносимо больно за все: и за этого сироту Илюшку — сколько таких сирот было на дорогах войны, — и за уходящие годы, за себя...». Она так любила детей, так хотела иметь свою большую семью...²

Аня часто вспоминала парня по имени Виктор Кутов, с которым вместе работала на Метрострое и к которому ходила в Москве на свидания. «Ты любишь меня?» — спрашивал он тогда, а Аня смеялась: «Конечно нет! Еще чего!» Но ее глаза говорили другое. «Любит! Любит!» — кричал Виктор и кружил ее, крепко держа за руки.

Сейчас Виктор воевал где-то на Северо-Западном фронте, и уже пять месяцев от него не было вестей. Оставшись наедине со своими мыслями, Аня все думала: «Жив ли?» Успокаивала себя тем, что полевая почта работает кое-как и письма могли не дойти. И ругала себя за то, что ни разу не сказала ему, что любит, конечно, любит...

Из станицы Ольгинской, где был размещен полк ночных бомбардировщиков, хорошо было видно, как заходили на бомбежку Ростова немецкие самолеты, как отделялись от них бомбы и летели вниз. Было ясно, что скоро город будет оставлен, но пока об этом не говорили. Деревенские сидели у домов на лавочках и смотрели в сторону Ростова. Деды

¹ Тимофеева-Егорова А. Указ. соч. 139–140.

² Там же.

тихо говорили друг с другом, набивали трубки. Бабки охали и всплескивали руками, но продолжали продавать и щелкать семечки. Пока в станице еще были военные, в плохое не верилось.

Когда полк покидал станицу, все, молча стоя в воротах, смотрели, как рулят самолеты, ползущие вереницей к зеленому полю за деревней. Самолеты двигались медленно, а девушкам хотелось скорее улететь, чтобы не видеть этого молчаливого укора, «этих белых платочков женщин и грустно поникших дедовских усов»¹.

В те дни Ольге Голубевой казалось, что землю наклонили: все, что было на ней, все, что могло двигаться, медленно сползло на восток. По шоссе, в пыли проселочных дорог, по проложенным в неубранных хлебных полях тропам шли и шли, не смея остановиться, люди. Женщины на «окаменелых от натуги руках несли детей, старухи тащили узлы, согнувшись от их тяжести, детишки то догоняли с плачем матерей, то, устав, снова отставали от них, теряясь в общем потоке». Шли и шли люди, измученные своим и чужим горем, голодом, страшным унижением. Не им ли несколько лет твердили, что война, если она разразится, будет короткой и победоносной, врага будут бить на его же территории. «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!» О том, что придется покинуть все, что с таким трудом было нажито, и бежать куда глаза глядят, никто не предупреждал. Среди беженцев «двигались подводы, ревели некормленные и недоенные коровы, ползли машины, покорно-бесчувственные лошади тянули пушки. За пестрой людской толпой брели солдаты в мокрых от пота гимнастерах. Они шли молча, глядя вниз»².

Ольгу отправили с инженером эскадрильи в Ростов за новыми моторами. Но склад был уничтожен страшной бом-

¹ Ракобольская И. В., Крайцова Н. Ф. Указ. соч. С. 172.

² Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 109.

бежкой, под которую попали и они. С большим трудом они выбрались из горящего города на полutorке с шофером. По дороге и по обочинам, прижимаясь к посадкам, двигались сплошным потоком отступающие войска — артиллерия, машины, обозы, кухни, пехота. Брели беженцы, ковыляли раненые из разбомбленных госпиталей и санитарных поездов. Они поднимали костыли, руки, просили подвезти, но шофер полutorки не останавливался. Оля, понимая, что в машине нет места, что шофер может взять раненого только вместо деталей для самолетов, горько плакала и просила, чтобы он взял раненого вместо нее, но немолодой шофер-старшина только ответил ей потеплевшим голосом: «Перестань». И прибавил: «Видно, мы в чем-то свалили дурака, раз нас фашист жмет... Но мы немца одолевем, только нюни распускать не надо...»¹

В небе показался немецкий самолет, и шофер свернул к посадкам. Убегая от машины «каким-то невероятно широким шагом», Ольга споткнулась о мертвую женщину и увидела рядом с ней пищащий кружевной сверток. Совсем еще юная, она растерялась, не зная, как успокоить младенца, и в отчаянии мысленно звала на помощь свою маму, но суровый шофер грузовика схватил крошку на руки и прижал к себе.

Измученная, с разрывающимся от боли за людей сердцем, Олечка Голубева добралась до полка и снова была со своими, вспоминая о своем путешествии из окружения как о страшном сне. Инженеру ее полка Софье Озерковой повезло меньше.

Кадровая военная, интеллигентная, строгая, никогда не позволявшая себе панибратства с кем-либо из подчиненных, Озеркова сначала была в полку непопулярна: слишком уж сухая. Потом ее оценили и приняли: она прекрасно работала и знала свое дело, была требовательна к техникам, но при этом любила их и очень о них заботилась.

¹ Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. С. 109.

При очередном перемещении по тревоге на новый аэродром полк, спугнутый подходящими немецкими танками, улетел, оставив на аэродроме со сломанным самолетом Озеркову и техника Иру Каширину. Вскоре стало понятно, что ремонтом на скорую руку самолет не оживишь, и его пришлось, согласно инструкции, сжечь. Теперь нужно было уходить.

Прошагав целый день по забитой войсками и беженцами дороге, женщины переночевали в стогу сена. Утром Соня проснулась от чьего-то пристального взгляда. У стога стояла женщина. «Вы, бабоньки, военные? — спросила она. — И чего ж вы не скинете ту форму?»¹ Женщина сказала, что здесь уже прошли немецкие танки, но сейчас немцев на хуторе нет. Отведя летчиц к себе, она дала им кое-какую еду и деревенскую одежду: длинные юбки, светлые платочки. Они пошли: невысокая крепкая Соня и тоненькая Ира, не очень сильная физически, которой день ото дня тяжелее становилось идти.

Однажды они столкнулись на дороге с двумя немецкими мотоциклистами. Один из них был занят починкой мотоцикла, а второй начал показывать пальцем на их узелки: там, он знал, была еда. Ира, растерявшись, начала развязывать концы своего узелка медленно-медленно: на дне лежал пистолет. В это время Соня быстро достала свой пистолет и выстрелила в немца. Потом подбежала ко второму и дважды выстрелила в него в упор. Женщины бросились в кусты и долго, что было сил, бежали от этого места.

Советских солдат они увидели только через три недели. Ире тогда уже было очень плохо. Когда выяснилось, что у нее тиф, Соня сдала ее в госпиталь и на попутной машине добралась до своего полка. Огоньки садившихся У-2, прекрасные, как чудо, она увидела издалека. Соня прыгнула с машины и побежала к своим. Все было позади.

¹ Ракобольская И. В., Кравицова Н. Ф. Указ. соч. С. 179.

Но настоящий кошмар только начинался. Приставленный к полку сотрудник Смерша — советской военной контрразведки — не разрешил Соне вернуться к работе. Ее стали вызывать в особый отдел дивизии и подробно расспрашивать, точнее, допрашивать о том, как она выбиралась из окружения.

Человек, побывавший в плену или просто на оккупированной территории, нес на себе пятно всю жизнь и даже после смерти. До конца существования Советского государства в анкетах отделов кадров существовала графа: «Находились ли вы или кто-либо из ваших родственников на оккупированной территории?» Вырвавшимся из окружения или бежавшим из плена солдатам, которые были вне себя от радости, что попали наконец к своим, и хотели снова идти воевать с немцами, не верилось, что происходящее с ними правда: особисты на допросах нередко требовали от них признания в том, что они завербованы немцами. Если в них выявляли предателей, особенно в случае офицеров, приговором военного трибунала мог стать расстрел или лишение офицерского звания и отправка в штрафную роту. В такой роте можно было «искупить свою вину» кровью и вновь получить офицерское звание, для этого нужно было только уцелеть. Но большинство штрафников погибали в первом же бою: их бросали на самые опасные, самые безнадежные участки.

Даже те, кто до войны считал, что не бывает дыма без огня, что безвинных не арестовывают, не могли поверить, что вернувшиеся из окружения солдаты их части могут быть изменниками Родины. Происходящее не укладывалось в голове. И только если часть, в которую возвращались из плена или окружения люди, была в тот момент в самом пекле и срочно требовалось пушечное мясо, этих людей никто не объявлял предателями: им позволяли проливать кровь наравне со всеми.

Насколько безнадежна ее ситуация, Соня Озеркова поняла только после нескольких дней допросов. Она не только была на оккупированной территории, где могла быть завер-

бована немцами, но, что самое ужасное, боясь попасть в руки немцев, собственными руками уничтожила свой партийный билет. Она прекрасно знала, что партбилет в те времена ценился больше человеческой жизни, но, когда уничтожала его, была уверена, что партия ее простит, учитывая исключительность обстоятельств, в которые она попала. Теперь, когда ее постоянно спрашивали о том, при каких обстоятельствах она потеряла партийный билет, нельзя было ни соврать, ни сказать правду: и то и другое не сулило ничего хорошего. Теперь она сама не понимала, правильно ли поступила, и безропотно ждала своей участи.

Соню отправили под суд военного трибунала. Она ждала серьезного наказания, но была поражена, услышав приговор: расстрел. С нее сняли погоны и остригли наголо, она ждала приведения приговора в исполнение. Спас Озеркову, скорее всего, комиссар ее авиационной дивизии, случайно узнавший о том, что произошло (шофер, с которым он ехал, сказал ему: «А у женщин инженера полка приговорили к расстрелу»¹). Комиссар дивизии ничего об этом не знал, и срочно дал шифровку в штаб ВВС фронта, который приказал приостановить выполнение приговора и пересмотреть дело. Озеркову оправдали, и скоро она снова появилась в полку, наголо остриженная, с неподвижным, окаменевшим лицом. О пережитом она ни с кем не говорила, только после войны призналась кому-то из полка: «Иду по улице, кто-нибудь внимательно посмотрит на меня — я вздрагиваю, и сердце начинает тревожно колотиться...»

Софья Озеркова не была первой и не стала последней из подопечных Расковой, на ком остановила свое внимание военная контрразведка Смерш — могущественный орган который ловил и настоящих шпионов, и выявлял их в совершенно невинных людях, в лучших традициях сталинского режима.

¹ Ракобильская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 181.

Глава 12

Когда я вернусь, я буду летать

Когда Ира Ракобольская склонилась над носилками, на которых с перекошенным от страшной боли лицом лежала Галя Докутович, Галины серые губы прошептали: «Ира, обещай мне... когда я вернусь, я буду летать»¹. Ракобольская пообещала. Она могла обещать Гале все что угодно: у Докутович был сломан позвоночник и повреждены ноги. Не было никаких гарантий, что она выживет, а если выживет — что будет ходить. То, что Галя сможет вернуться в армию, пусть даже на штабную должность, было совсем невероятно.

В те дни, точнее, ночи в Сальских степях ночные бомбардировщики бомбили переправы, которые немцы наводили через Дон, и сбрасывали маленькие бомбы на немецкие моторизованные части на дорогах. Ночью с воздуха во многих местах было видно пожары, а однажды в дневном вылете Ольге Голубевой случилось увидеть обгорелые развалины городка и поселков, которые поразили ее сходством с кладбищем.

Перерезав железную дорогу Сальск — Сталинград и захватив оба берега Волги, немцы могли бы полностью пара-

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 53.

лизовать сообщение Кавказа с Европейской Россией, лишив СССР всех ресурсов, которые поставлял Кавказ.

Район действия женского полка бомбардировщиков менялся почти ежедневно, следуя за непрерывно движущейся линией фронта. Однажды, когда ночью бомбили с аэродрома в шести километрах от станции Целина, к ним прилетел сам командир дивизии Попов и приказал срочно перебазироваться: станцию уже заняли немцы. Механиков и вооруженцев вывезти было не на чем: не было для них ни места в самолетах, ни автомашин. Они прошли восемьдесят километров пешком, и от окружения их спасло только чудо.

Моральное и физическое напряжение было страшное, часто люди сутками не спали: ночью была работа, днем не позволяла обстановка. Постоянно отступая, полк ночных бомбардировщиков каждый раз с новых степных аэродромов бомбил немецкие войска, двигавшиеся по степям к Сальску и, после падения Сальска, на Кавказ.

Галя Докутович летала, пусть не так часто, как хотела. Она была одной из тех немногих, на ком страшные нагрузки последних дней никак не сказались, по крайней мере на первый взгляд. Как она писала в письме:

«...Хотя внешне война и оставила на мне отпечаток, но внутри мало что переменялось. Все такая же девчонка.. В тылу большинство людей, может быть, думает, что здесь, на фронте, каждый день — что-то очень героическое. И люди здесь не простые, а какие-то особенные. Чепуха!.. Всё очень просто. Обыкновенная боевая работа. Может быть, мы просто ко всему привыкли — и к непогоде, и к прожекторам, и к зениткам, и к таким темным ночам, что ни неба, ни звезд, когда не только лететь, по земле ходить трудно.

Противоречивые мысли приходят в голову. Иногда мне кажется: война и все, что сейчас вижу, — это быстро пройдет и потом вспомнишь, как полузабытый сон. И думаешь, что здесь видишь лучше, на что способна человеческая душа.

Может быть, поэтому жизнь сейчас кажется ярче и шире, все достается дороже»¹.

Гале, с ее необыкновенной волей, казалось необходимым идти к цели даже в самых тяжелых условиях. И сейчас, когда и на земле, и в воздухе творилось черт знает что, она все время просила Иру Дрягину дать ей повести самолет: хотела научиться, несмотря ни на что. Ира, с которой Галя любила летать больше всего, всегда разрешала. Галя уже очень хорошо вела самолет в воздухе, теперь ей хотелось освоить взлет.

День и ночь 25 июля приготовили их экипажу очень плохие сюрпризы. Днем полк опять перебазировался на другой аэродром, и Дрягина разрешила вести самолет Гале. Только самолет оторвался от земли, взлетая с узкой полоски у леса, как из леса неожиданно выскочила грузовая машина. Самолет не успел набрать высоту и зацепился колесами за крышу кабины грузовика. Это столкновение, крайне опасное, окончилось благополучно, они лишь повредили колесо. Перелет продолжили и остались невредимы даже тогда, когда самолет с поврежденным колесом скапотировал при посадке. Но беды не закончились. Ночью на боевое задание на этом самолете лететь было нельзя, и, пока ждали другого, Галя легла отдохнуть в высокую траву на краю аэродрома. Шофер ехавшего по аэродрому бензозаправщика не увидел ее в траве и наехал на нее своей тяжелой машиной.

Какая горькая ирония: выйти без единой царапины из обстрелов немецкими зенитками, спастись от почти неминуемой катастрофы и, заснув в траве, дать себя переехать бензозаправщику. В тяжелом состоянии Галю увезли в госпиталь и эвакуировали в далекий тыл. Следующую запись в дневнике она сделала в госпитале в Махачкале 6 августа.

«Первое время лежала пластом, да и сейчас лежу не двигаюсь... Немцы уже в Армавире. Когда же придет конец этому

¹ Докутович Г. Указ. соч.

ужасному сну?» В голове вертелась пушкинская фраза: «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья...» Страшно болел позвоночник, «правое бедро тоже болит, ноги вывернуты»¹. Но Галя Докутович не была бы собой, если бы не делала все возможное и невозможное, чтобы вернуться в строй. В тот же день она записала, что попыталась с помощью двух нянь встать на ноги. Голова закружилась, и, когда она снова легла, «показалось, будто я целый день тяжело работала и смертельно устала». Но вот она уже снова поднимается и ковыляет на костылях. Каким долгим и трудным теперь стал для нее путь в какие-то тридцать шагов!

Шли дни, недели, месяцы госпитальной жизни, постепенно возвращалась способность двигаться, но жестокие боли продолжались. «Галка, ты — Павка Корчагин в девичьем облике», — сказала ей когда-то Ира Дрягина, и теперь Галя перечитывала «Как закалялась сталь», черпая из книги безнадежно больного Островского силы для преодоления страданий. Гале, кумиром которой был Овод, казалось, что никто не должен видеть, как ей плохо. Ей было стыдно, когда она на виду у всех упала в обморок, стыдно, когда заплакала от боли. «А вчера я не выдержала. Заплакала. И отчего? От боли! Мне стыдно, стыдно за свою невыдержанность, за эту слабость, за то, что не сумела скрыть ее». Галя сравнивала себя с Оводом и ругала себя за то, что не была такой сильной, как он, забывая, что Овод существовал лишь на бумаге, выдуманный экзальтированной английской писательницей.

Медленно выздоравливая, проводя много времени на больничной койке, Галя подробно вспоминала и анализировала свое детство и юность, осмысливала себя как личность, думала о любви. Скорее всего, такой возможности погрузиться в себя ей больше не представилось: семь месяцев жизни, отведенные ей судьбой после госпиталя, прошли

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 34.

в безумной круговерти ночных полетов и короткого отдыха днем. О Галиных размышлениях в больнице рассказывают ее записи, сделанные аккуратным почерком в долгие месяцы болезни.

Галя Докутович в двенадцать лет переехала из деревни в Гомель и пошла в пятый класс городской школы. Все было так ново — кипучая жизнь, пионерские отряды, физкультурная группа, новые предметы — физика, литература. Галя страстно увлекалась то одним, то другим. Сначала ей казалось, что физика станет делом ее жизни. С той же страстью она увлеклась литературой, и эта страсть осталась с ней навсегда — ведь литература «страшную силу имеет над людьми». В литературном кружке она нашла свою лучшую подругу, с которой уже никогда не расставалась, — синеглазую маленькую Полину Гельман. Одновременно с литературой Галя увлеклась гимнастикой, ведь советский человек должен быть совершенен и духовно, и телесно. Пионерский отряд, его встречи, на которые никто не опаздывал даже на минуту, стали ее жизнью. Следующей страстью стал комсомол, в который она вступила сразу после Полины.

Тридцатые годы были временем молодых. Коллективизация, индустриализация, великие стройки, образование, доступное каждому, рекорды во всех сферах жизни, превосходство нового советского человека над всеми другими людьми (других-то людей не видели). При коллективизации как класс уничтожалось крестьянство, индустриализация и большие стройки осуществлялись в том числе за счет бесплатного труда миллионов заключенных, подхваченных чудовищным маховиком репрессий, но об этом знали лишь те, кого это коснулось лично. На поверхности была колоссальная энергия, подъем, большие надежды.

Галя Докутович была человеком своего времени. Придя, тоже вслед за Полиной Гельман, в аэроклуб, она нашла еще одно, пока самое серьезное свое увлечение — авиацию.

В госпитале каждый вечер показывали кино, и, посмотрев фильм «Учитель»¹, посмеявшись от души над влюбленными чудаками, Галя задумалась о своем сердце. Переживаний, мучавших влюбленных героев фильма, она еще не испытывала. Уходя на фронт, она знала, что ее любят два парня — Игорь и Юрка, но у нее чувства к ним были всего лишь дружеские. Теперь Галя спрашивала себя, почему же она до сих пор, до двадцати двух лет, не испытала любовь? «Почему я никогда так сильно не переживала, почему не теряла голову? Что это, сила характера или холодность натуры?» И тут же напонила себе, что она должна быть и будет прежде всего сильной: «Говорят, что искренность и прямота всегда — это плохо. Ну и пусть, это мой принцип. А принципами не поступаются»².

Главным ее принципом был принцип ее кумира Расковой: «Мы можем все, мы никогда не сдаемся». Самым важным было сейчас долечиться, вернуть себе подвижность и любым путем попасть обратно в свой полк. Там она была очень нужна.

Степи. Августовская палящая жара, высушенная солнцем высокая трава, пыль. Ночью полк Бершанской летал бомбить врага, днем опять и опять перебазировался. Только на одном хуторе задержались на несколько дней. Там после ночных полетов они спали под открытым небом, а когда просыпались, женщины угощали их парным молоком. Но как-то, проснувшись в полдень, девушки услышали ставший уже привычным шум отступления: ржание лошадей, громыханье повозок, топот и непрерывный гул. Дорога, огибавшая хутор, была запружена войсками. Поившая их молоком женщина стояла с перепуганной дочкой и, горько качая головой, смотрела, как уходят войска. «Ох, не видеть бы этого», — услышала Ольга Голубева ее слова, и ее сердце болезненно сжалось.

¹ Фильм Сергея Герасимова, 1939.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 38.

Все дальше и дальше от Дона, дальше и дальше на юг, новые степные аэродромы, часто опять за обрезом карты. Следующая большая остановка была в станице, где девушки жили в окруженных фруктовыми садами белых хатках, хозяйки которых принимали летчиц как своих детей. Женя Руднева писала родителям, что «за это время съела столько фруктов, сколько ни за одно лето не съедала... селение — сплошной фруктовый сад, так нам там прямо проходу не было, все угощали абрикосами — в виде сорванных и не сорванных с деревьев, в сушеном виде, в виде пирогов с медом и абрикосами...»¹.

Женщины зазывали их к себе в дома, кормили, рассказывали о своих сыновьях и мужьях, которые были тоже где-то на фронте. «Иногда остановит на улице какая-нибудь женщина, расспрашивает, кто и откуда я, и обязательно расскажет о своем сыне, который в армии и давно не пишет. “Наверное, уж и в живых нет”, — скажет», — писала родителям Женя Руднева. Успокаивая казачек, Женя Руднева рассказывала, что и ее мама часто не получает от нее вестей, ведь полевая почта так плохо работает — а она вот жива и здорова. И, глядя на этих женщин, грустила о своих родных, которых не видела уже почти год.

Когда немцы, стремясь к кавказской нефти, еще поднажали, пришлось оставить и эту станицу. Провожая их с плачем, местные женщины насыпали им абрикосов и в машину, и в тазы, и в мешки и долго бежали за машинами. Девушки, которым было их жалко и стыдно оттого, что они не могут их защитить, тоже плакали, и абрикосы потом «долго напоминали им то трагическое время».

Считается, что Гитлер сделал ошибку, одновременно начав наступление на Сталинград и на Кавказ: на оба направления сил было недостаточно. Начав мощное наступление,

¹ Руднева Е. М. Указ. соч.

немцы к 19 августа захватили большую часть Кубани, лишив СССР основных резервов зерна. Во второй половине августа 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» установила немецкий флаг на Эльбрусе — высочайшей вершине Европы. Захватив несколько важных пунктов на побережье Черного моря — таких, как порты Новороссийск и Анапа, — немцы продолжили наступать дальше на территорию Чеченской республики. В сводках упоминалось, что они понесли большие потери, в особенности от советской авиации — 4-й воздушной армии Вершинина. Однако их удалось остановить только в сентябре у Моздока.

На направлении «В» — Сталинградском — все было еще хуже: форсировав в июле Дон, в августе немецкие армии уже подошли к Волге. Юный военфельдшер Леонид Фиалковский, направлявшийся под Сталинград с танковой частью, запомнил пожилого ремонтника, напутствовавшего их следующими словами: «Жаль мне вас, ребятки. Здоровые, умные, а ждет-то вас что? Куда супостат дошел, и никак не остановят. Информбюро еле успевает за ним... Под Москвой стоит, так? Ленинград на измор взял — долго ли продержится там народ? Прибалтика под врагом, Белоруссия, Украина, Крым, Воронеж взял, Ростов. Всю Россию подбирает. Что же нас всех ждет?»¹ Старшина вспылил: «Старик, контру разводишь?» А старик только ответил: «Какая я тебе контра, сынок? Душа болит...» Разговор на эту тему Фиалковский и его товарищи поддерживать не стали, но каждый думал так же, как этот старик: как же случилось так, что немцы зашли так далеко, и чем все кончится? Немцы шли к Сталинграду.

Гитлер считал, что взять Сталинград очень важно по нескольким причинам. Нужно было перерезать сообщение по

¹ *Фиалковский Л.* Сталинградский апокалипсис. Танковая бригада в аду. М., 2011. С. 26.

Волге, крупнейшей транспортной артерии, соединявшей центр России с югом СССР, в том числе Кавказом и Закавказьем. В Сталинграде находились крупные военные предприятия — часть была эвакуирована на восток, но некоторые еще оставались в городе. Наконец, взятие города, носившего имя Сталина, стало бы прекрасным пропагандистским ходом (равно как и удержание его стало важным пропагандистским моментом для советской стороны).

Начав наступление в середине июля, немцы встретили яростное сопротивление русских. Части Красной армии в основном были только что сформированы; прибывавшие из тыла наскоро обученные солдаты и офицеры, изголодавшиеся и ослабевшие в тыловых запасных частях, не имели часто и боевого опыта. «Откуда рвутся на фронт не из доблести, а просто чтоб каши вдоволь поесть...¹» — вспоминали о таких запасных полках ветераны, считавшие, что должной подготовки они там не получили, а только изголодались и измучались, лучше было их сразу отправить на фронт. Тем не менее за три недели наступления немецкие войска продвинулись всего на шестьдесят-восемьдесят километров. Усилив наступавшую 6-ю армию, немцы смогли в конце концов окружить до трех советских дивизий и выйти к Дону. Вскоре Красную армию вытеснили за Дон. Там, в большой излучине, немцев надолго остановили упорно сопротивлявшиеся советские армии: приказ № 227 делал свое дело.

Те дни майор Еремин вспоминал как самые тяжелые за всю долгую войну². Его 296-й полк, как и другие авиационные части, был вынужден постоянно менять места базирования. Сватово, Ново-Псков, Россосшь — все новые и новые аэродромы ближе и ближе к Сталинграду. Перемещения, как правило, сопровождалось боевыми заданиями: прикрытие

¹ Слуцкий Б. Собр. соч. Т. 1. М., 1991.

² Еремин Б. Н. Воздушные бойцы. М., 1987. С. 109.

отступающих советских частей, переправ через реки, штурмовка немецких войск. Нередки стали и «особо срочные» вылеты — выход из-под удара. Летали с рассвета и до сумерек: погода стояла сухая и жаркая, в небе ни облачка, нелетной погоды практически не было. Наступала короткая летняя ночь, летчики засыпали, «вымотавшиеся до предела», но нескольких часов темноты не хватало, чтобы сбросить усталость. На рассвете начинался новый, бесконечный, полный страшного напряжения день. Нередко, проснувшись с ощущением тревоги, Еремин получал от Николая Баранова приказ увести часть полка от наступавших немецких танков. Баранов следовал за ним, ведя остальных. Взлетая во главе группы, Еремин видел, как «Батя» энергично машет ему руками: «Давай, давай, быстрее!» Технический состав отправлялся следом, но на новом аэродроме самолетами сразу начинали заниматься два или три техника, привезенные в фюзеляжах Яков. Путешествовать так было не очень приятно, однако намного веселее, чем выбираться своим ходом, убегая от наступавших немцев. Счастливицы, летевшие вместе с летчиками, безропотно переносили все неудобства перелета. Протиснувшись в створку на левом боку Як-1, через которую техники ремонтировали самолет, «пассажир» пролезал внутрь фюзеляжа и ложился на радиатор, подложив под себя брезентовый чехол, чтобы как-то защититься от жары: во время полета температура воды в радиаторе могла подняться до 90 градусов, и «пассажир» «за полчаса полета “прогревался” так, что, ступив на землю, долго еще не мог прийти в себя». Таким же способом на новые аэродромы добирался и инженер полка. Еремин, как мог, старался облегчить «пассажиру» полет: открывал полностью переднюю створку в «фонаре» — своей стеклянной кабине, — чтобы ее продувало встречным воздухом, который чуть-чуть доходил и до «пассажира». Время от времени Еремин пытался узнать, как «пассажир» себя чувствует: «Если в узенькую щель сзади сиденья летчика он просовывал большой палец, зна-

чит, чувствовал себя хорошо или, по крайней мере, был еще жив». И такие перелеты, и всякие другие трудности фронтового быта вместе с техниками-мужчинами безропотно переносили девушки. Совсем юные, восемнадцати-двадцати лет, они обслуживали самолеты не только в полках у Расковой, а в большинстве авиационных частей, где служили вооруженцами. Характерно, что после войны большинство летчиц из женских полков продолжили или, по крайней мере, пытались продолжить летать, однако все до единой техники и вооруженцы выбрали себе другие профессии: работа, несмотря на убежденность Расковой в обратном, действительно оказалась неженской, подрывавшей здоровье.

Отступая к Сталинграду, 296-й полк часто базировался на площадках, открытых всем ветрам, — полях с чахлой растительностью, где поднималась пыль от песка, а никаких укрытий не было. Не имели эти полевые площадки, конечно, и прикрытия зенитной артиллерии. Какое-то время истребители прикрывали переправы через Дон в районе Калача, к которым с утра до вечера шли волны немецких бомбардировщиков: Ю-88, Хе-111, Ю-87. Их прикрывали «Мессершмитты», не оставляя советской авиации практически никакой возможности защитить свои переправы.

Вылеты полка Баранова в те дни были лишь началом многомесячных боев в небе Сталинграда, но они «были самые тяжелые». Неравенство сил было очевидным. Устаревшие самолеты постепенно заменяли более современными, в первую очередь «первыми Яками», но воевать на них приходилось новичкам: большинство опытных пилотов на несовершенной технике немцы выбили в первый год войны. Для многих молодых летчиков, которых вводили в строй под Сталинградом, первый бой оказывался последним. Неопытные, они в бешеной карусели воздушного боя не могли сориентироваться, стараясь только изо всех сил держаться за ведомым. Такие «желторотики» становились легкой мишенью для опыт-

ных немецких летчиков, которых сосредотачивали именно на Сталинградском, самом важном направлении: вскоре после начала боев стало известно, что здесь воюет 4-й воздушный флот фон Рихтгофена. У советской стороны летчиков, равных немцам по уровню или превосходивших их, было немного. В сталинградских боях прославился сбивавший много немецких самолетов Михаил Баранов, однофамилец командира 296-го полка Николая Баранова (их часто путают, так как оба воевали под Сталинградом и оба погибли в 1943 году). Появлялись новые знаменитости: Решетов, Алелюхин, Амет-Хан Султан, Сержантов, совсем юный Женя Дранищев. С такими летчиками, уже набравшимися опыта, вводили в строй молодое пополнение. «Вывозить» новичков старались постепенно, но часто было не до пополнения. Нередко приходилось даже садиться на своем аэродроме под огнем немецких истребителей. У немцев отлично работала разведка, и они знали расположение советских аэродромов. Однажды, когда большая часть самолетов полка Баранова заправлялась горючим и боеприпасами, внезапно налетели два десятка «Мессершмиттов», блокировавших аэродром. Немецкие истребители натворили беды: сожгли много самолетов, вывели из строя летное поле, которое теперь было покрыто воронками, и набросали множество «лягушек» — мелких противопехотных мин¹.

На рассвете следующего дня уцелевшие самолеты перелетели на полевой аэродром в пятнадцати-двадцати километрах к югу от Сталинграда. Снова защищали переправы в районе Калача, а также прикрывали Пе-2, бомбившие прорвавшиеся немецкие танки. Немцы уже были в пятидесяти километрах от города, и полк был переведен на аэродром, находившийся в самом Сталинграде. Этот аэродром еще называли «школьным» — вероятно, потому, что на нем раньше обучались курсанты Сталинградской летной школы. Разместили их в домах

¹ Еремин Б. Н. Указ. соч. С. 110.

покинувших город жителей, и они, проводя короткие ночи на кроватях с никелированным шариками, около комодов со старомодными слониками — символом домашнего уюта и благополучия, не могли представить себе большего контраста, чем между этими мирными жилищами и тем адом, который творился сейчас рядом с городом, да и в самом Сталинграде, — по самому городу уже была немецкая бомбардировочная авиация. Сила налетов нарастала с каждым днем, пока наконец 23 августа не достигла своего жуткого апогея.

«Красная звезда», «Правда» и «Сталинские соколы» печатали статьи о победах советских танков, артиллерии и «ястребков», как всегда замалчивая всю серьезность реальной ситуации. Писали о летчиках-звездах, сделавших себе имя в сталинградских боях. Где-то в нескольких сотнях километров, тоже у Волги, дрались, покрывая себя славой, ребята-истребители, их ровесники, а летчицы женского полка не принимали в происходящем никакого участия! 586-й истребительный полк, состоявший из лучших летчиков (за исключением, как горько шутили, «майорши»), все так же стоял на Анисовском аэродроме, в бескрайней мирной степи среди запахов трав и пения жаворонков.

«В это тяжелое время мы считаем себя отдыхающими, между тем как здесь могли бы так же “отдохнуть” уставшие и утомленные братские полки», — писала Лиля маме¹.

Они по-прежнему отвечали за противовоздушную оборону Саратова, и по-прежнему ничего не происходило. Лилия привыкала к дежурствам: сидишь в самолете и ждешь вылета, и в дождь и в зной, привязанная ремнями в теплом комбинезоне, и часто совсем ничего не происходит. Когда нечем заняться, особенно скучаешь по дому и своей обычной

¹ В небе фронтовом. С. 333.

жизни. «Дорогая мамочка, — писала Лиля в одно из таких дежурств. — Мне часто снится, что мы с тобой идем, спешим куда-то в гости или в театр, такие наряженные-наряженные, такие веселые, и ты у меня такая молодая, веселая. Становится так радостно, сама не знаю почему. Дай Бог бы, сбылось»¹. Лилия, хоть и была комсомолка, верила и в сны, и в гадания. «Мои сны всегда были точные», — писала она.

Скучала не только по маме и Юре, но даже по отцу, с которым после ухода из семьи практически не виделась и который в 1937 году исчез без следа, неизвестно было даже, жив ли. «Я сегодня дежурю, — писала она в другом письме. — Встала в два часа ночи и целый день не отхожу от самолета. Передо мной степь, аэродром. Вот справа поезд в Москву идет. И все так грустно, одиноко... Юра, если сможешь, пришли мне папину карточку»².

Эти дежурства, долгие часы, которые просиживали в ожидании вылета, скрашивали летчикам механики и вооруженцы. Летчики приглашали их посидеть на «плоскости» — крыле самолета и поболтать о разном. Командиры эскадрилий это не приветствовали, особенно Лилин командир, Беляева, но Лилия не очень ее слушалась. «Валь, сядь на плоскость», — звала она вооруженца Валю Краснощекову. Валя садилась, и они болтали обо всем, что имели общего: Москве, где Лилия жила, а Валя училась, о прочитанных до войны книгах, о театрах, которые обе любили, особенно об оперетте. Лилиной любимой опереттой был «Цыганский барон»: «Я цыганский барон, я в цыганку влюблен!..»³ Могли даже и спеть вместе. Книг Валя Краснощекова прочитала гораздо больше, чем Лилия, и тянувшаяся к культуре Литвяк любила с ней говорить. Вале Лилия нравилась: хорошая летчица, красавица

¹ В небе фронтовом. С. 333.

² Там же.

³ Краснощекова В. Н. Интервью автору, сентябрь 2011. См. также: Аграновский В. А. Белая Лилия. М., 1979.

и кокетка, но веселая, простая в обращении, не делавшая различий между летчиком и нелетчиком — «черной и белой» костью, как шутя говорили в части Расковой. Катя Буданова вела себя по-другому. Намного проще и грубее, чем Лиля, простая деревенская, потом заводская девушка, она своим поведением всегда показывала механикам и вооруженцам, что те стоят ниже ее. При этом Катя была такая яркая, такая грубовато остроумная, такая находчивая в любой ситуации, такой надежный товарищ, что ей можно было простить даже этот снобизм. Вспоминая ее позже, Валя Краснощекова думала о том, что Кате не нужно было ни высветлять себе волосы, ни губы подкрашивать, ни одеваться во что-то особенное, чтобы быть замеченной. Всегда и везде она была ярче всех.

Шли летние месяцы в жаркой степи, монотонные дежурства. И вдруг как гром среди ясного неба грянула первая смерть в полку, ужасная своей нелепостью. Полк потерял одну из лучших летчиц, красивую, стройную и женственную Лину Смирнову. Лина в прошлом работала учительницей, писала стихи и была чувствительнее других. По общему мнению, беда с ней произошла из-за того, что она не выдержала травли командира своей эскадрильи Беляевой. Травила Беляева и других, но Смирнова оказалась самой восприимчивой.

21 июля четверку Яков — Буданову, Смирнову, Литвяк и Машу Кузнецову — отправили сопровождать транспортный самолет «Дуглас» с каким-то высоким начальством. «Ждем-пождем, а “Дугласа” все нет»¹, — вспоминала Кузнецова. Потом пришел новый приказ: Буданова и Лина Смирнова должны догонять транспортный самолет, который, как оказалось, прошел стороной, и сопровождать его до Пензы. Такое случалось нередко. Буданова со Смирновой тут же взлетели. Задачу им поставили не из легких: «Обычно видишь,

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 150.

кого охранять, а тут еще и догони»¹. Встреча с «Дугласом» не состоялась: они взяли неверный курс и «блудили». Горючего в первых Яках хватало на час тридцать. Теперь речь шла не о том, чтобы найти «Дуглас», а о том, чтобы благополучно посадить самолет: если до исхода горючего не найдешь аэродром, придется идти на вынужденную посадку в степи. Идя на вынужденную посадку на неподготовленной площадке, летчик, согласно инструкции, должен садиться на фюзеляж. При этом неминуемо будет поврежден пропеллер, ведь он окажется на уровне земли. Если двигатель перед посадкой не выключить, будет поврежден и двигатель. В свою очередь, посадка на колеса намного опаснее и для самолета и для летчика: самолет мог, налетев на высокой скорости на препятствие или попав колесом в яму, перевернуться, убив или покалечив пилота. Сам самолет при этом пострадал бы намного серьезнее, чем при посадке «на пузо» — фюзеляж. Зато в маловероятной ситуации, когда под колесами оказалась бы гладкая поверхность, самолет, пробежав по ней и остановившись, был бы совершенно цел.

Лина Смирнова вылетела на самолете Беляевой, поэтому особенно переживала. Отношения с Беляевой, очень строгой к своим подчиненным, у Смирновой не сложились. В одном из вылетов с ведомой Смирновой Беляева ее потеряла и с тех пор, по общему мнению, травила Смирнову, внушая всем, что Лина — плохой летчик. Смирнова переживала все это очень болезненно; а если ее хвалили, радовалась как ребенок².

Разбить самолет Беляевой Смирновой казалось катастрофой. Сыграло свою роль в принятии решения относительно посадки и отношение человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет или корабль: в нем «было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 150.

² Там же.

живое существо, и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали»¹. Что и говорить о новых, таких долгожданных самолетах, самых совершенных по тому времени.

Молодым свойственно рисковать. Обе летчицы решили сыграть в рулетку, посадив самолет на колеса. В степи, где они садились, стояла трава высотой в полтора метра, и точно рассчитать угол посадки было невозможно. Почва оказалась очень неровной. Буданова все же села хорошо, а Лине не повезло. Получился «высокоскоростной капот»: самолет, по всей видимости, попал одним колесом на неровность почвы, ямку или бугор, что на такой скорости кончается очень плохо. По мнению свидетелей катастрофы, он «ударился о землю, перевернулся на бок, ударился крылом и хвостом и снова встал в нормальное положение». Смирнова чудом осталась жива и невредима, самолет почти не пострадал, только погнулся винт. И все же, несмотря на это огромное везение, у молодой летчицы «не выдержали нервы». Выйдя из самолета и увидев, что он поврежден, Лина Смирнова порвала все документы, написала записку и выстрелила себе в голову².

По мнению Маши Кузнецовой, такой финал был непредсказуем: «Кто бы мог подумать, что такая решительная и смелая Лина пойдет на самоубийство?» А вот Нина Ивакина считала, что это «дикое, ничем не оправданное решение» Лина принимала не только под влиянием момента — слишком здраво и решительно она привела его в исполнение. «Мне кажется, что это решение у нее назрело давно ввиду сложившихся отвратительных отношений у них в эскадрилье. Из-за командира Беляевой»³. Мнение Ивакиной о том, что Смирнову довела до самоубийства травля командира эскадрильи

¹ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. С. 131.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 150.

³ Там же.

Беляевой, разделяли почти все. Беляеву мало кто любил, а теперь к ней стали относиться почти враждебно.

Техник звена Санинский приехал на место катастрофы с механиком Ниной Шебалиной. Самолет Беляевой погрузили на машину и в полковых мастерских без особых трудностей восстановили. А Нине Шебалиной все не верилось, что не стало «самой дорогой жизни... молодой, красивой, обаятельной девушки... Какое горе, какая бесполезная смерть»¹.

Запись о самоубийстве Лины Смирновой стала последней записью в дневнике комсорга Нины Ивакиной. Она пробыла на фронте до 1944 года, но с осени 1942-го служила комсоргом в мужском воздушно-десантном батальоне: осенью 1942 года политруков в Красной армии не стало. Ненавидевшие политработников так же сильно, как и все в армии, советские военачальники Конев и Жуков воспользовались тем, что командный состав Красной армии понес большие потери и требовалось кем-то заменять выбывших офицеров, и убедили Сталина избавиться от политруков. Жуков, в узком кругу называвший политработников «шпиками», возмущался: «Зачем они мне? Учить солдат «Ура» кричать? И без них прокричат. Толку от них никакого на фронте... Сколько же можно их терпеть? Или мы не доверяем офицерам?»² После демарша Жукова и Конева Сталин стал выяснять мнения других по этому вопросу, и институт политруков решили упразднить. Комиссары стали замполитами, или заместителями командира по политической части, но не имели прежних полномочий. Теперь они «меньше мешали жить»³.

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 150.

² Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 195, 225.

³ Там же.

Глава 13

Ни на земле, ни в воздухе не было передышки

С РАССВЕТА 23 АВГУСТА ПОЛК БАРАНОВА, КАК ВО ВСЕ предыдущие дни, начал вылетать на боевые задания. К тому моменту, когда над Сталинградом появились сотни немецких бомбардировщиков, сам Баранов и многие летчики вернулись из очередного вылета. Кто-то заправлялся, кто-то в готовности ждал команды на взлет. Гул немецких тяжелых машин одновременно слышали все, кто находился в тот момент на аэродроме.

Через мгновения над городом стоял непрерывный свист падающих бомб и гул взрывов, перекрываемый ревом двигателей самолетов. Около десятка бомбардировщиков сбросили бомбы на Школьный аэродром и прилегающие к нему территории. Кинувшись к самолетам с Алешей Соломатиным, Борис Еремин мысленно отметил, что среди взрывов, суеты и хаоса секунды кажутся вечностью. Взлететь с аэродрома было сейчас сложно, но еще возможно. Если на него упадет еще несколько бомб, он превратится в западню. Баранов дал указание взлетать на отражение налета, и командир эскадрильи Балашов, присоединившись к бегущим Еремину и Соломатину, с невозмутимым, как всегда, лицом спросил

Еремина, не забыл ли тот захватить с собой «трантишки»: так он почему-то называл маленький саквояж, в котором Еремин хранил все свои фронтовые пожитки — фотографии, станок для бритвы, туалетные принадлежности, — которые он всегда таскал с собой, беря при перелетах саквояж в самолет. То, что предстоял перелет на другой аэродром — только на какой? — сейчас ясно видел каждый, и саквояж был с Ереминым. Володя Балашов, усмехнувшись, махнул ему рукой. Через полчаса Еремин увидел друга уже мертвым. Его самолет был сбит, загорелся и взорвался, а летчика выбросило из кабины взрывом, так что тело не обгорело — редкость при воздушных катастрофах.

В ямы, оставшиеся от бомбежки, поставили палки с тряпочками. Их было очень много. При разгоне приходилось лавировать, менять направление разбега, при этом сохраняя скорость. Еремин пошел первым, за ним Соломатин, при разбеге повторивший те же маневры. Оба взлетели удачно, пошли в направлении завода «Баррикады», потом на север вдоль Волги и, оставив город позади, развернули самолеты к левому берегу Волги, чтобы вместе с другими истребителями атаковать немецкие бомбардировщики. Город полыхал. Горели нефтяные хранилища. Густой черный дым, высоко поднимаясь, расстилался вдоль берега к югу. К грохоту разрывов и вою бомб примешивались протяжные гудки заводов, речных судов, сирен. «Ни на земле, ни в воздухе не было передышки»¹.

Первые же немецкие бомбежки заставили замолчать большую часть сталинградских зениток. После того как «рама» — ненавидимый всеми немецкий самолет-разведчик — установила местонахождение зенитных батарей, их бомбили целенаправленно. Восемнадцатилетняя Наташа Шолох из зенитной батареи первого дивизиона 1083-го зенитно-артиллерийского

¹ Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 195, 225.

полка, размещенного в деревушке Красная Слобода на левом берегу Волги у Центральной переправы, увидела со своего поста в ровике в двухстах метрах от батареи, как к Центральной переправе движется «целая свита» немецких бомбардировщиков. Вдруг от них отделился Ю-87, который начал пикировать — как показалось девушке, прямо на нее. В ужасе заметавшись по своему земляному убежищу, Наташа наконец схватила огромный куст перекасти-поля и, присев, закрыла им голову. Потом ей почему-то казалось, что этот куст спас ей жизнь. Прибежав к штабу своего дивизиона, Наташа увидела страшную картину: в этой бомбежке не уцелел почти никто. Погиб практически весь личный состав: шоферы, радистки, телефонистки, повара, разведчицы. Одна бомба попала прямо в оперативную землянку, где находилось командование дивизиона. Там погибли командир дивизиона капитан Алексеев, начальник штаба, командир взвода управления. Комиссара контузило, и он ослеп. Многие девушки-зенитчицы были не убиты, а ранены, но помощь им оказать было некому: военфельдшеру Гале оторвало ногу и ранило в живот, она скончалась на месте. Сбросив бомбы, немецкие летчики стали из пулеметов расстреливать девушек-разведчиц, которые стояли на вышках. Многие были убиты, а разведчица Женя Белостоцкая истекла кровью на своей вышке: ей прострелили ноги и она не могла спуститься¹.

Советские летчики из страшно поредевших истребительных полков, как Еремин и Соломатин «врывавшиеся во вражеский строй», лишь «выбивали из стаи единичные неприятельские самолеты». Но все остальные уходили, чтобы вскоре вернуться с новым запасом бомб. Примерно через полчаса после начала бомбежки загорелись огромные емкости с нефтью на берегу

¹ Шолох Н. Интервью. Опубликовано на сайте www.pomnivoinu.ru 13 марта 2012.

Волги. Эти колоссальные факелы осветили город, и с этим освещением немецкие бомбардировщики продолжили «класть по жилым кварталам бомбовые ковры из осколочных и зажигательных бомб»¹. Сталинград превратился в сплошной огненный костер. Комиссар авиационного полка Дмитрий Панов, пробиравшийся к волжским переправам через горящие кварталы, вспоминал, что более ужасной картины ему не приходилось видеть за всю последующую войну. Немцы заходили со всех сторон — сначала группами, потом одиночными самолетами. В реве огня слышался какой-то стон, и казалось, будто из-под земли тоже идет гул. Истерически рыдали и кричали тысячи людей, рушились дома, рвались бомбы. Среди ревущего пламени дико выли коты и собаки. Крысы, выбравшись из своих укрытий, металась по улицам. Голуби, поднявшись тучами, хлопали крыльями, встревоженно крутились над горящим городом. Город дрожал, как будто оказался в жерле извергающегося вулкана. Спокойное, находчивое поведение мужиков-волгарей в этом чудовищном костре отпечаталось в памяти многих: «они не растерялись и действовали, как русские мужики на пожаре — энергично и смело. Вытаскивали из горящих домов людей и кое-какой скарб, пытались тушить пожары»². Хуже всего приходилось женщинам. Буквально обезумев, растрепанные, с живыми и убитыми детьми на руках, дико крича, они металась по городу в поисках убежища, родных и близких. Женский крик производил не менее тяжелое впечатление и вселял не меньше ужаса даже в самые сильные сердца, чем бушующий вокруг огонь. Дело шло к полуночи. Комиссар пытался пройти к Волге по нескольким улицам, но все время упирался в стену огня.

¹ Панченко Ю. 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград, 2006, электронная версия.

² Панов Д. П. Русские на снегу. Судьба человека на фоне исторической метели. Львов, 2003, электронная версия.

Непрерывные бомбежки, постоянные воздушные бои, в которых советские летчики, как могли, пытались защитить Сталинград, продолжились и в следующие дни. Летчик 4-го истребительного полка Владимир Лавриненков, которому посчастливилось выжить в тех страшных боях, вспоминал, как небо буквально кишело вражескими самолетами. Было понятно, что немцы намерены смести город с лица земли. «Мы знали, что рядом действуют летчики соседних полков, однако видели перед собой только вражеские машины, а внизу сплошные пожарища»¹, — вспоминал Лавриненков, который, провоевав с июля 1941-го до самого конца войны, дважды стал Героем Советского Союза.

Глядя в небо с левого берега Волги, девушка-шофер авиационной части считала падавшие самолеты. «А над городом — на том берегу — сплошное марево пожара, розовато-черные тучи пыли, непрерывный грохот... Над каждой из переправ, буквально над каждой, роятся самолеты. Если б не знать, что это сошлись в бою две смертельно враждующие стороны, не видеть алеющих звезд на крыльях наших истребителей, закрепленных свастикой “Юнкерсов”... Если бы не фонтаны воды от сброшенных в воду бомб, не прямые попадания то вправо, то влево от нас... Если б не это, можно подумать, что летчики ведут в воздухе какую-то захватывающе азартную игру, взмывая машины ввысь, падая коршуном, заходя друг другу в хвост, догоняя, кружась... Глаз не оторвать, а душа мрет от страха за наших!»²

Летчиков всегда кормили хорошо, даже в Сталинграде: в столовой был и борщ, и мясо, но им «совсем не хотелось есть... Губы, все время спекшиеся от жары...»³ Между вылетами хотелось только выпить воды или съесть кусок арбуза:

¹ Лавриненков В. Возвращение в небо. М., 1983, электронная версия.

² Юрьина Н. Сталинград летом и осенью 1942-го // Помни войну: воспоминания фронтовиков Зауралья. Курган, 2011, электронная версия.

³ Еремин Б. Н. Указ. соч. С. 114.

арбузов в Заволжье в это время года море. Напряжение было огромное, настроение подавленное. Ветераны полка — Соломатин, Мартынов, Еремин, командир «Батя» Баранов — в те дни чувствовали пустоту. Гибли молодые летчики, не успевшие приобрести опыт; все меньше оставалось людей, вместе с которыми они начинали воевать в 1941 году. Сил и желания разговаривать друг с другом в короткие минуты отдыха они не находили. В землянках, в степи на аэродроме под Ленинском, стояли нары, на них накрытая брезентом солома. Ложились отдохнуть, но уснуть не могли. Обменялись короткими наблюдениями: «Горит масло в двигателе, плохо тянет». — «Заметили, “мессеры” опять атакуют друг за другом по одной цепи — наверное, молодежь в строй вводят». — «Эх, искупаться бы сейчас...» — «Ложись, скоро опять пойдем», — отвечал товарищ. Когда возвращалась из вылета очередная смена летчиков, Соломатин и его товарищи без слов поднимались, снимали с гвоздей планшеты и шлемофоны и шли в очередной вылет, может быть последний.

Сидя рядом с Сашей Мартыновым, Борис Еремин молчал. Ему казалось, что у Мартынова такие же, невеселые, мысли. Может, так оно и было, но Саша, повернув к Еремину голову, вдруг спросил сочувственно: «Ну как, Борис Николаевич, не замерз?»

«Неистребимо жизнелюбивый парень», — подумал Еремин. Четыре или пять боевых вылетов каждый день, такие бои, а он шутит! Только такие люди, как он, были здесь на своем месте, — люди, создававшие в полку атмосферу уверенности.

Из тех дней Борису Еремину запомнился эпизод, сильно травмировавший его даже на фоне остальных, не менее драматичных событий. Получив уведомление о гибели своего сына, молодого летчика, отец как-то отыскал полк Баранова и появился там. Поговорить с ним, рассказать все, что можно,

о коротком пребывании его сына в полку Баранов поручил Еремину. Но что рассказать о пареньке, который «прожил в полку всего несколько дней в нетерпеливом ожидании боя и погиб на первом или втором боевом вылете»?¹

Еремин собрал молодых летчиков, у которых было много общего с погибшим юношей, и все вместе они долго разговаривали с отцом погибшего. Еремину показалось, что этот человек уже начинает «достигать те реальные условия войны... на Сталинградском фронте, о которых человеку несведущему рассказать просто невозможно». Но неожиданно отец спросил: «Где находится могила сына? Отведите меня на могилу, я хочу побыть с ним». Еремин молчал, в горле у него стоял комок. Этот человек так ничего и не понял. Что можно ему ответить? Какая там могила, под Сталинградом? Подбитые в бою или сбитые товарищи Еремина падали в Волгу или на дымящиеся развалины города.. Еремин попытался перевести разговор, стал рассказывать о товарищах, погибших в сорок первом. И вдруг отец сбитого летчика понял, что могилы нет. «Уронив голову и обхватив ее руками», он плакал².

Отрезанная от остальных сил Сталинградского фронта, прижатая прорвавшимися немецкими частями к Волге, 62-я армия с помощью местного населения строила в разрушенном городе укрепления, устанавливая огневые точки в зданиях и на заводах. Боеприпасы, подкрепления и продовольствие она теперь получала только с помощью рискованных переправ через Волгу.

Для огромного количества находившихся в городе беженцев и для сотен тысяч его обитателей, только теперь утративших веру в то, что город, носящий имя Сталина, никогда не будет сдан врагу, оставался один путь к спасению: перепра-

¹ Еремин Б. Н. Указ. соч. С. 120–121.

² Там же.

виться через Волгу. Но это становилось все труднее. Паромов и буксиров становилось с каждым днем меньше, переправы страшно бомбили. Они превратились в настоящий ад. В ожидании очереди на посадку женщины и старики руками отрывали в прибрежных откосах глубокие норы, в которых и прятались от бомбежек. А к пристаням все тянулись вереницы подвод с новыми беженцами. «Уже не лошади, а даже коровы шли, навьюченные скарбом, надменно выступали с грузом калмыцкие верблюды. Усталые, босые, запыленные, измученные люди шли и шли Бог весть откуда...»¹ После гибели 28 августа парохода «Иосиф Сталин» («город всполошило страшное известие: “Сталин” утонул!» — пароход этот был известен всему городу»), на борту которого было 1200 раненых и мирного населения, эвакуация судами вверх по Волге прекратилась. Неизвестно даже приблизительно, сколько жителей вышли живыми из огненного ада на левый берег Волги...

С 23 по 31 августа оборонявшая Сталинград 8-я воздушная армия потеряла больше двухсот самолетов. В начале сентября самолетов — и исправных, и нуждавшихся в ремонте — осталось всего 192².

Командующий 8-й воздушной армией Тимофей Хрюкин в сентябре 1942-го спал в сутки всего по три-четыре часа. Авиация была молодой профессией, и авиаторы были молоды, а Хрюкин, выходец из крестьян, высокий и плечистый, со светлыми глазами и руками молотобойца, был самым молодым из командиров советских воздушных армий: в 1942 году генерал-лейтенанту Хрюкину было всего тридцать два года. Ставка Верховного главнокомандования дала Хрюкину при-

¹ Панченко Ю. Указ. соч.

² Губин Б., Киселев В. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути Восьмой воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 59–60.

каз атаковать немцев всеми имеющимися у него средствами, собрав все самолеты, однако этот приказ был излишним. Он и так использовал все имеющиеся у него самолеты.

На 1 сентября во всей воздушной армии оставалось, согласно ее официальным историкам, «всего 97 исправных истребителей», среди них много устаревших и совершенно непригодных для боев с немецкими машинами — например, выпущенные в тридцатых годах И-15, прозванные за постоянные аварии «гробами». Бомбардировщики летали без прикрытия, все имеющиеся истребители отправляли противостоять немецким бомбежкам. Хрюкин добился приказа, согласно которому следовало в течение двух недель передавать ВСЕ выпускаемые Саратовским авиационным заводом Як-1 в 8-ю воздушную армию¹. 6 сентября директору завода Левину звонил лично Сталин, выяснявший, сколько у него есть самолетов, и приказавший увеличить их выпуск, а всю готовую продукцию как можно скорее отправить на Сталинградский фронт. Стоит ли удивляться тому, что первую эскадрилью 586-го женского истребительного полка перевели в оборонявшие Сталинград мужские полки? Ведь в ней было целых восемь новых самолетов — больше одной десятой от количества истребителей во всей воздушной армии! Официальной задачей, согласно подписанному командиром дивизии ПВО генералом Осипенко приказу, была борьба с немецкими самолетами-разведчиками.

Новость о переводе заставила плясать от радости восемь летчиц плюс технический состав. Всем показалось, что командир полка расставалась с половиной личного состава без малейшего сожаления. Правды теперь не узнать, но, если принять во внимание конфликтную ситуацию в полку, кажутся здравыми выводы исследователей о том, что первую эскадрилью убрали из полка по просьбе Тамары Казариновой, чтобы

¹ Губин Б., Киселев В. Указ. соч. С. 60.

предотвратить — или прекратить уже начавшийся — бунт в полку¹. Александр Гриднев, сменивший Казаринову на посту командира 586-го полка, писал в своих воспоминаниях, что Казаринова сама попросила об этом генерала Осипенко, с которым дружила². Осипенко, воевавший в Испании и сделавший быструю карьеру в советских ВВС благодаря славе своей жены Полины, погибшей в авиакатастрофе вскоре после своего знаменитого перелета с Гризодубовой и Расковой, был, по мнению подчиненных, большой самодур. Этому человеку, с легкостью посылавшему своих летчиков на почти верную смерть (например, он настаивал на придуманном им самим графике полетов, который был в реальности чреват самыми печальными последствиями), не считавшемуся ни с чьим мнением, ничего не стоило по просьбе своей приятельницы Казариновой услатить неугодных ей людей хоть на край света, не говоря уже о Сталинграде, где так остро не хватало и людей, и техники³.

¹ *Reina Pennington Wings, Women and War*. University Press of Kansas, 2001. P. 109.

² Гриднев А. Неопубликованные мемуары.

³ *Асы против асов*. М., 2007. С. 263–264.

Глава 14

А и поплачем. Ничего. Не обращайтесь внимания

ПРИКАЗ ОБЪЯВИЛА САМА РАСКОВА, СПЕЦИАЛЬНО для этого прилетевшая из Энгельса в Анисовку¹. Как она объявила выстроеному перед ней полку, под Сталинградом сложилась очень тяжелая обстановка, у немецкой авиации преимущество, и из полка требуются добровольцы, желающие временно служить там. Как когда-то в педагогическом институте, когда Валя Краснощекова решила пойти на войну, прозвучало: «Добровольцы, шаг вперед». Валя, не задумываясь, шагнула. Вместе с ней шагнули все. Конечно, не все были героями; по крайней мере, среди технического состава имелись и такие, кто не горел желанием отправиться прямо в пекло, но в данных обстоятельствах не сделать шаг вперед было неудобно перед товарищами и даже опасно: представитель особого отдела сразу взял бы тебя на заметку как потенциального дезертира. Из технического состава кадры для Сталинграда отобрала комиссар Ольга Куликова. Что касается летчиков, то под Сталинград решили временно перевести всю первую эскадрилью, причем два ее

¹ *Краснощекова В. Н.* Интервью автору, сентябрь 2011, интервью автора по телефону с Н.Н. Шебалиной, февраль 2009.

звена — звено Раисы Беляевой и звено Клавдии Нечаевой — отправили в разные полки. Летчицы ликовали: наконец-то сбылась их мечта. Радовались и девушки-техники, уверенные, что их каторжный, непосильный труд, принимавшийся начальством и летчицами как должное, принесет больше пользы на линии фронта, чем в Саратове. «А летчицы мечтали только об одном: принять участие в настоящих боях. Нельзя даже описать, что с ними творилось»¹. Они будут сражаться наравне с мужчинами. Они смогут наконец в полной мере применить свое приобретенное в мирное и военное время летное мастерство. Наконец и у них будут воздушные бои и воздушные победы.

Почти целый год, проведенный в армии, военный быт и, главное, необходимость подчиняться, к которой так трудно привыкнуть штатскому человеку, не убили в летчицах романтического отношения к войне и к воздушным боям, которых они еще не видели. «Для нас война пока что оставалась как в школьной хрестоматии — красиво летишь на тачанке в чапаевской папахе и строчишь из всех пулеметов!» — так через много лет вспоминала себя тогдашнюю Клава Блинова². А что может быть красивее, чем защищать небо Родины от ее заклятых врагов за штурвалом истребителя Як, машины, с которой летчик сливается в бою в единое целое, которая послушна его воле, на которой он в бою будет на равных даже с самым страшным противником.

Девушки быстро собрали немудреные пожитки, постирали в корыте вещи и попрощались с товарищами из второй эскадрильи. Летчицы второй эскадрильи во главе с Женей Прохоровой, конечно, завидовали. Боялись — не напрасно, — что больше за войну им не представится возможности участвовать в боях на линии фронта. Им было так обидно, что не

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автору.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 105.

их отправляют на фронт, что произошел невероятный инцидент. Старший сержант Анна Демченко — черноглазая, отличавшаяся прекрасной техникой пилотирования, но крайне недисциплинированная, самая азартная и неуправляемая из летчиц, штопорившая на тренировках шесть витков вместо максимальных четырех, задира и матерщинница, — совершила поступок, невысказанный для военного человека: через несколько дней после отправки первой эскадрильи улетела в Сталинград самовольно. Насколько известно, наказана она за это не была.

Перед вылетом объявили общее построение, и полк «замер в торжественном молчании на выжженной солнцем траве. Зачитан приказ. Еще минута-другая — и... эскадрилья уйдет туда, где решается судьба Родины»¹. Из этих восьми летчиц пять погибли, одна попала в плен.

За техниками прилетели два самолета СБ — вовсе не пассажирская модификация, а самые обычные бомбардировщики. Путешествия с комфортом подождут до после войны! Девушек загрузили в бомболюки, самолеты поднялись и полетели. В бомболюках было, понятное дело, совершенно темно, к тому же многие девушки начали страдать от болтанки. Валя Краснощекова и Нина Шебалина выдержали, но многих рвало. Потом самолет вдруг сел на какой-то аэродром, видимо из-за того, что его обстреляли. «Сели, открыли нам эти люки, мы вывалились оттуда, некоторые даже легли, мы в таком состоянии были», — вспоминала Нина Шебалина. Но отдохнуть на этом незнакомом аэродроме не удалось: прибежал матерящийся военный, сообщивший им, что аэродром только что бомбили и повсюду остались «лягушки» — противопехотные мелкие мины, которые, если на них наступишь, подпрыгивали и взрывались. Оказалось, что этот аэродром обстреливает и немецкая артиллерия: враг совсем близко.

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104.

Девушки попали под обстрел и бомбежку впервые и здорово напугались. Прибежавшие мужчины-техники столкнули их в щели и прикрыли своими телами¹. Так и пролежали, пока все не стихло. Нина Шебалина потом удивлялась, что никого из техперсонала тогда не убило. «Поднялись быстро и полетели дальше. Наш самолет сел на один аэродром, и следующий — на другой».

Летчицы, улетев из своего полка, приземлились в поселке Верхняя Ахтуба, недалеко от Сталинграда и от Волги. Оказалось, как и в случае с техниками, что, пока они были в воздухе, немцы подошли совсем близко. Почти весь аэродром эвакуировался, самолетов на нем уже не было. Подбежал техник и стал просить летчиц немедленно покинуть поле: «Аэродром обстреливается прямой наводкой!..» И действительно, совсем рядом стали рваться снаряды. Первой взлетела Буданова. Теперь уже Беляеву с ее звеном направили на тот же аэродром, что и звено Клары Нечаевой: в Среднюю Ахтубу, в двадцати километрах от Сталинграда на противоположном, левом берегу Волги². В «маленьком дощатом городке»³ в садах убирали урожай, копали картошку. В палисадниках цвели осенние цветы. Сталинград был относительно далеко, и его адский шум доносился до Средней Ахтубы только далеким неясным гулом. Девушки слышали город только через несколько дней, перебазировавшись на аэродром подскока, поближе к Волге и к городу. Там они стали очевидцами катастрофы, постигшей город Сталина. Мимо по Волге плыли горящие баржи, доносились со стороны Сталинграда канонада и взрывы, воздух пропитала гарь огромного пожара.

Нина Шебалина запомнила, что ребята-летчики, впервые увидев на своем аэродроме звено Беляевой, «смотрели на них

¹ Краснощекова В. Н., Шебалина Н. Н. Интервью автору.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 103.

³ Гроссман В. С. За правое дело. М., 1954, электронная версия.

как на какое-то чудо»: до этого они не только не видели девушек-истребителей, но и не слышали о них. Кто-то их жалел: «Перебьют вас, совсем еще молодых», кто-то «с презрительной усмешкой сказал: “Здесь вам не Алма-Ата”»¹ (по советским представлениям, находившаяся далеко в тылу, полная солнца и фруктов, окруженная горами столица Казахстана была райским местом). Девушки старались держаться уверенно, хотя уже понимали, что попали в пекло и здесь будет непросто скрывать усталость и страх. «Все были так рады, что на фронт летят, а оказалось, конечно, страшновато», — вспоминала о тех днях Нина Шебалина. Отправляясь 10 сентября в Сталинград, летчицы первой эскадрильи имели слабое представление о том, что там на самом деле происходило — в том числе в небе. Газеты писали, как славно воюют в небе Сталинграда советские летчики, а не о масштабе катастрофы, которая обрушилась на город. Хотя летчицы из полка за несколько дней до этого летали на задание в район Сталинграда, ориентируясь ночью в степи по горящему городу, над самим городом они не пролетали, и в полку еще не знали, что он превратился в дымящиеся руины. Колоссальность постигшей Сталинград беды понимали лишь те, кто видел город сверху. «Пролетая над городом, я вижу, как созданное трудом народа пылает в огне. Сердце замирает от того, что вижу на земле... Пока оно бьётся — буду защищать Родину...» — написал во фронтовой газете юный летчик-истребитель Евгений Дранищев о городе, которым, как все жители юга России, гордился и которого теперь, по сути, уже почти не существовало.

Восемь летчиц разделили на два звена и направили в два истребительных авиаполка: звено Нечаевой — в 434-й, звено Раисы Беляевой — в 437-й. Беляева, «высокая, статная лет-

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автору.

чица» с такой прекрасной русой косой, что ее пощадила даже Раскова, имела до войны налет в тысячи часов и пользовалась уважением в среде советских авиаторов: она в составе женской пятерки участвовала в знаменитых авиационных парадах в Тушине и имела на счету десятки прыжков с парашютом. В полку ценили ее огромный летный опыт, считали немолодой (в декабре 1942 года ей должно было исполниться тридцать лет) и привлекательной внешне. Беляева мало с кем сближалась: у нее был тяжелый, мужской, очень требовательный, высокомерный характер.

Механик Беляевой Нина Шебалина, которой тогда не исполнилось еще двадцати лет, трепетала перед своим командиром. Она вспоминала, как иногда в Энгельсе на самолете Беляевой летала Клава Нечаева. И «страшно боялась, что что-то случится с самолетом, она сделает что-то не так — тогда Беляева ее сожрет!»¹. Клава Нечаева, как-то в мороз снявшая свои унты, чтобы достать из них меховые вкладыши для девушки-механика, на Беляеву совсем не походила. Пусть и с гонором, но добрая, внимательная, спокойная.

В отличие от своих летчиков сдержанный командир 437-го полка Максим Хвостиков не выразил публично своего недоумения по поводу получения женского пополнения. Сформированный лично им полк находился в боях на Сталинградском фронте с 19 августа, потеряв к середине сентября большую часть самолетов и летчиков: согласно документам полка, с начала боев по 11 сентября было потеряно десять или одиннадцать самолетов, и почти никто из пилотов в полк не вернулся². У Хвостикова, кадрового военного летчика, служившего в авиации с начала тридцатых годов, в полку еще осталось несколько опытных летчиков — таких, как Женя Дранищев, — но в пополнение прислали новичков с нале-

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автору.

² ЦАМО. Ф. 113 ИАП. Оп. 383416. Д. 1. Л. 48 об. — 53.

том на порядок меньше, чем у женского звена¹. То, что девушки начнут участвовать в боях сразу после прибытия, было очевидно — у Хвостикова просто не было другого выхода. В полку, куда прибыло звено Клавы Нечаевой, — 434-м — ситуация пока была другая: полк воевал здесь лишь с начала сентября и, хотя уже потерял несколько самолетов, летчиков имел достаточно, так что никакого желания посылать в бой девушек у командира не возникло. Реакцию майора Ивана Клещева на появление в его полку звена Клавы Нечаевой запомнило несколько свидетелей. «В один прекрасный день нам довелось стать свидетелями картины необычайной, — вспоминал Герой Советского Союза А.Я. Баклан. — По направлению к штабной землянке деловито вышагивали девушки, одетые в военную форму!» Баклан и его товарищи, оторопев, смотрели, как «впереди всех шла стройная, белокурая, в лихо надринутой на бровь пилотке командир звена лейтенант Клава Нечаева. За нею аккуратненько ступали хромовыми сапожками Клава Блинова, Оля Шахова и Тоня Лебедева». А на некотором удалении от головной группы подходили к штабной землянке девушки из технического персонала. Энергичный, крепко сколоченный, «с волевым лицом и непокорной шевелюрой» майор Клещев откровенно высказал свое отношение к новому пополнению своей части: «Больно мне видеть женщину на войне. Больно и стыдно — будто мы, мужики, не можем оградить вас от этого неженского дела. Еще ведь и расплатесь». Клава Блинова бодро ответила: «А и поплачем. Ничего. Не обращайтесь внимания»². Однако командир полка не разделял их энтузиазм.

В отличие от своего женского пополнения командир 434-го полка майор Клещев в свои неполных двадцать три года знал войну не понаслышке. Он приобрел опыт воздуш-

¹ Хвостикова И. В. Максим Хвостиков. На сайте www.allaces.ru

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 105.

ных боев, вылетая вместе с лучшими советскими военными летчиками во время пограничного конфликта с Японией в 1938 и 1939 годах, и уже почти год был на фронтах Великой Отечественной. В элитном роде войск — авиации — он входил в элитную группу молодых, но уже опытных командиров, совсем еще юношей, но с боевыми орденами на груди. На его счету было 16 самолетов сбитых лично и 24 — в группе¹. Не так давно Клещев получил высшую государственную награду — «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Эта «Звезда» оторвалась и потерялась, когда 19 сентября он в бою выбросился с парашютом из горящего самолета, и после выписки из госпиталя ему вручили в Кремле новую.

Сейчас трудно представить, что по простому парню из крестьянской семьи, пусть и со «Звездой» Героя на груди, могут сходить с ума самые красивые женщины страны. Но в те годы статус летчиков в обществе был совершенно особый: их популярность можно сравнить с популярностью современных футбольных звезд. Когда 3 сентября 1942 года 434-й полк из подмосковных Люберец, где он тогда базировался, отправился на фронт, двадцатидвухлетнего командира Ивана Клещева провожала знаменитая киноактриса Зоя Федорова. Она часто вспоминала потом своего любимого летчика, вскоре погибшего².

Полк, которым поручили командовать этому знаменитому летчику, был тоже особенный. Его формированием занимался лично начальник инспекции ВВС Василий Сталин.

Старший сын Сталина Яков Джугашвили стал артиллеристом, а младший, Василий, трудный и болезненный мальчик, хотел быть только летчиком. Более популярной профессии в СССР тридцатых годов не было. Сам Сталин говорил

¹ Микоян С. А. Мы — дети войны. М., 2006. С. 101.

² Там же. С. 102.

о летчиках в январе 1939 года: «Должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит». (Это не спасло от расстрела в 1940–1941 годах многих известных летчиков, воевавших в Испании, и других авиаторов.) «Золотой фонд нации», «сталинские соколы» — эти определения то и дело встречались в советских газетах. В небо стремились не только люди из простых семей, которых привлекала почетность и привилегии новой профессии. Многие сыновья руководителей страны не желали для себя лучшей участи, чем карьера летчика — разумеется, военного. В Качинском летном училище, которое считалось лучшей летной школой страны, учились в разные годы сын Хрущева Леонид, сын героя революции и ленинского сподвижника Фрунзе Тимур, сын идеолога компартии Емельяна Ярославского Владимир, три сына наркома пищевой промышленности Анастаса Микояна и многие другие.

Полковник Василий Сталин был ровесником многих героев этой книги: в сорок втором году ему исполнился двадцать один. В инспекции ВВС он сделал неувидительную для человека с такой фамилией головокружительную карьеру. По воспоминаниям товарищей, Василий, походивший небольшим ростом и лицом на отца, характер имел другой¹. Он был самоуверен, напорист, однако большинство знавших его характеризовали его как человека слабого и капризного, но в то же время щедрого и материально и духовно, не отличавшегося, в отличие от отца, ни злопамятностью, ни коварством. «Вася отдаст последнюю рубашку», — говорили о нем. Этот человек откликался на просьбы о помощи. Именно Василий Сталин спас многих авиаторов от репрессий, благодаря которым вошел в историю его отец. В обращении «Вася» был

¹ *Алексашин М.* Последний бой Василия Сталина. М., 2007, электронная версия.

демонстративно груб. У него, как и у Сталина, было чувство юмора, он не имел никаких комплексов и не признавал никаких преград, вытворяя, что ему заблагорассудится, даже в бытность курсантом в Качинском училище: после того как он, катаясь по крымским серпантинам на автомобиле с начальником штаба авиашколы, свалился с дороги в кювет, дело дошло до отца, который наказал начальника школы за вольности, которые тот позволял его сыну. Своим товарищам по училищу Василий Сталин запомнился, помимо прочего, тем, что, получив письмо, написанное рукой отца, мог при всех в курилке открыть его и вслух комментировать, одобряя или не одобряя написанное. Профессию летчика он тем не менее осваивал серьезно.

Придя в инспекцию ВВС в 1941 году в звании капитана, Василий Сталин скоро стал ее полновластным руководителем: в 1942 году он уже был начальником инспекции и имел звание полковника. Когда высшее авиационное начальство приняло решение о создании нескольких истребительных полков, в которые соберут лучших летчиков и которые будут действовать на самых ответственных направлениях, обеспечивая советской авиации господство в воздухе, Василий лично занялся формированием одного из таких полков. По воспоминаниям аса, хорошо знавшего Василия Сталина по Качинскому училищу, «полковник Сталин умел быстро принимать решения и быстро их осуществлять». Ему не требовалось обходить множество кабинетов, чтобы согласовать все до единой детали. Остановив внимание на 434-м истребительном авиационном полку, в котором после боев за Ленинград не осталось ни самолетов, ни летчиков, полковник Сталин сделал из него образцовую часть, очень мобильную и боеспособную. Она прекрасно показала себя уже во время боев за Харьков летом 1942 года.

Обычно такие полки в начале войны действовали в составе двух эскадрилий. Василий Сталин решил расширить

434-й до трех. Для этого он слетал в Красный Кут Саратовской области, куда эвакуировалось из Крыма его родное летное училище. Там без долгой волокиты и суеты он отобрал девять своих друзей и просто знакомых летчиков-инструкторов с прекрасной техникой пилотирования, которых начальство не отпускало на фронт, хотя они рвались туда всеми силами. Среди них было три Героя Советского Союза, включая командира полка Ивана Клещева. В отличие от большинства истребительных полков, в составе которых было от одной трети до половины молодых необлетанных летчиков, в 434-м полку большой летный опыт имели почти все. Исключение составили два сына наркома пищевой промышленности и члена Государственного Комитета Обороны Анастаса Микояна Степан и Владимир, только что окончившие военное училище. Василий Сталин хорошо их знал и решил взять в свой полк и под свою опеку. Вторым исключением стали четыре девушки — звено Клавдии Нечаевой.

Если верить советским историкам, у Василия Сталина было на счету несколько сбитых немецких самолетов, однако это маловероятно. За него очень боялись: старший сын Сталина Яков Джугашвили пропал без вести еще в июле 1941 года. Возможностей сбивать немцев у Василия было мало. Вскоре после сталинградских боев случился большой скандал: Василий три дня не выпускал со своей дачи первую красавицу Москвы Нину Кармен, жену знаменитого кинооператора. Роман Кармен пожаловался Сталину, и тот понизил Василия в звании и отправил командовать полком на Северо-Западном фронте¹. Но, даже командуя полком, Василий Сталин в боях не участвовал из-за неписаного приказа правительства. Многие из детей элиты уже погибли, другими рисковать не хотели. С должности командира полка Василий Сталин вскоре был снят после истории с глушением рыбы реактивными снарядами.

¹ Микоян С. А. Интервью автору. 14 июля 2009.

Рыбалка проходила так: в водоем бросали взрывчатку, которая убивала или контузила рыбу. Рыба всплывала брюхом кверху, и ее можно было собирать сачком или просто руками. Собирали, разумеется, не всю рыбу, а только крупную; молодняк так и оставался плавать на поверхности. Трудно сказать, в чем состояла привлекательность такой рыбалки, скорее всего, тут на мужскую страсть к охоте накладывалась еще и страсть к оружию. К тому же на войне мало кто имел при себе соответствующие рыболовные принадлежности, в то время как взрывчатка всегда была под рукой. Нужно ли говорить, что частенько взрывчатка взрывалась до попадания в воду, убивая или калеча самих «рыбаков». Когда пьяный Василий Сталин пригласил порыбачить тоже нетрезвого инженера полка и двух летчиков, инженера, захватившего с собой реактивный снаряд и, вероятно, сделавшего какую-то ошибку, разорвало на месте, а Герой Советского Союза Котов получил тяжелое ранение и уже не смог вернуться в армию. После этого случая Сталин снял Василия с должности, и тот несколько месяцев был не у дел. В дальнейшем он опять занимал высокие посты, но, не в силах вынести бремя своего родства, все больше пил и опускался все ниже, особенно после смерти отца. Василий Сталин умер в 1962 году в возрасте всего сорока одного года.

Созданный по инициативе Василия Сталина 434-й полк, куда вошло столько хороших летчиков, командующий советскими ВВС А. А. Новиков встретил с энтузиазмом. Новиков посещал его лично и разрешил самолетам этого полка иметь свой отличительный знак: выкрашенные в красный цвет «коки» — носы. Прошедший переформирование истребительный полк, имеющий в своем составе лучших летчиков, был очень нужен 8-й воздушной армии, особенно в сентябре 1942 года. Ситуация в сталинградском небе к началу сентября стала для советских ВВС катастрофической. К городу шли и шли све-

жие войска, переправляясь под огнем с левого берега Волги, назад уцелевшие баржи везли раненых — все это под непрерывной бомбежкой. На земле тысячи глаз лежавших в щелях красноармейцев искали в небе «ястребки».

Многokrатно переходившую из рук в руки станцию Котлубань, советские войска на обильно политом кровью кусочке земли прикрывал с воздуха 434-й полк, летавший с аэродрома в Средней Ахтубе. Городок, в котором свои последние дни провела Клава Нечаева, вошел в историю в первую очередь как место, где перед переправой в Сталинград 14 сентября останавливалась для получения боеприпасов и оружия 13-я дивизия генерала Родимцева: этой дивизии с ее молодым генералом предстояло сказать решающее слово в обороне Сталинграда. Вечером 14-го, из Средней Ахтубы доехав до берега Волги, через которую ему предстояло в эту ночь переправить дивизию, Родимцев стоял у большой темной реки. В воспоминаниях он напишет, как, стоя на берегу, рассматривал в бинокль «тяжело израненный, разрушенный и пылающий город»¹. Слабый ветер медленно поднимал в небо багровые языки пламени и черные клубы дыма, которые уносились ввысь, тянулись далеко над Волгой. Что творится на противоположном берегу, рассмотреть было трудно. «Лишь вырисовывались разбитые коробки зданий, заваленные обломками кирпича, бревнами и железом улицы да срезанные и закопченные верхушки деревьев», — вспоминал Родимцев.

В Средней Ахтубе после ухода войск было тихо и тревожно. Во многих домах ухаживали за ранеными. Местных ребят-комсомольцев еще в конце августа призвали на защиту Сталинграда, и теперь многие из них, которым едва исполнилось восемнадцать лет, ждали переправы с дивизией генерала Родимцева.

¹ Родимцев А.И. Гвардейцы стояли насмерть. М., 1973, электронная версия.

Ночью над городком часто гудел немецкий одиночный бомбардировщик и иногда сбрасывал бомбы в районе аэродрома. Несколько бомб рухнули довольно близко, и многие летчики нервничали: это было страшнее, чем в воздухе. Как-то днем, задремав в стоге сена у самолетов, летчики проснулись от близкого разрыва бомб. Серия бомб легла вдоль стоянки самолетов другого полка на противоположной стороне аэродромного поля. Летчик Саша Якимов, еще не проснувшись, уже оказался у вырытой у самолета щели, став объектом насмешек.

Девушки из звена Нечаевой и их технический персонал, поселившись в домах у местных жителей, привыкали к новой для них жизни среди мужчин. Двадцатипятилетняя Клава Нечаева часто приходила к соседке попросить тазик, чтобы постирать свое белье. Эта женщина потом вспоминала Клаву как «очень милую, скромную девушку»¹. Так же писали про нее и подруги из женского истребительного полка: «Милая, добрая женщина». А мужчины-летчики из 434-го полка вспоминали, что Клава Нечаева была самая красивая из четырех переведенных к ним летчиц.

У молодых летчиков, еще не обстрелянных и не терявших боевых друзей, появление в полку девушек-летчиц, да еще со стойкой технического персонала, вызвало большое оживление. Ни о каких женских полках они до этого не слышали. Всем было, конечно, «очень интересно — что это за летчицы к нам приехали»². О том, что девушкам здесь не место и что они могут погибнуть, молодежь не думала, как не думала о возможности собственной смерти. С появлением девушек мужчины стали чаще бриться и меньше ругаться матом³. Командир полка напрасно боялся, что присутствие девушек-летчиц будет отвлекать мужчин от боевой работы. С их появлением мужчины стали более собранными и серьезными.

¹ *Полунина Е. К.* Указ. соч. 104–111.

² *Микоян С. А.* Интервью автору.

³ *Семенов А. Ф.* На взлете. М., 1969, электронная версия.

Из четырех летчиц Клаву Нечаеву в полку запомнили лучше других — из-за красоты и потому, что она первая погибла. Клава носила пилотку, не убирая под нее прядь русых выющихся волос, которые падали ей на лоб. Не прошло и нескольких дней ее пребывания в полку, а в нее уже влюбились двое: восемнадцатилетний Володя Микоян, младший сын наркома, и командир полка Клещев. Узнав, что у Клавы нет планшета, Клещев дал ей для полетов свой¹.

По возвращении со Сталинградского фронта в середине сентября 1942 года заместитель Верховного главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и командующий советскими ВВС А.А. Новиков, направленные на этот критический участок как представители Ставки Верховного главнокомандования, отослали Сталину следующую возмущенную докладную записку, посвященную действиям истребительной авиации на Сталинградском фронте:

«В течение последних шести-семи дней наблюдали действие нашей истребительной авиации. На основании многочисленных фактов пришли к убеждению, что наша истребительная авиация работает плохо. Наши истребители даже в тех случаях, когда их в несколько раз больше, чем истребителей противника, в бой с последними не вступают. В тех случаях, когда наши истребители выполняют задачу прикрытия штурмовиков, они также в бой с истребителями противника не вступают и последние безнаказанно атакуют штурмовиков, сбивают их, а наши истребители летают в стороне, а часто и просто уходят на свои аэродромы.

То, что мы докладываем, к сожалению, не является отдельными фактами. Такое позорное поведение истребителей наши войска наблюдают ежедневно. Мы лично видели не ме-

¹ Микоян С.А. Интервью автору.

нее десяти таких фактов. Ни одного случая хорошего поведения истребителей не наблюдали»¹.

Исключением не был даже особый 434-й полк, состоящий, за исключением братьев Микоян и женщин, из очень опытных летчиков. При приближении немцев летчики трусливо вставали в уже знакомый читателю оборонительный круг. В один из дней в начале сентября, находясь в воздухе, Степан Микоян услышал по радио кричащий женский голос: «“Мессера” сверху! “Мессера”!» Это предупреждал наземный пост наблюдения. Летчики и сами увидели подходящие выше немецкие истребители и вошли «в оборонительный вираж». В таком круге они могли только обороняться, но не атаковать немецкие самолеты. Яки сделали несколько виражей, Микоян видел советский самолет впереди и, оглядываясь, с облегчением убеждался, что и за ним тоже идет самолет с выкрашенным в красный цвет носом. Вдруг метров на сто ниже его под углом градусов тридцать проскочил самолет с желтыми полосами на крыле. Ме-109! Степан понял, что тот пытался его атаковать...

Один Як вышел вверх и стал энергично качать крылом — это командир полка призывал летчиков к себе. Необходимо было прекратить вираж и начать активный бой... Степан вспоминал, как на аэродроме летчики не смотрели друг другу в глаза — таким опытным, обстрелянным не к лицу было пассивно виражить.

Видя, как пасуют перед «мессерами» даже бывалые летчики, командир полка не спешил выпускать в воздух девушек. Вскоре после их появления в полку он решил проверить их летные качества и провел с ними учебные воздушные бои. Командир звена Клава Нечаева полетела первой. Вначале

¹ Смирнов А. Ф. Боевая работа советской и немецкой авиации..., электронная версия.

Клава почти зашла в хвост Клещеву, но он увернулся и скоро был у нее в хвосте. «Дальше все произошло молниеносно, — вспоминала Клава Блинова. — Самолет Нечаевой качнулся с крыла на крыло, словно еще подумал — падать или не падать, — и свернулся в штопор»¹. Сама опытная летчица, Клава Блинова знала, что несложно вывести самолет из беспорядочного штопорного падения. Если, конечно, высота позволяет. А если ее нет? Степан Микоян вспоминал, как все летчики, перепуганные, так как высота уже была небольшая, в страхе за Нечаеву закричали: «Выводи, выводи!» — как будто она могла их услышать. Она успела вывести, и тогда весь аэродром, напряженно следивший за поединком, облегченно вздохнул².

Эти показательные воздушные бои подтвердили опасения Клещева. По мнению летчиков 434-го полка, «летчицы были неплохо обучены пилотированию истребителя, выполнению взлета и посадки. Но подготовка их к боевым действиям страдала серьезными недостатками»³. Было очевидно, что они «не умеют тактически грамотно вести воздушный бой, маневрировать на вертикалях, эффективно применять оружие». Этому их не обучили в Энгельсе, так что необходимо было учить и учить уже в боевом полку. Семенов не представлял, как они станут воевать в такой тяжелой воздушной обстановке, какая сложилась под Сталинградом: «Их просто по-человечески жалко посылать в бой...» Клещев не форсировал событий, выпускал девушек ведомыми с опытными летчиками. И все-таки всех не уберег.

Погода стояла прекрасная, и каждый день немецкие бомбардировщики прилетали большими группами в сопровождении истребителей бомбить станцию Котлубань и советские войска рядом с ней. 16 сентября летчицы напрасно ждали от

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

² Микоян С. А. Указ. соч. С. 103.

³ Семенов А. Ф. На взлете, электронная версия.

командира полка разрешения принять участие в вылетах. На их самолетах летали летчики-мужчины, которые вернулись к вечеру после шести боевых вылетов с «черными от усталости лицами» и глазами, воспаленными от перегрузок. Когда собрались у командного пункта, было объявлено, что главный гитарист и песенник полка Коля Парфенов, полюбившийся женскому звену, не вернулся из боя. И хотя видели, что при падении самолета с его бортовым номером пилот не выпрыгнул с парашютом, летчики все еще надеялись на чудо: случилось и так, что летчики, которых никто уже не ждал, возвращались в свою часть через несколько дней со своей или вражеской территории, обожженные, хромая, но живые.

На следующий день, 17 сентября, Клаве Нечаевой и Клаве Блиновой разрешили совершить боевой вылет, поставив их ведомыми к опытным летчикам Котову и Избинскому, командовавшим группами истребителей¹. Группа подошла к линии фронта. С высоты взгляду открывалась необыкновенная картина. На земле шел бой, видны были взрывы, вспышки оружейных выстрелов, на востоке горел Сталинград. Дымка от пожаров поднималась на километр-два, и сквозь нее проглядывали блестящие полосы Волги и Дона². Задание оставалось прежнее: прикрывать наземные войска от бомбардировщиков противника.

С истребителями, сопровождавшими немецкие бомбардировщики над Котлубанью, Клава Нечаева и Клава Блинова приняли свой первый воздушный бой. Вскоре после вылета группы с пульта наблюдения сообщили, что с севера на Котлубань идут «Юнкерсы». Едва они показались, Избинский повел свою группу в атаку, и с ходу он сам и летчик Карначенок сбили по самолету противника. Дальнейшее для Клавы Блиновой происходило как во сне. Внезапно на них со сто-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

² Микоян С. А. Указ. соч., электронная версия.

роны солнца свалились «Мессершмитты». «Кручу я в кабине головой: крестов-то, крестов!.. Кого в прицел ловить? Где моя цель? Где ведущий?..» Помня, что медлить нельзя и надо «ковырять железо, пока горячо», Блинова, двинув до отказа рычаг газа, атаковала. «Какой-то фашист» уже бил по ее машине «из всех пушек», и все могло кончиться плохо, не подоспей на выручку Саша Котов¹. Клаве Нечаевой повезло меньше. Подробно о ее первом, и последнем, бое написал его участник А. Баклан. Он считал, что Клава погибла, прикрывая своего ведущего капитана Избинского. Но, по мнению Степана Микояна, Избинский был далеко не идеальным ведущим. «Избинский был прекрасный боец, отличный летчик, но такой немножко хулиганистый». Он даже имел за какую-то драку судимость и отбывал её на фронте. «Выпивал, конечно, но воевал хорошо». Только в бою Избинский «маневрировал, практически не обращая внимания на ведомого, и ведомому было сложно за ним удержаться»². Баклан тоже вспоминал, что «группа прибыла в заданный район и сразу же наткнулась на вражеские бомбардировщики. Первая наша атака получилась удачной: Избинский и Карначенок сбили каждый по «Юнкерсу»... В это время неожиданно, так как летели со стороны солнца, выскочили вражеские истребители, и картина боя стала совсем другой. «Началась несусветная воздушная карусель. За фонарем кабины земля то вставала дыбом, то опрокидывалась в тартарары, а то заваливалась набок». Оглушал доносившийся со всех сторон треск пулеметов. Один из «мессеров» в упор атаковал и подбил самолет Клавы Нечаевой, он загорелся и стремительно пошел к земле³. Когда в обломках самолета вместе с обгоревшими останками летчика нашли планшет майора Клещева, в штаб дивизии было до-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

² Микоян С. А. Интервью автору. 14 июля 2009.

³ Баклан А. Я. Небо, прошитое трассами. Л., 1987. С. 72.

ложено: «Погиб майор Клещев». Услышав об этом, Клещев, который сам присутствовал в штабе дивизии на совещании, сразу же понял, кто погиб¹.

На похороны Клавы (эта братская могила до сих пор сохранилась в центре Средней Ахтубы) пришел весь полк. У мужчин был мрачный, какой-то виноватый вид. «Ружейным залпом отдали последние воинские почести», — вспоминала Клава Блинова. И писала дальше: «Но и теперь вот, спустя годы, закрываю глаза, стараюсь представить себе мертвую Клаву Нечаеву и не могу — идет по аэродрому девушка с красивым лицом, лихой волной сбиты набок русые волосы, а в лучистых глазах, кажется, отразился весь мир: Волга с зачарованными лугами над водой, небо, переполненное солнцем, земля, распаханная на все четыре стороны без конца и края, — живая Клава...»² Ружейный залп. Деревянный закрытый гроб с обгорелыми останками. Братская могила с табличкой, написанной химическим карандашом...

Сохранилось много свидетельств, как волновались советские девушки-военные — санинструкторы, телефонистки, даже писари в штабе — о том, как их похоронят, если им суждено будет погибнуть. «Я знаю, я умру. В санитарной сумке ситцевое платье в горошек, рукав короткий с оборочками. Похороните меня в нем», — просила тяжело раненная на Сталинградском фронте санинструктор Маша солдат, которых только вчера сама бинтовала после боя³.

Как видно из письма другой девушки матери убитой подруги, тема похорон фигурировала в девичьих разговорах на войне: «Там, где мы вели бои, было очень болотистое место,

¹ Микоян С. А. Указ. соч. С. 103.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

³ Гличев А. В. Короткие рассказы о войне. М., 2009. С. 21.

много грязи. Иногда сидим с девушками и разговариваем, кого как похоронят. Лидочкино и мое желание было, чтобы похоронили нас с цветами и чисто обмыли лицо. Ее желание я исполнила, а вот кто-то мое выполнит?»

«Конечно, смешно думать о смерти, но от действительности не уйдешь» — так думали эти девушки, не веря в собственную смерть, но все же, видя столько смертей вокруг, желая, если их жизнь оборвется, выглядеть хорошо, отправляясь в последний путь. Девушки-авиаторы таких разговоров не вели и платьев для своего последнего выхода в свет не готовили, прекрасно зная, что очень немногим летчикам, погибшим на войне, доведется быть похороненными согласно православной традиции. Изуродованные, обгоревшие останки невозможно было выставить в открытом гробу для традиционного русского прощания. Да и гробов у них часто не было. «Убитых летчиков хоронили обычно в парашюте»¹, «если было что хоронить». У тех летчиков, чьи самолеты после катастрофы не находили, не было похорон. «У летчиков нет могил», — мрачно скажет после войны главный советский ас Иван Кожедуб, призывая поисковые отряды искать в земле останки пропавших без вести, для того чтобы снова предать земле, но уже с могильной плитой.

На Клавиных похоронах не было влюбленного в нее сына наркома, восемнадцатилетнего Володи Микояна. Он пережил ее всего на один день.

Клещев разрешил Володе Микояну сделать вылет на самолете брата. Степан сделал уже два боевых вылета, в тот день впервые попав в серьезный бой. Он помнил, что во рту появился необычный горький вкус. Клещев увидел, что Степан не очень готов к третьему вылету, и сказал ему: «Сейчас я не

¹ Пономарев В.П. Из воспоминаний авиатехника 451-го штурмового авиаполка// www.airforce.ru

полечу, и ты посиди. А Володя полетит на твоём самолете»¹. Володя, неопытный, окончивший ускоренный курс в летном училище, с первого дня в полку настаивал, чтобы его взяли в бой.

Как и Клава Нечаева за день до него, Володя полетел ведомым с капитаном Избинским. «И вот они полетели, — вспоминал Степан. — Мы их на земле ждем. Возвращается группа. Смотрим, не хватает двух самолетов, и в том числе моего». Летчики прилетели и рассказали, что видели, как Володя стрелял по бомбардировщику, потом вышел из атаки вверх, где его атаковал «Мессершмитт». После очереди «мессера» Володин самолет перевернулся и вошел в пикирование. Летчик Долгушин, свидетель падения самолета, рассказывал, что в какой-то момент пикирования «он стал выходить». Может быть, Володя пришел в сознание, может быть, он был тяжело ранен. Но тут же самолет опять вошел в крутое пикирование и врезался в землю. Долгушин отметил это место по карте. Позднее, когда он и Степан вернулись в Москву, Анастас Микоян долго разговаривал с Долгушиным по телефону. Встретиться лично он не захотел, это было слишком тяжело.

Степану Микояну после гибели Володи уже не дали летать в 434-м полку. К тому времени пропал без вести сбитый над калужскими лесами сын Хрущева, погиб Тимур Фрунзе и еще несколько детей высокопоставленных родителей. Берия дал командующему авиацией негласный приказ не пускать в бой остальных сыновей членов правительства. Степан Микоян покинул 434-й полк и летал до конца войны в ПВО, но в боях больше не участвовал. О приказе Берия он не знал и все надеялся, что его снова пошлют в бой.

Оставшимся без командира звена Клаве Блиновой, Ольге Шаховой и Тоне Лебедевой до вывода полка из боевых действий летать тоже почти не давали. В документах сохранилось

¹ Микоян С.А. Интервью автору.

свидетельство лишь о двух их боевых вылетах¹. Но и сам полк после гибели Нечаевой и Володи Микояна воевал совсем недолго: за две недели боев он потерял 16 человек и 25 самолетов. Иван Клещев 19 сентября был сбит, выпрыгнул из горящего самолета с парашютом и остался жив. Он погиб через несколько месяцев, под Новый год, когда его самолет упал около поселка Рассказово — кто-то говорил, что из-за неисправности, кто-то — что отчаянный Клещев летел в нелетную погоду. За бронеспинкой самолета у него лежали два гуся, которых он вез в Москву актрисе Зое Федоровой, с которой должен был встретить новый, 1943 год².

Клава Блинова, Тоня Лебедева и Оля Шахова, когда 434-й полк вывели на переформирование, вместе с ним вернулись в Москву. Они хотели снова попасть в боевой полк, но брать их никто не хотел. Помог Василий Сталин, предложивший им пройти курс тренировок — 100 учебных воздушных боев! — а потом уже их возьмут в боевой истребительный полк. Они были очень рады и начали тренироваться, однако как-то на аэродром приехал маршал авиации Новиков, очень некстати заметивший девушек и приказавший вернуть их в женский полк. Подчинилась только Ольга Шахова; Тоня и Клава узнали от ребят-летчиков, что на Калининский фронт улетает 653-й полк, в котором как раз не хватало двух летчиков. На эти места их в конце концов и взяли вместе с самолетами — но, по правде говоря, с 653-м полком они сначала просто сбежали³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32 ГвИАП. Оп. 213332. Д. 1. Л. 5–7.

² Микоян С. А. Указ. соч. С. 109.

³ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

Глава 15

Душечка, вы «Хейнкеля» сбили!

ШТУРМАН 437-ГО полка Жукоцкий в те дни летал наравне с остальными: летчиков не хватало. Между боевыми вылетами в сентябре 1942 года он ничего не мог есть — так же, как почти все его товарищи. Пока техники и вооруженцы заправляли самолет горючим и заряжали оружие, он только пил воду или принесенный ему чай с сахаром. Ситуацию в воздухе Жукоцкий характеризовал просто: «Там немцы летают в три яруса. А ты взлетаешь и болтаешься как говно в проруби». Для всех, кто в те дни смотрел в сталинградское небо, беспрестанные воздушные бои стали совершенно обыденным явлением. «Стоишь на аэродроме, голову поднимаешь и смотришь: там бой идет, и там, и там. Там упал самолет, тут упал. Немецкий или наш — непонятно».

Жукоцкому нравилась Маша Кузнецова — веселая, грубоватая, смелая. Но он полностью разделял мнение остальных летчиков полка: самолеты, на которых прилетело звено Нечаевой, здесь очень кстати, а вот самим девушкам в этом аду не место — некогда их учить, невозможно в такой обстановке обеспечить их безопасность и отвечать за них в этом хаосе некому. Здесь не до них.

Ситуация в городе ухудшалась. Согласно спецсообщению, отправленному в Центр уполномоченными НКВД по Сталинградской области, противник подошел вплотную к центру города. Заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Голиков срочно запросил у Центра разрешение на «проведение спецмероприятий по промышленным объектам г. Сталинграда», что означало минирование и подрыв всех промышленных предприятий — чтобы не достались немцам. Не хватало сил для защиты города. «Возможности сопротивления почти исчерпаны», — передавал уполномоченный со слов Голикова.

Линии фронта находились друг от друга так близко, что танки не могли двигаться и часто было опасно стрелять, так как пуля рикошетом летела в своих. Бои шли за каждую улицу, за каждый дом. Развалины становились идеальными позициями для снайперов: именно к боям за Сталинград относится расцвет советского снайперского движения. Подкрепления переправляли в районе Центральной переправы, к которой немцы долго не могли прорваться, назад переправляли раненых. В сентябре срок жизни солдата пополнения в Сталинграде иногда составлял меньше двух суток.

Как и первый бой для солдат-пехотинцев, первый вылет для молодых летчиков здесь часто оказывался последним. Авиамеханик истребительного полка Николай Меньков вспомнил первый вылет летчика, с которым потом воевал в одном полку до конца войны, — Ивана Старикова. В воздухе завязался бой, и Стариков, как часто случалось с вылетевшими в первый раз, «потерял своих и чужих». Вернувшись к аэродрому, он, уже не зная, его ли это аэродром, стал летать над ним кругами. Летчики, глядя в небо, матерились: «Доходится, сейчас “мессера” сожрут!» — тогда очень часто налетали немцы. Потом Стариков все-таки приземлился, проручил по полю, но в капонир, земляное укрытие, почему-то не ехал. Появились два немецких истребителя, один атаковал,

и самолет Старикова сразу загорелся. Меньков вместе с другими техниками подбежали и увидели, что винт самолета крутится, летчик сидит в кабине без единой царапины, но не в состоянии даже шевельнуться. Меньков выключил магнето, пропеллер остановился, и вчетвером они вытащили Старикова из самолета и потащили. Молодой пилот, в шоковом состоянии, только повторял: «Ребятки, я живой? Неужели я живой?» Подъехал командир полка, который все это уже видел, и только сказал: «Живой. Будешь летать»¹.

Случалось, что молодые летчики не в силах были справиться со страхом. На них нападала настоящая и мнимая медвежья болезнь, находились и такие, у кого, как назло, в каждом боевом вылете приключались неполадки с машиной. В приказе по 437-му полку от 16 сентября командир и начальник штаба писали, что будут требовать суда военного трибунала для ведущего пары старшего лейтенанта Кочнева, не выполнившего боевое задание по разведке по причине того, что у его ведомого «не убралось одно шасси»² — что могло помешать посадке ведомого, но никак не выполнению задания ведущим.

Среди этих летчиков многие были случайными людьми, причем совсем не обязательно трусами. Летчиком нужно родиться, а многих из этих ребят отправили учиться в летные школы, не спросив их. Случалось, что летчик, показавший себя трусом в небе и отправленный в штрафную роту, потом очень храбро командовал пехотой: там он был на своем месте.

Несмотря на нехватку летчиков, особенно облетанных, звено Беляевой Максим Хвостиков выпускать не торопился. Раиса Беляева кипела. В поведении начальства присутствовал элемент наивного шовинизма. Командир полка говорил: «Что, если вас собьют и немцы узнают, что у нас летают

¹ Меньков Н. И. Интервью автору.

² ЦАМО. Ф. 113 ИАП. Оп. 383416. Д. 1.

женщины? Скажут, что у нас уже летать некому, раз мы женщин выпускаем!»¹ О том, что они здесь не нужны, летчицам прямо не говорили: напористой Беляевой каждый раз, когда она приходила требовать отправить их в вылет, говорили, что не хотят подвергать ее риску из-за того, что она такая красивая — в данной ситуации унижительный комплимент! Если же их выпускали, то чаще парами друг с другом: мужчины не хотели брать их ведомыми. Парады в Тушине — это одно, воздушные бои — совсем другое.

Свой первый бой, вошедший в историю 8-й воздушной армии, Лиля Литвяк провела 27 сентября. Ее и Беляеву (по некоторым сведениям, и Катю Буданову) включили в состав группы, которую повел на задание сам командир 287-й авиационной дивизии полковник Данилов. Согласно официальной истории 8-й воздушной², «группа вступила в бой с двумя пятерками бомбардировщиков Ю-88», которые шли бомбить Сталинградский тракторный завод. Командир полка Хвостиков атаковал «Юнкерс» в паре с Литвяк, но был подбит огнем стрелка бомбардировщика. С бомбардировщиком разделалась Литвяк, расстреляв его с дистанции тридцать метров — так, наверняка, с близкого расстояния, она любила бить и в своих будущих боях. После этого, как пишут авторы «Восьмой воздушной», Литвяк «пристроилась к Беляевой, и они вместе вступили в бой с подошедшими на помощь бомбардировщикам истребителями противника»³. Работая в паре, они «сбили Ме-109», и победу записали на обеих. Об этой воздушной победе упомянул в своих воспоминаниях даже командующий Сталинградским фронтом Еременко, ошибочно называя летчицу Ниной Беляевой и не упомянув Литвяк. А у нее через день или два, в третьем боевом вылете, произошел еще один

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автору.

² Губин Б., Киселев М. Восьмая воздушная..., электронная версия.

³ Там же.

воздушный бой, да еще какой! Уж тут о Литвяк заговорили: этот бой положил начало слухам и легендам, которыми за следующий неполный год обросло ее имя.

Большинство русских источников заявляют, что этот бой произошел 13 сентября. Вероятнее всего, это не так, но мы не знаем точную дату: девушки не входили в личный состав 437-го полка, и никаких свидетельств об их воздушных боях в документах полка не сохранилось. Нет их и в документах 586-го женского истребительного полка: от него их временно открепили. Не сохранились и письма Лили, где она описывала бы эту свою победу. Так что победа Литвяк здесь изложена на основе воспоминаний техников, пары строчек от военного корреспондента и слухов, ходивших по 8-й воздушной армии. Слухов было предостаточно: эта история долго передавалась в 8-й воздушной из уст в уста, обрастая подробностями. Говорили, что Литвяк разрешили облетать самолет после ремонта, она вылетела и летала кругами над аэродромом. Появились немецкие истребители, но Литвяк их сначала не заметила, и командир полка Хвостиков в ужасе схватился за голову, крича: «Сожрут девку!»¹ Однако Литвяк, заметив немецкие самолеты, открыла огонь и не только не была сбита, а сама сбита «Мессершмитт» и благополучно села. Что-то здесь, конечно, уже анекдот: облетывают самолеты после ремонта без боекомплекта, а как открыть огонь без боеприпасов? В заметке о Литвяк, которая вышла через полгода, корреспондент с ее слов писал, что сбитый самолет был не истребитель, а бомбардировщик. Теперь уже не узнать, как точно все было на самом деле. Но, не зная еще Лилю Литвяк, летчики полка отнесли эту победу хорошенькой блондинки на счет сумасшедшего везения.

Сбитый немецкий летчик выпрыгнул с парашютом и, так как бой происходил над аэродромом или совсем рядом с ним,

¹ *Меньков Н. И.* Интервью автору. Череповец, сентябрь 2009.

после приземления был доставлен в штаб авиадивизии. Летчик оказался непростой, с увешанной наградами грудью. В тот момент победы советских истребителей, да еще такие эффектные, с живьем пойманным немецким пилотом-орденоносцем, были нечастым явлением. Начальство решило лично устроить немецкому летчику допрос и, как любили делать, представить ему сбившего его летчика. Вызвали радистку, которая вела по радио переговоры с советским летчиком, и та подтвердила, что сбита Литвяк. Немецкий летчик, услышав, что его сбита двадцатилетняя девушка, не поверил. С большим удовольствием послали за Литвяк. В тот день радистка Скоробогатова впервые встретилась с этой девушкой-летчицей, раньше она слышала только ее голос¹.

Свой недавний перевод радистом в 8-ю воздушную армию Аня Скоробогатова приняла с радостью: уж очень страшно было под Сталинградом в наземных частях. К тому же она очень хотела служить в летной части, пусть даже радистом. В ее задачи входило осуществлять связь с летчиками, находящимися в боевых вылетах, — теми, на чьих самолетах стояли рации. Стояли они на всех без исключения иностранных самолетах, какие использовали в советской авиации, — например, «Аэрокобрах», а вот из советских самолетов рации имела лишь половина. Аня Скоробогатова чувствовала, какая важная связь, тонкая и теплая ниточка, устанавливалась между ней, сидящей у рации, и парнями, поднимающимися в небо Сталинграда, — с некоторыми, кого сразу сбивали, только на день или два. Для ребят в этом страшном небе девичий голос радиооператора был необычайно важен, он был единственной нитью, связывавшей их с землей, с нормальным миром. И, когда Ане велели придумать для себя позывные, пароль для летчиков, большинство из которых никогда не видели ее лица, Аня решила, что в эфире ее будут звать «Незабудка». Назва-

¹ Скоробогатова А. М. Интервью автору.

ние цветочка, голубого как ее глаза, легкомысленного и земного, будет напоминать им в их, может быть, последнем вылете в сталинградском аду о земле, о девушках, о летнем луге.

В последние дни помимо мужских голосов в эфире появились женские. Голос у Лили был, как у самой Ани, высокий, в отличие от более низкого голоса Кати Будановой. Голосов Беляевой и Кузнецовой Аня не запомнила, может, и не слышала их в свои дежурства. Литвяк в воздухе много не разговаривала — как думала Аня, из осторожности: у немцев тоже были рации. Позывные менялись, но Аня запомнила, что часто позывным Литвяк был «Чайка» — с соответствующим номером, в зависимости от номера самолета. В день, когда Лиля сбила над аэродромом «Мессершмитт», ее позывной был «Чайка-15». При личном знакомстве «Чайка» (Аня узнала, что «Чайку» зовут пилот Литвяк) оказалась очень хорошенькой, невысокого роста, с «прекрасной ладной фигурой», в идеально сидящей на ней военной форме, с тонкой талией, со светлыми вьющимися волосами. Лицо обычное, ничего особенного, но на щеках нежный румянец, глаза блестят. Кто-то из собравшегося на допрос начальства попросил ее описать бой.

Советские «историки» потом сочинили, что Лиля описала свой воздушный бой на немецком, который «знала в совершенстве». На самом деле она описала его еще более понятным языком — языком жестов, которым всегда и везде объясняются друг с другом летчики: им нет необходимости в словах, чтобы понять друг друга. И много лет спустя — сорок, пятьдесят, шестьдесят — Аня Скоробогатова на встречах ветеранов 8-й воздушной наблюдала, как летчики, вспоминая свои бои, меньше говорят, чем показывают руками¹. «Я зашел отсюда», — показывают руки; «он атаковал сбоку, я сделал маневр», и так далее, и так далее. Руки летчиков живут

¹ Скоробогатова А. М. Интервью автору.

своей собственной, отдельной жизнью, мечутся, рассказывая о моментальных решениях, молниеносных перемещениях в трехмерном пространстве, которые невозможны без тренировки и особого таланта. Лилины руки двигались, играли глаза, лицо светилось. Она показала, как дала свечу и атаковала с высоты — именно в этот момент Аня Скоробогатова слышала в эфире «Пошла!»: так она рапортовала, когда шла в атаку, позже Аня слышала это «Пошла!» еще не раз.

Немецкий пилот поверил. Все было именно так, как показывала летчица. В отношении того, что произошло после, воспоминания Скоробогатовой согласуются с советскими источниками: немецкий летчик снял с руки часы и пытался отдать их Литвяк, она не взяла. Говорили, что немец даже хотел ей галантно поцеловать руку, но это, наверное, уже выдумки¹.

Первые победы вдохновили все звено, но все равно «летали мало, самолеты отбирали мужчины»². 437-й полк летал на самолетах ЛАГГ-5, не имевших ничего общего с Яками. Тем не менее там нашлись летчики, умевшие летать на Яках. Именно они в основном и летали на новых самолетах девушек, редко выпуская их самих; из Лилиного Яка выкидывали букетики скромных осенних степных цветочков, которые она собирала в минуты затишья и брала с собой в кабину. Она попросила маму в письме прислать ей открытку с розами, которую она прикрепила бы с левой стороны на приборную доску Яка, но мама не прислала. Тогда механик Фаина Плешивцева попросила свою маму³.

За Лилей Литвяк Фаина Плешивцева наблюдала еще с Энгельса, с истории с белым меховым воротником. А сейчас, под Сталинградом, обслуживая, среди других, и Лилин само-

¹ *Меньков Н. И.* Интервью автору.

² *Шебалина Н. Н.* Интервью автору.

³ *Pennington R.* Op. cit. P. 136; *Ващенко В. И.* Интервью автору, 7 января 2012, г. Красный Луч.

лет, узнала ее лучше и сблизилась с ней, хотя обстоятельства у них были совсем разные. Плешивцева обожала авиацию. Она окончила аэроклуб и, хотя налет имела небольшой, надеялась, как и другие, в полках Расковой летать. Но ее судьбу решило то, что к началу войны она окончила три курса авиационного института: таких брали техниками, нехватка техников диктовала свои условия. Так что ее и Литвяк фронтовой путь сложился совсем по-разному: Лиля, незнакомая с премудростями устройства своего «ястребка», будет получать офицерский паек, носить подогнанную по фигуре форму и покроет себя неувядающей славой. Уделом Фаины станет постоянно грязный и замасленный комбинезон, тяжелейший труд, под силу не каждому мужчине, пальцы, примерзавшие к металлу, короткий сон часто прямо на аэродроме под чехлом от самолета — и ни одного ордена. Ели они тоже по-разному даже под Сталинградом. Перебоев в питании летчики там практически не запомнили. В их столовых, офицерских, еда была хорошая почти всегда. Было и масло, был, как правило, и кусок сыра, чтоб положить на хлеб. Авиационные механики, которые все имели младшие офицерские звания, питались похуже. Чаще всего им доставалась манная каша или пшенная — «блондинка», часто перловка — «шрапнель». На эту кашу они потом долго не могли смотреть. Не очень сытно, но хлеб выручал. «Кусок хлеба достанешь и жуешь его у самолета, пока работаешь, и вроде голода такого нет»¹. И все же им было намного лучше, чем рядовым авиационных полков — солдатам, работавшим на аэродромах, которые не ели досыта никогда, получали в своей столовой то жидкий суп, то кашу, — и всегда не столько, сколько хотели бы.

Мама Фаины Плешивцевой прислала открытку с розами, но она не скоро нашла адресата: в самом конце сентября звено Беляевой перевели в 9-й гвардейский полк.

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автору.

Между тем их родной женский полк — 586-й полк противовоздушной обороны, из которого им всем так хотелось вырваться, вдруг стал знаменитым на всю страну. Его прославил Лера Хомякова, давняя подруга Беляевой по центральному аэроклубу, много лет подряд участвовавшая вместе с ней в парадах в Тушине. Валерия в ночном вылете сбита немецкий бомбардировщик.

Ночью 24 сентября 1942 года командир второй эскадрильи Женя Прохорова и ее ведомая Хомякова вылетели по тревоге: посты воздушного наблюдения сообщили о приближении к переправе через Волгу бомбардировщиков противника. Прожектор поймал Ю-88. Стрелок начал было стрелять по советским истребителям, но бомбардировщик сразу же пошел к земле¹.

Сначала было неизвестно, кто его сбил, Женя или Валерия, но приземлившаяся первой Женя Прохорова вылезла из самолета в слезах и накричала на вооруженца: у нее отказало вооружение. Теперь стало ясно, что расстреляла немецкий самолет не она. Приземлившись, Лера Хомякова докладывала: «Сделала два захода на “Юнкерса”, пулеметы и пушка стреляли безотказно».

26 сентября она писала родным, спеша поделиться с ними своей огромной радостью: сбитый ночью Ю-88 был первым немецким бомбардировщиком, сбитым под Саратовом, первым в их дивизии, и она стала первой женщиной, сбившей бомбардировщик в ночном бою (работу ночных истребителей они освоили только в Энгельсе, причем не все, и тренировались мало). Как сказали Лере наблюдатели, она, видимо, убила летчика с первой очереди. Немецкая машина пошла в пике, а Лера еще стреляла. Ю-88 шел на задание, на бомбежку, так что, упав, взорвался на земле на собственных бомбах.

¹ *Полунина Е. К.* Указ. соч. С. 28.

Лера азартно описывала подробности боя: «... Он стрелял два раза по мне, но не попал. Я жива и невредима. Но знаете, дорогие, я даже вначале и не поверила, что я его сбила. После того как я попала в него, он не загорелся, но пошел в правый разворот и потом стал с очень большим углом пикировать. Я за ним и дала еще несколько очередей, но потом пора было выводить... Ну, думаю, далековато стреляла, не хватило выдержки, и рановато вывела. Ушел, думаю...»¹ Товарищи по полку поздравили Леру так, как наверняка не поздравляли друг друга летчики-мужчины: «Сажусь, подбегает ко мне мой механик Полунина и целует: «Душечка, вы “Хейнкеля” сбили!» Тут же целовать ее сбежались и все остальные.

Сама Лера поверила по-настоящему только тогда, когда слетала с командиром дивизии на место падения немецкого бомбардировщика. Увиденная картина долго стояла у нее перед глазами. Мертвые члены экипажа лежали рядом с распущенными, но нераскрытыми парашютами: выпрыгнули, но высоты уже не было. «Самолет — такая махина, — раскидан на куски, несколько невзорвавшихся бомб». Парашюты, конечно, забрали, чтобы потом нашить всего из этого шелка: немецкие парашюты очень ценились.

После войны историки вышли на след сбитых Хомяковой немецких летчиков. Как следовало из немецких документов, утром 25 сентября одна машина не вернулась из рейда на военные объекты Саратова. Все четыре пассажира Ю-88А № 144010 во главе с командиром Г. Маком считались пропавшими без вести².

Начальство — Казаринова и выше — было в восторге. В отделении столовой, «где питались высшие чины, накрыли столы, были налиты граненые стаканы водки»³, и Лера, кото-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 30.

рая часто жаловалась на то, что плохо кормят и она встает из-за стола голодная, потом рассказывала родным про сытный завтрак и арбуз. Тут же за столом ей за сбитый самолет вручили 2000 рублей («таков был приказ тов. Сталина») — хорошее подспорье для семьи. Слетелись корреспонденты, включая известного поэта Евгения Долматовского. Всевозможные учреждения Энгельса и Саратова слали Валерии поздравительные телеграммы. Ее повысили в звании. 5 октября она писала своим о поездке в Москву, где ей вручил орден Боевого Красного Знамени Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин. В Москве Лера наведлась в комнату матери, где «никто не жил, кроме моли». Лера попросила соседку посыпать нафталином. «И я скоро буду в Москве в Кремле», — писала она родным. Но судьба, непредсказуемая судьба летчика, распорядилась иначе.

Механик Елена Каракорская, тоже приехавшая по делам полка в Москву, вспоминала, как встретила с Лерой в Москве в Уланском переулке. Лера «была радостная, ей вручал орден Калинин». «Есть хорошие фотографии, — сказала Лера Каракорской, — прилетим в полк, покажу»¹. Каракорская вернулась в полк днем 5 октября, вечером того же дня прилетела и Лера. Поговорить не удалось, потому что Леру сразу назначили дежурить ночью вместо другой летчицы, у которой болела голова. Техник Клавдия Волкова вспоминала, что вечером, идя на дежурство, Лера жаловалась на страшную усталость и говорила о том, как ей не хочется сидеть в готовности... Заметила, что у нее нет одной перчатки, вернулась, нашла перчатку, пошла к самолету, запустила мотор и порулила на ночной старт.

Этой ночью Каракорской приснился сон, который ей потом казался предсказанием. Все они были фаталисты, все эти молоденькие женщины, пусть и комсомолки, были сует-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 31.

верны. «... Стоим мы с Лерой на улице Горького разодетые в черные манто с чернобурками, и сразу картинка сменилась трауром — Лера мертвая и я ее покрываю шинелью». Проснувшись, Каракорская узнала, что Хомякова не вернулась из ночного вылета.

Все время с 24 сентября не было налетов, тишина, и в ожидании сигнала к старту экипажи спали на сене. Не только Лене Каракорской, но и остальным товарищам Лера очень мало успела рассказать о командировке в Москву: заснула на полуслове. После сигнала на вылет она полетела в паре с Тamarой Памятных. Никакого противника в воздухе не было. Памятных вскоре села, а Лера не возвращалась... Памятных вспоминала, что зажгли прожекторы, осветили взлетную полосу, искали на автомобиле, но ничего не нашли¹. Оказалось, что искать надо было совсем рядом со стартом. «Утром телефонист, сматывая на катушку провод, позвал: — Девчата, вот ваша летчица!» Он обнаружил обломки самолета и погибшую Хомякову совсем рядом, через дорогу, в подсолнухах. «Я побежала и увидела...»² — вспоминала Катя Полунина.

Согласно приказу № 085 144 истребительной авиационной дивизии ПВО от 9 октября 1942 г., «ст. лейтенант Хомякова при взлете, вследствие отсутствия ночных ориентиров, потеряла направление и с правым разворотом продолжала взлет. Взлетев с правым креном, в воздухе развернулась на 270 градусов, не сумела в дальнейшем справиться с управлением, с правым креном и разворотом, врезалась в землю...»³.

«Ты, мамочка, за меня не переживай, — писала Валерия домой в декабре 1941 года. — Я аккуратно летаю. Скоростной истребитель — надежная машина...»⁴ Это письмо и еще сорок девять оставшихся ей от Лерочки писем ее мама до конца

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 22.

своих дней часто доставала и перечитывала. Лерина подруга и командир Женя Прохорова, жившая с ней в одной землянке, написала родным, что Леру похоронили в 16:00 7 октября со всеми почестями.

Как обычно бывало в Советском Союзе, за смерть Хомяковой, недавно ставшей знаменитостью, кого-то следовало наказать. Наказали Казаринову и комиссара полка Куликову, которая уж точно ни в чем не была виновата. Как часто бывает, Казаринова потеряла должность командира полка не из-за того, что в принципе не годилась для такой работы, а потому, что ее начальству непременно требовалось найти и наказать виновного в громком происшествии, даже если виновного не было.

Снятием Тамары Казариновой с должности командира 586-го полка заканчивается его история как женского истребительного полка, единственного в СССР и, наверное, в мире. На место Казариновой другой кадровой военной женщины-летчика не нашлось, кандидатуру Жени Прохоровой опять не стали даже рассматривать. Присланный вместо Казариновой майор Александр Гриднев, хороший летчик и хороший человек, на вопрос, на сколько он приехал в полк, ответил «навсегда»¹. Судьба полка и его личного состава были для него и его собственной судьбой, однако он не считал нужным сохранить личный состав полка исключительно женским. Значение имеет, считал Гриднев, лишь боеспособность вверенной ему части.

Работа Гриднева в полку началась 15 октября с «небывалого происшествия, закончившегося катастрофой». Молодой летчик новой, только что сформированной Гридневым мужской эскадрильи летал по кругу и уже заходил на посадку, когда перпендикулярно линии полета его Яка неожиданно

¹ Гриднев А. Неопубликованные мемуары.

появился У-2. Он шел прямо на Як, столкновение казалось неизбежным. Только в десяти метрах от Яка У-2 резко взмыл вверх, на какое-то мгновение повис в вертикальном положении, как будто освобождая путь истребителю, и потом, потеряв скорость, с высоты около тридцати метров упал вниз. Самолет разбился, летчик погиб. Им оказался пилот из Саратовского отряда связи, развозивший почту по сельским районам. В передней кабине У-2 лежал большой брезентовый мешок с почтой, в задней — большой букет прекрасных осенних хризантем, предназначенных, скорее всего, для девушек-истребителей: видимо, летчик шел так низко, намереваясь сбросить цветы прямо на пятачок старта. Оказалось, что на такой малой высоте над аэродромом этот летчик летал не в первый раз; он качал крыльями в знак приветствия, а девушки махали ему в ответ¹. Если бы кто-то сообщил о происходящем начальству отряда связи, пилот бы остался жив.

Гриднев принялся за работу, наладил в полку дисциплину, начал тренировки. Вскоре командир полка рапортовал, что полк готов вылететь на боевую работу в ПВО Воронежа. На освободившиеся летные единицы брали как летчиц, переученных на истребитель, так и мужчин. 586-й истребительный авиаполк становился образцовой боевой единицей, но 586-го женского истребительного полка больше не было.

¹ Гриднев А. Неопубликованные мемуары.

Глава 16

Мой милый крылатый Як — хорошая машина

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА, ИЗМУЧЕННАЯ ТРЕВОГОЙ за судьбу матери, Катя Буданова писала любимой младшей сестре: «... Если узнаешь, что мама жива, быстреей, быстреей сообщай, а обратное не надо. Пусть я лучше буду думать, что она или, или». И дальше, очень скупое, о себе:

«Оля, у нас очень напряженная обстановка. Если что случится, Вале [старшей сестре] не сразу сообщай, а тебе сообщат сразу, только ты давай постоянный адрес.

Целую тебя, моя милая, родная, любимая, незабываемая Олечка. Будь тверда и честна на своем посту. Не забывай меня. Катюша»¹.

Это письмо, как и другие Катины письма, написано без единой ошибки, хотя его автор закончила лишь сельскую школу. Читаешь его, и кажется, что написано оно для того, чтоб подготовить Катиных сестер, возможно уже потерявших мать, к тому, что они могут потерять и Катю. Истребительный 437-й полк непрерывно был в боях, почти ежедневно теряя летчиков и машины. Однако в первые дни октября все изменилось.

¹ Катюша... С. 7.

437-й полк летал на самолетах Лаг-5, поэтому Яки там обслуживать не могли: не было запчастей, техники слабо знали устройство этого самолета. При первой возможности девушек перевели в полк, который в этот момент переучивали на Як-1, — 9-й гвардейский. Почему поступили именно так, почему не перевели обратно в женский полк? Вероятно, командир полка Казаринова не настаивала на их быстром возвращении, к тому же сыграли роль самолеты: пока летчики 9-го полка ждали новые Яки, они могли начать тренироваться и дежурить на самолетах девушек: от полка, хотя он был выведен из боев на переучивание, требовалось прикрывать железнодорожную станцию Эльтон, на которую часто совершали налеты немецкие бомбардировщики — теперь эта железнодорожная ветка стала единственной, обеспечивавшей сообщение со Сталинградом. Четыре летчицы, прекрасно освоившие Як, могли начать дежурства уже сейчас, не дожидаясь, пока обучатся остальные. Возможно, кроме того, что человек, принимавший где-то в штабе решение об их переводе в 9-й полк, который планировалось пополнить лучшими летчиками, сделать полком асов, счел, что звену лучших советских летчиц-спортсменок СССР место именно здесь. Командир 9-го полка этого мнения не разделял: слишком уж опасная его полку была отведена роль, и он не хотел рисковать женщинами. Тем не менее он решил взять девушек на период тренировок. Двадцатисемилетний майор Шестаков, в отличие от Беляевой и Будановой, в воздушных парадах участия не принимал, пройдя совсем другую школу: одним из лучших советских асов-истребителей он стал в боях.

Лев Шестаков, «невысокий плотный командир» с мелкими чертами славянского лица и слегка оттопыренными ушами, «очень динамичный»¹, был совсем молод, но окружающие обращались к нему уважительно по имени и отче-

¹ Панов Д. П. Русские на снегу, электронная версия.

ству — Лев Львович. Комиссар Дмитрий Панов, старый знакомый Шестакова, был рад встретить его на Сталинградском фронте: этот «невысокий крепыш, сероглазый шатен» с сильным, властным, порывистым характером, один из лучших командиров истребительных полков в советских ВВС, придется здесь очень кстати.

Шестаков, сын железнодорожника из Донбасса, с детства хотел стать летчиком. Он летал на истребителе уже с 1936 года, и в 1937–1938 годах приобрел боевой летный опыт во время гражданской войны в Испании. Более опытные летчики быстро увидели в Шестакове талант настоящего истребителя: удивительную способность при встрече с самолетами противника молниеносно проигрывать в голове варианты предстоящего воздушного боя. Решения, на которые у летчика-истребителя есть лишь доли секунды, Шестаков принимал абсолютно рационально. Уже тогда, в двадцать два года, он анализировал тактику воздушного боя и пытался вывести собственные правила.

Посетив на обратном пути из Испании могилу Карла Маркса на кладбище Хайгейт в Лондоне, Шестаков вместе с уцелевшими в воздушных боях товарищами вернулся в СССР, чтобы продолжать тренироваться и тренировать других, готовясь к новой, нависшей над СССР войне, угроза которой начиная с 1939 года ощущалась постоянно. Тревога на какое-то время ослабела, когда, после заключения пакта Молотова — Риббентропа, вслед за Сталиным страна поверила в большую дружбу с немцами. И тут же грянула война такого масштаба и такой жестокости, каких не ждал никто.

Ее начало Лев Шестаков встретил командиром 69-го истребительного авиаполка, хорошо зарекомендовавшего себя во время героической обороны Одессы, начавшейся в самый катастрофический период войны и продлившейся полтора месяца. В действиях молодого майора была отвага, инициатива и холодный расчет: он мог, допросив сбитого немец-

кого летчика, организовать блестящий налет на немецкий аэродром, мог, вылетев во главе группы, взять инициативу в воздушном бою, несмотря на то что летали на устаревших самолетах против превосходящего численно противника. Еще в начале войны Шестаков вывел собственные, новаторские, принципы воздушного боя, которые внедрял в полку. Только у Шестакова переведенный к нему под Сталинградом Борис Еремин понял, как расставить летчиков группы в боевом вылете¹. Главное — преимущество в высоте, ведь оно означает и преимущество в скорости, и выбор удачной позиции. Столь же важно эшелонирование группы по высотам, чтобы она была готова к бою. Когда атакуешь, солнце должно быть за спиной — пусть враг слепнет! Чтобы не промахнуться, считал Шестаков, огонь надо открывать с дистанции сто метров и ближе, не атаковать строго в хвост, а бить под ракурсом в одну или две четверти. В советских летных школах этому не учили: Еремин, прошедший серьезную летную подготовку и уже долгое время летавший на фронтах, только от Шестакова услышал эти и многие другие «заповеди истребителя» — правила, которые он за месяцы боев сам вывел интуитивно, но которые только Лев Шестаков сформулировал четко и строго, первым облек их в слова.

В 9-й гвардейский Еремина перевели вместе с другими сильными летчиками: начальство, решив создать еще один «разящий кулак» из асов, не раздумывая забирало из полков лучших пилотов, отправляя к Шестакову рядовыми летчиками командиров звеньев и эскадрилий. Летчики, как правило, не расстраивались из-за такого понижения: идея полка асов, который задаст немцам жару после унижительных поражений начала войны, импонировала почти всем. Прославившийся в сталинградских боях Амет-Хан Султан, переведенный вместе с Володией Лавриненковым из страшно

¹ Еремин Б. Н. Воздушные бойцы. С. 139–140.

поредевшего 4-го истребительного полка, считал, что полк Шестакова больше ему подходит. Уезжая, он четыре раза выстрелил в воздух, отдав одновременно «салют живым и салют прощания с друзьями», погибшими под Сталинградом¹. Конечно, кто-то из летчиков не хотел покидать родные полки. Герой Советского Союза Саша Мартынов из полка Николая Баранова, один из участников знаменитого боя ереминской семерки, которого вместе с Ереминым перевели в 9-й гвардейский полк, хотел воевать только в родном полку. В конце концов ему удалось вернуться к Баранову, и он воевал в 296-м полку до конца войны.

Летчики, переведенные из 4-го полка, — Лавриненков, Амет-Хан Султан и двое их товарищей, — прибыли в 9-й полк одновременно со звеном Беляевой. Приехав в распоряжение 9-го полка, Лавриненков, подходя к общежитию летчиков, волновался: кого-то они там встретят? Ведь в 9-м полку, говорят, одни герои! Но, зайдя в общежитие, летчики растерянно остановились в дверях, подумав, что попали не по адресу: в комнате оказались лишь две девушки в легких летных комбинезонах. Сидя на покрытом одеялом матрасе, они о чем-то «весело беседовали»². Симпатичная невысокая девушка со светлыми волосами, увидев их, сказала: «Проходите! Не смущайтесь. Вы только прибыли?» — «Да», — подтвердил кто-то из ребят. «Мы тоже. Давайте знакомиться. Лиля Литвяк. А это Катя Буданова».

Начать разговор с девушками Лавриненков и его товарищи не успели, тут же вошла еще одна группа мужчин. Они были такого же возраста, как Лавриненков, не старше двадцати пяти, но на их гимнастерках было не по одному ордену, а у троих — «Золотые Звезды» Героев. Внимание Лавриненкова сразу привлек один из них. Этот среднего роста

¹ Лавриненков В. Возвращение в небо. М., 1983. С. 41.

² Там же. С. 43–44.

блондин был не кто иной, как Михаил Баранов — о нем даже выпустили листовку, да и без нее Баранова сразу узнавали по портрету в газетах. В те дни Миша Баранов был самым популярным истребителем на Сталинградском фронте: Герой Советского Союза, двадцать четыре сбитых немецких самолета. Баранов был ровесник Лили Литвяк, ему было всего двадцать лет. Оглядев новичков, он начал расспрашивать, кто откуда прилетел: оказалось, что он теперь заместитель командира 9-го полка. Представив остальных летчиков, Баранов кое-что сказал и о девушках, упомянув, что у каждой есть на счету несколько сбитых самолетов.

Показав на «длинный ряд аккуратно застеленных матрацев», Баранов пригласил Лавриненкова с товарищами устраиваться, где кому удобно. Крымский татарин Амет-Хан, «невысокого роста, чуть сутулящийся, коренастый, подвижный, с черными вьющимися волосами»¹, общительный и остроумный, не мог не отреагировать на присутствие девушек-летчиц. Он сразу же бросил свой чемоданчик на матрас рядом с тем, на котором сидели Лиля и Катя. Лавриненков и Борисов решили расположиться рядом с ним. Однако, к их разочарованию, Баранов тут же вызвал девушек к себе, чтобы поговорить с ними и познакомить с Шестаковым. Лавриненкову тоже предстояло познакомиться с новым командиром.

По популярности среди личного состава полка Льва Шестакова в 6-й гвардейской истребительной авиадивизии можно было сравнить только с Николаем Барановым: только их двоих во всей дивизии летчики и техники за глаза называли «Батей» — в этом прозвище на фронте выражалась высшая степень уважения, преданности и любви. Однако в одинаковое прозвище для этих двух командиров вкладывалось разное: по характеру они были совсем не похожи, хотя оба были отличными летчиками. В то время как Баранов, если

¹ Амет-Хан С., профиль на сайте www.airaces.narod.ru

бы не его страсть к вечеринкам и прекрасному полу, являлся практически идеальным командиром и обладал добрым и щедрым характером, Лев Шестаков был горяч, вспыльчив, часто чрезмерно жёсток, в запале нередко несправедлив¹. Когда он, стоя вместе с Борисом Ереминым на аэродроме, впадал в страшный гнев, стоило кому-то сесть «с промазом», Еремин пытался его урезонить: «Да брось ты беситься!» — «Нет! — отвечал Шестаков в ярости. — Раз в группу особую попал, значит, садиться должен отлично!»² Это было, по мнению Еремина, в целом правильно, но Шестаков иногда хватал через край. Однажды, когда летчик Пишкан, имевший уже не одну воздушную победу, не смог сбить бомбардировщик, который фактически уже был у него в руках, Шестаков в ярости потребовал: «Вон из полка!» Пишкана тогда взял к себе Николай Баранов, «уважавший его как очень хорошего летчика»³.

Шестаков навел строгий порядок в своем полку. В первый вечер, придя в столовую, Володя Лавриненков и его товарищи расселись за столом, удивляясь, почему официантки не торопятся их обслуживать⁴. Наконец кто-то им шепнул, что летчики 9-го полка никогда не приступают к еде, пока в столовой не появится командир. Шестаков «был всего лишь единожды Герой, но и дважды Герои не начинали обедать, даже сидя за столом, до появления командира полка». Шестаков заходил в столовую, и все вставали. Только после приветствия и разбора полетов можно было приступить к еде. Гордясь своим командиром, личный состав полка гордился и этим строгим порядком. Он сохранился, когда Шестакова в полку уже не было.

¹ Еремин Б. Н. Интервью А. Драбкину.

² Там же.

³ Меньков Н. И. Интервью автору.

⁴ Лавриненков В. Указ. соч. С. 45; см. также: Меньков Н. И. Интервью автору.

Строгий Шестаков был, пожалуй, единственным из летчиков полка, кто не заглядывался на Лилю Литвяк. За три недели, проведенные в степном поселке, зеленоглазая Лиля стала для всех летчиков «идеалом женственности и обаяния»¹. Много ли было в советских ВВС боевых летчиков-истребителей, у которых под шинелью скрывался «голубенький или зелененький шарфик»², сделанный из парашютного шелка и собственноручно бог знает чем выкрашенный? Многие ли советские истребители высветляли и подкручивали себе волосы? И Володя Лавриненков, и другие парни то и дело напевали ей популярную в народе песню: «Посмотрела — как будто рублем подарила, посмотрела — как будто огнем обожгла». Лиля нравилась им всем еще и сдержанностью, тем, что никому не отдавала предпочтения и общалась со всеми одинаково: смело, весело, по-дружески. Даже чрезмерно бдительной Беляевой было не в чем ее упрекнуть. А девчонкам-техникам от командира звена доставалось: стоило только заговорить с кем-то из летчиков, как Беляева тут как тут. Валя Краснощекова испытала на себе гнев командира из-за летчика Васи Серогодского. «Валь, посиди на плоскости, пока ракету не дадут», — вечно просил он (Валя обслуживала в числе других и его самолет), и Валя чувствовала, что он просит ее посидеть с ним не просто для того, чтобы скоротать время в ожидании вылета. Вася Серогодский, постарше ее всего на пару лет, был уже Герой Советского Союза, да еще «строен, красив, тонок», с выразительным лицом. Вале Краснощековой он не особенно нравился: простой рабочий парень, разговаривать неинтересно. Однако к боевым летчикам у техников было какое-то особое отношение: «и зависть, и жалость, и нежность»³, и гордость за них, и тревога. Вылет, перед кото-

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 57–58.

² Краснощекова В. Н. Интервью автору.

³ Там же.

рым парень просил девушку-техника посидеть на крыле, мог стать последним. И Валя, присев на плоскость, пока Серогодский ждал вылета, болтала с ним о том и о сем. Серогодский расспрашивал — кто она, откуда, почему такая начитанная. В один прекрасный день вмешалась Беляева. «Если я тебя еще раз увижу с Серогодским...» — пригрозила она, как всегда не слушая оправданий; бесполезно было напоминать, что вообще-то Валя обслуживает этот самолет. Как видно, Беляева пригрозила и Серогодскому: посидеть на крыле он теперь не приглашал, но как-то, когда Валя шла мимо, сказал ей: «Валь, я сейчас лечу, и вылет посвящаю тебе». Валя потом часто это вспоминала, потому что Серогодский вскоре погиб, став очередной небоевой потерей своего полка — таких тоже было немало.

Погиб Вася Серогодский глупо. Прилетев вместе с Володей Лавриненковым на По-2 в тыловое село забрать отремонтированный Як, Серогодский решил сразу же облетать машину. Они вместе на земле осмотрели самолет и опробовали мотор. Вспоминая, что произошло потом, Лавриненков никак не мог понять, как «летчик-фронтовик, прошедший ад обороны Одессы и Сталинграда, мог, пилотируя над тихим тыловым селом, потерять чувство расстояния и, выполняя на малой высоте фигуру высшего пилотажа, врезаться в землю»¹. Но летчику было всего двадцать три года — возраст, когда хочется рисковать. Часто случалось, что, выйдя невредимым из опаснейших ситуаций, молодой летчик терял чувство опасности. Говорили, что пилотаж на такой малой высоте Серогодский стал выполнять, чтобы «выпендриться» перед какой-то местной девушкой, которая смотрела на него с земли. Глупая, обидная смерть. Похоронив друга, Лавриненков в подавленном настроении вернулся на свой аэродром все на том же По-2: Як не подлежал ремонту.

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 61.

«Девчонки, фотографироваться!» — раздавался полуприказ-полуприглашение, и все, кто был в этот момент у самолетов, весело бежали строиться¹. 9-й полк все еще тренировался в Житкуре, но в него уже зачастили корреспонденты: еще бы, здесь столько героев. Девушек-техников, а особенно девушек-летчиц — такую диковину — приезжавшие корреспонденты непременно фотографировали. К радости корреспондентов, летчицы, в отличие от летчиков, не возражали.

Почти все мужчины-летчики, что неудивительно при их профессии, отдающей жизнь человека в руки случая, были суеверны, как старухи. У каждого имелись свои собственные суеверия, однако существовало немало универсальных. Перед полетами многие не брились (вместо этого брились накануне вечером), летали в старых заштопанных гимнастерках, боясь, что новые не принесут им удачи, многие коммунисты или комсомольцы носили в кармане молитву или иконку, которую дала им, провожая на фронт, мать. О том, что ни в коем случае нельзя фотографироваться перед боевым вылетом, знал каждый. Комиссар Дмитрий Панов, когда в его полк приезжали корреспонденты, предлагая летчикам сфотографироваться для газеты, ожидал стандартный ответ: «Вы что, меня похоронить хотите?» Как сказал ему один из летчиков, мотивируя свой отказ: «Бутова фотографировали — его нет, Бондаря фотографировали — тоже нет. Вы что, хотите и меня сфотографировать?» Летчики боялись фотообъектива как чумы, особенно если сфотографироваться просил корреспондент. Отдуться перед возмущенными фотокорреспондентами приходилось Панову, который и сам фотографироваться не любил, ведь тоже летал. Ему все казалось, что творится какая-то чертовщина. Стоило пилоту его полка сфотографироваться в живописной позе — в летном комбинезоне, шлеме с очками,

¹ Краснощечкова В. Н. Интервью автору.

да еще и с парашютом за плечами — на фоне своей машины, испещренной надписями типа: «За Родину», «Победа», «За Сталина», как он «обязательно попадал в прицел пушки немецкого пилота или... немецкого зенитчика и охваченный пламенем летел к земле». Судьба, казалось Панову, будто бы «восстанавливала какой-то баланс», замахиваясь кривой смерти именно на тех людей, на которых только что указала перстом славы¹.

А девушки — Литвяк, Беляева, Буданова и Маша Кузнецова — фотографировались, доказывая абсурдность таких суеверий. Фотогеничную Лилию сфотографировали с выстроившимися в стройный ряд девушками-техниками, потом — склонившейся над картой с Катей Будановой и Машей Кузнецовой — вскоре эта фотография появилась в газете. Фото Беляевой тоже напечатали во фронтовой газете, написав, что она сбила немецкий самолет. Но их успехи в 9-м полку пока были, к сожалению, скромные — из-за того, что, как считали девушки, летали они мало. Мужчины не любили брать их ведомыми, да и Шестаков выпускал их редко, со свойственной ему жесткостью решив, что в полку не оставит, а значит, и рисковать ими не стоит. Исключением в течение их пребывания в Житкуре стали несколько дней в начале октября, когда большая часть летчиков полка уехали за новыми самолетами, и звено девушек дежурило ежедневно².

Те машины, что остались в полку, давно требовали замены. По ночам механики срочно их «подлечивали», и такого подремонтрованного самолета хватало еще на пару вылетов. Машины, на которых прилетело звено Беляевой, считались самыми надежными, ведь их получили незадолго до отправки под Сталинград. На них летали по очереди, выпускали и «хозяек».

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

² Дрягина И. В. Записки летчицы У-2. М., 2007. С. 44.

Фаине Плешивцевой, обслуживавшей как раз эти самолеты, запомнился день 2 октября¹. Самолеты только что пришли с боевого задания, летчики еще не вышли из кабин, а на стоянках уже ожидали своей очереди лететь Катя Буданова и Рая Беляева. Они бросились помогать Фаине и второй девушке-механику заправлять бензобаки, потом вместе с ними бегло осмотрели самолеты: нет ли пробоин и повреждений? Механики помогли им надеть парашюты, сесть в кабины и пристегнуться, и Беляева с ведомой вылетели патрулировать в сторону соленого озера Эльтон. Как потом узнала Плешивцева, летчицы одновременно увидели на горизонте группу бомбардировщиков Ю-88 — двенадцать самолетов, летевших на бомбежку. Девушки атаковали, стреляли сначала по ведущему, потом — по другим бомбардировщикам, пока не расстреляли боезапас. К своей огромной досаде, они никого не сбили. Тем не менее строй бомбардировщиков дрогнул. Они изменили курс, передумав бомбить станцию Эльтон, беспорядочно сбросили бомбы и повернули назад. «Струсил, гады», — рассказывала потом Катя, однако до конца дня она ходила хмурая из-за того, что все бомбардировщики ушли невредимыми. Вскоре ей представился новый шанс увеличить свой боевой счет.

6 октября Фаина Плешивцева отправила Буданову в очередной вылет, и вернулась она с победой. Долго не давали команды на вылет: день был тихий и солнечный, но немцев в небе не было видно, «они будто притаились»². Дежурство подходило к концу, а приказа вылетать все не давали. «Неудачное сегодня дежурство», — сказала Катя технику, но тут как раз дали ракету. Показавшиеся на горизонте точки росли, превращаясь в самолеты противника. Катя запустила мотор,

¹ К сожалению, в воспоминаниях Фаины Плешивцевой часто встречаются несоответствия, так что к упоминаемым ею датам и даже фактам приходится относиться с осторожностью.

² Овчинникова Л. Указ. соч.

но у Беляевой, с которой она дежурила, винт самолета оставался неподвижным: мотор никак не хотел запускаться. Тут же приняв решение, Катя взлетела одна, разбив строй летевших без сопровождения «Юнкерсов». Один из них, окутанный черным дымом, упал. Победа! Еще один немецкий бомбардировщик Катя вместе с Беляевой сбила на следующий день.

Радость боевого успеха затмила другая: пришло известие от родных, которых Катя считала погибшими. Мама жива! Раньше Катя воевала, мстя за родных. Теперь она воевала за то, чтобы они жили. В октябре 1942 года она написала сестре Вале: «Очутилась я в самом пекле войны и пишу из-под Сталинграда. Условия на фронте ты знаешь какие. Теперь моя жизнь принадлежит борьбе с фашистской поганью... Хочу тебе сказать вот что: смерти я не боюсь, но не хочу ее, а если придется погибнуть, то даром свою жизнь не отдам. Мой милый крылатый Як — хорошая машина, и моя жизнь неразрывно связана с ним, и умирать мы будем только героями. Будь здорова, крепче люби Родину и лучше работай на нее, не забывай меня...»¹

Подробностей о своей боевой работе Катя никаких не писала, и о ее боях родные узнали только после войны от однополчан.

У Ани Егоровой в левом кармане гимнастерки вместе с партбилетом лежали фотографии: мамы, Виктора Кутова и совсем маленькая фотокарточка племянника Юрки. Мама на фотографии была, как всегда, повязана платком и смотрела в камеру с грустью. Виктор, наоборот, «смеялся задорно, чуть запрокинув курчавую голову». Юрка был в белой рубашке и пионерском галстуке: из-за репрессированного отца его долго не принимали в пионеры, пока за него и других таких же детей не заступилась завуч. Все знают, сказала она, что

¹ Катюша... С. 47.

в арбатских школах отцы учеников репрессированы через одного. Если мы не будем этих детей принимать в пионеры, то ни одного отряда не соберем. Завуча за такое заявление уволили, но дети получили красные галстуки.

В свободные минуты Аня доставала фотографии и смотрела на них. Как там мама, что с Юркой и, главное, жив ли Виктор? ¹ В эскадрилье давно никто не получал писем. Уже несколько месяцев 4-я воздушная армия помогала наземным частям сдерживать немецкое наступление на Кавказ. В конце августа Берия, прилетев в Тбилиси, заменил многих начальников на Закавказском фронте, даже командующего 46-й армией. В сентябре ситуация для советской стороны начала медленно улучшаться; сказались и неудачи немцев под Сталинградом: не имея дополнительных резервов, они уже не могли наступать одновременно по всему фронту на Кавказе. Тем не менее немецкое наступление полностью остановить не удалось. К концу сентября в руках противника оказалась Кубань и большая часть Крыма. Теперь немецкое командование решило последовательно нанести удары сначала на Туапсинском направлении, затем на Орджоникидзе, с тем чтобы захватить Большой Кавказ и прорваться к нефтяным районам. Боевые действия в направлении Орджоникидзе поначалу пошли успешно: готовившая большое контрнаступление Северная группа советских войск прозевала немецкое наступление на этом наиболее слабо защищенном участке фронта: двинувшиеся вперед 25 октября немецкие части прорвали оборону слабой, не имевшей танков 37-й армии и вскоре подошли к Нальчику. «Противник оттеснен в горы, — рапортовал Гитлеру штаб группы армий «А», — представляется, что продвижение танковыми силами в южном, а затем в восточном направлении на Владикавказ откроет широкие перспективы». Тем не менее дальше Нальчика немцев не пустили: коман-

¹ Тимофеева-Егорова А. Указ. соч. С. 145.

дующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев оперативно перебросил на этот участок несколько стрелковых дивизий и танковых бригад, и к 5 ноября немецкое наступление было остановлено. Официальные источники отмечали отличную работу пилотов 4-й воздушной армии.

Полк Бершанской, несмотря на сложность полетов в горах, летал без потерь. Бомбили успешно. Как-то, вылетев с Ирой Себровой за горный хребет под Малгобек, Наташа Меклин заметила самую желанную цель — цистерны с горючим. Их удалось поджечь со второго захода, и, летя домой, Наташа все оглядывалась: «Горит!»¹ Успехи «ночных ведьм» отметил, неожиданно появившись в полку 7 ноября, сам командующий фронтом И. Тюленев. Иру Ракобольскую его появление застало врасплох — рапортуя, она понизила Тюленева в звании — сосчитала быстренько звездочки на его форме и обратилась к нему: «Товарищ генерал-полковник!» Тут же появилась вызванная дежурным Бершанская, тоже обратившаяся к незнакомцу: «Товарищ генерал-полковник!» То же повторилось и с командиром дивизии Поповым. «Что вы меня все в звании понижаете?»² — усмехнулся Тюленев, но, похоже, не обиделся. Выступив перед выстроившимся женским полком, он рассказал о первых победах под Сталинградом, о наступлении фронта. Полк снова нарушил устав: прямо в строю взорвался криками «Ура!» и аплодисментами. Даже это не вызвало возражений у командующего: смелые девушки уже начали пользоваться большим расположением в высоких кругах военного начальства. Вручили первые ордена — многим. До этого о наградах они как-то мало думали. Оказалось, что «все-таки приятно получить орден»³. С этого

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 185–186.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 196.

момента и наград, и внимания начальства «ночным ведьмам» доставалось намного больше, чем двум другим женским полкам и чем «братским» мужским полкам ночных бомбардировщиков. Столько Героев Советского Союза, сколько было в полку Бершанской, не было ни в одном другом бомбардировочном полку. Награды эти, без сомнения, они заслужили.

Командующий фронтом Тюленев, немолодой уже человек среднего роста, плотный, с усами на одутловатом лице и широко расставленными глазами, не спешил уезжать. Он побеседовал с личным составом: спросил, есть ли у девушек пожелания (кто-то пожаловался на огромные кирзовые сапоги), и обратил внимание своих подчиненных на вылинявшие гимнастерки и военные брюки девушек: «Праздник, а девушкам нечего надеть». Вскоре всем прислали не только американские красные хромовые сапожки, но и настоящую женскую военную форму: коричневые гимнастерки с синими юбками. Парадную форму прозвали «тюленевской». Надевали ее, конечно, только по праздникам, ведь летать или, тем более, копаться в моторе самолета в юбке не станешь. Американские сапоги, «пропускавшие воду как промокашка», тоже редко удавалось поносить, но внимание начальства всегда приятно. Вскоре после визита командующего фронтом Бершанская получила письмо от командующего 4-й воздушной армией генерал-майора Вершинина. Оно начиналось торжественно: «Товарищ Бершанская и все твои бесстрашные орлицы, славные дочери нашей Родины, храбрые летчицы, механики, вооруженцы, политработники!» В письме Вершинин сообщал, что уже поданы документы на присвоение полку звания гвардейского — событие колоссального значения для каждой военной части. Отдельно упоминалось большое расположение к ним командующего армией: «Заботу о всех вас проявляет лично т. Тюленев». В том же письме поднимался вопрос, имеющий для девушек едва ли не большее значение, чем правительственные награды и гвардейское звание. «Посылаю некоторое количество хотя

и не предусмотренных “по табелю”, но практически необходимых принадлежностей туалета. Кое-что имеется в готовом виде, а часть в виде материала, т.е. необходима индивидуальная пошивка»¹, — писал Вершинин. Командующий воздушной армией лично занимался вопросом нижнего белья рядовых и младших офицеров — невероятно!

Благодаря вмешательству начальства «ночным ведьмам» повезло: другие женщины-военнослужащие получили соответствующее их полу белье только в 1944 году. До этого выдавали мужское — рубаху и кальсоны, что хочешь, то и делай. Бюстгалтеров не предусматривалось. Оставалось шить самим, если было из чего. Впрочем, до войны дела обстояли ровно так же. С тех пор как выпускавшие хорошую продукцию объединения «Мосбелье» и «Ленбелье» в 1929 году поглотил гигант «Главодежда», ориентированный на выпуск одежды, максимально приближенной к военной, эlegantное белье полностью ушло в прошлое. «Главодежда» шила похожее для всех категорий — военных, гражданских, даже для советских заключенных. Ассортимент женского был необычайно скуден: например, в сборнике стандартов Народного комиссариата легкой промышленности была предусмотрена всего одна модель бюстгалтера: «без выточек». Эlegantные дамы, конечно, находили выходы: шили себе модельное белье в ателье «Москвошвея» и тайно — на дому у белошвеек. Все остальные обходились тем, что было².

Военных девушек выручало белишко, захваченное из дома, из довоенной жизни; кое-кому белье отправляли в посылках мамы. Мама Фаины Плешивцевой как-то прислала дочери на фронт посылку со сшитыми ею трусиками и лифчиком не только для дочери, но и для ее подруги Вали Красно-

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 46.

² Севрюкова В. Про исподнее: советский унисекс // Независимая газета. 2008. 1 марта.

щековой — вот это подарок!¹ А еще, конечно, белье на войне девушки шили сами, если разживались тканью. Огромной популярностью пользовались парашюты. В 588-м полку из-за белья, сшитого из парашютного шелка, произошла следующая история. Две девушки-оружейницы решили сшить себе белье не из использованного, а нового парашюта от САБа — светящейся авиабомбы, которую сбрасывали, чтобы осветить цель перед сбросом бомб. Взяв САБ, девушки вскрыли его, достали парашют и сшили себе трусы и лифчики. Донесла на них одна из подруг по полку. Что и говорить, молчать о таком не следовало: поступок безответственный, особенно по военному времени. Но как их наказали! Конечно же донесшая на них девушка такого не ожидала. Военный трибунал приговорил оружейниц к десяти годам лишения свободы. Летчиц оставили бы отбывать наказание в части, только разжаловав в рядовые. Но эти девушки были всего лишь оружейницы, и им пришлось бы плохо, не заступись Вершинин, проявивший снисхождение к женской слабости. Благодаря Вершинину судимость сняли, и обе оружейницы потом переучились на штурманов. Одна из этих девушек, Тамара Фролова, сгорела в самолете при штурме немецкой «Голубой линии»².

Эта беда, видимо, и подтолкнула Вершинина к решению вопроса с женским бельем. Об этом упоминалось в вышеупомянутом письме командующего 4-й воздушной армией.

«В отношении двух девушек, допустивших ошибку... — писал Вершинин, — дайте им возможность спокойно работать, а через некоторое время возбудите ходатайство о снятии с них судимости. Я уверен, что в конце концов они, так же как и все остальные, будут достойны правительственной награды»³. Виновных простили.

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Нас называли ночными ведьмами, С. 41.

³ Там же. С. 48.

Вскоре в полку Бершанской произошел еще один инцидент, на этот раз комичный, с участием Вершинина и ниже него белья летчиц: как-то раз командующий армией появился в полку неожиданно, когда девушки, постирав белье в арыке, сушили его на расчалках — механических тягах — самолетов. «Подумать только: нижнее белье — на боевые машины!» — возмущался Вершинин.

Нижнее белье нового образца Аня Егорова получала уже не в отряде связи. Свой последний вылет в 4-й воздушной армии, и последний боевой вылет на У-2, она совершила как раз в те дни, когда немцы прорвались к Нальчику. Ане дали задание лететь в район маленького осетинского городка Алагир, по дороге она нарвалась на «мессеров». На безоружном У-2 защититься от «Мессершмитта» можно, только снизившись до высоты бреющего полета. Пытаясь спрятаться от атаковавших истребителей, Аня полетела низко-низко, маневрируя между кронами деревьев. Один немецкий истребитель оставил ее в покое, но второй, видимо, решил с ней разделаться. «Мессер» бил неприцельно, но страшно, «длинными злыми очередями». «Когда же наконец отвяжется?» — лихорадочно думала Аня. Неожиданно — сильный удар и треск. Еще удар. Машина правым крылом врезалась в дерево и рухнула на землю¹.

Очнувшись, Аня сначала не поняла, где она. Болели ноги, руки, сдавило грудь, было трудно дышать. Потихоньку пошевелилась; переломов вроде бы нет. Вспомнила о своем самолете: где же он? Аня посмотрела кругом и увидела его остов. Еще какие-то куски валялись на земле и висели на кустах. Словом, самолета не было. «Что же делать, что же делать?» — твердила она, ковыляя в сторону аэродрома. И неожиданно поняла, что вот он, ее шанс перейти в боевую авиацию, пере-

¹ Тимофеева-Егорова А. А. Указ. соч., электронная версия.

учиться на машину своей мечты! Раньше на все ее заявления командир отвечал отрицательно. Посмотрим, что он скажет теперь.

После того как в Красной армии вступили в силу соответствующие приказы, провинившиеся в чем-либо военнотружущие любого ранга рисковали оказаться рядовыми в штрафной роте. Штрафники были фактически смертниками: пехоту в принципе не берегли, а уж штрафников бросали на самые опасные и безнадёжные участки, даже расчищали минные поля с их участием. Летчиков, однако, в штрафные роты отправлять не спешили, и Аня это прекрасно знала. Чтобы отправить боевого летчика в штрафную роту, провинность должна была быть чрезвычайно серьёзной. Сейчас часто пишут о так называемых «штрафных эскадрильях», в которые якобы отправляли провинившихся летчиков, но такие эскадрильи практиковали очень короткое время, они не прижились: боевые летчики и без всякой штрафной эскадрильи постоянно рисковали жизнью. Летчика за провинность, как правило, понижали в звании и оставляли отбывать наказание в летной части. Летчиков из тыловых частей и ПВО, вероятно, отправили бы отбывать наказание на фронт. На такое развитие событий и рассчитывала Егорова. Ещё не зная, хватит ли у нее сил дойти до своих, она уже продумывала свой план.

Аня вернулась в эскадрилью только на второй день к вечеру. Явившись к командиру, она отчеканила скороговоркой: «Я разбила самолет и готова отвечать за это по законам военного времени». Теперь, как ей казалось, командир должен отдать ее под суд, и отбывать наказание ее отправят в боевую летную часть. Но майор Булкин сразу понял, к чему она клонит. Сердито посмотрев на Аню, он начал кричать:

— В штрафную роту захотела? Вот там узнаете, почем фунт лиха! Видите ли, они стали хулиганить... хотят все удрать в боевую авиацию!

Да, Егорова была не первой, кому в голову пришло это остроумное решение. Неожиданно за Аню вступился заместитель командира эскадрильи. «Пусть переучивается, — сказал он. — Ведь на Егорову уже пять запросов было откомандировать ее в женский полк..» Аня слышала о женских авиаполках (и в них не стремилась), а вот о запросах — впервые. Как бы то ни было, благодаря этому запросу она сможет наконец-то переучиться на боевой самолет.

Все получилось. Вместе с товарищем из полка Аня поехала в учебный полк, в Азербайджан. Сказали, что там можно будет переучиться даже на Ил-2, самолет Аниной мечты! О чем мог мечтать летчик, среди бела дня подставлявший себя под немецкий огонь на беззащитной птахе У-2? О чем он мог грезить после страха и унижения, которых натерпелся от «Мессершмиттов»? Для многих пилотов У-2 наступал момент, когда они могли думать только о том, как бы оказаться в небе на боевой машине, которая сможет и защищаться, и нападать сама. А уж мечтать о таком самолете, как «горбатый», или «летающий танк» — прозвища Ил-2 в советских ВВС, — мало кто осмеливался. Этот самолет казался идеальным орудием мести.

Что такое штурмовка? Самолет-штурмовик летит на низкой высоте — «бреющем полете», расстреливая из пушек и пулеметов наземные цели: автомобили, батареи, живую силу противника. Его защищает броня, и огонь с земли, кажется, не очень-то ему страшен. Работая на небольшой высоте, летчик может собственными глазами видеть результат своей работы: разбитый транспорт, разрушения, трупы. Легко ли убивать? Пилот штурмовика вспоминал, что в начале войны он убивать был не готов. Но появился лозунг, по его мнению, совершенно правильный для того времени: «Чтобы победить, надо научиться ненавидеть». Пропаганда работала, рассказывая о зверствах немцев над пленными и на

оккупированных территориях, газеты публиковали на передних полосах фотографии, от которых дыбом поднимались волосы. Один из главных советских пропагандистов Илья Эренбург писал в статье от 24 июля 1942 года: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” заряжает ружье. Не будем говорить... Будем убивать»¹. Копилась ненависть, в немцах перестали видеть людей. К сорок второму году советские солдаты были морально готовы убивать врагов.

Советский штурмовик, только появившись, сразу стал объектом страха и ненависти у немецких солдат: его прозвали «Летающей смертью» (Fliegende Tod), «мясорубкой» (Fleischwolf) и, за неуклюжесть, «Железным Густавом» (Eisener Gustav). В Красной армии любили говорить, что немцы зовут этот самолет «Schwarze Tod» — «чума», однако, скорее всего, это название изобрела советская пропаганда: в немецких источниках оно не встречается. Несомненно, что появление в воздухе большого количества этих самолетов, так же как и очень удачных советских танков Т-34 и катюш — реактивных минометов — положило конец представлениям немецких военных о техническом превосходстве немецкой армии и подорвало их веру в победу. В письмах немецких солдат упоминания Ил-2 почти всегда окружены трагическим контекстом.

Вот что писал родителям авиационный техник Вальтер Михель (Walter Michel) 4 декабря 1942 года после того, как его аэродром подвергся штурмовке Ил-2: «Сегодня нас атаковали и самолеты, это произошло в 10:15. Мы работали с машинами. Одновременно появились шесть самолетов на бреющем полете... Они сбросили бомбы на аэродром, и мы были обстреляны из бортового оружия. В первый момент мы были ошеломлены и не знали, что случилось. Но когда мы

¹ Правда. 1942 г. 24 июля.

наконец укрылись от первой атаки в окопах, мы плакали, что раньше никогда с нами не случилось»¹.

Даже защищенный броней и стрелком-радистом, «Ильюша» имел намного меньшую выживаемость, чем бомбардировщики и истребители: вися над линией фронта на небольших высотах, он притягивал на себя огонь всей немецкой зенитной авиации.

Аня Егорова знала, что на Ил-2 высокие потери, но это ее не останавливало. Зато какая мощь у «Ильюши», какая популярность у наземных войск и какой страх он вызывает у немцев! Какой он красивый! Впервые увидев «горбатый», Аня не могла насмотреться на удлинённый обтекаемый фюзеляж, на остекленную кабину, на вороненые стволы двух пушек и двух пулеметов, которые «угрожающе топорщились на передней кромке крыльев», на направляющие для реактивных снарядов. «Не самолет, а крейсер!»

В учебном полку, на берегу большой прозрачной реки Куры, Аня освоила все имевшиеся там самолеты. К сожалению, все были устаревшие: УТИ-4, И-16, Су-2. Илов, как выяснилось, и в помине не было. Аня, больше занимавшаяся на Су, из-за того что у него скорости отрыва от земли и посадки были почти такие же, как у Ила, заявила командиру учебного полка, что летать хочет только на Ил-2. Тот возразил, что на Ил-2 еще ни одна женщина не летала. Насколько было известно Ане, это была правда. Но с Аней, воевавшей с начала войны и награжденной орденом, приходилось считаться: командир полка ей запретить не мог, поэтому стал урезонивать: «Поверьте моему опыту, не каждому даже хорошему летчику подвластна такая машина! Не всякий способен, управляя «летающим танком», одновременно ориентироваться в боевой обстановке на бреющем полете, бомбить, стрелять из пушек и пулеметов, выпускать реактивные снаряды по быстро мель-

¹ *Klee K. Vermisst! // klee-klaus.business.t-online.de/vermisst.htm*

кающим целям, вести групповой воздушный бой, принимать и передавать по радио команды»¹. Егорова ответила кратко и спокойно:

— Думала уже. Понимаю.

Исчерпав аргументы, командир запасного полка отступился.

Тренировочные полеты шли каждый день. Бензина хватало, а вот кормили в столовой, «мягко говоря, жидковато»: тыловое питание с фронтовым не шло ни в какое сравнение. Ребята ловили в реке Куре миног. Аня их не ела, миноги были похожи на змей. Стала есть только после того, как упала в голодный обморок и миноги понравились.

С полковником, приехавшим отбирать летчиков в боевые полки штурмовой авиации, повторилась та же история, что и с командиром учебного полка. Задав обычные вопросы, он посмотрел пристально и спросил: «А вы понимаете, о чем просите? Воевать на “летающем танке”!»

Аня ответила: «Понимаю. Ил-2, конечно, не дамский самолет. Но ведь и я не княжна, а метростроевка». Она показала полковнику руки, грубые от работы, со шрамами от ожогов, но полковника убедили не они: он только сейчас заметил орден Красного Знамени на Аниной гимнастерке. В первый год войны такие награды давали нечасто.

«Считайте, что вы уже летчик 875-го штурмового авиационного полка. Через три дня выезжаем», — сказал он и улыбнулся.

Выскочив на улицу, Аня под смех товарищей прошла колесом. Потом подумала: «Хорошо, что в брюках была».

¹ Тимофеева-Егорова А. Указ. соч., электронная версия.

Глава 17

Это девушки или пугала огородные?

«**Я** ИСПЕКУ ТОРТ», — сказала НИНА ШЕБАЛИНА. Эта девушка осталась собой даже под Сталинградом. Валя Краснощекова за несколько фронтовых недель очень с ней сблизилась и пошла бы с Ниной в разведку не раздумывая. У Нины, довольно плотной девушки с русыми волосами и приятным открытым лицом, был чудный характер, глубокий ум и храброе сердце. Словами она не бросалась¹. Но торт??? Из чего? Найдем из чего, сказала Нина. Нужно обязательно отпраздновать 7 Ноября.

Придя к власти, коммунисты упразднили все «царские» праздники, кроме Нового года. Зато появились праздники новые, советские: Международный день трудящихся, который отмечали 1 мая, День молодежи, Международный женский день — 8 Марта (на самом деле никакой не международный: отмечали только в СССР) и, конечно, годовщина Октябрьской революции, 25 октября по старому стилю, а теперь — 7 ноября. В этот день, как и на Первомай, организовывались демонстрации трудящихся, проходивших

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

стройными колоннами с красными флагами, портретами Сталина и лозунгами. Играли оркестры, шли торжественные заседания и митинги. За два десятилетия советской власти люди успели утратить представление о демонстрации как о стихийном выступлении людей: в Советском Союзе демонстрация была явлением плановым. Атмосфера этих праздников была хорошая и светлая, и после официальной части люди отмечали их дома, в семье, стараясь приготовить какой-никакой праздничный стол и добыть спиртное. Людям нужны праздники; 7 ноября 1942 года большинство советских женщин так же, как Нина Шебалина, были твердо намерены испечь торт, пусть многим тоже было не из чего.

Месяц назад под Сталинградом творился такой ад, что звену Раисы Беляевой и в голову бы не пришло устроить вечеринку. Но теперь, в поселке Житкур, жившем трудной и хаотичной жизнью прифронтовых поселений, для звена настали более спокойные дни. Володе Лавриненкову поселок «на всю жизнь запомнился своими домишками, арбузами, верблюдами... Тем, что отсюда открывался безбрежный горизонт»¹. Но больше всего Лавриненкова и его товарищей поразила «неимоверная перенаселенность этого степного поселка». Житкур был битком набит фронтowymi частями и эвакуированными гражданскими, которых здесь отнюдь не всегда встречали хлебом-солью. С едой у военных было плохо, у гражданских — совсем никуда, хотя вокруг бродило несметное количество белка. Болота около поселка были битком набиты дичью, снимавшейся огромными стаями из района грохочущего Сталинграда и улетавшей в более спокойные места. В степях вокруг Житкура бродили сотни тысяч голов скота, который перегнали сюда для снабжения защищавших Сталинград армий; говорили, что здесь немало

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 42.

коров, пригнанных даже с Украины и Дона: не только людей, но и животных война забрасывала в самые неожиданные места.

Видя, как тяжело приходится гражданским, особенно эвакуированным, девушки-техники не роптали на судьбу, хотя их работа по-прежнему была очень тяжела, быт неустроенный, с едой плохо, да еще вши, которых никак не получалось вывести¹. Летчики питались нормально, а вот техников кормили «блондинкой» или, реже, пшенной кашей, политой иногда и машинным маслом, редко-редко давали селедку. Свежее мясо они видели последний раз в 437-м полку. Тогда, обнаружив в тарелках мясо и кости, кто-то догадался, что они будут есть верблюдицу Пашку, на которой из Волги возили воду: ее ранило во время обстрела и пришлось забить. Обед из Пашки получился царский². У Шестакова хорошо к ним относившиеся ребята-летчики иногда подкидывали что-то из своего пайка. Лиля Литвяк и Катя Буданова, уходя в вылет, оставляли техникам на вбитом в стену гвозде куски хлеба, который могли бы съесть сами: они, особенно высокая и сильная, как парень, Катя, тоже не наедались. Торт, испеченный на 7 Ноября Ниной, для всех оказался единственным за войну и потому незабываемым. Продукты для него собирали все девушки: и летчицы, и техники. У местных в дефиците, по карточкам, был хлеб, и, экономя его и другие продукты, девушки меняли их на яйца (их было так мало, что выменивали по одному), молоко и сметану. В столовой просили: «Мы будем чай пить несладкий, вы нам дайте сахар натурой»³. А летчицы еще экономили свои «сто грамм» — водку, которую ежедневно выдавали на фронте по приказу наркома пищевой промышленности Анастаса Микояна. Водку меняли на то же: яйца, молоко, сахар.

¹ Шебалина Н. Н. Интервью автора.

² Краснощекова В. Н. Интервью автору.

³ Там же.

И накопили. Ребят не пригласили, отмечали в своей, женской, компании. Как раз полевая почта принесла новую партию писем, и те, кто получил, читали свои письма вслух, из-за тех, чьи родные места были оккупированы, и письма от родных не приходили¹. Торт получился отличный, праздник 7 Ноября отметили как полагается. Не только у девушек было приподнятое настроение, что-то новое витало в воздухе: ничего официально не объявляли, но все знали, что готовится большое советское наступление. К Житкуру шли и шли по степи войска.

Невероятно, но в один из пасмурных и холодных октябрьских дней девушкам-техникам явился советский Георгий-победоносец, одна из важнейших фигур той войны. «Девчата, строиться!» — приказал кто-то запыхавшийся, прибежав к самолетам. Они помчались прямо с Житкурского аэродрома, «замызганные, в ватных брюках и технических куртках»: переодеться было некогда. Всех построили, и «какой-то мужик в папаче и с генеральскими погонами один раз прошел вдоль строя, второй раз прошел»². Неизвестный «мужик» ушел, ничего не сказав. Как выяснилось, хмурый незнакомец был не кто иной, как генерал армии Георгий Константинович Жуков. По словам начальства, представитель Ставки Верховного главнокомандования остался недоволен внешним видом техников: «Это девушки или пугала огородные?» Ведь у техников «естественно, вечно куртки маслом измазаны», а идти несколько километров до квартиры и переодеться у них времени не было, но как объяснить это высокому генералу? Сказали, что Жуков велел им выдать шинели, платья и сапоги по размеру, но так и не выдали: к тому времени, как нашли нужные вещи, девушек уже перевели в другой полк.

Представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал армии Г. К. Жуков, который всю войну находился на са-

¹ Краснощекова В. Н., Шебалина Н. Н. Интервью автору.

² Краснощекова В. Н. Интервью автору.

мых важных участках, пробыв под Сталинградом до середины ноября. Этот коренастый человек с высоким лбом и мощной, «доисторической» челюстью, обладал, по свидетельству современников, «ледокольной волей». То, что воля находилась в оптимальных пропорциях с могучим умом, заметно выделяло Жукова среди советских полководцев. В мирное время Жуков был для руководителей страны слишком опасен — какой конкурент! — и его отодвигали подальше. Но только маячила грань катастрофы, как о нем снова вспоминали, наделяли властью и позволяли спасать ситуацию. Так происходило всегда, и на войне, и вне ее: именно Жукову в июне 1953 года поручили прямо на заседании Совета министров СССР арестовать Лаврентия Берия. Жукова предупредили: Берия опасен, может быть вооружен, владеет единоборствами. Но Жуков и сам прекрасно знал, с кем имеет дело. После условного звонка войдя с несколькими генералами в кабинет, где шло заседание, Жуков направил на Берия пистолет и приказал ему поднять руки. Берия побледнел как полотно. Глядя в испуганные глаза своего врага, Жуков сказал: «Сволочь, доигрался?» И, помня свои походы в разведку еще во время Первой мировой войны, вывез Берия из Кремля с кляпом во рту, уложив его на пол автомобиля. В машину он посадил нескольких известных кремлевской охране генералов: опасались, что сторонники Берии попытаются его отбить¹.

Нет сомнений, что Жуков сыграл большую роль в победе над немцами. Войну он встретил на очень высоком посту: ему было всего сорок пять лет, когда он, хорошо проявив себя во время пограничного конфликта с Японией в 1939 году, стал начальником Генерального штаба СССР. Этот высокий пост Жуков потерял уже в конце июля 1941-го: Красная армия потерпела

¹ Кочуков А. Берия, встать! Вы арестованы!//Красная звезда. 2003. 28 июня; Яковлев Н. Маршал Жуков (страницы жизни). М., 1988, электронная версия.

ряд сокрушительных поражений, последней каплей стала сдача Смоленска 28 июля. Помимо прочего, прямой и бесстрашный Жуков вызвал ярость Сталина тем, что настаивал на необходимости сдачи Киева, чтобы предотвратить окружение оборонявшихся там войск. Сталин, уже объявивший союзникам, что Москва, Ленинград и Киев сданы не будут, даже не стал слушать.

Жукова перевели командовать Резервным фронтом, с которым он провел после сдачи Смоленска относительно успешную Ельнинскую операцию. Дальше его бросали на участки, где создавалась критическая ситуация. 11 сентября 1941 года Жукова назначили командующим Ленинградским фронтом. Однако ситуация там уже стала катастрофической, и ему не удалось помешать немцам взять город в осаду. Он достиг лишь стабилизации фронта. Уже и Москва оказалась под угрозой, Жукова перевели на центральное направление. В качестве командующего Западным фронтом он вместе с Коневым смог остановить немцев у самой столицы. Далее Жуков руководил советскими контрнаступлениями на центральном направлении: Ржевско-Вяземской и Ржевско-Сычевской операциями. Эти операции не стали широко известны, так как не были успешны. Тем не менее благодаря им были оттянуты большие немецкие силы, а опасность для Москвы полностью ушла в прошлое. Следующим шагом для Жукова стала Сталинградская битва.

Практически на всех этапах Великой Отечественной войны победы советской стороны достигались ценой колоссального количества жизней; были моменты, когда потери советской армии превышали немецкие потери на порядок. Не были исключением и операции, которыми руководил Жуков: например, в Ржевско-Сычевской операции потери составили 73 процента личного состава убитыми и ранеными¹. Для СССР, потерявшего на этой войне подавляющее большин-

¹ *Исаев А. В.* Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005, электронная версия.

ство молодых мужчин, этот генерал, бескомпромиссный, безжалостный, словно сделанный из железа, был военачальником, который полностью соответствовал моменту.

В конце августа 1942 года Жукова назначили первым заместителем народного комиссара обороны. Осенью 1942 года на Сталинградском фронте он оказался не случайно: окончись советское контрнаступление провалом, последствия были бы катастрофические.

Дмитрий Панов, комиссар 85-го истребительного полка, как-то, к своему ужасу, увидел в руках хмурого солдата-грузина, сидевшего у казармы в Житкуре, уже наполовину изорванный «Краткий курс истории ВКП(б)» — советскую библию. Солдат неторопливо выдирает из книги страницы и подсовывал их для растопки в костерок, на котором варил какую-то добавку к своему скромному пайку. За такое могли и расстрелять, но Панов был не из доносчиков и только как следует гаркнул на солдата. Совершенно не растерявшись, тот ответил, что данный курс «вряд ли уже пригодится», ведь дело их — Красной армии — пропуще¹. Дело каждого отдельного солдата, которому суждено было отправиться под Сталинград, скорее всего, действительно было пропущено: например, в десятитысячной дивизии генерала Родимцева, сыгравшей огромную роль в Сталинградском сражении, после этих боев осталось всего 320 человек². Но и немецкие силы таяли. Дивизии, вступившие летом в бой уже с неполным составом, катастрофически быстро редели, а пополнить их было нечем.

К началу октября военные действия в разрушенном городе превратились, по определению немцев, в «крысиную войну»³. Бои шли в развалинах, где все перемешалось: сгоревшие танки и разбитые орудия, мотки проволоки, ящики

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

² Beevor A. Stalingrad. London, 1999. P. 135.

³ По-немецки — Rattenkrieg. (Прим. авт.)

от боеприпасов, вещи из разрушенных домов. Солдаты оборудовали себе позиции внутри зданий, бои часто шли за отдельный дом или его этаж. Испытывая еще более серьезные трудности с едой, водой и боеприпасами, чем немцы, русские упорно сопротивлялись.

6-я немецкая армия под командованием генерала Паулюса к середине ноября потеряла почти половину личного состава. И все же, постепенно оттесняя русских все ближе к Волге, немецкие части продвигались вперед. С начала октября советские войска предприняли две попытки контрнаступления; обе провалились. К годовщине Октябрьской революции у Красной армии осталась лишь узкая полоса волжского берега. Резко упавшая в те дни температура не подняла настроения немецким солдатам, которые в большинстве своем не имели зимней формы. Однако и для защитников Сталинграда зима несла неприятности: начала замерзать Волга, и доставлять боеприпасы, продовольствие и свежие части в город стало еще сложнее. Уцелевшие советские войска попали в два узких котла. Тем не менее борьба продолжалась, преимущественно на заводах в северной части города и на высоте 102,0, которая известна гражданскому населению под названием Мамаев курган, — самом высоком холме Сталинграда, с которого было видно весь город. Там, наблюдая, как над курганом выходят из пикирования Ю-87 — на такой малой высоте, что были видны головы немецких летчиков, — Борис Еремин увидел старуху, тащившую на веревке козу. Приглядевшись, он увидел щель под железнодорожным мостом, в которой уже были какие-то пожитки. «Куда тянешь козу-то, бабушка?» — «Куда, куда... Не видишь, что ль, в дыру, хорониться от супостатов...» — «Переправилась бы за Волгу...» — «Куда мне от дома-то, старая я. Пережду под мостом», — ответила бабка¹. Может быть, она была права: разве велики были шансы благо-

¹ Еремин Б. Н. Указ соч. С. 123–124.

получно переправиться и что ждало ее на другом берегу? До таких, как она, никому не было дела.

На это место, на залитый кровью холм, где, как пишут¹, после боев было захоронено в братских могилах 38 тысяч советских солдат, Борис Еремин вернулся через тридцать три года. Бог знает куда делась опора моста, под которую старуха тащила на веревке козу. Еремину не хотелось ни с кем разговаривать. Он молча стоял у залитого солнцем памятника, вспоминая начало ноября 1942-го.

Интересно, что, описывая в мемуарах те ноябрьские дни, Борис Еремин ничего не говорит о статье в газете «Сталинский сокол», о которой он не мог не знать и которая должна была иметь для него большое значение. Статья «Герои Сталинграда», которая вышла в праздничном, посвященном годовщине революции выпуске, высоко возносила, наряду с другими летчиками, троих учеников Еремина: лейтенанта Александра Мартынова, капитана Ивана Запрягаева, который впоследствии командовал 296-м полком, и лейтенанта Алексея Соломатина². Все трое стали после Сталинграда Героями Советского Союза. Поговаривали, что Еремин не терпел, когда чья-либо слава — даже его учеников — превосходила его собственную³. Еремин здорово воевал под Сталинградом, но Героя не получил.

Газета опубликовала коллаж из фотографий прославившихся в сталинградских боях летчиков: Иван Клещев, Миша Баранов, Иван Избинский и еще человек десять, в том числе Запрягаев и Мартынов. Фото Алеши Соломатина в коллаж не вошло: то ли не хватило места, то ли Алеша из суеверия отказался фотографироваться. Зато в статье ему был отведен целый большой абзац. Как писал корреспондент С. Нагорный,

¹ www.pomnivoinu.ru

² Герои Сталинграда // Сталинский сокол. 1942. 7 ноября.

³ Панов Д. П. Указ. соч.

Алексей, или «как зовут его друзья, Леня Соломатин, под Сталинградом со славою продолжает традицию» знаменитой группы Еремина. На счету Соломатина 10 самолетов, сбитых лично и 19 — в группе. Соломатин рассказал корреспонденту и об одном из своих боев. Однажды, преследуя «Мессершмитт», он был атакован сверху еще одним немецким истребителем. Соломатин вошел в пике и вывел машину «у самой земли, так что винтом чуть не задел кусты». Увлеченный преследованием немецкий летчик «не заметил, что высоты почти не осталось, не успел вывести машину». Он врезался в землю и взорвался. «Видишь ли, — лукаво улыбаясь, объяснил корреспонденту Соломатин — я-то пикировал вдоль оврага, а он, дурак, поперек его, вот и влип. У меня Як, он верткий. “Мессеру” слабо так вывернуться, как нашему “Яшеньке”»¹.

В статьях о подвигах советских пилотов подчас нет и десятой доли правды: летчики любили прихвастнуть, корреспонденты — приукрасить, редакторы это только приветствовали. Но, читая этот отрывок об Алеше, слыша его слова, чувствуешь, что все написанное — правда, разве что с небольшими преувеличениями, — но они были в рассказе самого летчика. Корреспондент ничего не изменил в его не очень-то грамотном, но образном описании. Соломатину, бесстрашному летчику от Бога, по плечу было вывести самолет из пике так, что винт «чуть ли не касался земли». Он любил рисковать — даже без необходимости. Этот пилотаж с риском для жизни через несколько месяцев закончился для него гибелью.

Названия сталинградских заводов, ставших во второй половине октября основными очагами сопротивления, узнал весь мир: Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь». Защищавшие их солдаты, подобрав оружие убитых товарищей, снова и снова шли в бой, зная, что отступить им некуда: за

¹ Герои Сталинграда // Сталинский сокол. 1942. 7 ноября.

Волгу их переправлять не будут. Сотни советских раненых, которыми зачастую некому было заниматься, сами ползли к переправам. Четкой линии фронта на заводах не было: часто оказавшиеся в тылу у продвинувшихся вперед немецких частей русские неожиданно, появившись неизвестно откуда, атаковали. Пусть многие русские солдаты не верили, что город можно удержать; но и многие немецкие солдаты потеряли надежду на то, что сопротивление русских будет сломлено. Из-за Волги по немецким частям была артиллерия, с более близкого расстояния стреляли катюши, еще ближе — закопанные в развалинах советские танки. Ширилось снайперское движение. Бои на узкой полоске берега Волги продолжались.

Тракторный завод был полностью захвачен 17 октября; защитники заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» оказались вплотную прижаты к Волге. Штаб дивизии Родимцева, сыгравшей решающую роль в сражении, находился в пяти метрах от Волги и в 250 — от переднего края. Но эти последние метры немцы пройти не смогли.

Советская сторона стягивала под Сталинград войска (планировалось перебросить миллион человек), готовили медсанбаты к приему раненых, проверяли состояние автомашин, которым предстоял большой путь. В степи промерзшие до костей солдаты, не получившие еще зимнего обмундирования, не имевшие точной информации о ситуации в городе, обменивались догадками. В том, что предстояли серьезные боевые действия, сомнений не было. Говорили, что «немцы уже пулеметами и автоматами расстреливают советские баржи на Волге у города, что сам город уже в основном занят немцами, а русские удерживают отдельные его островки. Если наши не бросят огромные силы, то неминуема катастрофа». Другие возражали им, что, видно, выдохлись и немцы, раз не могут взять город.

16 ноября в Сталинграде выпал первый снег. В степи свистел ледяной ветер. Советские солдаты получили зимнее обмундирование: ватные куртки-фуфайки, ватные штаны,

полушубки для офицеров. На головах шапки-ушанки, на ногах — валенки. Немецкие солдаты находились в существенно худшей ситуации. Командующий 6-й армией Паулюс затребовал зимнее обмундирование еще ранней осенью, когда понял, что операции не удастся завершить до начала холодов. Однако Гитлер считал, что кампания должна быть завершена до зимы. По его мнению, для Восточного фронта подходило обычное зимнее обмундирование, такое же, какое использовали в зимних кампаниях в Европе. Его и еще зимних вещей, которые в массовом порядке собирали у населения немецкие благотворительные организации, будет вполне достаточно.

В штабе 6-й армии копились тревожные донесения, нервы у ее командиров были «напряжены до предела»: по всему было видно, что в ближайшее время начнется советское контрнаступление.

В ночь с 18 на 19 ноября 1942 года Борису Еремину было приказано построить личный состав эскадрильи и зачитать обращение Военного совета Сталинградского фронта. Людей разбудили, никто ничего не объяснял, и, пока строились, то и дело раздавались недоуменные голоса: «Что случилось?», «Почему строят?». Но, когда Еремин начал читать, смысл обращения сразу стал понятен каждому: фронт подтянул все ресурсы и переходил в наступление. У Еремина в горле, когда он дочитывал, стоял комок: он уже четыре месяца провел здесь, живя в постоянном страшном напряжении. Шла борьба не на жизнь, а на смерть, один за другим гибли товарищи. И вот наконец наступление! Еремин мог понять людей, которые, услышав зачитанный им приказ, «ликовали, плакали, кричали “ура”», он и сам переживал ту же бурю эмоций, «тут смешались боль утрат, тяжелые воспоминания и надежда на победу»¹.

¹ Еремин Б. Н. Указ соч. С. 141–142.

Старшины в наземных войсках выдали солдатам чистое белье. Апатия спала: ясность всегда лучше безвестности. «Наконец-то наступаем! Дымили кухни, выдавали горячую пищу, жизнь продолжалась»¹.

Через четыре дня после начала операции «Уран» удалось замкнуть кольцо вокруг 6-й германской армии под командованием Паулюса. Пойманные в гигантский котел немецкие части ждали приказа на прорыв, который так и не был отдан. «Ждите, — приказал Гитлер, — к вам обязательно придет помощь». Неудачная попытка прорыва котла извне была сделана только во второй половине декабря. Четверть миллиона немецких солдат и офицеров оказались заперты, частью в разрушенном Сталинграде, частью в степях около города, большинство без каких-либо запасов (обозы были потеряны при отступлении), без теплой одежды. Тем, кто оказался в степях, пришлось совсем туго: в городе можно было отсидеться в подвалах, найти хоть какие-то припасы. Тем же, кто остался в степи, не оставалось ничего другого, как вырыть себе норы — примитивные землянки или просто норы в снегу, если копать землю не было возможности. Отапливать было нечем: дрова — доски от разрушенных домов — имелись только в Сталинграде. Продовольствие гибнущей 6-й армии доставляли теперь только по воздуху.

В Красной армии и в советском тылу царило приподнятое настроение, ждали, когда советские войска доберутся до немцев в котле. «Наземники» поставили своим войскам задачу «дожать» противника, командиры ВВС — перекрыть окруженным немецким частям снабжение по воздуху. Тимофей Хрюкин, командующий 8-й воздушной армией, сформулировал основную задачу для истребительных полков: не дать немцам снабжать окруженную группировку, сбивать все

¹ Фалковский Л. Указ. соч. С. 260.

транспортные самолеты, без которых четверть миллиона немецких солдат в котле обречены на голодную смерть.

Даже без советских истребителей полностью снабжать окруженную немецкую группировку по воздуху было невозможно. Требовалась ежедневная доставка 700 тонн грузов. Геринг, зная, что доставить такой объем нереально, тем не менее заверил Гитлера, что это будет сделано. Командующего немецкой транспортной авиацией, который заявил, что его самолеты смогут в лучшем случае доставить в день 350 тонн, не стали слушать. В погоне за цифрами задействовали все транспортные и бомбардировочные части люфтваффе, взяли самолеты из летных училищ, хотели даже использовать планеры.

В котле ждали посланцев с неба, которые могли принести продукты, боеприпасы, горючее, больше половины которого, впрочем, расходовалось самими транспортными самолетами. Погода не баловала. В самый удачный день воздушного моста, 7 декабря, в котле приземлилось 135 самолетов, доставивших 362 тонны грузов. А 9 декабря из вылетевших с грузом 157 самолетов не смог приземлиться ни один¹. Окруженные немецкие части получали по воздуху не более одной пятой необходимого минимума. Из-за нехватки боеприпасов танки и артиллерия бездействовали или использовались неэффективно, а на солдат надвигался голод. В декабре рацион хлеба на передовой сократился до двухсот граммов хлеба в сутки, а в тыловых службах — до ста граммов². Всеобщую зависть вызывали части, имевшие лошадей, которые стали единственным источником мяса. У людей, принимавших самолеты, появилась привычка постоянно прислушиваться: звук авиационных моторов становился в ясные морозные дни звонким, сразу поднимая настроение, как хорошая музыка. Каково же

¹ Корнюхин Г.В. Советские истребители в Великой Отечественной войне, электронная версия.

² Видер И. (Joachim Wieder) Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса, электронная версия.

было их разочарование и возмущение, когда у долетевшего до них и благополучно приземлившегося самолета оказывался совершенно не тот груз, которого ждали: часто бесценный тоннаж использовался, по мнению немецких военнослужащих, «нецелесообразно, если не сказать вредительно». Вместо хлеба и муки, которых так ждали, из очередного самолета могли выгрузить десятки тысяч комплектов старых газет или солдатских памяток от управления военной пропаганды, или кровельный толь, или пряности, или подворотнички.

Русские быстро выделили истребительные части специально для охоты за транспортными самолетами. По мнению летчиков 8-й воздушной армии, это была «веселая работа». Немецкие транспортные самолеты летали с прикрытием небольшого количества истребителей, иногда вовсе без прикрытия, и наконец-то советские летчики смогли взять реванш. Главный аэродром окруженной группировки в поселке Питомник в ста километрах от Сталинграда вскоре сосредоточил на себе внимание советских истребителей и штурмовиков, и на одной его стороне стало расти кладбище сбитых и сожженных немецких самолетов. На аэродроме ждали отправки страшные, исхудавшие, обмороженные раненые, лежали горы трупов. При загрузке самолетов шла драка: легко раненые ухитрялись под любым предлогом проникнуть в самолеты первыми, отшвыривая тяжелораненых, и их приходилось выдвирать силой. Многие тяжелораненые умирали до того, как их успевали погрузить в самолет, и трупы складывали около госпитальных палаток на краю аэродрома. Все это производило такое тяжелое впечатление на пилотов-транспортников, что они старались как можно скорее вырваться из этого безысходного ужаса в нормальный мир, пусть в небе их снова поджидали снаряды русских зениток и истребители.

Немцы начали переходить на одиночные и ночные вылеты, летать группами становилось слишком опасно. Значительная часть из еще имевшихся у немцев транспортных

самолетов была потеряна в результате прорыва 24-го танкового корпуса к авиабазе Тащинская, и оборонявшимся в котле немецким частям стало совсем тяжело. Им также пытались сбрасывать грузы на парашютах, но огромные картонные «сигары» частенько сносило на позиции советских войск, которые были очень довольны, получая невиданные подарки: немецкий шоколад, ветчину и колбасу, сигареты, французский коньяк. «Посылкам» со снарядами радовались меньше.

Комиссар 85-го истребительного авиаполка Панов, выживший в боях 1941 и 1942 годов, которые он и его товарищи проводили на устаревших истребителях, видел, что превосходство в воздухе наконец-то, после таких потерь, переходило к советским летчикам. Но, думая о летчиках немецких транспортных самолетов, с которыми сейчас боролся, он не мог не признать, что вообще-то они совершали «героические подвиги», летели «днем и ночью в самоубийственные рейсы через бескрайнюю снежную пустыню»¹.

Помимо вылетов на перехват бомбардировщиков, летчикам авиадивизии генерала Бориса Сиднева частенько в те дни приходилось сопровождать штурмовики, в том числе вылетавшие на штурмовку войск и техники, собранных Паулюсом для прорыва из котла навстречу Манштейну. Цель «не нужно было искать», в такой мороз немцы не могли не демаскировать себя дымом, пытаясь хоть как-то согреться. Да и спрятаться в голой степи, где только вдоль оврагов росли деревья и кустарники, практически невозможно. Командиры штурмовиков ставили цели своим эскадрильям, отводя каждой свой овраг, свое скопление немцев. Прилетавшие на выручку «мессеры» несложно было отпугнуть. Для таких летчиков, как Борис Еремин, как Дмитрий Панов, воевавших с сорок первого, переживших унижительные поражения и потерявших чуть ли не всех товарищей, с которыми начинали войну, это

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

была уже другая война. «Веселая война», — характеризовал те вылеты Панов, только в сердце все равно была боль: «Но сколько нам пришлось выстрадать до этого веселья!» «Веселье» было страшным, но как закалились страданием сердца! Уходя от оврагов под Сталинградом после таких штурмовок, Панов смотрел назад. Дно оврагов было густо усыпано телами немецких солдат¹.

К этому периоду относится письмо Раисы Беляевой подруге: «... Женька дорогая, я уже на самом настоящем фронте. Мечта моя сбылась... На фронте сбила двух истребителей противника, один раз сбили меня, выпрыгнула из горящего самолета на парашюте... Женя, все мои думы, мысли связаны с любимым. Хотела бы только одного — идти в бой за родину, за счастье многих людей, за нашу близкую встречу с ним на освобожденной от стервятников земле»².

Много лет спустя Маша Кузнецова — единственная из четверки Беляевой, кто вернулся с войны, удивлялась тому, что даже в такой тревожной обстановке они «умели радоваться жизни»³. Молодость брала свое. Летчики часто собирались, чтобы попеть любимые песни, заводили патефон, «и по степи, изрытой воронками, неслись звуки фокстротов и танго, звучали модные тогда “Брызги шампанского” и “Рио-Рита”. Кто-нибудь брал баян, и отплясывали “цыганочку»». Катя Буданова танцевала не хуже, чем ее подруга Литвяк, только любила подурочиться, если на танцы кто-то приводил местных девушек: приглашала девушку на танец, представляясь Володей. Девушки сразу влюблялись в красивого летчика в хорошо сидящей форме, с буйными кудрявыми волосами, показывавшего в широкой улыбке красивые зубы. Однажды

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 116–117.

³ Овчинникова Л. Указ. соч.

Катя, хохоча, рассказывала о том, чем закончились танцы с местной девчонкой. Продолжая играть роль бравого кавалера, она пошла проводить девушку. Но, дойдя с «Володей» до своего дома, та не спешила прощаться. Катя, у которой замерзли ноги, не знала, как ей сбежать. В конце концов, когда девушка «полезла целоваться», Катя в ужасе кинулась прочь¹.

Звено Беляевой успело срастись с 9-м полком и подружиться с его летчиками, однако впереди ждала неизвестность: Шестаков давно уже сказал, что в его полку они не останутся. После того как Раиса Беляева осталась без самолета, ей дали понять, что новый она здесь не получит. Нужно было принять решение, и Беляева его приняла.

Сведения о боевом вылете, который имел такие большие последствия, скудные и противоречивые. Вместе с Беляевой в воздухе тогда было все женское звено, однако Маша Кузнецова не оставила воспоминаний об этом эпизоде, а все остальные — Беляева, Литвяк и Буданова — погибли меньше чем через год. Все произошло во время очередного налета немецких бомбардировщиков на станцию Эльтон. На этот раз летели «Хейнкели» под прикрытием истребителей. Беляеву, по ее словам, подбили, и она выпрыгнула с парашютом. Буданова, Литвяк и Кузнецова продолжили бой. Раиса Беляева вернулась в полк только через несколько дней². Интересно, что в мемуарах разных людей этот эпизод описан по-разному: кто-то пишет, что Беляеву ранило во время тренировки³, кто-то — что ее самолет сбили, однако она не выпрыгнула с парашютом, а совершила аварийную посадку, ветераны женского полка писали — видимо, со слов Беляевой — о прыжке с парашютом⁴.

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Январь 2011.

² Дрягина И. В. Указ. соч. С. 44.

³ Иванов С. В. Развитие истребителей Яковлева. М., 1999, электронная версия.

⁴ Лавриненков В. Указ. соч., электронная версия.

Глава 17. Это девушки или пугала огородные?

Если до потери самолета Беляева, вероятно, еще надеялась завоевать доверие Шестакова и остаться в его полку, то теперь у нее не осталось никаких иллюзий. Летать Шестаков не давал, ссылаясь на состояние ее здоровья, однако она прекрасно понимала, что причина не в этом. По мнению Беляевой, оставаться в 9-м полку больше не имело смысла. Скорее всего, Беляевой, с ее властным и честолюбивым характером, надоело быть «вторым сортом» среди ребят-летчиков, все время надеясь, что наконец-то Шестаков разрешит полететь. Она решила вернуться в женский полк, снова собрав свою эскадрилью: оставшееся без командира звено Нечаевой и свое звено¹. Не одна Беляева хотела вернуть летчиц в полк: Александр Гриднев, новый командир 586-го полка, также требовал, чтобы все летчики и самолеты вернулись на свое место. После гибели Клавы Нечаевой случай с Раисой Беляевой стал последней каплей; Гриднев начал действовать². Вскоре руководство дивизии ПВО отдало соответствующий приказ. Узнав о нем, Клава Блинова и Тоня Лебедева сразу заявили Ольге Шаховой, что в 586-й полк возвращаться не хотят, предпочитают остаться в мужском полку. Точно так же повело себя и звено Раисы Беляевой: Маша Кузнецова, Лиля Литвяк и Катя Буданова не торопились собирать вещи³.

¹ Шебалина Н. Н., Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Гриднев А. Неопубликованные мемуары.

³ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 107.

Глава 18

Мы не дезертиры, мы — наоборот!

В САМОМ НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ БОРИСУ ЕРЕМИНУ, ТЕПЕРЬ командиру 31-го истребительного авиаполка, позвонил сам командующий 8-й воздушной армией Тимофей Хрюкин, который сообщил Еремину удивительную новость и отдал очень необычный приказ. «Слушай, тут такое дело... Саратовский крестьянин Головатый купил для армии самолет. Мы решили, что летать на нем будешь ты»¹.

Последовал приказ Еремину лететь на завод в Саратов и вместе с колхозником выбрать себе боевую машину. «То есть как это купил? — удивился Еремин. — У нас можно вот так просто купить самолет?» — «Раз продают, значит, можно», — ответил Хрюкин, озадаченный не меньше Еремина.

Еремин тут же выехал на встречу со странным колхозником. Честно говоря, самолетов в полку не хватало. Находившиеся в рабочем состоянии были после Сталинградской битвы латаные-перелатанные, так что за новым самолетом майор Еремин поехал бы на край света. Но какого масштаба событие происходило сейчас с его участием, он понял только позже.

¹ Еремин Б. Указ. соч., электронная версия.

Покупка боевой техники трудовыми коллективами становилась делом обычным: в складчину рабочие, служащие и колхозники покупали и самолеты, и танки, помогая фронту последним, что у них было. Но саратовский крестьянин Ферапонт Головатый стал первым человеком в СССР, купившим боевую технику самостоятельно. Самолет он действительно купил на свои деньги.

Ферапонт Головатый был непростым колхозником. До революции его, высокого, красивого, недюжинной силы парня, отправили служить в лейб-гвардию. В Первую мировую войну он здорово дрался и получил три Георгиевских креста. После революции командовал эскадром в коннице Буденного. На фронт Великой Отечественной тоже пошел бы, но его не взяли по возрасту: он родился в 1890 году. Головатый был патриотом и не мог не участвовать в защите Родины. Когда в газетах стали появляться статьи о трудовых коллективах, купивших технику в подарок для фронта, он решил, что сделает то же самое¹.

Как и подобало русскому мужику, решение свое Головатый с семьей не обсуждал. Он просто в один прекрасный день сказал жене: «Мать, я покупаю для фронта самолет». Реакция жены не удивила: «Батя, ты что, совсем сдурел? У нас внукам ходить не в чем!» Головатый и сам помнил о том, что у него на шее сидит одиннадцать внуков. Отцы у всех были на фронте, трое уже погибли. Именно поэтому, в отличие от своей жены, думавшей о том, как бы прокормить и одеть внуков, Головатый считал, что должен помочь фронту, где проливали кровь и его дети. «Ничего ты, Маруся, в политике не понимаешь, — стыдил он жену. — Если немцы возьмут Сталинград — нам всем хана». Как выяснилось, решение купить самолет Головатый принял, когда слушал сводки о тяжелых боях под Сталинградом. По его мнению, авиация должна была сыграть решающую роль в разгроме врага.

¹ Как крестьянин истребитель купил // Столетие.ru

Разузнав, что самолет стоит сто тысяч рублей, Головатый начал собирать деньги. Он был в колхозе пчеловодом и имел собственную пасеку. Килограмм меда на колхозном рынке стоил тысячу рублей, так что самолет был ему в принципе по карману. Но денег у него не хватало, пришлось продать двух коров. Дома не осталось ни копейки, и всю зиму большая семья ела то, что заготовили летом: картошку, свеклу и капусту. «Ничего, протянем, — говорил Головатый, — фронту сейчас больше деньги нужны».

На подаренном Головатым самолете Еремин отлетал два года. Узнав, что самолет пришел в негодность, Головатый в 1944 году подарил ему еще один.

После поступка Головатого порыв охватил всю страну. Люди неожиданно поверили, что могут внести ощутимый вклад в общее дело. Последовавшие примеру Головатого раставались со сбережениями, женщины продавали драгоценности. Уже к апрелю 1943 года 274 сельских патриота перевели государству на покупку вооружения 36,5 миллиона рублей. Примеру крестьян последовали и горожане, в том числе интеллигенция. Михаил Шолохов передал фронту присужденную ему за знаменитый роман «Тихий Дон» Сталинскую премию, знаменитое трио художников Кукрыниксы совместно с поэтами Маршаком и Михалковым построили на свои средства танк, окрестив его «Беспощадный», а вдохновленный примером Головатого конструктор Яковлев внес 150 тысяч рублей на покупку самолета Як, который сам же и сконструировал.

Движение ширилось. Настал день, когда Ира Дрягина уехала за У-2, на который собрали деньги в ее родном Саратовском сельскохозяйственном институте. До этого в 588-м полку случилось еще одно большое событие: вернулась Галя Докутович.

Как-то в декабре, хмурым мокрым вечером, личный состав 588-го полка собрался у школы в центре станицы Ассиновской: пора было ехать на аэродром. Стояли, поглядывали на серое

небо, «на темные клочья низких облаков». Деревья «нелепо взмахивали голыми ветками, словно пытались удержать равновесие, поскользнувшись на мокрой земле»¹. Ждали грузовик, который возил их на аэродром, но вместо него из-за угла появилась забрызганная грязью легковушка. Из машины вышла девушка, которую сначала никто не узнал. На ней была короткая и тесная, с чужого плеча, шинель, в руке полупустой рюкзак. Она стояла неподвижно и молча. Вдруг кто-то тихо сказал:

— Докутович... Галка!

Галя бросилась к ним, не разбирая дороги, с трудом выволакивая сапоги из густой грязи. А подругам трудно было поверить, что она вернулась, вернулась после тяжелейшей травмы из глубокого тыла. Ее обнимали, тормозили, а Галя громко смеялась и все что-то говорила... Наташа Меклин заметила, что из Галиных глаз вот-вот польются слезы. Подъехала машина, все влезли в кузов, и машина тронулась. Только Галя осталась на дороге, «высокая, в смешной короткой шинели, такая одинокая. Смотрит нам вслед, машет рукой».

Девчата были все уже с орденами, «и все стали такие красивые», писала Галя и дальше описывала, как ее приняли: «Семья родная, не иначе»... В рюкзаке у Гали лежало заключение врачей о том, что она нуждается в дальнейшем лечении и не годна к военной службе, даже при штабе. Это заключение она никому не показала и никому, кроме дневника, не признавалась в том, что ее постоянно мучают боли. Подруги, конечно, догадывались. Когда Бершанская поставила Докутович на ночное дежурство в первые дни после возвращения в полк, Женя Руднева просила ее отменить этот приказ, ведь Галя еще не окрепла после травмы. Но Бершанская решила: если Докутович вернулась в полк, она должна нести нагрузку наравне со всеми. Женя Руднева и Полина Гельман сказали Гале, что дежурство отменили, и по очереди отдежурили за нее.

¹ Ракобольская И. В., Кравицова Н. Ф. Указ. соч., электронная версия.

«После войны буду поправляться, — писала Галя в дневнике. — Свой шестимесячный отпуск я положила в карман». И немного позже: «Чувствую себя очень плохо. Стараюсь крепиться, но выдержка когда-нибудь лопнет. Пока еще хватает...»¹

Галя хотела, раз уж смогла вернуться в полк, непременно летать. Вдруг — «как обухом по голове»: она узнала, что ее снова собираются назначить адъютантом эскадрильи, а полеты в качестве штурмана предлагалось снова совмещать с этой штабной работой. Как это, ей же обещали, что, если вернется, больше в штабе сидеть не будет! «Сегодня целый день на давала покоя майору, — писала она, — стыдила и Ракобольскую, ведь она же обещала!» Бершанская сдалась, решив Гале теперь быть просто штурманом. Начались боевые вылеты. Несколько месяцев назад, когда Галя покидала полк, Красная армия отступала, и только сила духа не давала усомниться в победе. Теперь Закавказский фронт наступал по тем же местам, где отступал прошлым летом. В опустошенных станицах люди встречали их с радостными слезами, вот только накормить не могли. «Хочется есть, но все равно нечего», — писала Галя. Но какое это имело значение: в войне произошел перелом.

Как писала родителям Женя Руднева чуть позже: «Я живу на квартире у тетеньки, у которой жила летом. Тогда мы побыли в этом месте дней пять и вынуждены были отступить. Ну а теперь — на нашей улице праздник, мы наступаем и здесь задержимся еще день-два, а потом — опять на новое место, потому что фрицы удирают с невиданной быстротой»².

Война, казалось Гале Докутович, «очень скоро кончится», и она пыталась представить себе, что же будет делать тогда, вернется ли в МАИ или уедет в родной город. Но в первую очередь, конечно, она поедет домой, к маме и папе. «Мы с Женей

¹ Докутович Г. Указ. соч.

² Руднева Е. М. Указ. соч.

Рудневой разместились в крестьянском доме, — писала она. — Самолет стоит просто возле ворот. Как запряженная телега!»

Кормились чем бог пошлет. Как-то ночью, после перелета в Александровку, спустилась облачность. Работать было нельзя, и девушки мерзли у своих машин. Галя с летчицей легли сначала спать на крыльях, но не уснули, было слишком холодно. Дуся Пасько распалила добытую где-то паяльную лампу, и все собрались греться. Оказалось, что Дуся, обладавшая крестьянской сметкой, варила в котелке фасоль, и подруги приняли в процессе «активное участие» — Галя даже палец обожгла. У Руфины Гашевой оказалась соль, у Гали — «самое главное, ложка»¹. Вместо воды тут же кидали в котелок снег. Когда фасоль стала помягче, возле котелка собрали всю эскадрилью и ели одной ложкой из котелка по очереди. Вскоре дали отбой: погода была безнадежно плохая.

В начале декабря 9-му полку объявили о перелете на новый аэродром, гораздо ближе к Сталинграду. Ближайший населенный пункт назывался Зеты; эту территорию только что освободили. Звено Беляевой, задержавшись на несколько дней, должно было лететь назад в Анисовку, в женский полк. Вале Краснощековой и Нине Шебалиной жалко было расставаться с ребятами-летчиками, казалось как-то, что тем нужна их поддержка. Впрочем, хотелось и увидеть подруг в родном полку. Имелись и практические моменты: вернувшись в свой полк, они наконец-то получают новое обмундирование. Вмешавшаяся судьба развела Валу с Ниной. В следующий раз подруги увиделись только после войны².

«Валь, вставай!» Валя открыла глаза и увидела Фаину Пleshивцеву. Но зачем вставать? Середина ночи, темнота, холод,

¹ Докутович Г. Указ. соч.

² Краснощекова В. Н. Интервью автору.

полная тишина. Все вокруг спят. Фаина шепотом все объяснила, но объяснение было такое странное, что спросонья Валя долго не могла ничего понять¹. 9-й полк перелетал на новое место, и Литвяк с Будановой решили бежать с 9-м, вместо того чтобы возвращаться с Беляевой в женский полк. Плешивцеву и Валю они решили взять с собой, чтобы те обслуживали их самолеты. Сейчас требуется, чтобы техники потихоньку пришли на аэродром, прогрели самолеты и держали их в готовности. Быстро и тихо одеваясь, Валя постепенно осознавала, на какую авантюру идет. Непонятно было, почему Плешивцева позвала именно ее: Валя с ней не особенно дружила. Но Валя была очень обязательна, и сказать «нет» ей не пришло в голову: как-никак, Литвяк и Буданова были офицеры, командиры экипажей, и ответственность лежала на них.

Как на такое решились Литвяк и Буданова? Кому из них принадлежала инициатива в принятии этого дикого решения? Совершить побег, украсть боевые самолеты! Такое вообще-то случалось, особенно часто в конце войны, когда молодые летчики, отчаянно стараясь успеть повоевать, убегали на фронт, угоня самолеты. Наказать могли, но обычно не наказывали. Сложно объяснить такое попустительство в армии, которую отличала строгая дисциплина. Но летчики были кастой, на которую общие правила армии не всегда распространялись. «Там, где начинается авиация, кончается порядок, — цитирует популярную в армии фразу Юрий Айзенштадт, в войну секретарь военного трибунала, не переставая удивляться тому, какие серьезные проступки сходили летчикам с рук.

Антифриза для двигателей самолетов у них тогда не было, так что Валя и Фаина долго сидели в машинах и грели моторы. Наконец пришли Литвяк и Буданова и сказали, что сейчас «будет грузиться Ли-2 штабной». В хвосте этого огромного

¹ Краснощечкова В. Н. Интервью автору.

воздушного автобуса сложены авиационные чехлы, в которые Валя и Фаина могут спрятаться. Чехлы эти были теплые, как стеганные одеяла, и служили авиатехникам не только для того, чтобы укрывать самолеты, но и в качестве одеял. Завернувшись в чехлы, Валя с Фаиной присели в хвосте за ящиками с имуществом штаба. Когда «Дуглас» взлетел и набрал высоту, стало ясно, что и в чехлах будет не жарко: в хвосте здорово продувало¹.

Быстро выяснилось, что прятаться им не обязательно: инженер 9-го полка Спиридонов знал, что они здесь. «Девки, где вы? Девки, вылезайте!» — орал он. Это ребята-техники сказали ему, что самолеты Литвяк и Будановой выпускали не они. Валя и Фаина посоветовались: не выкинут же их через люк! И в конце концов вылезли.

На аэродроме в Зетах, почти полностью разрушенном калмыцком селе, еще не рассвело, когда они приземлились. Спиридонов их не ругал, было не до этого: «Девки, встречайте самолеты!» Оказалось, что самолет с техниками задержался, так что обслуживать прибывающие самолеты было некому. Начав рано утром, Валя с Фаиной проработали целый день. Есть было нечего: у остальных были аттестаты, а у них — ничего. Красавец, герой Сталинградской битвы Женя Дранищев дал им плитку шоколада из своего НЗ. «Давай как Раскова есть по дольке», — предложила Валя, имея в виду эпопею их кумира в тайге.

Начальник штаба 9-го полка Никитин вызвал их только вечером, после целого дня работы. «Вы дезертиры, судить вас надо!» — начал он строго (точно такой же разговор у него уже был с Литвяк и Будановой). Валя возразила: «Мы не дезертиры, мы — наоборот! Мы же на фронт убежали». «Ишь, какая умная», — сердился Никитин. Но девушки видели, что в полку он их оставит и сердится больше для порядка: они все умели делать, работали здорово и в полку пригодятся. Ни-

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Февраль 2009.

китин сменил гнев на милость: «Вы ели?» — «Ели». — «Что ели?» — «Шоколад, как Раскова». Больше ничего не спросив, Никитин отправил их в летную столовую. В столовой, тоже для порядка, спросили, где их аттестат, на что Валя ответила, что не имеет понятия. Покормили и без аттестата.

Было уже поздно, они страшно устали. Начальство застал врасплох их вопрос о том, куда идти спать. В конце концов сказали: «К летчикам в землянку!» В большой землянке парни-летчики встретили их дружелюбными насмешками, отгородили угол, повесив какую-то тряпку, и дали спальный мешок. Валя с Фаиной влезли в него вдвоем, согрелись и тут же уснули. Землянка, в которой они поселились, была вырыта только что.

Для летчиков 9-го полка перелет в Зеты не стал обычным перелетом на новую базу. Все видели, что начинается большой поход на запад. Зеты стали их первым аэродромом на освобожденной от немцев земле, и их полк одним из первых перелетел на эту «многострадальную землю, по которой прошли сотни танков, которую безжалостно опалил огонь»¹.

«Что же наш аэродром, далеко будет от Сталинграда?» — как будто невзначай поинтересовался техник Володи Лавриненкова перед вылетом, уложив вещи в фюзеляж самолета и устроившись за бронеспинкой. Его, как и всех, беспокоило то, что окруженная группировка будет пытаться прорваться. Володя провел рукой в перчатке по целлулоидному планшету, показав технику на карте их будущее расположение. От этого технику, видимо, не стало веселее: Зеты лежали как раз между окруженной группировкой и внешним фронтом.

От поселка Зеты остались одиноко стоящие в необозримой степи три хаты. Степь была белая, снег сделал все вокруг красивым, спрятав от глаз руины, воронки, разбитые танки и машины. Самолетам с жильем повезло больше, чем людям:

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 52.

на аэродроме от немцев остались для них капониры — земляные укрытия. Одну хату заняли под столовую, в другой разместился штаб, третью отдали летчикам и техникам. Литвяк и Буданову потом пристроили в отдельной комнатухе при штабе. Для тех, кому в домике не хватило места, — а их было две трети — стали срочно рыть землянки. Начав утром, до вечера они уже обзавелись жильем. Каждая эскадрилья выдолбила себе в промерзшей как камень земле около аэродрома ямы, которые прикрыли железом от разбитых машин и самолетов. Сверху насыпали земли и снега, инженеры приспособили в землянках маленькие железные печурки — вот и весь дом. Правда, никаких дров не было — степь. Зато на следующий день БАО (батальон аэродромного обслуживания) «раздобыл сена и мазута», и в землянках, над которыми заструился «густой черный дым»¹, стало уютно. В набитом до отказа КП постоянно звонил телефон, непрерывно слышался голос начальника штаба Никитина. Карта с нанесенной на ней «боевой обстановкой», висевшая на дощатой стене, шевелилась от порывов ветра. Линия фронта на ней пролегла уже вблизи Котельникова! Возле карты столпились летчики, ожидая приказа: аэродром расчистили от снега, и полеты решили начать в этот же день. Было ужасно холодно, и Амет-Хан, разглядывая карту, заметил: «Если так будем двигаться, успеем к курортному сезону в Алуфку»².

Никитин принял по телефону боевое задание. Вылет на штурмовку аэродрома Гумрак!

У Володи Лавриненкова замерло сердце: его самолет готов к вылету, а он сам знает на аэродроме Гумрак каждое строевание, каждую стоянку. Неужели его не возьмут? Но Шестаков назвал его фамилию: «Поведете шестерку воздушного боя»³.

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 54.

³ Там же.

И прибавил: «В Гумраке находится добрая половина транспортной авиации Паулюса. Порядочно там и истребителей. Если они успеют взлететь, будет жарко».

Гумрак был пока что запасным аэродромом окруженной группировки, однако к основному аэродрому в Питомнике уже подходили советские части. Аэродром Гумрак, с его неудобной короткой взлетно-посадочной полосой, с каждым днем использовали все интенсивнее.

Шестаков приказал заходить на Гумрак от центра Сталинграда, откуда чаще всего заходили немецкие самолеты: так было больше шансов застать немцев врасплох. К огорчению Лавриненкова, командир, эшелонировав группу по высотам, отправил его шестерку «на верхотуру», а сам пошел на цель с другой шестеркой: Амет-Ханом, Алелюхиным, Королевым, Бондаренко, Будановой и Серогодским. Штурмовка была удачной: с ходу Шестаков поджег стоящий на аэродроме транспортный Ю-52, и сразу же загорелось еще пять транспортников. Аэродром затянуло дымом, через который лишь кое-где пробивалось пламя.

«Хорошо действовали пилоты!» — резюмировал Шестаков разбор полетов перед ужином. Летчики вздохнули с облегчением. Если кто-то выступил неудачно, Шестаков мог при всех жестко отчитать его. Но командир так же искренне восхищался смелостью, удачным маневром, проявлением инициативы и мог при всех обнять отличившегося летчика. На этот раз он так тепло говорил о шестерке, которую вел в этом вылете, что Лавриненкову стало обидно за свою группу. «Чем расстроен, Лавриненков?» — спросил, заметив это, Шестаков. Володя посоветовал на то, что они не сбили ни одного немецкого истребителя, и Шестаков перебил его, сказав, что шесть подожженных транспортников принадлежат и Володиной группе, надежно прикрывшей его шестерку сверху.

Жизнь техников в Зетах пошла так же, как в Житкуре: работа, работа и работа, отдых в жарко натопленной землянке,

редкие походы в баню. Самолеты Литвяк и Будановой Валя и Фаина уже не обслуживали, работали с другими экипажами и общались с другими летчиками. Экипаж самолета — это замкнутый мирок. День техника проходит в тяжелом труде и ожидании летчика из полета. Если летчик в настроении, он рассказывает, что было в воздухе, — но совсем не обязательно. О том, что происходит с другими летчиками, иногда можно узнать от их техников или подслушав чей-то разговор. Работа Литвяк и Будановой была в небе, работа Вали и Фаины — на земле, и ни в столовой, ни на ночлеге они не пересекались¹. О боевой работе летчиц, как и работе летчиков-ребят, Валя слышала урывками.

Полк Шестакова ввели в бой 9 декабря, а уже 11-го группа летчиков, среди них Лавриненков, Амет-Хан и Дранищев, совместно с летчиками другого полка сбили в воздушном бою восемнадцать немецких транспортных самолетов, «следовавших со стороны Котельниково через Зеты на Нариман к окруженным войскам». Об этой победе командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко доложил самому Сталину, который вынес летчикам благодарность².

Нередко взлетали и «по-зрячему»: когда наблюдатель докладывал, что в небе появились немецкие самолеты. Яки полка были прекрасно замаскированы в оставленных немцами капонирах, и пилоты немецких транспортников, не подозревая о существовании здесь аэродрома, часто летели на Сталинград прямо над головами. Увидев противника, летчики 9-го полка взлетали и «атаковали без разворота для набора высоты»³. Дни, когда нагруженные продовольствием Ю-52 падали поблизости, были праздником для командира

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Губин Б., Киселев М. Указ. соч., электронная версия.

³ Лавриненков В. Указ. соч. С. 61.

БАО майора Пушкарского — их груз был серьезным подспорьем для столовой.

Однажды Лавриненкову удалось сбить сразу два немецких транспортника, один из которых упал вблизи КП полка. Как только Володя приземлился, его позвали в штаб, чтобы познакомиться со спасшимся на парашюте немецким летчиком. Высокий рыжий офицер снял с себя шлем, очки, планшет, попросил вернуть ему уже разряженный пистолет и передал все это Лавриненкову — такова была традиция. Потом стал показывать фотографии жены, детей и родителей. Его глаза, его заискивающая улыбка просили: пощадите, спасите для тех, кто смотрит с фотографий¹. По-человечески это было Володе понятно, но он точно знал, что так себя в плену вести не будет.

За удачным днем, когда Володя одержал две победы, последовал неудачный, такова пестрая жизнь летчика-истребителя. Хотя разве это неудача, если Лавриненков был подбит, но спасся сам и спас самолет?

В тот день Лавриненков вылетел с ведомой Катей Будановой: передали, что в воздухе группа немецких бомбардировщиков «Хейнкель»². Скорее всего, они, переоборудованные под транспортные самолеты, везли грузы в котел. «Хейнкели», выкрашенные в белый цвет для маскировки, они нашли не сразу. Увидев их, Лавриненков набрал высоту. «Прикрой, атакую», — передал он Будановой по радио. Его очередь попала в цель, но немецкий стрелок тоже попал по нему. Самолет почему-то резко потянуло влево, «словно левое крыло стало вдвое тяжелее». Сразу же в наушниках раздался голос Кати: «Семнадцатый, вас подбили. Я прикрою!» Только тогда Лавриненков посмотрел на правое крыло самолета. Его практически не было, остался лишь обнаженный каркас. Перекошенную машину удавалось держать ценой огромного напряжения.

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 62.

² Там же. С. 58–59.

Подбитый бомбардировщик добил другой летчик. Это могла бы сделать Буданова, но она не имела права покинуть подбитого ведущего. «Тяни к аэродрому! Тяни! Я прикрою», — повторяла она время от времени, подбадривая Лавриненкова. Дотянув до аэродрома, он понял, что сесть будет очень сложно: на развороте самолет срывался до падения. «Прыгай!» — раздался в наушниках голос Кати, но Лавриненков ей не ответил: он решил садиться.

Посадка неуправляемого самолета была «больше похожа на падение с небольшой высоты». Первой к Володиному самолету прибежала по сугробам Буданова, за ней подъехал на машине начальник штаба. Оказалось, что Лавриненков был прав, стараясь спасти самолет: ремонт требовался небольшой. «Засучивай рукава, Капарка!» — весело приказал Володиному технику старший техник. Для ремонта нужен был только клей, перкаль и умелые руки.

Полк летал беспрерывно: с 10 по 31 декабря было сделано 349 боевых вылетов. То есть каждый день летчики вылетали по три-четыре раза, а эти, декабрьские, дни, были самые короткие в году. Лишиться самолета именно сейчас Лавриненкову было очень обидно. В следующие дни Володя, не зная, куда себя деть, сновал от общежития к стоянке, оттуда к штабу и снова к самолету. Терся у своего Яка в надежде чем-то помочь чинившим его механикам. В один из этих дней он услышал в воздухе рев моторов и, подняв голову, увидел огромный самолет «Дорнье». Немецкий транспортник возвращался из Сталинграда. Самолет летел низко, надрывно ревя моторами, скорее всего, перегруженный: избавившись от груза, эти транспортники брали на борт под завязку раненых и больных. Распоряжавшиеся посадкой в самолеты полевые жандармы с огромным трудом наводили порядок, стреляя в воздух, однако все равно в самолеты набивалось столько людей, что те еле могли взлететь.

Володя инстинктивно бросился к своему самолету, но тут же вспомнил, что лететь не может. Тогда хотел бежать звонить

в штаб, однако штаб уже передал о «Дорнье» группе истребителей полка, которые подходили к Зетам. Володя с техниками наблюдали с земли, как от группы отделился ведущий — Шестаков, который догнал «Дорнье», но не обстрелял его — оказалось, израсходовал в вылете все боеприпасы. Тут же пошел в атаку другой истребитель. Раздалось несколько пулеметных очередей, и гигант «Дорнье», потеряв управление, пошел к земле. Истребители еще не успели приземлиться, а все уже знали, что «Дорнье», хорошо защищенный расставленными во все стороны пулеметами, расстреляла в воздухе Лиля Литвяк¹.

Если верить воспоминаниям Лавриненкова, Литвяк и Буданова быстро завоевали в его полку любовь и уважение. Ребята всячески старались облегчить их жизнь и боевую работу, но «реакция Литвяк и Будановой оказалась «самой неожиданной»: они категорически отказывались от опеки и не признавали никаких скидок». Маленькая Лиля рядом с высокой плечистой Катей казалась совсем девчонкой. Они очень дружили, но, как казалось Лавриненкову, «верховодила Катя. Живая, непосредственная, очень веселая»², она скоро стала душой эскадрильи. Организовать товарищеский ужин или танцы никто лучше ее не мог.

Перед Новым годом Фаина и Валя сходили в юрту к калмыкам — посмотреть, как те живут. От увиденного интеллигентная Валя пришла в ужас. В юрте, спертый воздух которой шибал в нос, стоило только открыть дверь, сидела бабка-калмычка. Она курила трубку и качала люльку, в которой лежал маленький ребенок, описанный и обкаканный. Им предложили калмыцкий чай с солью и жиром, но они отказались³.

Встреча нового, 1943 года Вале Краснощековой запомнилась тем, что еду в столовой им выдали в кружке, а вино —

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 59–60.

² Там же. С. 57.

³ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

в миске. Дело было в том, что пшенной каши было мало, а вина — много. Валя, которой в декабре исполнилось двадцать лет, вина до этого не пила, да и у Фаины не было к нему привычки. Подталкивая друг друга локтями, они допили свои кружки до конца, и это вино на голодный желудок так на них подействовало, что, возвращаясь на квартиры в деревню, они никак не могли подняться на горку. Было скользко, и, только поднявшись, они тут же, хохоча, съезжали вниз.

Летчики 31 декабря весь день были в боях и «повалились спать» сразу после ужина: сделали свое дело усталость и холод. Кто-то, впрочем, проснулся около полуночи и вспомнил о приближении Нового года, разбудив остальных. Амет-Хан, конечно, предложил наступление Нового года и фронтовые успехи отметить своим любимым салютом из пистолета. На улицу не пошли, слишком было холодно, стреляли прямо в землянке. От «салюта» потух светильник — лампа-коптилка, сделанная из гильзы. Открылась дверца железной печки, и на пол посыпались угли. Кто-то из ребят навел порядок, и все тут же снова уснули¹.

Отмечали ли свой последний Новый год Лиля Литвяк и Катя Буданова или тоже проспали, усталые? Какие у них были чувства и мысли на пороге нового, 1943 года? Возможно, они тревожились о будущем: уже знали, что Шестаков потребовал убрать их из полка, но не были уверены, что их возьмут в другой. Все решилось в следующие пару дней.

По свидетельствам однополчан, Шестаков девушек «уважал и ценил как летчиков»². И оставить их у себя отказался не из-за того, что они были слабыми профессионалами, а из-за потерь, которые в тот период были очень велики. Ему, очень сильному, со сложным и авторитарным характером, казалось, что в его полку, который состоит из лучших летчиков и кото-

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 63.

² Еремин Б. Н. Интервью А. Драбкину.

рому дают самые сложные задания, этим девушкам оставаться не нужно.

Поиском места для Литвяк и Будановой лично занялся командир 6-й истребительной авиадивизии Борис Сиднев. Рядовым летчикам-мужчинам он, конечно, помогать бы не стал, но девушки были явлением особым. За работой Литвяк и Будановой он следил, считал их хорошими летчиками, гордился тем, что у него летают девушки, и не противился их отказу вернуться в женский полк. Вообще-то неизвестно, как бы повел себя Сиднев, не имей он особого мотива: «дураку было понятно, что ему нравится Лилька»¹.

Молодой (ему было всего тридцать пять лет) генерал-майор Борис Арсеньевич Сиднев был интеллигентен и красив. «Спокойный по характеру и хорошо воспитанный, отличный летчик»², только сильно заикался, что было необычно для военного такого ранга: иногда произнести слово ему стоило таких усилий, что он «буквально корчился, щелкая челюстями». Этот дефект, однако, не помешал Сидневу сделать за годы войны самую головокружительную карьеру: начав командиром истребительного полка в звании майора, он закончил ее командиром авиакорпуса и генерал-майором. И, по мнению знавших его, высоких постов и званий Борис Сиднев был достоин: хорошо командовал, ценил своих летчиков и сам летал в бой.

У этого отличного летчика и хорошего командира имелся недостаток: все в 8-й воздушной армии знали, что Сиднев очень любит женщин³. Вряд ли до своей встречи с Лилей Литвяк молодой красивый генерал у кого-либо встречал отпор. Официантки и телефонистки не в силах были противостоять его обаянию — мужскому и генеральскому. Такие романы

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. 2012.

² Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

³ Интервью автора с Н. И. Меньковым и В. Н. Краснощековой.

были в порядке вещей, «походно-полевая жена», сокращенно ППЖ — почти как автомат ПППШ — имелась и у Хрюкина. Романы были и у многих, многих других высоких и невысоких командиров в 8-й воздушной; сожителство с подчиненными стало повседневной реальностью Красной армии.

Дома офицеров ждали жены и дети, а здесь, на войне, вокруг были такие молодые и такие красивые девушки, что грех было не воспользоваться обстоятельствами — тем более что начальство, само находясь в той же ситуации, противодействовать не собиралось. Девушки были разные. Находились такие — в основном из тех, кто не пошел на фронт добровольно, а был призван, — кто быстро понимал, что им нужен на войне сильный покровитель. Такой сожитель поможет получать хороший паек, остаться при штабе вместо того, чтобы таскать раненых с поля боя, защитит от приставаний всех остальных мужиков. Многие девушки, оказавшись в аду передовой, старались поскорее забеременеть, чтобы их отправили в тыл. Но конечно, на войне, где люди постоянно рисковали жизнью, часто рождались настоящие чувства, цвела любовь, еще более яркая и сильная, ведь молодые жизни в любой момент могли оборваться.

Представьте себе реакцию девушки, воспитанной в советских идеалах и пошедшей на фронт добровольно, чтобы, если потребуется, отдать жизнь за любимую Родину, когда по приезде на фронт оказывалось, что здесь на нее смотрят не как на бойца, а как на сексуальный объект! У женщин открывались глаза сразу же по приезде на фронт. Большинство из них были еще очень молоды и собирались беречь девичью честь до замужества. Для них сразу же начиналась «война на два фронта» — с немцами и с окружающими мужчинами, изголовавшимися по сексу, не обеспеченными, в отличие от немецких солдат, услугами борделей. Кто-то продолжал борьбу, кто-то становился жертвой насилия (об этом, как правило, никому не говорили, и большинство пронесли мучительный

секрет через всю жизнь). Кто-то решал, что самое лучшее — это согласиться стать ППЖ командира, и чем выше командир, тем лучше. И если присутствовали чувства, то женщины, конечно, надеялись на то, что их фронтовая семья сохранится и после войны.

Лиля Литвяк, летчица, находилась совсем в другой ситуации, чем обычная девушка на фронте. На нее мужчины могли заглядываться сколько угодно: она ничего и никого не боялась и могла за себя постоять. Эта девушка и генерала могла бы осадить, но с Борисом Сидневым напролом не шла. Когда Сиднев ее вызывал в штаб, она частенько пряталась и просила, чтобы передали ему, что не нашли. А когда ей все-таки приходилось общаться с командиром дивизии, вела себя вежливо, дружелюбно и естественно, как и со всеми влюбленными в нее мужчинами. Ссориться с Сидневым было никак нельзя: от него зависело, останется ли она в боевом полку или вернется обратно в женский. Аня Скоробогатова, приходя по делам в штаб авиадивизии, изредка видела там девушку-летчицу, которую хорошо запомнила после первой встречи. Сидя за столом, Лиля непринужденно болтала с кем-то из начальства, часто и с самим Сидневым, и Аня всякий раз удивлялась тому, как спокойно она себя ведет — будто совершенно естественно сержанту сидеть рядышком с генералами, грызть шоколад, болтать о Москве и от всей души хохотать над шутками. А смех у нее, казалось Ане, был незабываемый: замечательный смех, открытый, веселый. Не «хи-хи-хи», как смеются жеманящиеся кокетки, не «хо-хо-хо», делано чувственный, а настоящий, веселый, открытый смех: «Ха-ха-ха!»¹ Эта девушка очень нравилась Ане Скоробогатовой, только подружиться с ней вряд ли получилось бы, слишком далеко друг от друга оказались эти две девушки-сержанта в неписанной иерархии авиадивизии.

¹ Скоробогатова А. М. Интервью автору.

Вот так дружить с начальством, при этом пресекая все приставания, девушке в Анином положении вряд ли удалось бы. От отцов-командиров она предпочитала держаться подальше. Как-то раз, только раз, был странный вечер, когда пригласили ее и еще одну девушку-радистку отметить праздник в штабе дивизии. Накрыли хороший стол, сидело много начальства и несколько девушек. Было много спиртного и очень весело. А потом настал момент, когда Ане стало как-то не по себе, что-то такое появилось в воздухе, один из офицеров стал двигаться к ней ближе, и Аня засобиралась назад, хотя ее настойчиво уговаривали остаться. Подруга с ней не уехала и появилась только утром. О том, что произошло в штабе, она ничего не сказала, а Аня ничего не спрашивала. После этого на ужины с начальством она твердо решила под любым предлогом не ходить¹.

Ведя себя умно, Лиля заручилась для себя и для Кати поддержкой Сиднева, которая пришлась как нельзя кстати. Соглашаясь с решением Шестакова о том, что девушек нужно убрать из его полка, слишком там опасно, Сиднев тем не менее не возражал оставить их в своей истребительной авиадивизии. Такие были времена: по просьбе девушки, в которую он был влюблен, командир дивизии позволил ей рисковать своей жизнью, вместо того чтобы отправить ее назад в спокойную обстановку полка ПВО. 268-я истребительная авиадивизия включала, помимо 9-го, еще три полка: 296-й Баранова, 31-й Бориса Еремина и 85-й. Взять Литвяк и Буданову к себе Сиднев предложил Еремину и Баранову.

Борис Еремин, хорошо знавший Шестакова, не сомневался, что настанет день, когда ему зададут такой вопрос. Он уже для себя решил его отрицательно. Еремин прекрасно знал, что Литвяк и Буданова рвутся в боевой полк, что обе девушки — хорошие летчики, которым нужно только по-

¹ Скоробогатова А. М. Интервью автору.

больше набраться боевого опыта. Но его полк, 31-й, был профильный — истребительно-разведывательный, и летчики летали на разведку за линию фронта, иногда за сотни километров. Когда командир дивизии спросил у Еремина, что он думает, тот дипломатично ответил, что «в принципе он не против». По его мнению, обе девушки получили неплохую подготовку, «особенно отличалась Литвяк». Еремин в ней видел редкий талант прирожденного истребителя: она «чувствовала воздух», «видела» его, всегда знала, что происходит вокруг нее. Но как посылать ее, как посылать вообще девушек далеко за линию фронта.. Еремин напомнил Сидневу, что «тяжело им будет “в случае чего” выбираться оттуда, и если их поймают, то могут начать издеваться». Сиднев согласился. Катя и Лиля узнали об этом сразу же — вероятнее всего, от самого Сиднева. Еремин вспоминал, как «Лилька» — так ее называли все вокруг, включая командиров, — со свойственной ей иронией «подковырнула» его как-то в столовой: «Борис Николаевич, говорят, просто нас боится?» Еремин не стал возражать, он правда боялся — не их, а за них¹.

Оставался полк Баранова, 296-й. Он все время шел вместе с 9-м, и Баранов успел составить себе представление о двух летчицах. К тому же за Лилей следовала прославившая ее история боя с немецким асом под Сталинградом. Ее рассказывали полусутоливо, полувсерьез, говорили, что немецкий ас «напоролся на ее очередь» — не верилось как-то мужчинам, что Лилька сбива хорошего немецкого летчика чуть ли не в первом вылете. Что решило дело — талант, мастерство или просто необыкновенная удача? Но у нее были и другие сбитые. «Я возьму», — сказал Баранов. Личного состава у него не хватало, самолетов — тоже².

¹ Еремин Б. Н. Интервью А. Драбкину.

² Там же.

«Все, девчонки, собирайтесь. Нас отсюда поперли», — мрачно объявила Катя Буданова, зайдя в землянку к Вале и Фаине¹. Конечно, техникам тоже было жалко расставаться с 9-м полком. Но уже через несколько дней они присоединились к полку Баранова в только что освобожденном поселке Котельниково.

«Стояла прекрасная звездная ночь. Над скованной морозом степью лился чистый лунный свет. В затемненных домах Котельникова кое-где поблескивали искорки самокруток и зажигалок. Порою издалека доносились короткие автоматные трели... Победа заполняла сердце радостью...» Так написал о новогодней ночи в поселке Котельниково начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский, руководивший наступательной операцией трех фронтов². Котельниково, крупный, полный садов железнодорожный поселок, из которого летом началось наступление на Сталинград, советские части захватили под самый Новый год. Немцев в Котельникове застали врасплох.

Когда 7-й танковый корпус генерала Ротмистрова «на плечах» противника ворвался в Котельниково, на западной окраине поселка на аэродроме они увидели не успевшие улететь пятнадцать немецких самолетов и огромный склад бочек с бензином. В блиндаже дымился горячий чай: немцев, собиравшихся встретить здесь Новый год, застали врасплох, выгнав в ледяную степь.

На путях стояли эшелоны с танками, броневиками, провиантом, обмундированием. Советских солдат «охватило ликование». Это была первая победа за долгие, долгие месяцы.

Новый год и офицеры, и солдаты отметили широко — не так, как два предыдущих. Способствовало этому и большое

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. 2012.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 257.

количество захваченных деликатесов. У начальства стол ломился, было даже шампанское, приготовленное немцами на встречу Нового года — как они надеялись, в освобожденном котле. Без усталости салютовала трофейная зенитка, озаряя небо сполохами высотных разрывов. Солдатам тоже досталось и еды, и трофейного шнапса, которым не побрезговали отметить и эту победу, и Новый год¹.

268-я гвардейская истребительная авиадивизия Бориса Сиднева перелетела в Котельниково 3 января, так что и трофейным топливом удалось попользоваться, и галет и консервов досталось². Замполит Панов и несколько техников из его 85-го полка, должно быть, крепко выпили в Котельникове, оправляясь от полученного на днях шока.

При перебазировке на новый аэродром произошел инцидент, «замкнувший страшный круг судьбы» в сознании Панова. Он ехал с передовой командой на нагруженной имуществом полупортке, они «неслись по степи сквозь адский мороз, в звенящую лунную ночь»³. Вокруг на десятки километров сверкал «зеленоватый от лунного света» снег. Неожиданно шофер, резко ударив по тормозам, испуганно выкрикнул: «Немцы!» Панова «обожгла мысль о глупости произошедшего: попасть в плен к немцам, которые сами были окружены и обречены на плен и смерть. Недалеко от дороги, в ложбине метрах в ста от полупортки, стояло несколько групп солдат в темной форме. Бежать было поздно. Панов и техники выхватили оружие, послали патрон в ствол. Немцы, казалось, чего-то ждали, стоя неподвижно. Так прошло минут пять, происходило что-то странное: никто не двигался. Наконец один из техников, решив, что два раза не умирать, пошел в разведку. Вернувшись,

¹ Козлов А. В. 1943 — самый счастливый Новый год // Материалы конференции «Маршал Василевский и его вклад в победу». Без даты и места.

² Лавриненков В. Указ. соч. С. 64.

³ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

он сказал, что немцы замерзшие. Панов подошел и увидел, что кто-то поставил ногами в снег трупы замерзших насмерть немецких пехотинцев. Представить себе такое можно было лишь «в диком театре абсурда или фильме ужасов». Многие немцы были в касках, в руки им вложили оружие, «лунный свет играл в открытых замерзших глазах, кое-кто стоял разинув рот. Панову было грустно, он думал об этих еще вчера живых людях, замерзших здесь «во имя не нужных им целей и идей». Но молодые ребята, техники и механики, не склонны были вдаваться в философию. Они «весело смеялись, бродя среди этого жуткого леса» и опрокидывали мертвецов на снег.

Володя Лавриненков, перелетевший в Котельниково с 9-м полком, испытывал сложные чувства. Здорово наступать, освобождая от врагов свою страну. Но больно видеть, как неузнаваемо меняет война знакомые места.

Он помнил Котельниково, каким оно было летом 1942 года: белый вокзал, высокие деревья вдоль перрона, вокруг — множество домиков, утопавших в садах. Заходя на посадку холодным январским утром, Володя увидел, что нет больше ни вокзала, ни окружавших его домов. Сколько еще впереди пепелищ и развалин!¹

Зато на аэродроме осталось очень неплохое наследство от немцев: «бункеры, капониры, сооружения для мастерских и складов». Оставалось только «очистить их от трупов и мусора»². 9-й полк сразу включился в работу, начав вылеты по сопровождению штурмовиков. Начал вылеты с новой базы и полк Баранова.

Со своим новым полком Лиля Литвяк и Катя Буданова познакомились, видимо, 4 января, в яркий, морозный и солнечный день. В такие дни в степи не чувствуешь мороза: воз-

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 64.

² Там же.

дух сухой, лицо согревает яркий свет солнца, блеск снега слепит глаза¹. На аэродроме им сообщили, что придется жить в землянках, но им было не впервой, никто не расстроился. В землянках жили поэскадрильно, летчицам обещали отвести отдельную, где они будут жить вместе с девушками-техниками. Лиля и Катя отправились знакомиться со своими эскадрильями.

В землянку первой эскадрильи Лиля Литвяк зашла вместе с Фаиной Плешивцевой и Валею Краснощековой — с яркого солнца в полутьму, так что сначала они почти ничего не видели. В землянке отдыхали те летчики, кто в этот день не летал. Валялись на «кроватях» — просто земляных выступках, сделанных, когда копали землянку. На выступы были брошены самолетные чехлы — вот и постель. Кто-то играл в карты — разумеется, в «дурака». Карты были «заслуженные», при ударе об стол издававшие уже не звонкий звук, а глухой. Ребята-летчики встрепенулись при появлении девушек, но их лица Лилия, Фаина и Валя в полутьме сразу разглядеть не могли.

— Ой, землячка! — громко сказал один из парней.

— Какая я тебе землячка? — строго ответила Лиля, привыкшая, что ребята всегда заговаривают с ней, а не с другими девушками.

— Да я не тебе, а ей! — ответил парень, кивнув на Валю, и, приглядевшись, Валя узнала в нем Лешку Соломатина из Калужского мелиоративного техникума.

В мелиоративный техникум, где училось больше ребят, чем девчонок, многие калужские девушки ходили на танцы. Валю Краснощекову брала с собой подружка, как-то раз обратившая ее внимание на Лешу Соломатина, крепкого невысокого блондина с «колючими» какими-то глазами — такими они казались из-за совершенно прямых, торчащих вниз густых черных ресниц. Лешка в Калугу приехал из деревни

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

Бунаково, где вырос в крестьянской семье. Простой парень, общительный и хороший, — ничего особенного, с Валиной точки зрения. Некоторое время спустя девчонки из мелиоративного техникума стали говорить, что Лешка Соломатин поступил в аэроклуб и стал «задаваться», потом он вообще уехал учиться в летную школу, и след его потерялся. Теперь, хотя прошло совсем немного времени, Леша Соломатин стоял перед ней бравым военным летчиком, Героем Советского Союза и командиром эскадрильи.

Конечно, заговорили о Калуге. Красивый купеческий город, родной для них обоих — Валя в нем родилась и выросла, у Леша Соломатина в нем прошла юность — освободили 30 декабря сорок первого. Что в городе разрушено, какие здания уцелели, кто из общих знакомых на войне, кто погиб и, главное, как там родные? Они болтали, присев на чью-то постель, и Валя увидела, что Леша Соломатин, хоть он уже капитан и герой, общается с ней на равных, совсем как когда-то в Калуге. Соломатин и с Лилей Литвяк перекинулся парой слов, заверив, что уже на следующий день проведет с ней тренировку.

Как передавал друг другу технический персонал, Баранов, приняв решение о том, что возьмет к себе девушек, вызвал к себе двух командиров эскадрилий, Героев Советского Союза Соломатина и Сашу Мартынова, сказав им что-то вроде: «Тебе — одну девку, тебе — вторую. Погибнут — ответите за них головой». Впрочем, может быть, и не было этого¹.

Позже, когда Лиля и Леша Соломатин уже стали парой, Валю, присутствовавшую при их первой встрече, кто-то спросил, была ли у них любовь с первого взгляда. Ей так не казалось. Ей казалось, что Лилька, скорее всего, Леше понравилась сразу, она нравилась всем. Что касается Соломатина, то были ребята и интереснее его, и красивее, ничего особенного

¹ *Меньков Н.И.* Интервью автору. Апрель 2010.

в нем не было. Скорее, Лиля полюбила его позже, оценив как очень хорошего храброго летчика и парня с легким и добрым характером. Фаина Плешивцева, наоборот, считала, что еще там, в землянке, «Лилька положила на него глаз»¹. Как бы то ни было, встреча в землянке в морозный солнечный день стала началом их любви.

Ждала своей первой любви, искала ее и Галя Докутович. Всегда имевшая склонность к литературе (в дневнике она упоминала о желании писать, только жаловалась на то, что нет бумаги)², она теперь придумывала истории любви, которые разворачивались конечно же между летчиками на фронте. В дневнике записана вымышленная история про куклу. Конец у нее грустный, что, наверное, закономерно, ведь вокруг Гали гибло столько людей. В этом рассказе, написанном в январе 1943 года, красивый черноглазый летчик Николай, выиграв на конкурсе танцев куклу — бог знает почему, — отдает ее любимой девушке Оле, летчице, летавшей конечно же на У-2. Оля возит куклу с собой в самолете, но вскоре ее привозит Николаю незнакомая девушка-летчица. На подбородке у куклы запекшаяся капелька крови. Оли уже нет в живых. Вскоре гибнет и сам Николай³.

«Что, сегодня опять “подскакиваете”? — как-то с улыбкой спросил Галю летчик из соседнего полка (имея в виду, что они будут снова работать с аэродрома подскока). И для Гали простых этих слов и его улыбки оказалось достаточно, «чтоб захотелось запеть, быстро побежать вниз с горы, перескочить через ручеек...»⁴.

¹ Паспортникова О. В. Интервью автору. Жуковский, зима 2009.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 52.

³ Там же. С. 53–54.

⁴ Там же. С. 62.

Глава 19

С боевым крещением, Машка!

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ КОНСТАНТИН СИМОНОВ познакомился с Мариной Расковой осенью 1942 года на аэродроме в Камышине, на полпути между Сталинградом и Саратовом. Раньше он никогда ее близко не видел и не знал, «что она такая молодая и что у нее такое прекрасное лицо». Раскова поразила его своей «спокойной и нежной русской красотой»¹. Может быть, думал он потом, эта встреча так врезалась в его память еще и потому, что вскоре Раскова погибла.

Под Новый год 587-й бомбардировочный авиаполк наконец получил долгожданный приказ: в начале января им предстоял вылет на Сталинградский фронт. Часть полка должна была перелететь с Калининского фронта, где они уже участвовали в операциях, остальные — из Энгельса. Вторая эскадрилья во главе с Клавой Фомичевой начала перелет неудачно. Взлетели, и надо же такому случиться: на взлете у Маши Долиной сдал мотор². Она благополучно села «на брюхо», но страшно пе-

¹ *Симонов К. М.* Указ. соч. С. 156–157.

² *Долина М.* Указ. соч. С. 75.

реживала, отстав от своей эскадрильи. Маша догоняла своих уже утром четвертого. Раскова с двумя экипажами, которые из-за неполадок полетели последними, должны были в тот день тоже вылетать с другого фронта.

С погодой не везло. Маше пришлось садиться и пережить несколько раз на промежуточных аэродромах. Где находятся остальные летчики полка, кто из них долетел до места, она не знала. Приземлившись на очередном аэродроме для дозаправки и передышки, она с экипажем пошла в столовую. Что случилось плохое, стало понятно сразу по мрачным лицам притихших летчиков: обычно летчики ведут себя шумно, шутят и балагурят. Маша, штурман Галя Джунковская и стрелок Ваня Соленов смотрели на них, растерявшись, пока кто-то не спросил: «Как, разве вы ничего не знаете? Ваша командир полка погибла!»¹

«Да вы что! — закричала Маша. — Такими вещами не шутят!» Только крикнула это, а ее уже затрясло: кто-то подал газету, неминуемо несущую страшную новость. «Четвертого января 1943 года по пути на Сталинградский фронт самолет Марины Расковой потерпел катастрофу...»

Раскова разбилась, перелетая из Арзамаса в Саратов с двумя отставшими от полка экипажами, при плохих погодных условиях, в тумане².

Перед вылетом они получили метеосводку от Центрального гидрометцентра о том, что погода на маршруте плохая. Они могли перелететь до Петровска, но там обязательно пришлось бы сесть и переждать туман, который стелился дальше до самой станции Разбойщина. Пе-2 не имел специального оборудования и в сложных метеоусловиях становился беспомощным. Раскова прекрасно знала, что на «пешке» нельзя летать во время густого тумана, проливного дождя и снегопада.

¹ Долина М. Указ. соч. С. 76.

² Там же. С. 76.

И тем не менее не стала переживать, очень уж хотела догнать своих. На подлете к Петровску туман стал сплошным, но Раскова решила лететь дальше, ей показалось, что он потихоньку тает. В районе Разбойщины уже не было видно ни зги. Рисковать жизнью, играть в рулетку со смертью сероглазой красавице-майору было не впервой. Она рисковала уже много раз — и собственной жизнью, и чужими. Этот раз оказался последним.

С Расковой в качестве штурмана летел штурман полка капитан Кирилл Хиль, профессионал высочайшего класса, которого боготворили в полку. Хиль, вероятно, мог бы их спасти, но Раскова, тоже штурман, не доверилась ему. Как и у большинства русских рек, у Волги левый берег пологий, правый — высокий. Решив, видимо, что внизу левый берег, Раскова начала пикировать, пробивая туман. Они врезались в правый берег Волги. Их искали далеко от места аварии и нашли, только когда угомонилась непогода.

Основной удар пришелся на кабину летчика. Раскова погибла мгновенно. Штурману Хилю в момент столкновения с высоким берегом срезало голову от страшного удара о бронеспинку. Стрелок-радист из их экипажа и летевший вместе с ними техник эскадрильи, вероятно, остались бы в живых, если бы самолет нашли в тот же день. Хвост самолета при ударе отвалился, они были ранены. Эти двое мужчин лежали там же, у самолета, — стояли страшные морозы. Когда их нашли, мертвый техник все еще держал в руках окровавленное полотенце, которым зажимал рану стрелка.

Летчицам, которых Раскова вела в своем последнем перелете, повезло, они остались живы. Когда маршрут начало затягивать туманом, звено рассредоточилось: в тумане нельзя идти плотно. И Люба Губина, и Галя Ломанова, опытные летчицы, до войны работавшие инструкторами в аэроклубах, хорошо это знали. Люба сумела разглядеть опушку леса и посадила самолет около нее. Галя Ломанова приземлилась

около железнодорожной станции. Обе пострадали сами и повредили самолеты, но уцелели и летали в Москву прощаться с Расковой.

Ее тело на По-2 доставили на Саратовский авиационный завод, который оказался близко к месту катастрофы. Директор завода Левин никак не мог поверить в смерть этой «замечательной, большой души, обаятельной женщины»: Раскова дружила с его семьей и, приезжая на завод, часто проводила пару часов в его семье, разговаривала, играла на пианино и пела любимые песни.

Левин сообщил о случившемся в Москву. Через короткое время он получил указание «подготовить тело и ночью отправить в Москву». «Подготовкой» занималась комиссия под руководством знаменитого академика-хирурга Миротворцева: восстанавливали лицо. Голова Расковой уцелела, но лицо было изуродовано так, что пришлось наложить более сорока швов. Это требовалось потому, что сначала Раскову намеревались выставить для прощания в открытом гробу. Потом от этой идеи отказались. Закрытый гроб выставили в фойе заводского клуба. Все заводчане, тысячи жителей Саратова и воинские подразделения прошли мимо него, отдав Марине Расковой последние почести.

Поздно ночью тело отправили в Москву в специальном вагоне, прицепленном к скорому поезду. Кирилл Хиля и остальных членов погибшего по вине летчицы экипажа похоронили в братской могиле недалеко от места аварии.

Узнав ужасные новости, Маша Долина полетела дальше, в полк. Там был «сплошной траур»¹. Плакали все — летчики, штурманы, стрелки-радисты, наземные службы. «Страшный траурный митинг был. Весь полк рыдал», — вспоминала Долина. Вскоре о гибели Расковой узнали и в двух других полках.

¹ Долина М. Указ. соч. С. 78.



▲ Комсомолки расчета зенитного орудия О. Федоричева, М. Лысенкова и другие на огневой позиции. 1943 г. (Из коллекции РГАКФД)



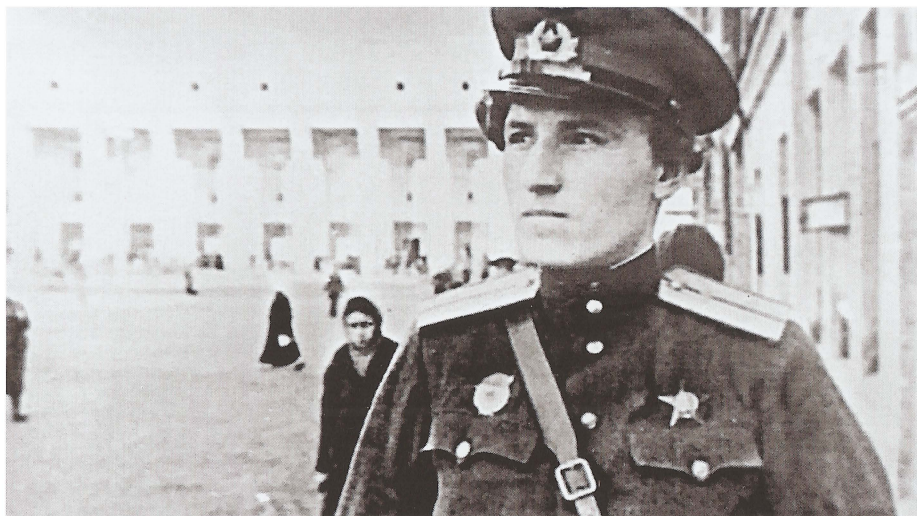
◀ Александр Евдокимов. 1943 г., аэродром в Чуеве. (Из личного архива автора – подарок от В. Н. Краснощековой)



◀ Ольга Голубева. Не позже начала 1943 г. (Из личного архива О. Т. Голубевой-Терес)



▲ Катя Буданова и Лиля Литвяк с детьми соседей по коммунальной квартире. Москва, март–апрель 1943 г. (Из коллекции Музея Тумановской средней школы, Смоленская обл.)



▲ Катя Буданова. Москва, апрель–июнь 1943 г. (Из коллекции Музея Тумановской средней школы, Смоленская обл.)



▲ Александр Мартынов, Николай Баранов (на переднем плане), Лилия Литвяк и Алексей Соломатин (на заднем плане). Донбасс, начало мая 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Лиля Литвяк во время отпуска в Москве. Костюм сшит сразу после приезда вместе с мамой. Март–апрель 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Похороны Алексея Соломатина в Павловке. Командир полка Гольшев произносит речь. Лиля Литвяк стоит у могилы между Катей Будановой и Александром Мартыновым. Май 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



► Тоня Лебедева. 1943 г., не позже июля. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Лиля Литвяк у самолета Як. Ми-ус-фронт, лето 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



► Командир 586-го истребительно-го авиаполка Тамара Казаринова. Не ранее начала 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Евдокия Рачкевич и Евдокия Бершанская. Кавказ, 1943 г.
(Из коллекции РГАКФД)



► Галя Докутович. Ессентуки,
1943 г. (Из коллекции Гомельского
областного музея военной славы)



▲ Борис Еремин в самолете Як, купленном на деньги Ферапонта Головатого. 1943 г. (Из личного архива Артема Дробкина)



▲ В поисках крова. Брянская область, 1943 г. (Фото Я. Халина)



► Женя Руднева. 1943 или 1944 г.
(Из личного архива О.Т. Голубевой-Терес)



◀ Клава Блинова. 1943–1945 гг.
(Из коллекции Музея боевой славы
при гимназии № 1, г. Красный Луч,
Украина)



◀ Валентина Гризодубова. Не ранее 1943 г. (Из коллекции РГАКФД)



▶ Портрет летчика 586-го истребительного авиаполка М. М. Кузнецовой. Февраль 1943 г. (Из коллекции РГАКФД)



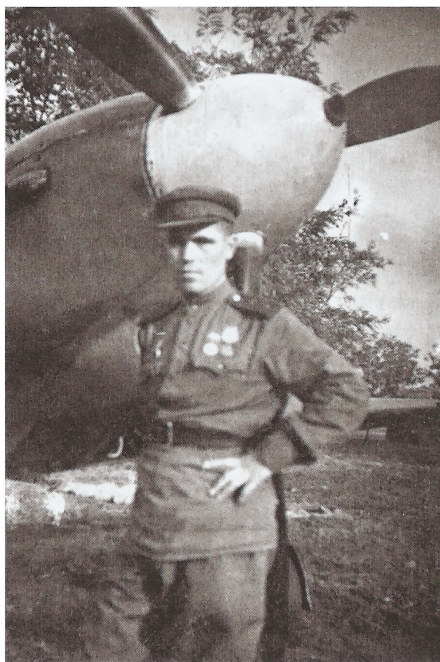
▲ Лиля Литвяк у самолета Як. 1942 или 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



◀ Н. Шебалина – авиамеханик
586-го истребительного авиаполка.
1943–1945 гг. (Из коллекции
РГАКФД)



◀ Штурман бомбардировщика авиаполка им. М. Расковой младший лейтенант Г.И. Джунковская, командир экипажа лейтенант М.И. Долина и стрелок-радист старший сержант И.Г. Соленов готовятся к боевому вылету. 1943–1945 гг. (Из коллекции РГАКФД)



▶ Николай Меньков. Венгрия, 1944 г. (Из личного архива Н.И. Менькова)



▲ Степан Микоян на аэродроме истребителей. 1944 г. (Из личного архива С. А. Микояна)



▲ Летчики Герои Советского Союза 268-й гвардейской авиадивизии. 1944 или 1945 г. С дарственной надписью «Незабудке» – А. М. Скоробогатовой. (Из личного архива А. М. Скоробогатовой)



◀ Александра Виноградова.
1944 или 1945 г. (Из личного архива
А. А. Виноградовой)



▶ Радист Анна Скоробогатова.
1944 или 1945 г. (Из личного архива
А. М. Скоробогатовой)



▲ Ветераны 46-го гвардейского бомбардировочного полка у Большого театра в День Победы. 1950-е гг. (Из коллекции РГАКФД)



▲ Евдокия Бершанская, послевоенная фотография. На заднем плане портрет Сталина, зачеркнутый в более позднее время. (Из коллекции РГАКФД)



▲ Бывшие авиамеханики Валентина Ковалева (слева) и Инна Паспортникова (в середине) с матерью Лили Анной Васильевной Литвяк. Москва, 1970-е гг. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)



▲ Валентина Ивановна Ващенко с учениками – участниками поисковых экспедиций. Красный Луч, Украина, конец 1970-х. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)

Женя Руднева записала в дневнике: «Наутро на строевых собраниях эскадрильи мы услышали ужасную новость. Вошла Ракобольская и сказала: “Погибла Раскова”. Вырвался вздох, все встали и молча обнажили головы. А в уме вертелось: “Опечатка, не может быть”. Наша майор. Раскова. 31 год...»¹

Галя Докутович, конечно, тоже упоминает в своем дневнике гибель Расковой, пишет, что Раскова — самая замечательная женщина, какую она когда-либо встречала, ее «юношеский идеал... организатор и первый командир»². Утешала ее мысль о том, что Галин полк стал лучшим воплощением замысла Расковой: ведь два других полка уже не были чисто женскими.

Скорбела вся страна. Похороны стали событием государственного значения, гибели и похоронам центральные газеты отвели всю первую полосу. «Правда» писала в передовице, озаглавленной «Москва хоронит Раскову»:

«С высоты плафонов к постаменту траурной урны ниспадают полосы черного крепа. В этой урне прах замечательной женщины нашего времени, Героя Советского Союза Марины Расковой. Золотая звезда, два ордена Ленина сверкают на алом бархате у постамента...»

Члены советского правительства, народные комиссары, Герои Социалистического труда, Герои Советского Союза, лучшие люди страны стоят сегодня у гроба Расковой. Стрелка часов близится к трем часам дня. Почетный караул принимают А. С. Щербаков, Маршал Советского Союза С. М. Буденный, В. П. Пронин — председатель Моссовета.

Три часа дня. Наступает час, когда траурная урна с прахом Марины Расковой совершит свой последний путь к Кремлевской стене на Красной площади».

«Урна с прахом Расковой движется к Кремлевской стене. Троекратный салют, гул моторов самолетов, промчавшихся

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 145.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 51.

над Красной площадью, возвещают Москве о том, что Марина Раскова, Герой Советского Союза, замечательная русская женщина-летчик, закончила свой славный жизненный путь», — завершил статью корреспондент «Правды».

После гибели Расковой, как, впрочем, и до этого, ее дочь Таню растила бабушка. Командование осиротевшим 587-м полком доверили, правда временно, до прибытия кадрового командира, Жене Тимофеевой.

Тимофеева была самой опытной летчицей в полку, она уже до войны летала на двухмоторном бомбардировщике и командовала эскадрильей. Но задача ей досталась нелегкая: казалось, что после гибели командира полк утратил веру в себя, и окружающие в них тоже не верили. На аэродроме, где должен был приземлиться 587-й полк по пути на Сталинградский фронт, при известии о прибытии женского бомбардировочного полка, как рассказывали, началась паника. «В блиндажи! Бабы садиться будут!» — кричали летчики полувсерьез-полушутливо.

После гибели Расковой Женя, как и все, пребывала в смятении и думала: «Что теперь будет с полком?.. Вдруг весь труд, затраченный на освоение сложного самолета, пропадет даром? Поверят ли в нас?» Полк ждал приказа о перелете на фронт аэродром на левом берегу Волги. Пока что требовалось очистить самолеты от снега: на аэродроме сугробы выросли уже по пояс. Ведя людей к самолетам, Тимофеева шагала спиной вперед: лицо жег страшный ветер. В разгар работы ее вызвали в штаб, где находился представитель 8-й воздушной армии. «Принять командование полком», — передали Жене приказ. Этот приказ ошеломил: как она сможет заменить Раскову и повести людей в первый для них бой? Она чуть не ответила «Нет!», но вместо этого чужим голосом сказала: «Есть принять полк!»¹

¹ В небе фронтовом, электронная версия.

В следующие дни погода по-прежнему стояла суровая: мороз ниже сорока градусов и ветер, но пришлось тренироваться: учебные полеты на высоту, строй, связь в воздухе. В двадцатых числах января Тимофеева доложила о готовности полка. И 28 января наконец они отправились в свой первый боевой вылет — ведомыми с летчиками «братского» 10-го бомбардировочного полка, стоявшего на том же аэродроме. На своих первых стокилограммовых бомбах, сброшенных на Сталинград, они царапали отверткой: «За Марину Раскову», хотя в гибели Расковой немцы были не виноваты.

«Это теперь на долгое время, а может, и навсегда, мое последнее письмо. Мой товарищ, которому надо на аэродром, захватит его, потому что завтра из нашего котла уйдет последний самолет. Положение уже стало неконтролируемым, русские в трех километрах от последней летной базы, и, если мы ее потеряем, отсюда и мышь не вырвется — и я в том числе. Конечно, и другие сотни тысяч, но это слабое утешение, что делишь смерть с другими». Это письмо неизвестного автора действительно вывез из котла последний приземлившийся там самолет, однако этот самолет сбили, так что письмо не дошло до адресата¹.

Приходившие на командный пункт 6-й армии офицеры связи и порученцы представляли собой страшное зрелище. Адъютанту армии полковнику Адаму «трудно было поверить, что эти замотанные в тряпье фигуры являются офицерами. Наружу выглядывали только глаза, нос и рот, ноги у большинства из них были обмотаны обрывками одеял. Одеты они были в потрепанные, потертые шинели... Часто они были не в состоянии расстегнуть окоченевшими руками пряжку полевой сумки, чтобы достать донесение. Лишь после одного-двух стаканов горячего чая они начинали бессвязно рассказывать об ужасных событиях...».

¹ Коллекция музея-диорамы Курская битва, Белгородское направление.

Русского плена немцы боялись так же сильно, как русские — немецкого. И немцам пропаганда успешно внушила, что плен будет намного страшнее смерти. Теперь, со дня на день ожидая в сталинградских подвалах прихода русских, не только офицеры, от которых неписанный кодекс чести требовал умереть, но не сдать врагу, но и простые солдаты решали для себя вопрос: жить в плену или умереть до него. Решало этот вопрос для себя и руководство армии Паулюса. Кто-то совершил самоубийство, кто-то решил погибнуть, сражаясь плечом к плечу с солдатами на передовой, кто-то, как сам Паулюс, решил остаться со своими солдатами до конца. Русские бомбежки с каждым днем усиливались.

Отправляясь в первый боевой вылет, 587-й женский бомбардировочный полк был «охвачен необыкновенным волнением». Поднявшись в воздух с рассветом, они всматривались в землю, окутанную морозной дымкой. Изредка мелькали деревни, по дорогам двигались машины. Вскоре показались развалины Сталинграда — «бесконечно тянувшаяся по берегу Волги темная строчка разрушенных строений». Появились первые разрывы снарядов зенитной артиллерии — непривычные для них и еще не очень страшные темные облачка. Штурман Валя Кравченко коснулась рукой Жениного плеча и показала вниз. Женя увидела поворот дороги к Волге, очертания разрушенных зданий — завод «Баррикады» — и, наконец, цель — Тракторный завод!

«Наблюдайте за бомболоками ведущего, — сказала Валя, — а я буду следить за воздухом»¹. Тут же на ведущем самолете открылись бомболоки. Только Женя хотела сказать об этом штурману, как почувствовала, что уже открылись люки ее машины. Ведущий резко пошел на снижение — прямо на разрывы зенитных снарядов, Женя — за ним. Разрывы оста-

¹ В небе фронтовом. С. 26.

лись правее и выше. С ведущего самолета посыпались бомбы, и Жена тут же почувствовала рывок своего. Бомбы сброшены, цель поражена!

«Спокойно, Маша! Держи высоту! Сейчас откроются бомболюки...» — давала себе мысленно команду Маша Долина, у которой в те секунды тоже бешено билось сердце. Освобожденный от смертельного груза самолет подпрыгнул, Маша посмотрела на штурмана. Штурман Галя Джунковская, самая красивая девушка полка, бледная, улыбалась ей: «С боевым крещением, Машка!»¹

30 января, когда черные развалины Сталинграда закрыл выпавший за ночь снег, они впервые вылетели без лидеров. А 1 февраля сбросили последние бомбы из 14980 килограммов, сброшенных ими на Сталинград.

31 января Паулюс, у которого были перерезаны все коммуникации с внешним миром, принял решение о капитуляции. В семь утра из подвала центрального универсама, где находился Паулюс со штабом 6-й армии, выполз немец с белым флагом.

В тот же день Паулюс подписал капитуляцию, однако части его армии, не имея связи со своим штабом, продолжали сопротивляться еще сутки, поэтому и 587-й полк бомбил город еще один день.

Как и всех, кто видел в те дни Сталинград, летчиц поразил страшный вид разрушенного дотла города. «Наверное, и мой родной Ленинград такой же», — грустно сказала как-то Лена Тимофеева². Но, несмотря на груз печальных мыслей, их сердца были полны радостью общего триумфа, радостью от сознания отлично выполненной боевой задачи.

«Отбомбившись», они часто слышали в наушниках голос стрелка-радиста: «Земля передает: спасибо за удар. Танки по-

¹ Долина М. Указ. соч. С. 90.

² Командир звена 587-го БАП, погибла в боях за Смоленск летом 1943.

шли в наступление». Уходя от цели со снижением, они видели, как шли танки, а следом за ними «утюжили» немецкие позиции Илы. Дальше шла пехота¹.

В последний раз немецкий самолет-разведчик пролетел над Сталинградом 2 февраля. «В городе тихо. Признаков боев не обнаружено», — докладывал летчик. В этот день советским войскам объявили о том, что Сталинградская битва закончилась победой². Бомбардировочные полки обратились к командиру авиакорпуса с просьбой разрешить посмотреть с земли места боев, которые летчики видели только с высоты двух-трех тысяч метров. Разрешили взять всех ведущих — тех, кто водил на Сталинград девятки и звенья. 4 февраля их погрузили на три открытые машины-полуторки — это при температуре на улице минус 25! Время от времени останавливаясь, чтобы летчики попрыгали и согрелись, доехали до станции Иловля в шестидесяти километрах от Сталинграда. От Иловли до Сталинграда дорога была «буквально усеяна трупами» советских и немецких военных вперемежку с гражданскими — мужчинами, женщинами и детьми. Перед въездом в город они увидели солдат с автоматами и проволочное ограждение: минные поля еще не обезвредили. Дальше было «еще дышащее войной поле боя, когда еще не всех раненых подобрали, упавшие самолеты дымятся, горят танки...». Шестьдесят лет спустя, диктуя свои воспоминания, Долина закрывала глаза и видела все это: ослепительно-белый свежий снег и на нем — черная лавина окруженной армии Паулюса. Глядя на голодных замерзших немцев, Маша почувствовала, как к ее горлу подступает ненависть. «Полудохлые, промерзшие фрицы шли и падали. И такая ярость подкатывала к горлу, когда мы смотрели на пленных фашистов, на эту

¹ Долина М. Указ. соч. С. 91.

² Там же.

грязную мразь... эти ползли, как волчья стая. Никто не помогал упавшему...» Это «чудовищное зрелище»¹ Маша Долина запомнила на всю жизнь.

Ненависть к врагу была такова, что в Машином добром сердце не нашлось и капли жалости к несчастным. И мирное население после перенесенных трагедий и страданий давало волю ярости. Пленные в колоннах на марше старались оказаться поближе к началу колонны, к конвойным: местные женщины, дети и старики нападали на них, срывали с них одеяла, плевали в лицо, кидали камнями. Ослабевших, тех, кто не мог идти, русские расстреливали так же, как это делали немцы с русскими военнопленными — мстили за своих. Из почти ста тысяч попавших в плен солдат Паулюса выжила половина. Остальные были расстреляны не знавшими жалости конвойными, умерли от голода или болезней по пути в лагеря или уже там, или сгнили заживо в госпиталях, где русские не оказали им практически никакой медицинской помощи...

В разрушенном городе Маше Долиной выпала удача увидеть самого Паулюса. Желających увидеть фельдмаршала набралось пять грузовиков. Когда Машу с товарищами привезли посмотреть на него, Паулюс вышел к ним худой и бледный, с каменным лицом. Они хотели задать вопросы, но Паулюс говорить с ними не стал. Держался он спокойно и с достоинством.

¹ Долина М. Указ. соч. С. 93.

Глава 20

В каком вы виде, Баранов!

Вновом, штурмовом, полку Аню Егорову и ее товарищей по очереди вызывал на собеседование замполит. Неизвестно, о чем уж он говорил с ребятами, но первым его вопросом Ане было: «И зачем вам подвергать себя смертельной опасности?» «Сразу уж и смертельной?» — буркнула та в ответ, и замполит признался, что потери у них «великоваты»: «Скажу по секрету, что в последних боях под поселком Гизель мы потеряли почти всех летчиков»¹.

Ане он отечески посоветовал подумать хорошенько и возвращаться в учебный полк, где она принесет большую пользу как летчик-инструктор. А быть штурмовиком не подходит женщине. Замполит говорил без злости и пренебрежения, но Аня так часто в последнее время слышала подобные слова, что завелась с полоборота.

«А что же подходит женщине на войне, товарищ комиссар? — с вызовом спросила она. — Санинструктором? Сверх сил напрягаясь, тащить с поля боя под огнем раненого? Или

¹ Тимофеева-Егорова А. А. Указ. соч. С. 152.

снайпером? Часами в любую погоду выслеживать из укрытия врагов, убивать их, самой гибнуть?»

Комиссар начал что-то говорить, но остановить Аню уже было трудно.

«Видимо, легче быть заброшенной в тыл врага с рацией? А может быть, для женщин сейчас легче в тылу? Плавить металл, выращивать хлеб, а заодно растить детей?»

Комиссар не стал возражать, только, грустно улыбнувшись, сказал Ане, что у него такая же «сумасбродная» дочь. Она сейчас врачом на фронте где-то под Сталинградом, и писем от нее давно нет.

Скоро уже Аня вместе со штурмовым полком ехала на завод за новыми Илами. В вагоне было шумно, летчики радовались большому успеху Красной армии под Сталинградом и высказывали сожаление, что не придется повоевать там, очень уж медленно везут их за самолетами. 2 февраля на одной из станций они услышали из репродукторов сообщение Информбюро: «Южная группировка гитлеровских войск во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдалась в плен». Вскоре они ждали на заводе новые самолеты, которые им обещали со дня на день. Обманули: ждать пришлось долго. Они не были единственными, в столовой заводского аэродрома всегда стояла длинная очередь. Чтобы получить алюминиевую ложку, нужно было отдать свою шапку-ушанку — ложки постоянно пропадали. Еда в столовой оказалась не ахти: суп «погоняй» — в нем нужно было гоняться за одинокими крупинками и кусочками овощей, все та же каша «шрапнель» и размазанный по большой алюминиевой тарелке «кисель а-ля малина». Ребята шутили: «Жив-то будешь, а по девочкам не пойдешь». Жили в землянке, «большой, как тоннель Метростроя, с двумя ярусами нар». В эту землянку Ане как-то принесли письмо от подружки по Метрострою Тани Федоровой.

Таня писала о новых станциях метро, строительство которых шло, несмотря на войну, — «Новокузнецкой», «Паве-

лецкой», «Автозаводской», — и об аэроклубовцах, которые почти все были на фронте. Анин инструктор Мироевский и Сережа Феоктистов воевали на штурмовиках. Валя Вишников, Женя Миншутин и Сережа Королев — на истребителях. Многие уже погибли: Лука Мировицкий, Опарин Ваня, Саша Лобанов, Вася Кочетков, Виктор Кутов..

Какой Виктор?! Аню «как током ударило». Все померкло — ни солнца, ни людей, ни войны. Казалось, что нечем дышать. Потом она увидела возле себя доброе лицо полкового доктора, говорившего: «Ну поплачь, голубушка, поплачь. Сразу легче станет...» Но Ане «не плакалось. Что-то невыносимо тяжелое легло на сердце и уже не отпускало долгие, долгие годы...».

Вскоре, уже на Южном фронте, она увидела прекрасный, необыкновенно яркий сон. Как-то, усталая и замерзшая, она вернулась в маленький домик, который ей отвели по настоянию полкового врача, доктора Козловского. Печку истопили, и в ней еще не потухли угли: красиво переливались, то красными огоньками, то синими, то золотыми. Аня согрелась и, не раздеваясь, уснула на кровати. Как наяву приснился ей Виктор, в белой рубашке с галстуком, в расписной тюбетейке. С ним была и Аня в «черной плисовой юбке, голубой футболке с белым воротничком и со шнуровкой». На голове — белый берет, на ногах — белые с голубой окантовкой тапочки с белыми носками. Берет — такой у них был шик — «еле держался на макушке и на правом ухе». Этот наряд, «все это великолепие»¹, у Ани и правда было до войны, она купила все в Торгсине на подаренную мамой старинную золотую монету. А вот галстука Виктор никогда не носил. И вот, во сне, Аня гуляла с ним в Сокольниках на какой-то громадной поляне, а вокруг росли ромашки. Как легко и весело было в этом сне! Кто-то стучался в дверь, но она не хотела просыпаться. Барабанили все громче и громче, кричали, повторяя ее имя.

¹ Тимофеева-Егорова А. А. Указ. соч., электронная версия.

Тело не слушалось; кое-как поднявшись, Аня пошла к двери по стеночке. Не дошла, упала, с трудом доползла и, подтянувшись, повернула ключ. Оказалось, что она угорела и, не зайдя к ней «на огонек» ребята-летчики, утром бы не проснулась.

Всю ночь ее отхаживали — водили по улице, по свежему воздуху, — а утром отвели в санчасть к доброму доктору. Ему она рассказала о своем сне и прибавила: «Хорошо бы мне не просыпаться».

Лицо доктора стало строгим, и он сказал: «Там все будем, а вот достойно на этом свете прожить не всем удастся». На следующий день, взяв себя в руки, Аня пришла на занятия по освоению Ил-2 как ни в чем не бывало, запудрив ссадины на лице от удара при падении. Настроение у ее товарищей было преотличное: радио сообщило, что «гитлеровские войска под Сталинградом... полностью разгромлены».

Теперь Красная армия должна развернуть наступление на всех участках фронта, и, несомненно, их Южный фронт снова будет участком сосредоточения главного усилия.

На другом фланге Южного фронта в небо поднималась истребительная дивизия Бориса Сиднева. Январь для нее прошел довольно спокойно. «Произведено воздушных боев — 3», — отмечал в политдонесении замполит 296-го полка майор Крайнов. «За этот период сбитых самолетов противника нет. Боевых потерь в полку нет». Биографы Кати Будановой отмечают, что 8 января она в паре с Барановым участвовала в воздушном бою против четырех «Фокке-Вульфов», один из которых был ими сбит¹. Однако в документах полка об этом ничего не сказано; вероятно, это очередная легенда. Победы Литвяк и Будановой в 296-м полку начались лишь в феврале — зато какие!

Южный фронт развивал наступление на Ростов-на-Дону. Если город будет взят быстро, могут попасть в котел — и на-

¹ Катюша...

много больше Сталинградского — немецкие армии на Кавказе. В начале января по приказу Военного совета Сталинградского фронта политработники и командиры «в беседах показывали героические подвиги летного состава и самоотверженную работу технического состава». Продвижение советских войск показывали «непосредственно на карте» — как не показывали недавнее отступление. В полку у Баранова в этой работе принимал участие весь партийный актив во главе с самим «Батей», «разъяснявшим в беседах значение наступления и разгром немецких полчищ под Сталинградом».

У Вали Краснощековой «Батя» ассоциировался с Чкаловым: такой же хороший мужик, такой же отважный летчик. Похоже вспоминал о нем и его друг и ученик Алексей Маресьев, ставший большим советским героем: сбитый над вражеской территорией и раненный в обе ноги, он прополз восемнадцать километров, пытаясь вернуться к своим, и позже, с ампутированными ногами, вновь начал летать и вернулся в боевую часть. «Баранов — мой первый фронтовой командир. Я его как сейчас вижу: среднего роста, плотно сбитый, с вьющимися немного рыжеватыми волосами. Взгляд волевой... Строгий был командир, но людей любил, умел их ценить... Баранов первым научил меня главному для любого летчика — искусству умело, находчиво и неожиданно вести воздушный бой», — вспоминал Маресьев¹. Летчиков, своих подчиненных, своих учеников Баранов «учил воевать собственным примером, на все сложные задания водил группы сам», вспоминал Евгений Радченко из 296-го полка, прибавляя, что по характеру Баранов «был очень веселым»². Батя действительно был очень яркой личностью. Он с детства мечтал быть кавалеристом, только жизнь внесла коррективы

¹ Воспоминания о Николае Баранове // Шахтерский городской интернет-портал (Shahtersk.com).

² Там же.

и сделала его летчиком. Однако замашки кавалериста у него остались. Как-то Хрюкин, заехав в полк, увидел Баранова, отправлявшего в вылет летчиков, в очень странном наряде: «Батя» был босой, в рубашке вместо гимнастерки, сигнал на вылет подавал саблей, которую бог знает где достал. «В каком вы виде, Баранов!» — заметил Хрюкин¹, и больше ничего: он любил и уважал Баранова, своего ровесника. О любви Баранова к женщинам и вечеринкам он тоже знал, но считал, что за этим должен следить замполит. Но замполит 296-го полка майор Крайнов, «неинтересный серый человек», нелетающий командир, никакого веса в глазах «Бати» не имел.

В январе Крайнов сообщал начальнику политотдела 6-й ГИАД о проделанной партийно-политической работе: «Политико-моральное состояние личного состава полка здоровое. Весь личный состав полка, партийно-комсомольская организация нацелены на выполнение боевых приказов командования полка. Личный состав воодушевлен успешным наступлением нашей Красной армии и отдает все силы на быстрое разгром врага»². Темы бесед коммунистического актива с личным составом выбирали соответствующие, например: «О революционной бдительности в период наступления Красной армии» (с девушками-оружейницами специальную беседу на тему «Выше революционную бдительность» провел майор Гуськов). Мы не знаем, что думал о женских кадрах своего полка майор Крайнов, а вот замполит соседнего 85-го полка Панов иногда терял терпение. Как-то вечером он проводил с женским личным составом беседу в том духе, что «Америка с Англией нас в беде не бросят, дела японцев на Тихом океане приближаются к полному краху, югославские партизаны снова намылили немцам шею, Роммель в Африке увяз в песках пустыни. Да и у Красной армии есть

¹ Меньков Н. И. Интервью автору.

² ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП.

не только катюши и новые танки, но и героические традиции предков, «правда, графов и князей, но хороших» — Суворова и Кутузова». Девушки, некоторые из которых, устав за день, уже улеглись отдыхать, не зная, что к ним заглянет замполит, казалось, внимательно слушали, однако по их пустым глазам видно было, что они думают о своем. Неожиданно черноглазая Надя, приподняв одеяло, пригласила его под хохот подруг: «Эх, комиссар, комиссар, куда тебе ходить — сыпь под одеяло!» Панову ничего не оставалось, как, махнув на политобразование рукой, сбежать¹.

Чем мог быть действительно полезен комиссар — так это улучшением бытовых условий технического персонала, если ему не наплевать. Крайнову было не наплевать, он частенько ставил на вид командиру БАО — батальона аэродромного обслуживания — различные проблемы и недочеты. Жизнь техников после Сталинграда не очень-то изменилась: как отмечало политдонесение, в то время как «летний состав полка всегда своевременно в достаточном количестве, сытно накормлен горячей пищей», техническому составу часто «из-за ненормальности в работе БАО» не хватало еды. Все, по наблюдению Вали и Фаины, зависело от начальника этого БАО. Хороший командир БАО мог, проявив инициативу, «выбить» для людей даже то, что не было предусмотрено по нормам, и, уж конечно, мог устраивать баню почаще. У плохого командира БАО заказы не делались вовремя, продукты и вещи, если и прибывали в нужном количестве и вовремя, разворовывались, люди ходили вшивые. Серьезного контроля над БАО в большинстве случаев не было. И в сорок третьем, и потом, особенно в ходе наступления, техников часто «кормили дрянно: варили пшеничный концентрат, который хлебали, ничем не заправленный»².

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

² Там же.

И, постоянно переезжая с одного аэродрома на другой, не имея возможности помыться, они никак не могли избавиться от вшей. Вши появились еще под Сталинградом, что было неудивительно: там ни о каком мытье речи не было. Технику Коле Менькову инженер заметил там как-то утром: «Ну, Меньков, сколько по тебе мессеров ползает!»¹ А как было от них избавиться? Вшей вытраивали из одежды бензином, собирали на себе, но через пару дней они появлялись снова. Опомнилось начальство только тогда, когда кто-то заболел тифом — тогда уж всех помыли и обработали одежду. Но это уже в Зернограде, перед перелетом в Ростов-на-Дону.

Зато теперь навели порядок с зимней одеждой, пусть она Вале и Фаине досталась на несколько размеров больше, чем нужно: еще в Котельникове техники получили «валенки, куртки, перчатки, ватные брюки, теплое белье, шерстяные подшлемники». Это пришлось очень кстати: зима 1942/43 года запомнилась как необыкновенно суровая, с морозами до сорока градусов. Руки, если работать без рукавиц, тут же примерзали к металлу, оставляя, когда их отдирали, лоскуты кожи на металлических частях самолета. А как без рукавиц поменять, например, водяную помпу, к которой и голыми-то руками не все техники могли подлезть. «Валь, я тебе все сделаю, ты только мне водяную помпу отвинти!» — часто просили Краснощекову, которую выручали тонкие руки. Часто, как под Сталинградом, латали самолеты ночью, чтобы утром летчики могли летать.

Из Котельникова 296-й полк перелетел в Зимовники, где пробыли всего несколько дней и полетели догонять фронт, дальше — в Малую Орловку, потом в Большую Орловку, потом — в Хутор Сухой, потом — в Зерноград, все ближе и ближе к Ростову.

¹ Меньков Н. И. Интервью автору, 2010.

Согласно документам, большая часть вылетов для летчиков 296-го истребительного полка имела целью поддержку наступавших на Ростов-на-Дону наземных советских войск, стремившихся взять немецкий фланг в кольцо. Это сделать не удалось.

Наученный горьким опытом Сталинградского окружения, Гитлер в январе 1943 года санкционировал вывод войск с Кавказа как раз вовремя: части Манштейна, успешно обороняясь между Доном и Донцом, «сохранили открытой дверь» для находившихся на Кавказе армий, предотвратив угрозу их окружения с севера. Арьергард 1-й немецкой танковой армии выходил с Терека на Дон целых тридцать дней. Оборонительные бои они вели днем, по ночам двигались. В середине января возникла новая угроза: две советские армии рассекли немецкий фронт между Доном и Салом и неумолимо продвигались в сторону Ростова-на-Дону. 3-й гвардейский танковый корпус генерал-майора П. А. Ротмистрова наконец вышел к Дону северо-восточнее Ростова.

Внимание всего мира еще было обращено на Сталинград, но в конце января главное происходило на мостах Батайска, города, от которого Ростов отделяла лишь широкая полоса Дона. Захват Ростова означал бы безусловное окружение трех или четырех немецких армий, имеющих в своем составе примерно миллион человек — в четыре раза больше Сталинградского котла.

Пришлось спасаться. Группа армий «А» начала гонку — со временем и с русскими. У них осталось всего тридцать километров фронта. Манштейну было не занимать решительности и таланта полководца. Положение спас он. 22 января у деревни Манычская, там, где в Дон впадает река Маныч, в результате яростного боя немцам удалось ликвидировать советский клин — они заставили отступить передовой отряд Ротмистрова. Как Ротмистров докладывал командованию, личный состав его 5-го гвардейского механизированного корпуса 26 января сократился до 2200 человек (вместо примерно 15 тысяч), из бронетехники осталось семь танков и семь противотанковых орудий.

Все командиры бригад погибли. Пока русские держали деревню и мост через Дон, они могли в любое время возобновить наступление на Ростов с юга. Теперь ситуация стала намного сложнее, и неудивительно, что, по словам командующего Южным фронтом генерала Еременко, «все попытки взять Ростов и Батайск в январе 1943 года к успеху не привели». Ростовская дверь на Кавказ осталась открытой. 31 января 1943 года, когда под Сталинградом погибала 6-я армия, передовые части 1-й танковой армии, покидая Кавказ, достигли Таганрога.

Немецкие части прошли через Ростов, взрывая за собой мосты. Начав отступление 10 января, за четыре недели все воевавшие на Кавказе соединения 17-й немецкой армии спустились на Кубанский плацдарм. Красная армия должна была развернуть наступление, догнать немецкий арьергард и прорваться в Краснодар, но сначала нужно было взять Ростов. Фронт двигался к нему все ближе, 8-я воздушная армия перелетала к городу, и в начале февраля полки истребительной авиадивизии Сиднева уже базировались на аэродроме Зерноград в пятидесяти километрах от Ростова.

К началу боев за Ростов в 296-м полку осталось всего пятнадцать исправных самолетов, еще два ремонтировались в Котельникове. Четыре самолета, которые до сих пор находились за Волгой, пришлось списать, так как починке они не подлежали¹. На имевшихся в наличии самолетах летали по очереди, Лиля Литвяк — часто на одном самолете с Сеней, Семеном Горхивером. Техникам такой расклад нравился: Горхивер был маленького роста, ненамного выше Литвяк, так что, когда один из них летел после другого, не приходилось передвигать педали, как для высоких ребят. Лилия и Горхивер любили перекинуться шуткой². Горхивер, с вечной каплей на кончике

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 31.

² Интервью автора с Краснощековой В. Н. и Меньковым Н. И.

носа, был добрый и остроумный парень, неплохой летчик, разве что упрекали его в излишней осторожности. Он совсем не был трусом, хоть и без безрассудной смелости, какой обладали некоторые из ребят в полку. Трус бы таких боев не выдержал. Только в сентябре, под Сталинградом, у него один раз сдали нервы, но там творился самый настоящий ад. Горхивера тогда пригрозили перевести в штрафную роту, если такое повторится, но он воевал хорошо.

10 февраля Куценко, Соломатин, Буданова и Горхивер отличились, сбив три немецких самолета¹. Литвяк не отставала от подруги. 11 февраля полк «произвел 20 самолето-вылетов на прикрытие своих войск». В этих вылетах по Ю-87 сбили командир полка Баранов и Лиля Литвяк, один «мессер» — группой другие летчики. Замполит Крайнов отмечал в политдонесении и авангардную роль коммунистов в боевой работе: «Член ВКП(б) ст. Лейтенант Соломатин и член ВКП(б) капитан Верблюдов являются бесстрашными воздушными бойцами»².

Но у Леша Соломатина оставалось на партийную работу все меньше времени: в его жизни появилась любовь. В полку не спрячешься, то, что происходило между двумя летчиками первой эскадрильи, было у всех на виду. Но Алешу Соломатина так любили в полку, так восхищались им, а Литвяк, став летчицей этого полка, так хорошо показала себя в первых же воздушных боях, что к их чувству даже летчики, любившие побалагурить и поддеть товарища, относились бережно. И летчики, и техники, как могли, «создавали им условия, чтобы они побыли одни»³. Уже в начале марта Соломатин и Литвяк подали Баранову рапорт о том, что хотят пожениться. Разрешение было получено, но даже после этого возможности побыть вдвоем у них было немного — только

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 31.

² Там же, Л. 32.

³ Краснощекова В. Н. Интервью автору, март 2011.

ночью, в какой-то комнатухе, которую им ухитрились выделить, или просто за занавеской в углу горницы деревенского дома, куда летчиков определяли на постой¹. Фронт наступал, и эти временные жилища теперь менялись быстро.

«Немцы отступают, мы их догоняем», — писала в дневнике Женя Руднева. 4-я воздушная армия шла по пятам за немецкими войсками, уходившими с Кавказа.

Бог знает, от кого они услышали легенду о себе, которая якобы ходила среди немцев. Как записала в дневнике Галя, «гитлеровцы узнали про существование полка». Якобы немцы говорили, что «в наш полк набрали “уличных сорвиголов”, “уличных женщин”, что нам делают специальные уколы, от которых мы наполовину перестаем быть женщинами. И таким образом, мы наполовину женщины, наполовину мужчины, днем спим, ночью летаем бомбить». Говорили еще, что, когда какой-то У-2 из мужского полка попал к немцам, «все, особенно офицеры, бросились бежать к машине, надеясь своими глазами увидеть летчиц. Но там были парни. И все ж таки их заставили раздеться догола»².

Этой глупой выдумке «ночные ведьмы» поверили. Удивительно: они уже столько месяцев были на фронте, столько видели страшного, но в них жила все та же наивность, свойственная молодым, все тот же недостаток жизненного опыта. И, сея своими бомбами смерть, многие из них еще никогда вблизи не видели трупа врага.

Первый труп немца Наташа Меклин увидела как раз тогда, в феврале 1943-го, на станции Расшеватка. Здесь еще день назад были немцы, которых прогнал кавалерийский корпус генерала Кириченко, прославившийся в боях за Кавказ. В поселке догорали пожары, повсюду лежали трупы людей и лошадей.

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 63.

На обочине ведущей к аэродрому дороги Наташа и ее летчица Ира Себрова наткнулись на убитого немца. Он лежал за бугорком, и Наташа чуть об него не споткнулась. Девушки остановились, чтобы рассмотреть. Они молчали. Немец был молодой, без мундира, в голубом нижнем белье. «Тело бледное, восковое. Голова запрокинута и повернута набок, прямые русые волосы примерзли к снегу»¹. Казалось, что он только что обернулся и в ужасе смотрит на дорогу, чего-то ожидая.

До этого Наташа и Ира довольно смутно представляли себе, как «конкретно выглядит» та смерть, которую они каждую ночь сеют. «Подавить огневую точку», «разбомбить переправу», «уничтожить живую силу противника» — все это звучало привычно и обыденно. Они знали, что каждая смерть врага приближает победу, для этого они и пошли воевать. Но теперь, глядя на бескровное лицо убитого, на котором не таял свежий снег, на «откинутую в сторону руку со скрюченными пальцами», Наташа испытывала сложные чувства: подавленность, отвращение и, как ни странно, жалость. «Завтра я снова полечу на бомбежку, — думала она, — и послезавтра, и потом, пока не кончится война или пока меня не убьют...»

«Фронт км за 150, — написала Галя второго февраля. — Завтра летим догонять»².

Снова и снова перелетали с направлением на Краснодар: 4-я воздушная армия поддерживала Северо-Кавказский фронт, быстро двигавшийся к столице Кубани. «Мы летаем. У меня уже 28 боевых вылетов. Мы сейчас в Джерелиевском. Привыкли не спать ночами, независимо от того, работаем или нет. Тут как на передовой. Шныряют разведчики врага. И все время самолеты. Фашисты стягивают к Керченскому проливу всю свою технику и войска с Кавказа. А мы, значит, клюем их сверху. Взяты Ростов,

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 204–205.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 65.

Шахты, Новошахтинск, Константиновка. А вчера известили о взятии Харькова»¹, — писала она 17 февраля. События развивались так быстро, что освобождение Краснодара, которое произошло всего за пять дней до этого, для нее уже ушло в прошлое.

Ростов-на-Дону освободили через четыре дня после Краснодара.

Истребительные полки авиадивизии Сиднева перелетели в Ростов сразу после его освобождения. Им поставили новую задачу: прикрывать с воздуха Ростов и места сосредоточения советских войск, которые подтягивали, готовя наступление дальше, к Азовскому морю. 9-й полк разместили на гражданском аэродроме Ростова, полки Еремина и Баранова — на аэродроме Военведа, а 85-й полк — на аэродроме Ростсельмаша, вдоль кирпичной стены которого немцы сложили штабелями около пяти тысяч авиационных бомб разного калибра и веса, и бросили их при отступлении². Если бы немцы попали в этот штабель хотя бы одной бомбой, от полка, да и от соседнего с аэродромом завода ничего бы не осталось. К удивлению замполита Панова, убирать эти бомбы никто не спешил: то ли не было сил, то ли «сказывался фронтовой фатализм, которому поддавались многие, устав играть в прятки со смертью». Летчики не волновались, не думали, что задержатся здесь, ведь последние два месяца аэродромы менялись все время. Однако в Ростове они пробыли долго, сначала подерживая наступление, потом — оборону.

Шла операция по освобождению Донбасса, основного угольного бассейна страны. Окрыленный успехом советский Генеральный штаб поставил своим войскам поистине наполеоновские задачи. Согласно плану «Скачок», утвержденному Ставкой

¹ Докутович Г. Указ. соч. С. 68.

² Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

Верховного главнокомандования 20 января, «армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар... отрезают всю группировку противника, находящегося на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы то ни было имущества». Войска Южного фронта одновременно с операцией «Скачок» должны были разгромить ростовскую группировку немецких войск, освободить Ростов-на-Дону и Новочеркасск и в дальнейшем развивать наступление вдоль побережья Азовского моря.

Немецкое командование опасалось, что Донбасс будет потерян, и подтягивало туда войска, перебрасывая дивизии. Начав наступление, армии Юго-Западного фронта сразу столкнулись с трудностями. Им пришлось форсировать реки Дон и Северский Донец по льду под сильным огнем артиллерии, минометов и авиации. Советские части прошли за два месяца с боями сотни километров. Они были утомлены и потрепаны, тылы отстали. Тем не менее наступление поначалу развивалось: Юго-Западный фронт освободил Купянск, Изюм и наступал на Харьков. На другом секторе, создав плацдарм на правом берегу Северского Донца, советские части захватили сильно укрепленную станицу Крымская, затем — Славянск, откуда можно было продолжить наступление на Краматорск и далее на Ворошиловград. «А где же техника?» — встревоженно спрашивали горожане в Славянске у военных из ворвавшихся в город передовых частей. «Техника подойдет», — отвечали те, однако этого не произошло¹.

В тот же день, 17 февраля, немцы нанесли сильный контрудар, которому ослабленные советские части не смогли противостоять. К 24 февраля Славянск был почти полностью окружен. Немцы нещадно бомбили отступающих. Борис Иванищенко, оказавшийся с отступающими советскими частями в Славянске 28 февраля, вспоминал, как немецкие са-

¹ Жирохов М. Сражение за Донбасс. М., 2011.

молеты среди бела дня начали массированный налет на переполненный отступающими город. «Грохот, пыль, дым, крики, ржание обезумевших лошадей, озверевшие лица шоферов и ездовых, не имевших возможности продвинуться вперед в этой каше. А сверху раз за разом заходили на бомбежку все новые и новые самолеты, пикируя и поливая пулеметным огнем человеческое месиво...» Правое крыло Юго-Западного фронта отошло за Северский Донец, оставив открытым левое крыло Воронежского фронта, по которому немцы нанесли сильный удар.

Немецкое контрнаступление остановило и продвижение вперед дивизий на соседнем участке, 14 февраля освободивших Ворошиловград. Они продвинулись до 16 февраля на сто километров, однако уже 18-го были отрезаны. Только 3-я гвардейская армия еще несколько дней пыталась контратаковать, однако «фактически это была агония — у них не было необходимых сил...».

Войска Южного фронта, который поддерживала 8-я воздушная армия, включились в Донбасскую операцию 5 февраля. К исходу 11 февраля войска фронта форсировали реку Северский Донец и освободили десятки населенных пунктов. К 19 февраля стрелковые и кавалерийские соединения вышли к реке Миус, за которую немцы отвели войска почти без боев, заняв хорошо укрепленный рубеж. Все попытки советских частей пробиться на правый берег Миуса, прорвать заранее подготовленную там оборону потерпели неудачу. В начале марта войска Южного фронта прекратили наступательные действия и перешли к обороне по левому берегу Миуса.

Войска Юго-Западного фронта продолжали контратаки во второй половине февраля, однако противник создал численное превосходство, вынудив их отойти за Северский Донец. Харьков и Белгород вновь оказались в руках немцев. Первая наступательная операция в Донбассе осталась незавершенной.

Глава 21

В бою, девушки, совсем не страшно.

Март

РАННЕЙ ВЕСНОЙ 1943 ГОДА ДВУХ ДЕВУШЕК-ТЕХНИКОВ из 586-го полка отправили чинить и выручать самолет, посаженный летчицей при аварийной посадке «на брюхо». Отыскивая это место, в какой-то деревне под Воронежем, они то ехали на полуторке, в которой везли новый винт, баллон с воздухом и инструменты, то толкали грузовик, который то и дело застревал. Ехать было неплохо, толкать — страшно: дорога шла по местам недавних боев, по полям и обочинам лежали трупы русских и немцев. Наконец добрались до места: на окраине деревни увидели свой самолет под охраной деревенских женщин. Эти часовые сами удивились, что чинить и забирать самолет приехали девушки. Самолет починили, и шофер уехал, а техники смогли пуститься в обратный путь только тогда, когда приехала летчица и улетела на самолете. Прислать за ними машину не сочли нужным, пришлось добираться в полк своим ходом, то на попутках, то пешком — неведомая и страшная дорога. Продукты кончились, ночевать негде, никому до них не было дела. Только иногда, встретив на пути воинскую часть, они получали обед и сухарей в дорогу. Было уже тепло, только по ночам подмо-

раживало, а они были одеты еще по-зимнему, в теплых куртках и валенках. Подметки размокших валенок отваливались, пришлось подвязать веревками.

Самым страшным в этом походе стало поле мертвецов, не успевшее остыть после боя. Земля почти сплошь была покрыта искореженными пушками, убитыми лошадьми и трупами, трупами солдат и офицеров, русских и немецких. Это страшное поле на всю жизнь осталось с ними — кошмар, которому «казалось, не было конца». Другой дороги на Воронеж они не знали, ничего не оставалось, как преодолеть страх и идти. «Старались не смотреть на убитых, но потом стали поднимать документы, чтоб отдать в комендатуру адреса погибших», — вспоминала одна из них.

У берега реки им пришлось переждать ночь. Дед и бабка, к которым они пришли на огонек и постучались, сначала перепугались: девушки были оборванные и грязные. Бабка нагрела воды, организовала мытье и накормила. У стариков погибли на фронте сыновья, и каждого военного они принимали как родного¹.

Шла весна сорок третьего, таяли снега, открывая все новые и новые пространства, полные незахороненных солдат, несметное количество разбитой искореженной военной техники, бесконечные русские поля, превратившиеся после таяния снега в непролазную грязь. Движение армий остановилось, они увязли.

«Сейчас бы бомбить и бомбить»², — писала в дневнике Женя Руднева: распутица, а проще — страшная, непролазная грязь, обозначившая приход весны, поймала на дорогах целые колонны машин отступавших с Кавказа немцев. Но на старт они по грязи не могли вырулить, да и бензина не было: застряли и машины БАО.

В работе полка появились новые моменты: выходить нужно было задолго до наступления темноты, чтобы выволочь само-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 122.

² Руднева Е. М. Указ. соч. С. 144.

леты со стоянок на старт. Глубоко вязли в грязи шасси, вязли и ноги в кирзовых сапогах. В мирное время «никому бы и в голову не пришло летать с такой грязищи», но как далеко теперь было это мирное время. Катя Пискарева могла запросто остановиться на дороге местного мужичка: «Дядя, ну-ка помоги!»¹

Передышка дала возможность отправить кого-то из личного состава в санаторий: лучший кавказский курорт и лечебница Ессентуки находился отсюда всего в двухстах километрах, его только что отбили у немцев.

«...Дали путевки в санаторий в Ессентуки», — записала Галя Докутович 24 февраля. На нее это было непохоже — согласиться на санаторий, когда все только и ждали, когда подсохнет аэродром и смогут проехать по дорогам бензовозы. Но Гале было плохо. «Чувствую себя очень скверно. Стараюсь держаться, но, кажется, выдержка скоро лопнет»², — признавалась она дневнику, но только ему: подругам, даже Полине, — никогда. Они все видели, как ни старалась Галя скрыть свои страдания, но в тот единственный раз, когда Полина попыталась заговорить с ней об этом, Галя, рассердившись, запретила ей поднимать эту тему.

В санатории Галя встретила свою первую и единственную любовь. По записям в дневнике легко проследить эволюцию ее отношения к синеглазому летчику Мише. Сначала — запись о том, что какие-то офицеры, зайдя к девушкам в комнату, «слишком свободно себя вели» и завели такой разговор, что Гале пришлось выйти. Потом она с удивлением признается дневнику, что один из них — Миша — оказался на самом деле «человеком настоящим и глубоким». Миша уехал, и Галя пишет, как кто-то из персонала сказал: «Оставил он вам, Галочка, сердце свое», а она подумала: «И не знает, что мое тоже увез!» «Славный, синеглазый Ефимыч с косматым

¹ Аронова Р. Указ. соч., электронная версия.

² Докутович Г. Указ. соч. С. 73.

чубом» летал на «Бостоне» — американском тяжелом бомбардировщике — в полку, размещенном недалеко от «ночных ведьм», так что у них был шанс скоро увидеться. Время после отъезда Ефимыча тянулось «необыкновенно медленно», хотелось «скорее в полк, скорее за работу» и еще скорее туда, где она сможет «хоть мельком»¹ увидеть его.

И смертельная опасность, каждую ночь в полетах угрожавшая ей, казалась Гале ничтожной по сравнению с той, что угрожала летавшему на «Бостоне» Мише. Галя любила.

В Джерелиевской они простояли совсем мало: фронт катился вперед, приходилось догонять. Перелетели в большую кубанскую станицу Пашковская, где командир полка Бершанская жила до войны. Как-то утром, когда командир полка возвращалась после полетов вместе с летчиками, какая-то пожилая женщина, поравнявшись с ними, поздоровалась: «Здравствуйте, Евдокия Давыдовна! С благополучным возвращением вас». В ее голосе было глубокое уважение: Бершанскую в станице хорошо знали, до войны она работала здесь в ГВФ и была местным депутатом.

«Слышали, слышали мы о вас, — сказала женщина, внимательно рассматривая девушек-летчиц, и прибавила тихо, с легким поклоном: — Спасибо, родные!»

Скоро и Пашковская оказалась слишком далеко от линии фронта: немцы отходили к «Голубой линии». Отходили организовано, с небольшими потерями, к хорошо укрепленному рубежу, на котором должны были организовать оборону.

Новым местом работы для «ночных ведьм» стал аэродром подскока к западу от Краснодара, где девушки впервые попробовали коньяк — не понравился.

После вылетов им всегда давали «фронтовые сто грамм», только не водкой, а вином. Большинство пили, чтобы сбро-

¹ Докутович Г. С. 78–79.

сильное напряжение после ночных вылетов и уснуть. Однажды утром в стаканах оказалась какая-то «бурая жидкость» с сильным запахом. «Фу, какая гадость!» — сказала, попробовав, одна летчица. Остальные тоже попробовали, осторожно поднеся стаканы к губам, и убедились в том, что «действительно гадость». Официантка объяснила: коньяк. Пришел с извинениями повар, сказавший, что на складе ничего больше нет. Коньяк остался на столах нетронутым, к радости пришедших через полчаса на завтрак ребят-истребителей. После этого парни стали приходить на завтрак пораньше. Девушки думали, что познакомиться хотят, но дело было в коньяке¹.

Весной 1943 года перед Южным и Юго-Западным фронтом стояла непростая задача. Юго-Западный пытался прорвать сильно укрепленный Миус-фронт, Южный фронт, на соседнем участке того же направления — «Голубую линию», как значилось в советских документах, или «Готенкопф» — в немецких.

Немцы ни за что не хотели уходить с Таманского полуострова — считали необходимым сохранить его как исходную позицию для последующего наступления. Укрепления, используя рабский труд местных жителей, немцы построили очень серьезные: две полосы обороны с общей глубиной двадцать — двадцать пять километров, с опорными пунктами, насыщенными дотами, дзотами, пулеметными площадками, орудийными окопами, связанными между собой системой траншей и ходов сообщения. Главная полоса обороны была покрыта минными полями и несколькими рядами проволочных заграждений. Да и природные укрепления там почти неприступные: болота, лиманы и плавни на северном участке, покрытые лесом горы — на юге.

Удачное и быстрое, без больших потерь, отступление немецких войск до «Голубой линии» было еще одним результатом

¹ Аронова Р. Указ. соч., электронная версия.

военного таланта и опыта Манштейна. Вопреки советским источникам, которые пишут об упорных боях во время немецкого отступления, таких боев практически не было, ни одна из сторон не понесла больших потерь. Бои начались тогда, когда немцы закрепились на «Голубой линии», а советские войска пытались ее прорвать. Сил не хватало, и первые попытки потерпели неудачу.

На Миус-фронте успехов не наблюдалось. Фронт остановился у поселка Матвеев Курган, который до этого несколько раз переходил из рук в руки. И сейчас, в 1943 году, этот многострадальный поселок остался прифронтовым на несколько месяцев, постоянно находясь под бомбежками и обстрелами: фронт от него никуда не двигался. В марте люди, которым некуда было отсюда уйти, видели, как, когда темнело, приезжали машины с убитыми советскими солдатами — покрытые брезентом грузовики. «Всю ночь штабные работали, что-то писали, а рано утром их хоронили». Деревенские женщины, у которых сыновья и мужья тоже были на войне, приходили смотреть на мертвых, чтобы поискать своих, но сколько же было этих убитых! Огромные, как силосные, ямы копал экскаватор, и в каждую клали штабелями, один ряд на другой, по тысяче трупов.

Советские части, которые бросили здесь в бой, страшно поредели, пополнений почти не было. Константин Симонов провел здесь день в бывшем кавалерийском полку, где осталось из тысячи всего сорок «сабель», как по привычке говорил командир. Все понимали, что попытки прорвать фронт с такими силами скоро сойдут на нет.

«Ястребки» Баранова сопровождали «петляковых» и «горбатых», под сильным зенитным огнем помогавших наземным частям у Миуса. Литвяк и Буданова летали здесь наравне с мужчинами: при хорошей погоде часто делали по несколько вылетов в день и, приземлившись, иногда не могли сразу вылезти из самолета — не оставалось сил, когда отпускало

страшное напряжение боя. Валя Краснощекова запомнила, как иногда, после третьего или четвертого вылета им с Плевшивецевой приходилось буквально вытаскивать обессилевших летчиц из самолетов¹. Немцы в воздухе дрались уже не так, как год назад, но все еще были очень сильны.

У летчиков Баранова не осталось ни капли первоначального недоверия к девушкам, особенно к Литвяк, которую считали «хорошим средним летчиком»². В марте ее имя часто мелькает в документах полка — теперь уже 73-го гвардейского, так стал называться 296-й полк, получив гвардейское звание.

7 марта Литвяк «произвела вынужденную посадку на аэродром Сельмаш (на самом деле — Ростсельмаш), причина, как написал замполит, «выяснялась». До того как причина выяснилась (действительно имела место поломка), парни успели отпустить немало шуток: считалось, а может быть, так оно и было, что Лиля не сильна в технике. Еще помнили выговор, полученный ею от инженера полка, когда она пришла на аэродром на последних каплях бензина, не сделав поправок на скорость и направление ветра. «Эх ты, девка, — ругался инженер, — у тебя палка крутится, и ладно!»³ Но очень скоро Лилия в который раз доказала, что смеяться можно над кем угодно, только не над ней. В конце марта статьи о ней вышли сразу в нескольких газетах.

«В течение 22, 23 и 24 марта полк производил вылеты по прикрытию города Ростова, — писал в очередном отчете политотделу армии майор Крайнов. — В момент налета неприятельских бомбардировщиков на гор. Ростов вели воздушный бой, в результате сбито 2 самолета противника типа Ю-87 и 1 Ю-88, подбит один Ме-109. В воздушном бою отличились: член ВКП(б) лейтенант Каминский (сбил 1 Ю-88,

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Зима 2009.

² Меньков Н. И. Интервью автору, сентябрь 2009.

³ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 34.

который упал в районе Городище), старший сержант Борисенко сбил 1 самолет противника Ю-87, комсомолец мл. лейтенант Литвяк сбила 1 Ю-87, член ВКП(б) Герой Советского Союза капитан Мартынов подбил 1 самолет типа Ме-109». Дальше — снова о Литвяк. «Проявляя мужество, младший лейтенант Литвяк раненая произвела благополучную посадку на своем аэродроме, самолет ее подбит в воздушном бою и подлежит ремонту».

В более полном месячном докладе Крайнов отмечал, что «22-го марта комсомолка мл. лейтенант Литвяк смело вступила в бой с группой бомбардировщиков противника Ю-88, в воздушном бою была ранена, но, несмотря на боль, продолжала героически сражаться с противником и с короткой дистанции сбила Ю-88, вышла из боя только тогда, когда была пробита воздушная система. Так могут сражаться только дочери русского народа», — пафосно заканчивал Крайнов свой доклад о Лиле Литвяк.

Лиля становилась знаменитостью. О ней писала «Комсомольская правда». О ней написали в «Сталинском соколе» братья Тур — известные авторы пьес, в войну ушедшие на фронт корреспондентами. Конечно, они не могли в статье, озаглавленной «Девушка-мститель», не описать Лилю. «Лиле Литвяк — двадцать лет. Прекрасная весна девической жизни! Хрупкая фигура, золотые волосы, нежные, как самое ее имя Лиля». В статье рассказано и о том, как Лиля в третьем боевом вылете под Сталинградом сбила немецкого пилота, «награжденного тремя немецкими крестами», и о том, что она сейчас «слывет одним из отличных летчиков фронта», и о том, как, раненная, она спасла свой подбитый самолет. Отметив, что эта девушка чужда аффектации, авторы процитировали ее слова: «Когда я вижу самолет с крестами и свастикой на руле поворота, я испытываю только одно чувство — чувство ненависти. И мне кажется, что это чувство делает тверже мои руки, лежащие на гашетках пулеметов».

Статья сразу пошла в номер, и через день или два после того, как раненую Лилию привезли в ростовскую больницу, весь город уже знал о ней и ее подвиге. Лилию Литвяк навестили не только Катя, девушки-техники и ребята-летчики; в больницу приходили жители Ростова. О ней написала и городская, и областная газеты. Люди шли потоком, несли подарки и конфеты — не смотря на то, что у большинства после оккупации ничего не осталось¹. Лилия, впрочем, в больнице не задержалась, через несколько дней уже вернулась в полк — с кучей подарков, счастливая, гордая, сильно прихрамывая: рана была несерьезная, в мягкие ткани бедра, но все равно давала о себе знать.

Ей бы нужно было остаться в больнице подольше, но она не захотела, и тогда «Батя» — а может быть, и сам Сиднев — предложил ей что-то, от чего она отказаться не могла никак: отпуск в Москве. Да еще с Катей Будановой, которой поручили сопровождать подругу.

Устроили проводы: «выпили и закусили мочеными яблоками, которые откуда-то привез Баранов», пели песни².

Брату Лили Юре было пятнадцать лет, и приезд любимой сестры с фронта он очень хорошо запомнил. На следующий день после приезда Лилия, наговорившись с мамой, уже куда-то убежала, вернулась с двумя подружками. Потом «прибежала Катя Буданова», тоже успев побыть с сестрой и племянницей и накормить их привезенными продуктами. В комнате, где жила Лилина семья, в тот день было шумно и весело, девушки крутили патефон, громко звучала «Приорита». Анна Васильевна штопала Лилино белье и чинила форму³.

Лилия появилась дома в военном, но с собой, как вспоминал брат Юра, у нее было в рюкзаке «платье с чем-то зеленым».

¹ *Меньков Н. И.* Интервью автору. Сентябрь 2011.

² *Аграновский В. А.* Белая Лилия. М., 1979. С. 40.

³ *Аграновский В. А.* Указ. соч. С. 41.

Из чего это платье было сшито, Юра не знал, а мы знаем. «...А ведь правда, что наши девчата были самые красивые в Восьмой армии!» — вспоминали летчики 73-го гвардейского полка. «Помнишь, как в Ростове мы доставали им немецкие паутинки-чулки? Они у нас сами обшивались, чтоб вам было понятно: из немецких парашютов шили замечательно красивые платья — шелк под рогожку! А отделку делали так: брали немецкие эрлиховские снаряды от зениток, а порох в них был в зеленых мешочках, сделанных из вискозы... Вот они порох к чертовой матери высыпали, а вискозой отделявали платья — глаз не оторвешь!»¹ Такое платье вспоминала и официантка из БАО, хорошо запомнившая Лилю. В Ростове, как известно, было захвачено такое количество немецких авиационных боеприпасов, что в такие платья можно было одеть всех девушек 8-й воздушной. А шила Лиля лучше всех.

Но в холодной Москве конца марта, где и в квартирах было не теплее, чем на улице, в таком платье не очень-то уютно. Пока сохла постиранная форма, Лиля с матерью в четыре руки быстро-быстро сшили костюм из отреза, который то ли сохранился дома, то ли был привезен Лилей с собой. Костюм этот Анна Васильевна сберегла, и теперь, выцветший, он лежит под стеклом в школьном музее в Красном Луче, недалеко от места Лилиной гибели².

«Комсомольская правда», давно следившая за девушками-летчицами, устроила в их честь вечер. После этого Лиля пробыла дома совсем недолго, торопилась в свой полк, к товарищам, к Алеше. Маме про свои близкие отношения с Соломатиным она ничего не сказала, стеснялась. Даже в своих письмах домой она называла эти отношения «дружбой»³.

¹ Аграновский В.А. Указ. соч. С. 41.

² Ващенко В.И. Интервью автору.

³ Литвяк Л. Письма из коллекции Музея при гимназии № 1, г. Красный Луч.

Катя Буданова в Москве задержалась, скорее всего из-за комсомольской работы. «Где же Катька?» — недоумевала Лиля в письмах¹: подруги не хватало. Но Катя вернулась только в конце июня. В Москве у нее было много встреч, в том числе с поэтом Самуилом Маршаком, которого она знала и раньше (после Катиной гибели Маршак написал «Песню о Кате Будановой», которую положили на музыку). В июне Катя выступила на авиационном заводе, где работала до войны. В ее речи были такие слова: «Стать опытным бойцом или командиром под силу каждой женщине, в ком бьется сердце патриотки, кто любит свою Родину, свой народ, свою родную Советскую власть больше и крепче всего на свете». Речь — такая же, как сотни тысяч других речей того времени, как будто написанная частично не самой Катей либо отредактированная кем-то еще, но были в этой речи и слова, пришедшие прямо от Катиного сердца — ответ на вопрос о том, страшно ли в бою. «В бою, девушки, совсем не страшно. А вот после боя, когда сядешь на землю, закроешь глаза и представишь себе, что было, тогда вот и охватит страх, и в дрожь, и в жар бросает»².

Пока Литвяк и Буданова были в отъезде, Валя Краснощечкова и Фаина Плешивцева сживались с новым для себя женским коллективом: в 296-м полку было еще несколько девушек-вооруженцев. Как-то ночью в домик, в котором их поселили в Ростове, нагрянул пьяный «Батя» Баранов, которому захотелось пошутить. Он подходил к постели каждой девушки, сдергивал с нее одеяло и поливал водой из принесенного с собой чайника. Девушки подняли визг. Не растерялась только Фаина Плешивцева. Она встала с постели, где спала рядом с Валею, босыми ногами прошлепала к ведру с водой, зачерпнула кружкой воды и вылила ее «Бате» на голову. «Батя», тут же протрезвев, удалился и после

¹ *Литвяк Л.* Письма из коллекции Музея при гимназии № 1, г. Красный Луч.

² Катюша... С. 23.

этого относился к Фаине и Вале весьма сдержанно — других, когда был выпивши, мог и за задницу ущипнуть. Но Валя уже разобралась, какой он на самом деле хороший человек и какой летчик, а слабости есть у всех. И выпить человеку, который постоянно живет в таком напряжении, тоже иногда надо¹.

Литвяк снова была в своем полку уже через неделю. Заезжала ли она куда-то по пути назад? Командир 586-го полка Гриднев в своих написанных в конце жизни воспоминаниях заявил, что Литвяк внезапно появилась в женском полку. Как пишет Гриднев, ее откомандировали обратно в 586-й полк, и она приехала требовать, чтобы Гриднев отпустил ее назад к Баранову, где летал ее жених. Держалась она очень смело, разговаривала с Гридневым фамильярно, однако и он понимал, что имеет дело не с рядовым летчиком: Литвяк уже стала знаменитостью. Гриднев сказал, что ничем помочь не может, отменить приказ может только командование ПВО, и Литвяк, которой море было по колено, отправилась в Москву добиваться отмены приказа у командования ПВО. И добилась, потому что в женском полку ее больше не видели².

Утверждение Гриднева ветераны полка не подтверждают; его воспоминания вообще им не понравились, они требовали сжечь рукопись³. К сожалению, видимо, уже никогда не будет известно точно, насколько правдивы эти, часто сенсационные, воспоминания. Ветеранов 586-го полка почти не осталось, и говорить о своем пребывании на фронте они не хотят — как будто скрывают что-то. Однако, если помнить о том, какое количество мифов и откровенной лжи развелось вокруг имени Лили Литвяк, может оказаться и так, что версия Гриднева единственно правдивая и в Москву Лиля

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автора. 2011.

² Гриднев А. Указ. соч.

³ Калачева И. Н. Интервью автору по телефону. Зима 2009.

приезжала вовсе не в отпуск, а обивать пороги и просить командование вернуть ее к Леше. Возможно, что по той же причине, добываясь разрешения остаться у Баранова, так долго пробыла в Москве и Катя. Но почему тогда в полк к Гридневу Литвяк приехала одна?

Других летчиц, улетевших из 586-го полка под Сталинград и отказавшихся вернуться, — Клаву Блинову и Тоню Лебедеву, а затем еще Машу Кузнецову и Аню Демченко, которая неизвестно как оказалась с Кузнецовой вместе, — действительно пытались вернуть к Гридневу. Блиновой и Лебедевой помогло знакомство с Василием Сталиным, а Кузнецова и Демченко самовольно остались в каком-то мужском полку: уговорили летчики, среди них будущий муж Маши Жукоцкий, которые уверяли, что ничего за послушание не будет. Авиационный генерал Иван Пунтус как-то подзадо-рил их, заметив, что они правы в своем желании быть ближе к передовой. Наслушавшись уговоров, Маша и Аня тянули до тех пор, пока генерал Осипенко не приказал их наказать. В землянку даже начал ходить следователь — скорее всего, особист, которого они в конце концов выкурили, докрасна раскалив печь и устроив страшную духоту. Вскоре их вызвали в Москву. Когда они, обливаясь потом в своей еще зимней летной форме — сменить было негде, так как они ни к какому полку не были приписаны, — нашли штаб ПВО, генерал Осипенко осыпал их таким градом ругательств, что даже Аня Демченко, которая никогда не лезла за словом в карман, притихла¹. Помог сам командующий войсками ПВО генерал Громадин. «Дай им самолеты, и пусть летят», — велел он Осипенко. Девушек переодели в шинели и отправили в дом отдыха под Москвой. Маше удалось выпросить день в Москве, познакомить Аню со своими родными. На следующий день их вызвали и сказали, что они должны быть на приеме в мон-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 65.

гольском посольстве: монгольские женщины собрали деньги на самолеты, и эти самолеты решили передать им. Еще вчера Осипенко ругал их на чем свет стоит и грозил арестовать. Теперь они стали главными гостями дипломатического банкета, в их честь устроили митинг на аэродроме, когда передавали новые, только что с завода, Яки с надписью на борту: «От женщин Монголии — фронту!» На этих самолетах они улетели — все-таки обратно в женский полк, в Воронеж.

Маша Кузнецова успешно летала до конца войны, но воздушных побед больше не имела: полк остался в системе ПВО, в тылу, и сбитые были большой редкостью. Обладая большим чувством юмора, Маша, рассказывая впоследствии о своем пребывании в женском полку, любила вспоминать один смешной эпизод в Киеве, который, однако, мог плохо закончиться.

Как-то зайдя на аэродроме в туалет — деревянный домик с двумя отделениями, стоявший недалеко от командного пункта полка, — Маша повесила на гвоздик ремень с кобурой. В соседнем отсеке была Ольга Ямщикова, после войны ставшая самой знаменитой летчицей-испытателем в СССР. Машин тяжелый меховой комбинезон зацепился за гвоздь-вешалку, пистолет упал, прогремел выстрел. Ямщикова застонала за перегородкой. Маша бросилась к ней и нашла ее на полу. Еле слышным голосом Ольга шептала: «Мы подорвались на mine».

Прибежали люди с командного пункта, в первых рядах — полковая особист капитан Кац. Машу она долго допрашивала, пыталась обвинить в том, что она преднамеренно стреляла в командира эскадрильи Ямщикова. Рана, правда, оказалась пустяковая, в ягодицу. Машу наказали нестрого: пять суток домашнего ареста с денежным вычетом, но вычли по ошибке с другой Маши Кузнецовой — их было в полку две — Мария Михайловна и Мария Сергеевна, «Эм Эм» и «Эм Эс». Весь полк над Машей потешался. Ямщикова просила командира корпуса отменить приказ, но он остался в силе.

Глава 22

В чем ошибка Вари?

«Ночные ведьмы» снова горевали по погибшим подругам, очередной трагической, обидной, небоевой потере.

Когда Рая Аронова впервые, через несколько дней после своего ранения, встала на ноги, она сразу пошла в палату, где в тяжелейшем состоянии, вся переломанная, лежала штурман эскадрильи Хиваз Доспанова, или Катя, как ее звали в полку, миловидная маленькая казашка.

У Кати были переломы обеих ног, сотрясение мозга и серьезные повреждения внутренних органов, она выжила чудом. Немного оправившись, она рассказала Рае, что произошло.

Над их аэродромом часто стали ходить по ночам немецкие самолеты, и Бершанская приказала свести световые сигналы до минимума, запретив даже пользоваться аэронавигационными огнями — крайняя мера, призванная защитить полк от бомбежек (но почему не поменять аэродром?). Неудивительно, что два самолета, одновременно придя с задания, не увидели друг друга и столкнулись в воздухе. Находившиеся в одном из них летчица и штурман погибли сразу. Во втором

были Катя и летчица Юля Пашкова. Катя помнила только внезапный сильный треск, после которого самолет начал падать. Очнувшись на земле под обломками, она хотела позвать на помощь, но только застонала. Ей удалось вытащить из кобуры пистолет, но она не успела выстрелить и позвать на помощь: потеряла сознание. Выстрелить удалось Юле Пашковой, тоже полуживой, истекающей кровью. Юля умерла на операционном столе. Катю тоже посчитали мертвой и положили в мертвецкую рядом с подругой. Потом случайно заметили, что она не покрывается мертвенной бледностью, занялись ею и спасли¹.

Галя Докутович записала: «Вчера похоронили Юлю Пашкову, двадцатилетнюю веселую Юльку, певунью и танцорку, мужественного и умелого летчика. Страшно. Женя Руднева написала вчера несколько строк. Это и наши мысли. Пройдет много лет, закончится война. И на месте трех могил люди поставят красивый мраморный памятник. Это будет стройная девушка с задорно откинутой головой. Вокруг будет много чудесных цветов. И мамы скажут своим маленьким детям: “Тут похоронены летчицы”. Но никто из них не запомнит в лицо Лиду, Полину и Юльку. И дети с уважением и любопытством будут смотреть на красивую мраморную девушку и плести венки на каменных ступеньках памятника»².

Как красиво написала Женя!

Уже на следующий день она запишет: «Die Toten sind tot, / Und leben die Leben...» (Умершие — мертвы, живые — живут), и дальше о том, как они с подружкой пекли блины. Они горевали по погибшим, оплакивали их, но жизнь, стремительная фронтовая жизнь, тут же уносила их дальше. «Да, мы ожесточились за это время», — писала Женя своему profes-

¹ Аронова Р. Указ. соч., электронная версия.

² Докутович Г. Указ. соч.

сору астрономии, рассказывая о том, как они бьют застрявших в распутице немцев. «Самая лучшая награда для меня — это увидеть сильный взрыв с черным дымом... Такого врага нужно только уничтожить»¹. И, оплавав погибших подруг, нужно было продолжать жить и бороться.

«Ночные ведьмы» клевали укрепившихся на Кубани немцев по ночам, их подруги, летавшие на Пе-2, бомбили днем, уже под прицельным огнем немецких зениток. Только там, на Северо-Кавказском фронте, на «Голубой линии», они попали в настоящее пекло — ведь под Сталинградом они оказались уже к концу битвы и вышли из этих боев без серьезных потерь, лишь с пробоинами в самолетах и царапинами у экипажей. Какие бои ждут их дальше, они даже не представляли. К счастью, им попался командир, который смог подготовить полк и к таким испытаниям.

Майор Валентин Марков прибыл в полк после сталинградских боев. Летчики считали, что командовать полком вполне сможет Женя Тимофеева, но командование сочло, что полку нужен кадровый военный командир. Так как женщины, способной командовать полком Пе-2, не нашлось, прислали стройного шатена с украшенной орденами грудью. Ни женский полк, ни Марков от этого назначения не были в восторге².

Маркову было тридцать три года, до этого он командовал мужским полком Пе-2. Когда его сбили и ранили, он какое-то время провел в госпитале и, явившись за новым назначением, узнал, куда его отправляют. Как будто на него «вылили ведро ледяной воды»³. Он совершенно не мог представить себя на месте командира такого полка. Самолеты были сложны

¹ Руднева Е. М. Указ. соч., электронная версия.

² Долина М. Указ. соч. С. 109.

³ В небе фронтовом, электронная версия.

в управлении, как же летать на них с женщинами? Первой реакцией Маркова было: «За что?» Когда его спросили, хочет ли он командовать этим полком, он ответил отрицательно и попросил, чтоб назначили кого-то еще. Тут выяснилось, что спрашивали просто для приличия; на самом деле приказ уже был составлен и подписан. Выбора не было.

Выйдя из начальственного кабинета «бледный и злой», Марков сказал товарищам, которые ждали его за дверью, на какую должность назначен. У них, как он вспоминал, «волосы встали дыбом».

В мозгу у Маркова проносились тысячи вопросов. Как вести себя с женщинами, ведь они капризны и обидчивы? Как установить дисциплину, без которой невозможны боевые вылеты? Как отнесутся к нему они, ведь будут сравнивать его со своей обожаемой Расковой? Марков «принял решение быть справедливым, строгим и требовательным командиром»¹, не зирая ни на что.

Новая роль удалась ему прекрасно. По мнению девушек из полка, большего контраста с Расковой нельзя было придумать. Новый командир держался холодно и строго. «Высокий, худой и мрачный», он сразу получил от девушек прозвище «Кинжал». На первом построении его лицо ясно говорило о том, что для него назначение в женский полк — это трагедия и крест².

«Начнем с дисциплины», — сказал Марков, строго, «как надзиратель на заключенных», глядя на выстроившийся на тридцатиградусном морозе личный состав, который прошел три километра по глубокому снегу от деревни. Сразу обьявив, что никаких скидок на слабый пол делать не будет, он ткнул пальцем на дырку в куртке девушки-техника, другой девушке язвительно сказал, что у нее грязные сапоги. Как его возненавидели! Начались бесконечные строевые подготовки,

¹ В небе фронтовом, электронная версия.

² Долина М. Указ. соч. С. 110.

муштра летного состава, муштра вооруженцев. Не дай бог не так шагнуть в строю, не дай бог слишком густо смазать вооружение. «Будете дома так бутерброды мазать, девушка», — говорит Марков и глядит холодно.

И только начав летать с Марковым, они поняли, что именно такой им был нужен командир. Марков заставлял их летать каждый свободный час, проводить учения с истребителями, отрабатывать высотные полеты и прицельное бомбометание с пикирования. Проходила растерянность, охватившая их после гибели Расковой, появлялось все больше уверенности. Если бы не Марков, в боях на Кубани потери были бы намного выше.

Маша Долина всю жизнь помнила «раскаленное от рева моторов, пулеметных очередей и зенитного огня кубанское небо», то «смертельное напряжение», которое испытывали летчики, когда нужно было замереть на три минуты, сохраняя заданную высоту, направление и скорость, перед выходом на курс для сброса бомб. Иначе штурман не могла точно прицелиться. Для немецкого зенитчика эти секунды были как раз тем временем, когда он мог «сбить и не промазать». Задача стояла одна: прорваться, уйти из пекла в зону отсечения зенитного огня, иначе точно поразить цель не сможешь. На пути к цели многих подбивали и сбивали. Уходя из зоны, они меняли курс, летя к своим зенитчикам, которые тоже, не разобравшись, могли открыть огонь: Пе-2 был новый самолет и силуэт его был похож на силуэт «Мессершмитта-110».

Потери на «Голубой линии» у них были самые большие за всю войну. На смену выбывшим летчикам, штурманам и стрелкам ехали обученные в тылу — как девушки, так и юноши, из тыла летчицы и летчики перегоняли новые «пешки» взамен разбитых.

Летчиц присылали с большим налетом — инструкторов аэроклубов или пилотов ГВФ, Маркову нужно было только подготовить их к боевым условиям. А качество самолетов

становилось все хуже. Газеты раскручивали тему вредителей, ставшую с тридцатых годов привычной, повседневной. Ее только немного подогнали, чтобы соответствовала военному времени: теперь вредители работали и на военных заводах, портили технику. И к этому времени даже те, кто в начале борьбы с вредителями не очень-то во все это верил, поверили: как не поверить, если подрывной работой вредителей объясняют все неудачи, а неудач хватает? Самолеты авиационные мастерские доводили до ума уже на месте. А «вредителей», виноватых в таком плохом качестве самолетов, первой из 587-го полка увидела его штурман Люда Попова. Ее рассказ поразил товарищей по полку.

Прилетев на завод в Казани за самолетом взамен не подлежащего ремонту, Люда была впечатлена масштабом аэродрома. Тут же на поле стояли новенькие Пе-2, и Люду с техником пригласили выбрать тот, который им понравится. Когда стали проверять машину в полете, после второго разворота в «коробочке» — полету по прямоугольнику с закругленными углами — оборвался шатун, и мотор машины полностью разрушился. Жизнь им спас как раз большой размер аэродрома: они смогли произвести аварийную посадку. Два заводских инженера с серыми от недосыпания лицами молча осмотрели огромную дыру в самолете. «Что же это вы, товарищи дорогие! — набросилась на них еще не пришедшая в себя после шока Попова. — Как же вы такие машины делаете? Мы ведь чуть не убились!» Один из инженеров посмотрел на нее, словно взвешивая, ответить или смолчать. Потом, открыв дверцу автомобиля, сказал ей: «Садись». По дороге инженер молчал, молчала и Люда. Остановились около ангара, в котором был цех по сборке самолетов. Люда увидела стоявшие вдоль стен станки, а в проходе — мальчишек, игравших в чехарду. Эти дети были рабочие авиационного завода, отдохавшие от работы в свой обеденный перерыв: еды было еще меньше, чем отведенного на обед времени. Около каждого станка стоял перевернутый

ящик, без которого эти двенадцати-тринадцатилетние рабочие, «худющие, с тонкими как у подсолнухов шейками», не могли дотянуться до станка. Заметив «делегацию», мальчишки «перепугались и замерли, уставившись в пол». Инженер тихо сказал: «Только что на вашем самолете чуть не разбился экипаж»¹. Мальчишки молча втягивали головы в плечи. Люда Попова, глядя на них, заплакала.

У нее в кармане всегда на случай вынужденной посадки лежали две плитки шоколада, и теперь, лихорадочно их нашарив, Попова протянула их одному из мальчишек: «Вот возьми и поделись с товарищами». Пацан перемазанными в машинном масле руками осторожно взял шоколад и растерянно посмотрел на Люду: «А что это?»

У этих ребят не было детства. Они и спали в этом цеху у станков, на наваленных на пол старых куртках, чехлах, фуфайках. Работа шла в три смены. Дети, набранные из окрестных деревень, не могли смириться с условиями, многие убегали домой. Но успевали только пообедать, и их тут же забирали обратно.

На заводе давали пайку — больше, чем ели бы дома, но что такое триста граммов хлеба для мальчишек, которые все время растут и постоянно хотят есть? Дети были страшно измотаны, иногда засыпали за станками, и часто из-за этого случались травмы, кому-то отрезало палец...

Самых лучших подростков-рабочих Пермского моторостроительного завода однажды вызвал в свой кабинет директор. Они толпились у дверей, и задние, которым было не видно, спрашивали у передних: «Ну что там?» Те отвечали потрясенно: «Варенье...» — о банках, стоявших на столе у директора. В чудесных банках оказался компот, и все до единого дети утверждали, что он был очень сладкий, хотя компот был почти без сахара...

¹ Долина М. Указ. соч.

Страна, терявшая многие миллионы работоспособного населения, отправившая на фронт почти всех своих мужчин, всю войну наращивала производство оружия. Делалось это в большой степени руками маленьких людей, которые, вместо того чтобы учиться в школе, превратились в рабочих, не знавших ничего, кроме постоянного тяжелого труда, получавших за свою работу очень маленькую зарплату и скудную пищу.

Каторжно, в многочасовых сменах, за пайку хлеба и тарелку пустого супа, работали все рабочие страны. В деревнях женщины, обученные водить трактор, учили недоросших худых подростков. Там, где тракторов не было, а их не было во многих, многих деревнях, в ту весну, за неимением лошадей, впрягали в плуг коров, а часто женщины и дети впрягались сами, чтобы вырастить урожай, львиную долю которого забрет государство. Скольких людей в ту голодную весну спасла лебеда и крапива, суп из которых стали варить, едва дождавшись первых листочков. Зиму пережили, теперь уже будет полегче, считали оптимисты, главное — скорее вернуться к мирной жизни. Но благополучие, даже относительное — просто сытость — было еще далеко. Разрушенное хозяйство страны после войны поднимали те же подростки да их матери, не дождавшиеся с фронта своих мужей.

Сохранилась фотография, которая, как считал биограф Литвяк Валерий Аграновский, была сделана во время проводов: летчики со всех сторон облепили эмку. Саша Мартынов с краю, а Леша Соломатин устроился «поближе к Лиле, положив руки на капот, на руки уперев подбородок». «Батя» сидит на подножке, демонстрируя новые сапоги из желтой лосиной кожи, которую летчики доставали, обдирая баки сбитых «Юнкерсов». Сапоги эти служили только для красоты, воду совсем не держали.

Несомненно, что эта фотография сделана в один из приездов Сиднева в полк, ведь у «Бати» автомобиля не было. Но

фотографировались они не в марте, потому что летчики на фотографии в гимнастерках, а в марте еще очень холодно и в гимнастерке не походишь. Эта фотография, видимо, не имеет отношения к проводам Лили и Кати, однако она сделана не позже середины мая: в конце мая ни Леши Соломатина, ни Баранова уже не было в живых.

Николай Иванович, «Батя», погиб 6 мая при сопровождении «петляковых», бомбивших немецкие наземные войска. Еще 4-го он выступал на собрании партийного актива на тему «Состояние дисциплины в части». Какая горькая ирония! Согласно докладу замполита Крайнова, вылетая на задание 6 мая, Баранов был пьян¹. Шли бои на подступах к Сталино, в воздухе активно работали немецкие истребители. Из того вылета не вернулось несколько человек, били сильно, так что Баранова могли сбить и трезвого. Тем не менее «Батя» нарушил железное правило, которое внушал своим ребятам: нельзя пить до вылета, только после. Согласно докладу замполита, Баранов, ведущий группы истребителей, на обратном пути от цели потерял и бомбардировщик, и свою группу истребителей. Он один вел бой с истребителями противника в районе Сталино, был сбит над территорией противника, и кто-то из летчиков видел, как самолет падал и «Батя» не выпрыгнул с парашютом.

Падение самолета Баранова видели двое подростков, живших на западной окраине города Шахтерск, в полусотне километров от Сталино, на территории, оккупированной немцами. Описание гибели Баранова одним из них — Василием Рубаном — несколько отличается от описания политрука Крайнова, сделанного тоже со слов очевидцев, но во многом и сходно с ним. Подростки, которые не могли дожидаться, пока Красная армия освободит Шахтерск, рано утром 6 мая следили за тем, как на большой высоте летят над ними три советских само-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГВИАП. Политдонесения.

лета — тяжелый бомбардировщик и два «ястребка»: «Наши!»¹ Навстречу им появились одна за другой две пары «Мессершмиттов», завязался бой. Бомбардировщик вместе с одним из истребителей улетел, второй Як отбивался один, подбив один из «мессеров» (в документах полка этому подтверждения нет). Когда Як был подбит пулеметной очередью и загорелся, от него отделилась точка — летчик прыгнул, но загорелись стропы парашюта, и ему не удалось спастись. Погиб ли Николай Баранов действительно так, «самой страшной смертью», упав с нераскрывшимся парашютом, или прав летчик, рассказавший, что он не выпрыгивал, — значит, был убит или тяжело ранен?² Ответа нет... Как бы то ни было, ребята, найдя мертвого летчика на земле рядом с обломками самолета, достали у него из кармана гимнастерки документы и узнали, что звали его Н. И. Баранов. Немцы, которые вскоре подъехали на машине, отобрали у мальчиков документы, сняли с гимнастерки Баранова два ордена Красного Знамени и велели подросткам убираться. Но, как только немцы уехали, Василий с другом вернулись, вырыли могилу и похоронили летчика, поставив на могильном холмике лопасть винта, которую взяли из обломков Яка.

Рубан показал могилу Баранова, когда через двадцать лет вернулся в родной город и вспомнил ту историю. Тогда были подняты архивные документы, и следопыты из Шахтерска отыскивали семью Баранова: мать, жену и детей. Тогда, в 1963 году, останки перезахоронили.

В полку несколько дней ждали «Батю», все не могли поверить. Полк осиротел, как будто они и правда все потеряли отца³. «Бате», казавшемуся им тогда чуть не стариком, было всего три-

¹ Воспоминания о Николае Баранове // Шахтерский городской интернет-портал.

² *Меньков Н. И.* Интервью автору. Август 2011.

³ *Меньков Н. И., Краснощечкова В. Н.* Интервью автору.

дцать один год. Горевала «Нина-Крошка» — высокая и полная Нина Камнева, вооруженец, с которой у «Бати» был роман, горевали все без исключения в 73-м полку, который с «Батей» был в боях с начала войны и с «Батей» стал гвардейским. Говорили о том, что без Баранова полк уже не будет прежним. «Гибель Командира полка гвардии подполковника Баранова сопровождалась личной недисциплинированностью», — отмечал в донесении майор Крайнов¹. Но и он, конечно, понимал, что виной всему мог быть тот нечеловеческий стресс, та ответственность за жизни многих вверенных ему людей, с которой «Батя» жил с самого начала войны, и водка была средством снять это страшное напряжение.

После «Бати» командиром назначили Ивана Васильевича Гольшева — такого же, как Баранов, хорошего летчика и хорошего командира, только совсем непохожего на «Батю» — интеллигентного, с хорошей речью, строгого и немногословного. «Он был заместителем командира дивизии у Сиднева, однако с Сидневым не поладил, после чего был прислан командовать полком. Он сразу завоевал уважение своей интеллигентностью, летным мастерством и вниманием ко всем своим подчиненным независимо от их звания. На подскоке в хуторе Веселом он как-то подсел к техникам, когда те обедали, и попросил порцию и себе. Качество еды его возмутило, и он устроил БАО головомойку: “Что-то это вы техников селечкой одной кормите?”»²

Уже с ним 7 мая, еще не поверив в гибель «Бати», Соломатин и Литвяк продолжили увеличивать свой боевой счет, причем оба сбили по «Мессершмитту» — Соломатин своего сбитого «вогнал в землю», как написали в отчете. Отличился и недавно попавший в полк юный Ваня Сошников, к которому Валя Краснощекова относилась тепло, как к младшему брату³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Политдонесения.

² *Меньков Н. И.* Интервью автору, сентябрь 2011.

³ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 88.

Вале было одиноко: Фаина влюбилась и все время пропадала где-то. К счастью, она уже немного сошлась с другими девчонками и подружилась с ребятами-летчиками: веселым Ванюшкой Сошниковым, высоким и красивым Сашей Евдокимовым, подарившим ей, когда стояли на аэродроме в Чуеве, свою фотографию¹. Подружилась, не более: в интимных делах Валя была сущим ребенком. Вокруг было достаточно грязи, но Валю она как-то обходила стороной. Как-то их с Фаиной пригласили обмыть вместе с летчиками ордена (орден бросали в стакан с водкой и пили до дна). На столе в землянке лежал какой-то маленький пакетик. Валя взяла пакетик в руки: «А это что, запчасть к медали?»² Раздался страшный хохот, и растерявшаяся Валя не сразу, но догадалась, что это презерватив. По правде сказать, презервативы в то время были редкостью, большим дефицитом. На фронте чаще встречались трофейные, захваченные у немцев, — у них этого добра было достаточно.

Когда Фаинка находила для Вали время, они ходили иногда развлечься: переодевались в гражданские платья — интересно, откуда их достали, — и шли гулять или на танцы. Однажды они решили вспомнить английские слова — ведь учили же их английскому в институтах! Они гуляли по какому-то поселку и говорили на ломаном английском, но скоро их задержали бдительные солдаты из наземных войск и долго продержали взаперти «до выяснения».

Жизнь их как-то налаживалась, зима с суровыми морозами осталась позади, кормили получше, и, когда после Чуева они перелетели в Дарьевку — чуть ближе к Миусу и Сталино, — они жили в домах у местных жителей, а не в землянках. Несмотря на то что фронт почти не двигался, настрой был на победу, с едой получше, чем раньше, так что вокруг

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Там же.

в ту весну царила любовь: и летчики, и техники были очень молоды, мало кто был женат. Многие девушки-техники и вооруженцы крутили романы с летчиками. На это начальство закрывало глаза. Комиссары предостерегали своих летчиков от контактов с доступными местными женщинами: очень частым явлением стала гонорей¹. А на романы девушек-техников и вооруженцев с летчиками смотрели спокойно.

В полку Пе-2, где воевала Маша Долина, часто пары являлись к командиру просить разрешения на брак, который в конце войны оформляли прямо в штабе. Беременности не были редкостью. В этом случае женщин либо отправляли в тыл, либо, если они хотели остаться в полку, везли на У-2 в ближайший город, чтобы сделать аборт. Часто до этого не доходило, девушки провоцировали выкидыши домашними способами: поднимали невероятные тяжести и пили всякую дрянь, одна девушка — даже размешанный с водой порох. Им хотелось остаться в полку, да и рожать детей, конечно, было сейчас не время.

С теми, кто считал такие не очень серьезные военные романы допустимым явлением, Женя Руднева была категорически не согласна. Ее идеализм, ее почти детскую наивность, юношескую категоричность отражает статья «В чем ошибка Вари?», написанная для литературного журнала полка «ночных ведьм»².

Журнал девушки хотели сделать давно: в полку имелись свои поэты и писатели, свои художники. Полина Гельман создала даже философский кружок, только он как-то не пошел, слишком тяжелый был момент. А выпуск литературного журнала сам напрашивался: в девичьем полку копился архив стихов, рассказов, рисунков и пора было где-то их объединить.

¹ Панов Д. П. Указ. соч., электронная версия.

² Дрягина И. В. Указ. соч. С. 92–95.

Галя Докутович согласилась быть редактором и в первом же выпуске поместила две статьи Жени Рудневой. Одна из них была посвящена реальной или вымышленной девушке Варе, доверившейся ловеласу. Ошибка Вари, по мнению Жени Рудневой, состояла не в том, что она забыла любимого человека по имени Алексей и отдалась мимолетному увлечению, а в первую очередь в том, что не сочла нужным отступить от всего во имя победы. Виновата в том, что «не разгадала, не узнала его как следует, и в том, что — каким бы хорошим он ни был! — дала ему повод надеяться на нечто большее, чем просто встречи. Этого не следовало делать ни при каких обстоятельствах».

Женя, еще никогда не любившая, наивно рассуждает о «мещанском понимании счастья», предостерегая девушек от близости с «братцами» — братским полком, с которым вместе их постоянно помещала дивизия. «Совсем неудивительно, что возникает дружба, а иногда и увлечения друг другом. От этого люди не становятся хуже, не теряют своего достоинства и чести. Но страшно другое. Приходится иногда слышать разговоры о том, что молодость проходит, что, дескать, скоро старухами будем. Такое настроение — уже шаг в болото. И это теперь один из наших самых больших врагов». Женя заканчивала свои наивные рассуждения на торжественной ноте: «Наши девушки гордо пронесут знамя своего полка, не положив на него ни одного пятна».

Сама Женя пока влюблялась в подруг: этого требовало ее горячее романтическое сердце. Влюбилась сначала в Дину Никулину, потом в Галю. Ей необходимы были страстные увлечения — занятиями, книгами, людьми. Гале от Жениных признаний становилось как-то неуютно, казалось, что они совсем не нужны. Галя была другая.

14 апреля она записала:

«Боюсь еще, что обидела Женю... У меня есть ее фотокарточка с надписью: "Моей Гале..." Я не спросила у нее, почему

она так подписала. Но не спросила сознательно, ожидая объяснения.. Однако вот что. У нее есть сказка. Сказка про двух подруг, которые очень любят одна другую и чувство это проносят через всю жизнь, через все трудности. И одной из этих подруг Женя дала имя Галя.. И много думала о том, что я, пожалуй, тот человек, с кем она могла бы подружиться. Это признание Жени было похоже на признание в любви, ей-богу.

Ну что я могла ответить ей на предложение дружить? Сказать “согласна” — обману. Потому что мы очень разные люди. Женечка очень славная, умная, ласковая и душевная девушка. Куда лучше меня. Но я, мне кажется, сильнее ее. И мы просто не сможем дружить. Я хорошо вижу это, а почему Женя не видит?

И вообще... зачем, когда уважаешь человека, любишь его и хочешь дружить с ним, говорить про это? Мы с Полинкой никогда даже и слова не сказали про дружбу, не присягали и не обещали одна другой ничего».

Галя была неразлучна с Полиной, которую тоже считала слабее себя и частенько критиковала. Они дружили уже десять лет. Но теперь и Полина не занимала больше главного места в ее сердце, сердце было отдано Ефимычу, Мише, «Михаське» с синими глазами, которому Галя часто писала — и в письмах, и в не предназначенном для чьих-либо глаз дневнике. Когда Миша болел, а значит, не летал, она в дневнике писала: «Как ты там живешь? Поправился ли? Михаська, чертенок, ты не болей! А то мне тебя становится жалко. Я же сама не люблю, когда меня жалеют. И все же сейчас я спокойна, знаю, что ты живой и вне опасности, что никакая вражеская пуля тебя не заденет. Возможно, я бы меньше думала про тебя и, безусловно, меньше волновалась, но зато и меньше тобой гордилась, если бы тебе никогда не угрожала опасность». И дальше в тот же день: «Ефимыч, ты любишь цветы? Сейчас вокруг так много роз — красных, белых»¹.

¹ Докутович Г. Указ. соч.

ГЛАВА 22. В ЧЕМ ОШИБКА ВАРИ?

Глядя на пролетавшие над их аэродромом «Бостоны», на одном из которых, возможно, летел Миша (их полк стоял рядом), Галя думала о том, насколько большому риску по сравнению с ее жизнью подвергается жизнь Ефимыча.

«Дорогие мальчики, мне бы половину вашей опасности! — писала она. — Честное слово, это несправедливо: за три ночи боевой работы — одна пробоина в крыльях, в то время как товарищи гибнут». «Ночников», скорее всего, гибло ненамного меньше, чем пилотов «Бостонов». За апрель и май в полку погибло несколько экипажей, по ним здорово били зенитки «Голубой линии», но Галя испугалась за себя только раз — вернее, даже не за себя. Как-то ей прямо перед вылетом принесли письмо от Миши, которое она не успела прочитать, и в полете, когда заговорили немецкие зенитки, у нее вдруг сердце сжалось при мысли о том, что если она погибнет, то никогда его не прочтет.

Глава 23

Жить ему надоело!

АЛЕША СОЛОМАТИН ПЕРЕЖИЛ СВОЕГО ДРУГА И УЧИТЕЛЯ «Батю» всего на две недели. Те, кто был рядом с ним в тот облачный и теплый майский день, жалели о Леше до конца жизни, в который раз поражаясь тому, насколько бесполезна, ужасна и абсурдна была его гибель, гибель молодого и здорового, смелого, доброго парня, любившего и любимого.

В тот день Лиля дежурила: сидела в самолете и ждала сигнала на вылет. На земле было тепло, май, и она, тепло одетая, испытывала дискомфорт, скучала от безделья и ныла. Валя и Фаина, которые в те дни обслуживали ее самолет, приотстились на крыльях, Лиля попросила их: так все же повеселее¹.

Алеша Соломатин, как они знали, сейчас где-то за облаками проводил по приказу Гольшева тренировочный воздушный бой с летчиком, прибывшим с пополнением.

Девушки уже хорошо изучили Лильку: в моменты, когда ей нечем было заняться — такое случалось, кажется, только на дежурстве в ожидании вылета, — она любила понюхать. Все

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

ей было не так: и скучно, и сигнала, наверное, все равно не будет, и от родных давно писем нет. Валя и Фаина, слушая ее, тоже приуныли.

Вдруг шум мотора, сначала чуть слышный, потом быстро нарастающий до оглушительного рева, заставил техников соскочить на землю. Такого рева не бывает, когда с самолетом все в порядке. Такой рев двигателя означает только беду. Рев мотора оборвался, земля вздрогнула от страшного удара. Валя и Фаина кинулись бежать на другой конец аэродрома, где только что врезался в землю самолет. «Узнайте кто!» — кричала им вслед Лиля, которая так сразу бежать не могла: сначала нужно было освободиться от ремней, которыми летчики привязывались в кабине.

Людям, бежавшим со всех сторон к месту катастрофы, не пришло и в голову, что в обломках самолета может быть Алеша Соломатин, Герой Советского Союза, командир эскадрильи, летчик ас. Конечно же это кто-то неопытный, из пополнения, не справился с управлением, выполняя элемент пилотажа.

Так думал и Коля Меньков, молодой техник, бегущий к обломкам самолета вместе со всеми. Он видел, как кто-то на Яке, выйдя из облаков, начал крутить «бочки» — одну, другую, потом третью, уже совсем у земли. «Не успеет», — промелькнуло у Коли в голове в те доли секунды, которые решали судьбу крутившего «бочки» летчика¹. Не успел. Самолет врезался в землю.

Свойственны ли были Леше такие «выверты» в воздухе, такое «воздушное хулиганство»? Да, он любил подшутиться. Но чтобы так низко крутить «бочки» — нет, это в первый раз.

Подбежав, Валя и Фаина увидели и с ужасом поняли, что разбился Леша. За ними прибежала Лиля².

Свидетели таких катастроф часто запоминают какие-то мелочи, которые потом всю жизнь не отпускают их. Коля

¹ Меньков Н. И. Интервью автору.

² Краснощечкова В. Н. Интервью автору.

Меньков запомнил светло-русые короткие волосы на расколоте черепе Алеши: тот, видимо, только что подстрился.

Майор Крайнов писал: «21.5.43 гвардии капитан Герой Советского Союза Алексей Фролович Соломатин, получив задание от командира полка гвардии полковника Голышева произвести тренировочный полет с выполнением стрельб по наземным целям и после чего в паре с пилотом ст. Сержантом Сошниковым в зоне произвести воздушный бой. По окончании воздушного боя гвардии капитан Соломатин со снижением начал производить фигуру бочку одна за другой, в результате чего потерял высоту и, не справившись с управлением машины, врезался в землю на аэродроме Павловка, самолет разбит. Гвардии капитан Соломатин погиб»¹. Теперь полк горевал по своему командиру Баранову и по командиру эскадрильи Соломатину. В итоговом донесении за май замполит объединил их гибель в одном абзаце, сделав вывод о повлекшем катастрофу отсутствии дисциплины. Сначала описав гибель «Бати», майор Крайнов переходил к Алеше: «Лишняя самоуверенность, зазнайство и недисциплинированность Героя Советского Союза гвардии капитана Соломатина привели к гибели». И наверное, каждый военный служащий полка, горько переживавший гибель Соломатина, согласился бы с этими жесткими словами.

В полк приехали командир дивизии Сиднев и Хрюкин, командующий армией, — так любили и ценили эти большие начальники капитана Соломатина. Хрюкин, выслушав Крайнова, мрачно сказал: «Жить ему надоело». Сиднев говорил о недопустимости воздушного хулиганства.

Похороны Алеши врезались ветеранам полка в память². Хоронить погибших товарищей доводилось редко: как правило, они падали где-то далеко от расположения полка,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Политдонесения.

² Краснощекова В. Н., Меньков Н. И. Интервью автору.

и хоронили их местные жители. Или они просто пропадали без вести, так что не только могил не было, но неизвестно было даже, погиб летчик или в плену. Алешу хоронил весь полк, другие находившиеся в Павловке военнослужащие и все жители деревни. Наверное, его семья осталась бы довольна похоронами: из деревни пришли даже женщины-плакальщицы, проводившие Лешу с традиционными русскими крестьянскими обрядами, как делали и в его родной деревне.

Фотография, которая осталась от похорон, нечеткая, но на ней можно узнать говорящего речь командира полка Голышева и стоящего с мрачным и строгим лицом друга Алеша Сашу Мартынова, а рядом с ним и Катей стоит Лиля Литвяк. Ее многочисленные биографы потом писали, что она рыдала и бросалась на гроб. Это ложь. Лиля только плакала, стоя в военном строю, отдавшем Алеше последние почести.

Плакала она много и после похорон. Алешу похоронили на центральной площади села, и на аэродром ходили мимо его могилы: аэродром был рядом, не нужно было ездить на автобусе. Фаина и Валя старались больше быть с ней, переживали: Лилька часто «от всех пряталась и редела»¹.

Позже разные люди, публикуя очерки о Лиле Литвяк, красиво описывали сцену с гибелью Соломатина: подбитый в бою с фашистами, он дотянул до аэродрома, где его ждала Лиля, прилетел умирать к своей любимой. Самые честные сдержанно писали, что Соломатин погиб при проведении тренировочного боя из-за серьезной неполадки в самолете. Правды не написал никто из авторов десятков публикаций об этой паре: такое хулиганство в воздухе было недостойно коммуниста и Героя Советского Союза. Даже если он еще со-

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

всем мальчишка: ведь Алеша погиб в двадцать два года. Здесь эта история впервые рассказана без вымыслов, на основе документов полка и воспоминаний очевидцев.

После гибели Алеши Лиля попросила командира полка перевести ее в другую эскадрилью, 3-ю, к капитану Григоровичу. Теперь Валя Краснощекова не очень часто ее видела и почти ничего не знала о ее работе, эскадрильи мало пересекались. Позже Фаина Плешивцева, став Инной Паспортниковой, повсюду писала и рассказывала, что до Лилиной гибели была ее техником и что именно она проводила Литвяк в последний полет. Эти рассказы, которые ввели в заблуждение биографов, — не более чем вымысел, в который Фаина Плешивцева — Инна Паспортникова, многократно повторив его, Наверное, и сама поверила: она действительно очень любила Лилю и после войны многие годы участвовала в поисках ее самолета и останков. На самом деле уже в конце мая Лилия была в другой эскадрилье и ее экипаж обслуживал другой техник, а в июне Плешивцевой уже не было в полку: она оказалась в больнице из-за плохо закончившегося подпольного аборта и потом не вернулась в полк, пошла учиться в Военно-воздушную академию¹. Лет через тридцать после войны на одной из встреч ветераны 296-го полка подняли Плешивцеву-Паспортникову на смех. Кто-то, пожалев, мягко укорил ее: «Милая моя, да разве так можно? Это ведь ложь». Паспортникова больше на встречах не появлялась².

В третьей эскадрилье Литвяк почти все время летала на самолете, который обслуживал Николай Меньков. Теперь этот молодой парень, ее ровесник, немного лучше узнал девушку-летчицу, «маленького роста, блондинку, с кудряшками», которую до этого лишь иногда видел на аэродроме.

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору.

² Меньков Н. И. Интервью автору.

Лиля общалась с ним дружелюбно, хотя, конечно, чуть свысока: как еще могла летчица, офицер, орденоносец обращаться к мальчишке-технику, пусть он был всего на год ее моложе? А за плечами Коли Менькова стояла немалая военная биография.

До войны он учился в аэроклубе, хотел, как и многие другие, стать летчиком. Однако комиссия при поступлении в авиационное училище сказала ему, что сейчас нехватка квалифицированных техников и ему следует освоить эту специальность, а летать он еще успеет. Меньков согласился, надеясь, что все равно потом будет летать, и вышло именно так. Его призвали еще в начале войны, и он оказался стрелком-радистом в дальней бомбардировочной авиации. Участвовал в большом количестве вылетов и однажды, при перебазировании на другой аэродром, на своей шкуре узнал, что да, немцы расстреливают в воздухе тех, кто выпрыгивает с парашютом. Когда самолет, перевозивший несколько человек из техсостава, был подбит, все выпрыгнули, и самолет с крестами, пролетев совсем близко, обстрелял их.

В начале мая 1942 года Коле Менькову выпала удача участвовать в историческом перелете. Сообщили, что предстоит дальний вылет тремя самолетами. Коле шепнули, что летит большое начальство, куда — экипажи не знали. Летели над оккупированной территорией, над Скандинавией и наконец приземлились на аэродроме в Данди. «Шотландия», — объяснили потрясенным экипажам. Вскоре они увидели своего высокого пассажира: это советский министр иностранных дел Молотов летал в Англию на переговоры об открытии второго фронта. Встретившись с Черчиллем, Молотов полетел дальше, через Исландию в США, а потом — домой тем же маршрутом.

Вскоре после этого перелета полк расформировали, и Колю, у которого было образование авиационного техника, отправили обслуживать самолеты. Осенью 1942-го под Сталинградом он попал в полк Баранова. Конечно, работа стрелка была гораздо интереснее, конечно, хотелось летать, но время было суровое, и выбирать не приходилось.

Под Сталинградом да и после него работали техники очень много и тяжело, и на морозе, и на ветру, и на дожде, и на жаре. Ни тяжелой работы, ни плохой погоды Николай, высокий и стройный черноволосый кареглазый парень, не боялся, привык и к тому и к другому с детства. Он родился на острове посреди озера, на севере России, в краю сосновых мшистых лесов, озер и белых ночей. В семье было много детей, родители — простые люди, кормившие большую семью трудом собственных рук. Северное лето короткое, земля неплодородная, давала мало, на зиму запасали то, что дарил лес: грибы и ягоды. Зимой и летом жители Колиной деревни промышляли в озере рыбу, которую ели и которую продавали. На рыбалку мужчины из деревни ходили вместе, вместе тянули сети, вместе вытаскивали улов, который честно делили. Зимой, на морозе в двадцать-тридцать градусов, рыбалка занимала несколько часов. Во льду сверлили дыры, делали проруби, протягивая известным только на севере методом подо льдом сети. Когда их вытаскивали, там были десятки килограммов рыбы. Работа тяжелейшая, которую можно сделать только вместе, и, если кто-то схалтурит, в другой раз его не возьмут. В деревне все на виду, и если ты ленив или трусишь, бросил товарища, то и тебе никто не поможет.

В сорок третьем году Коле Менькову было только двадцать один год, но то, чему городские ребята учились на войне — трудиться не покладая рук, ни на что не жалуясь, зачастую ходить впроголодь, чинить свою одежду, если она порвалась, и всегда думать о товарище, — Коля давно умел: без этого в деревне на севере человеку не выжить.

К Литвяк, маленькой блондинке, которая так следила за своей внешностью и за которой следовал анекдот о сбитом ею случайно немецком асе, Коля поначалу отнесся с некоторым недоверием. Однако она сразу же показала, какой она на самом деле летчик.

В первых числах июня, вылетев все с того же аэродрома Бирюково, рядом с которым в Павловке осталась Лешина могила, Лиля с ведомым Сашей Евдокимовым блестяще выполнили очень сложное дело: подожгли два аэростата-корректировщика артиллерийского огня. Аэростаты висели над линией фронта, прекрасно корректируя артиллерийский огонь немцев, а немецкие зенитки не давали к ним подойти. Литвяк, придя к командиру полка Голышеву, попросила разрешения попробовать сбить следующим образом: пролететь вдоль линии фронта, перелететь ее и подойти к аэростатам сзади, застав немцев врасплох. Голышев и командир эскадрильи разрешили. Лилин маневр удался: она и Евдокимов каждый подожгли по аэростату¹.

Вернувшись, Литвяк оживленно рассказывала, что видела, как свалился вниз наблюдатель. Третий аэростат, повторив ее маневр, в тот же день сжег летчик Борисенко. Об этих аэростатах говорила вся дивизия.

Шли постоянные тяжелые бои, Лиля очень много летала, чаще всего ведущей с сержантом Евдокимовым, учила пополнивших эскадрилью молодых, одерживала победы. Сердце Ани Скоробогатовой замирало, когда ей случалось услышать в эфире знакомый голос «Чайки», Лили Литвяк, слово «Пошла!», когда Лиля атаковала. Ане хотелось, чтобы эта девушка-летчица не погибла, жила. А ребята, которых она слышала в эфире, гибли чуть не каждый день: ведь Аня осуществляла связь с несколькими летными частями. Аня видела ребят-летчиков в столовой, где после вылета они просили официанток принести им борща «горячего и густого-густого, чтоб ложка стояла», и чувствовала, что для них этот борщ — символ того, что они не сбиты сегодня: значит, жизнь продолжается².

¹ *Меньков Н. И.* Интервью автору, сентябрь 2009. См. также: ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. д. 2. л. 95.

² *Скоробогатова А. М.* Интервью автору.

В середине июня Литвяк уже была командиром звена: завоевала доверие Голышева и командира эскадрильи. Командиры очень хвалили ее за бой 16 июня, снова в паре с Сашей Евдокимовым, когда она вылетела на перехват «рамы» — самолета-корректировщика «Фокке-Вульф-189», хотя бой оказался безрезультатным. Все равно его сочли удачным: пару встретили четыре Ме-109, «рама» улетела, а Литвяк и Евдокимов приняли бой. Сашин самолет подбили, он получил легкое ранение, однако смог сесть, а Литвяк благополучно вернулась на свой аэродром с десятью пробоинами в самолете, которые Меньков с другим техником за ночь залатали¹.

Не погибни Лиля летом 1943-го, ее бы непременно выдвинули на звание Героя Советского Союза. Ее популярность во всей 8-й воздушной армии была огромна, ее любили и уважали, восхищались — не только летчики и техники, но и начальство. Ей сошел с рук даже очень неприятный эпизод, за который другого бы серьезно наказали — вплоть до штрафной роты. По ее, в сущности, вине погиб ведомый.

Утром 16 июня, еще до того как она с Сашей Евдокимовым вылетела на перехват «рамы», Литвяк, взлетая по вызову радиии наведения — службы наблюдения за воздухом, — по общему мнению, угробила молодого летчика сержанта Зоткина, который в том вылете шел с ней ведомым². Аэродром, на котором в тот момент стоял полк, у хутора Веселый, был такой маленький, что и взлетать с него, и садиться было сложно. Взлетая, Литвяк отклонилась от курса влево; сделал это вслед за ней и недавно прибывший в полк летчик Зоткин. Отклонившись, видимо, еще совсем чуть-чуть от заданного Литвяк неправильного курса, Зоткин задел крылом за капонир и, потеряв управление, врезался в другой. «Самолет сгорел, летчик погиб и похоронен в хуторе Веселый в центре сада, — отчитывался майор

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 109.

² Меньков Н. И. Интервью автору. Апрель 2010.

Крайнов, однако даже он умолчал об истинной причине трагедии, покрывая Литвяк. — Причиной гибели сержанта Зоткина является личная недисциплинированность, который пренебрегал осмотрительностью и указаниями командира полка взлетать поодиночно, а командир звена гв. мл. лейтенант Литвяк не потребовала от своего ведомого наставления по производству полетов», — писал замполит¹. Крайнов упоминал, что на Литвяк наложено взыскание, но это была лишь формальность. Ребята из эскадрильи и техники молча винули Литвяк в происшедшем, говорить ничего не требовалось: она сама себя казнила. Все видели, как Литвяк плакала после гибели Зоткина, как ходила как в воду опущенная, мучаясь чувством вины за бесполезную гибель вверенного ей ведомого, за небоевую потерю летчика и самолета в тот момент, когда полк на наглухо застрявшем Миус-фронте нес столько боевых².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 109.

² *Меньков Н. И.* Интервью автору. Апрель 2010.

Глава 24

Командир, вижу «мессеров»!

Начинающий штурман, восемнадцатилетняя Оля Голубева провела над «Голубой линией» свой десятый боевой вылет. Она и Нина Алцыбеева — инструктор с тысячей часов налета, но начинающий боевой летчик, — попросили Бершанскую выпустить их вместе, и та разрешила. С трудом карабкаясь на У-2 вверх, в очень тесной задней открытой кабине со стенками из натянутого на палки зеленого брезента, Оля смотрела на высотомер¹. Наконец поднялись до 1200 метров — предела для тяжело нагруженного старенького самолета. Моторчик в сто лошадиных сил натужно рокотал. Под крыльями и под брюхом самолета на простых крючках висели бомбы — Олин боезапас. Перегнувшись за борт, Оля внимательно смотрела вниз на перелески, поля, дороги — на случай, если придется искать место для вынужденной посадки. Не думала ни о зенитках, ни об истребителях, не представляла, что их через несколько минут ждет: она еще никогда не была под обстрелом.

¹ Голубева-Терес О. Т. Указ. соч. С. 119–125.

На западной окраине городка чаще вспыхивают огоньки выстрелов, да и пушки бьют не переставая. Сюда и нужно сбросить бомбы. Ольга дернула за шарики бомбосбрасывателей, самолет вздрогнул от резкого толчка. Через мгновения внизу яркие вспышки, термитные бомбы разрываются на высоте в сто-триста метров, поражая большую площадь. Нина разворачивает самолет, чтобы лететь обратно, а Оля все смотрит назад, где разгорается пожар — какое зрелище!

Как назло, встречный ветер очень силен, самолет висит на месте и никак не может выйти из-под начавшегося сильнейшего зенитного обстрела. К ним «мчатся огромные шары, которые взрываются и превращаются в зловещие облака». Один из снарядов разрывается совсем рядом, словно обрушив на самолет удар тарана. «Они берут слишком высоко», — думает Ольга и тут же понимает, что на фоне освещенных луной облаков их прекрасно видно и немецкие зенитчики пристреливаются. Нина маневрирует. «Продержаться бы еще минут пять», — говорит Ольга, надеясь за это время выйти из зоны огня. Они не успевают испугаться, на страх нет времени. Секунда передышки, две, и снова рвется снаряд, теперь уже рядом. Самолет подбит и срывается в штопор. Нина выводит. Теперь не до маневров, подбитый самолет и по прямой еле может лететь. Новый шквал огня отшвыривает его в сторону, и Ольга понимает, что нужно лететь по ветру, ничего другого не остается. «Нина, держи на пожар, по ветру выскочим!» — говорит она, и Нина, развернувшись, летит по ветру в немецкий тыл, быстро выбираясь из огня. Нужно поворачивать назад, но самолет не слушается. Нине удастся развернуться «блинчиком», без крена, и они, приноравливаясь к раненому самолету, летят назад, Нина — не отрывая глаз от приборов, Оля — от земли, сличая ее с картой. Работа слишком трудная, чтобы думать о чем-то постороннем. Наверное, никогда человек не соображает так ясно, как в минуты смертельной опасности. Наконец свой аэродром, с окраины которого им светит маяк.

Девчонки-техники, осматривая машину, то и дело ахали: «Плоскость-то наполовину вырвана!» — «А центроплан — вот так дыры!» — «А кабины, кабины-то изрешечены...»

Летчица велела доложить командиру, и Оля бодро пошла к старту, где стояла вместе с каким-то мужчиной Бершанская.

Мужчина, когда Ольга показала на карте, откуда был огонь, спросил, из чего по ним стреляли, и Ольга, мысленно огрызнувшись: «Не из рогатки же», только пожала плечами. Незнакомец повторил вопрос: «Так из чего же?» — «Б-бах! И серое облако», — ответила Оля, вызвав хохот этого человека, оказавшегося штурманом дивизии. «Тебя бы туда!» — обиженно подумала Оля. Она приняла крещение огнем.

Маша Долина, хоть и родилась в декабре, каждый год в начале лета отмечала свой второй день рождения, свой день победы над смертью.

2 июня 1943 года погода в районе «Голубой линии» была плохая и для Пе-2 нелетная: на этом самолете нельзя летать вслепую. Это прекрасно знали и в штабе, но в тот день, видно, приходилось пренебречь осторожностью, уж очень трудно было наземникам. Неожиданно полк Маши, теперь уже ставший 125-м гвардейским, получил боевое задание — разбомбить «высоту 101» в станице Крымской¹. В тот день, как сказали, «эта чертова высота уже дважды переходила из рук в руки», не давая пехоте перейти в наступление. Девятку в тот день повела Женя Тимофеева, а Маша, старший лейтенант Долина, вела левое звено. Взяли курс на аэродром истребителей прикрытия, откуда взлетели «коврики» — так прозвали, бог знает почему, прикрывавшие истребители. «Ковриками» в том вылете, как и во многих вылетах того периода, в огненном небе Кубани были французы, отчаянные ребята из полка «Нормандия — Неман», летавшие на Ла-5.

¹ Долина М. Указ. соч. С. 98.

У французов, смелых и здорово летавших, был, по мнению Маши, один большой недостаток — «профессиональный индивидуализм». Главным, какое бы ни дали боевое задание, для них было сбить самолет противника, ради этого они могли и на время потерять свою пару, и отвлечься от сопровождения. Советских летчиков за это жестоко наказывали, французам — сходило с рук.

Летели на высоте тысяча метров вместо обычных двух тысяч, под нижней кромкой облаков. «Высота 101» встретила девятку «сплошной стеной зенитного огня». Вокруг раскрывались «белые и черные шапки артиллерийских разрывов, как лес гигантских одуванчиков». Летать на тяжелых бомбардировщиках могли только люди с крепкими нервами. Маневрировать на нем в плотном строю почти невозможно, уйти обратно нельзя, пока не выполнишь задачу, летчик летит на огромной машине, подставляя ее — и свое — тело огню, надеясь на удачу и на броню. Девятка рассредоточилась немного и стала потихоньку маневрировать вверх-вниз и вправо-влево, сбивая наводку зенитчиков противника, пока те пристреливались. Появилась и группа «мессеров», к которым бросились «коврики». У Маши что-то не в порядке было с машиной: мотор начал давать перебои перед самой целью. Самолет тянуло в сторону, он начал отставать. Машу не бросили ведомые, они тоже снизили скорость и держались за ней. Оказалось, что в самолет Долиной попали зенитным снарядом. Экипаж почувствовал только легкий толчок; они поняли, что произошло, лишь когда задымил левый двигатель. До цели оставались минуты, но каждая секунда казалась вечностью, «стук сердца заполнял кабину, перекрывая все внешние звуки, звуки войны». «Собрав волю в кулак», Маша ждала команду штурмана. Наконец: «Курс!» Бомбы сброшены, «пешку» подбросило вверх, Маша отчетливо увидела на земле, в немецких боевых порядках, столбы дыма и огня от своих бомб. Повернув назад, она поняла, что до аэродрома не дотянуть, подбитая машина на одном моторе те-

ряла высоту. «Командир, вижу “мессеров”!» — услышала Маша голос стрелка-радиста Вани Соленова. Истребителей прикрытия нигде не было видно: где-то за облаками они тоже дрались. Ваня Соленов и штурман Галя Джунковская отстреливались, но как соперничать с истребителями? Подбили и прикрывавшие Машу самолеты ее звена. Маша Кириллова ушла догонять общую группу, второй ведомый — Тоня Скобликова — все не отрывалась от Маши, старалась прикрыть, хотя у нее самой из пробитого бензобака хлестал бензин. У Машиной «пешки» загорелось левое крыло, а она все надеялась как-то дотянуть до линии фронта. Боекомплект был пуст, а немецкий истребитель зашел справа вплотную, так что Маша видела лицо летчика. У «пешки» загорелся второй мотор, и Маша, надеясь сбить пламя, вошла в пикирование. Немец отстал, уже близко были русские зенитки. Каким-то чудом удалось перетянуть на горящем самолете линию фронта по реке Кубань и посадить его. Самолет горел, а они не могли выбраться — заклинило аварийный люк. Дым застилал глаза и лез в горло, к ним уже подбиралось пламя. Они метались, бились головой в заклинивший намертво люк. В самолете были сотни литров топлива, он вот-вот должен был взорваться. Спас всех раненый Ваня Соленов, дотянувшийся отверткой до люка. Он вытащил Машу, потом Галю, на которой горел комбинезон. Упав на землю, она начала кататься, чтобы сбить огонь, но Ваня кричал: «Галя! Маша! Быстрее, мать вашу! Сейчас рванет!» Ваня Соленов, «Соленчик», как прозвала его Маша, простой, совсем молодой парень, насчитал пятьдесят один шаг до того, как за спиной у них рвануло и обломки самолета полетели в воздух. Прибежали ребята-зенитчики и отвезли их в медсанбат, раненых, обгоревших, но живых.

В тот день их девятке здорово досталось: вернулось всего четыре самолета. Экипажи, к счастью, вернулись все.

Машу, Галю и Ваню Соленова встречал весь полк во главе с Марковым. У Маркова уже начался роман с Галей, но в этот

раз он удержался от публичного проявления чувств. Только когда Галя горела в самолете второй раз, в 1944 году, и ее привезли обгоревшую и раненую, Марков, больше не заботясь о том, что подумают люди, со слезами бросился к ней и понес на руках. В Москве у него остались жена и маленькая дочь, к которым он после войны не вернулся, женившись на Гале Джунковской.

Повидать родных в 1941 году, перед самой немецкой оккупацией, Машу Долину отправил командир 296-го полка Николай Баранов. Когда в 1943-м советские войска начали наступать, освобождая Украину, Марков, которого в 125-м гвардейском бомбардировочном полку уже тоже звали «Батей», обещал Маше отпуск, когда освободят ее Михайловку¹. Об освобождении родной деревни она услышала в госпитале. О судьбе родных, которые на два года оккупации остались без ее помощи, Маша ничего не знала.

За время оккупации, пока она не отсылала родителям деньги, у нее набралось 19 тысяч рублей — сумма, какую она и в руках не держала (их награждали и за успешные боевые вылеты, и за сохранность техники). Получив деньги — большую кучу сотенных купюр, Маша стояла в раздумье: как же их везти? Набила до отказа планшет, карманы, часть в свертке сушила за пазуху. За сборами наблюдали полковой врач и Женя Тимофеева. Они сначала молчали, потом все-таки прокомментировали: «Ты в своем уме? У тебя при первой же посадке на поезд отрежут все твои сумочки и вывернут карманы!»

Врач полка Мария Ивановна принесла большие широкие бинты и иголку с ниткой. «Ну-ка, поворачивайся, красавица!» Сшив бинты с купюрами внутри, они обмотали ими Машу. Вскоре Маша вспомнила боевых подруг добрым словом: планшет, в котором было четыре тысячи, ей срезали в поезде, в давке.

¹ Долина М. Указ. соч. С. 103.

На одной из станций она купила подарки: «маме — платочек, Верочке — шапочку, мальчишкам — шарфики, гимнастерки». Наконец добралась. Но в землянке было пусто, за порогом «все вверх дном перевернуто и ни единой живой души», сердце сразу оборвалось. Соседи сказали, что ее семья в соседнем селе, где Маша их и нашла, худюющих, бледных, измученных. Казалось, прошла вечность, так постарели мать с отцом. Мама, бросившись к Маше, зарыдала, отец прикрикнул: «Живая же она, что плачешь, как по покойнику?» А сам был «белый как лунь», и по глубоким морщинам на щеках бежали слезы.

Глава 25

Маленькие, прикройте!

Вот какой запомнили Тоню Лебедеву ее однополчане: невысокая и худенькая, как подросток, с угловатой фигурой и некрасивым лицом. В волосах, которые Тоня снова отрастила до плеч после экзекуции Расковой, сильная проседь. Запоминались ее внимательные умные глаза и замечательная открытая улыбка, которая освещала лицо, делая его очень симпатичным. Она была хорошим летчиком, по мнению однополчан — сильнее, чем Блинова. Интеллигентная, убежденная коммунистка, хороший и надежный товарищ¹.

Пробыв в 65-м полку более полугода, Тоня Лебедева и Клава Блинова стали своими в боевой семье. Их охотно брали ведомыми и иногда доверяли летать ведущими. Эти девушки, близкие подруги, делившие радости и горести, были очень разные: Клава — веселая, заводная, обожавшая танцевать, душа компании, Тоня — серьезная, относившаяся к ребятам-летчикам как к младшим, которых нужно воспитывать и учить. Она действительно была почти самой старшей по возрасту в своей эскадрилье и ее парторгом. Летом 1943 года

¹ Кубарев В. Н. Атакуют гвардейцы. Таллин, 1975, электронная версия.

Тоня часто проводила беседы с личным составом, рассадив летчиков и техников вокруг себя на сухой пыльной траве или, если шел дождь, на нарах в тесной землянке. Темы бесед придумывала не сама, а получала от замполита Прокофьева, человека не очень умного, но в целом неплохого.

В отличие от большинства замполитов авиаполков Прокофьев сам летал на задания и имел сбитые самолеты (один из них он «подарил» зимой на Калининском фронте Лебедевой: она была ведомой и он дал ей добить подбитый им самолет, потом записав его на Тоню). Его смерть, через короткое время после гибели Тони, тоже была смертью боевого летчика, а не канцелярской крысы: Прокофьева подбила зенитная авиация и он разбился при посадке. И все же, по мнению большинства летчиков 65-го полка, никакой пользы от Прокофьева не было и не могло быть. Помимо официальной роли — Прокофьев выступал с лекциями о ситуации на фронтах и международном положении, инструктировал комсorghов и партorghов по работе с летчиками и техническим персоналом и писал отчеты начальству — замполит, конечно, «выслеживал, как кто себя ведет»¹. К счастью, Прокофьев ни в ком из летчиков и техников не изобличил политических преступников и загубленных жизнью на совести не имел.

Беседы, которые проводила с летчиками и техниками парторг третьей эскадрильи Антонина Лебедева, касались в июле сорок третьего года нового приказа Сталина, имевшего совсем другой тон, чем опубликованный за год до этого приказ № 227: теперь речь шла о том, что Красной армии, гнавшей немцев на запад, и государству, которое смогло повернуть маховик войны в другую сторону, требуется максимальная поддержка, полная самоотверженность населения². В свете приказа особое внимание Лебедева в беседах уделяла сбору

¹ Кубарев В. Н. Интервью А. Драбкину.

² ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 13.

средств в фонд Красной армии, но касалась и более отвлеченных предметов. В число рекомендованных ГлавПУРККА — Главным политическим управлением Красной армии — тем для бесед, докладов и лекций входила тема о патриотизме великих русских писателей Пушкина, Гоголя, Толстого и Чехова, а также рассказы о великих русских полководцах, в том числе Кутузове, с именем которого в русском сознании в первую очередь отождествлялась победа над Наполеоном¹. Пусть Лев Толстой был графом, а Кутузов служил своему Отечеству, отождествляя его с царем и православной верой, сейчас, в разгар войны, было, как никогда, нужно поднять патриотический дух советского народа, напомнив ему о героях русской истории. В беседах об истории и литературе бывшая студентка МГУ, девушка из интеллигентной семьи Тоня Лебедева была в родной стихии. Но кончился июнь, и для бесед совсем не стало времени. Стояла, почти все время, летная погода — ясная, жаркая и сухая. В воздухе становилось тесно: обе стороны готовились к одному из самых больших сражений Второй мировой войны — Курской битве.

Солдаты и техника, разгрузку которых 65-й гвардейский авиаполк только что прикрывал на станциях Выползово и Скуратово, теперь форсированным маршем днем и ночью шли к фронту. Через несколько дней кровавой мясорубки сражения у деревни Прохоровка большая часть техники, над которой в глубоком тылу, на Урале и в Сибири, в три смены трудились полуживые от голода люди, превратится в никому не нужные груды искореженного металла. Людям досталось не меньше. «Из тыла, из многочисленных пунктов формирования и обучения непрерывным потоком шло к фронту пополнение — массы истощенных, измученных тыловой муштрой людей, кое-как умеющих обращаться с винтовкой, многие из которых едва понимали по-русски», — вспоминал

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 13.

писатель-фронтовик Василь Быков. По крайней мере больше половины, а по некоторым источникам — две трети этих людей будут вскоре внесены в списки потерь в Курской битве.

Весенняя распутица дала обеим сторонам передышку, возможность освежить армию резервами и поправить положение с техникой и вооружениями, и немцы, которым нужен был реванш за Сталинград, стали готовить новое большое наступление.

Линия фронта на тот момент проходила от Баренцева моря к Ладожскому озеру, затем по реке Свирь к Ленинграду и далее на юг; у Великих Лук она поворачивала на юго-восток и в районе Курска образовывала огромный выступ, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск; далее от района Белгорода шла восточнее Харькова и по рекам Северский Донец и Миус тянулась к восточному побережью Азовского моря; на Таманском полуострове она проходила восточнее Темрюка и Новороссийска.

Немецкое командование пришло к выводу, что самым удобным участком для нанесения решительного удара является выступ в районе Курска, получивший название Курской дуги. С севера над ним нависали войска группы армий «Центр», создавшие здесь сильно укрепленный орловский плацдарм. С юга выступ охватывали войска группы армий «Юг». Противник рассчитывал срезать выступ под основание и разгромить действовавшие там соединения Центрального и Воронежского фронтов. Играло роль и то, что выступ имел исключительно большое стратегическое значение для Красной армии.

Немецкое командование дало операции условное название «Цитадель». Планировалось, что ударные группы нанесут сходящиеся удары со стороны Орла на севере и Белгорода на юге и соединятся в районе Курска, окружив войска Центрального и Воронежского фронтов Красной армии. Срезать Курский выступ немцы бросили почти миллион человек, три тысячи танков и две тысячи боевых самолетов.

Согласно мемуарам Анастаса Микояна, Сталин знал о том, что немцы готовят эту операцию, уже в конце марта, то есть еще до того, как план был подписан Гитлером. Было даже известно время начала операции: в три часа ночи 5 июля. Советская сторона ответила на начало немецкого наступления контрподготовкой и воздушным налетом с использованием более четырехсот штурмовиков и истребителей.

Бои не прекращались. Обе стороны несли огромные потери. За несколько следующих дней немцам удалось продвигаться лишь на несколько километров. Немцы планировали овладеть Курском за два дня, однако через семь дней они все еще были далеко от цели, пройдя всего километров тридцать. К 11 июля советские войска, отступая в непрерывных боях, дошли до золотых полей совхоза «Комсомолец» Прохоровского района.

От совхоза «Комсомолец» до самых окраин никому пока не известной деревни Прохоровки лежали необозримые, переливающиеся мягкими волнами под ветром поля золотой ржи. Сеять на полях в ту весну было нечего, кроме ржи: в церкви в Прохоровке остался запас ржаного зерна, которое немцы не успели вывезти. Поэтому все поля засеяли рожью, и в первой половине июля набравшие силу колосья отливали на солнце золотом. С началом здесь новых боевых действий это огромное хлебное море стали уродовать черные воронки от бомб и снарядов. Солдатам, для которых золотые колосья были символом дома и мирной жизни, эти воронки запали в душу как одно из самых болезненных воспоминаний войны.

В 65-м полку после недели боев осталось восемнадцать летчиков и семь исправных самолетов. Начав активные боевые действия 12 июля, полк за неделю сделал 175 боевых вылетов. Задания выполняли всевозможные: прикрывали от немецких бомбардировщиков переправы, летали на разведку, прикры-

вали действия наземных войск, но больше всего сопровождали Илы, вылетающие на штурмовку войск противника¹.

«Маленькие, прикройте!» — просили штурмовики по радио. За потерю Илов при сопровождении грозило суровое наказание. Бронированные Илы расстреливали и бомбили немецкие войска и технику с высоты всего двести метров, и истребители должны были их прикрывать, конечно, на большей, но все равно малой высоте, становясь отличной мишенью для атак истребителей сверху и для всех зенитных вооружений снизу. А брони у Яков не было. «Одна пуля попала в радиатор — и все, выходи из боя», — вспоминал один из пилотов. Потери при сопровождении штурмовиков были самые высокие.

В 65-м гвардейском полку гибель молодого летчика Петра Королева из второй эскадрильи на одном из таких заданий запомнилась как обидная потеря. При сопровождении Илов 14 июля шестерка Яков приняла неравный бой с группой немецких истребителей. Когда его ведущий Попов был атакован тремя «Фокке-Вульфами», Королев неожиданно пошел в лобовую атаку против одного из них и таранил его в лоб. «Самолет Королева разбит, летчик погиб», — отмечал в донесении майор Прокофьев, характеризуя гибель Королева как «особенно выдающийся поступок самоотверженности». У летчиков и техников гибель Петра Королева вызвала другие чувства: досаду на него, отдавшего свою жизнь, которая была так нужна и ему самому, и Родине, восхищение его безрассудным мужеством и, наверное, еще большую досаду на потерю исправного хорошего Яка. Самолеты были нужны как воздух, воевать советские летчики уже научились, и таран вышел из моды.

В такой же спешке, в какой собирались самолеты, в тылу ковали кадры молодых летчиков. На смену погибшим приходили все новые и новые летчики-сержанты, обученные по ускорен-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 19, 19 об.

ной программе в военное время и имевшие небольшой налет. К лету 1943 года летчики, пробывшие на фронте несколько месяцев, считались закаленными в боях воинами, а из тех, кто воевал с начала войны, в живых остались единицы. С начала боев (12 июля) майор Прокофьев ежедневно докладывал о потерях: не вернулось два летчика, один летчик, четыре... 17 июля не вернулось семь летчиков из восьми, отправившихся в вылет по прикрытию наземных войск. Донесение об этом подписал другой офицер: Прокофьев был среди семи не вернувшихся из боевого вылета¹. Не вернулась в тот день и Тоня Лебедева.

Двух подруг, Тоню и Клаву, всегда придерживали, следуя негласному приказу командира дивизии беречь их. Их это растреивало: они считали себя опытными летчицами и действительно были таковыми по сравнению с пришедшими в полк новичками. Обе ничего не боялись. «Да мы обе были бесшабашные, смелые и дерзкие в деле, не желали от мужчин отставать», — вспоминала Клава². Тоня, фанатичная коммунистка, к тому же не хотела, чтобы кто-то мог упрекнуть ее в том, что она отсиживается на земле, прикрываясь должностью парторга. Но в июле 1943-го придерживать их уже не было возможности, слишком велики были потери. Их выпускали каждый день, и не по одному разу; выпускали, успев только немного подготовить, и новичков. Концентрация самолетов с обеих сторон была самой большой за всю войну, потери с обеих сторон высочайшие.

На свое последнее боевое задание младший лейтенант Лебедева вылетела во второй половине дня 17 июля в составе группы из девяти самолетов. Чтобы создать большую группу, у которой были лучшие шансы защититься от «мессеров» и «Фокке-Вульфов», включили даже майора Прокофьева

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 19, 19 об.

² Овчинникова Л. Указ. соч.

и штурмана полка майора Пленкина. Группе дали задание прикрывать наземные войска в районе Просетово, Гнездилово, Знаменское, что к юго-западу от Болхова¹.

Советские части медленно двигались вперед, пытаясь замкнуть несколько колец вокруг групп немецких войск и прорваться к железной дороге. Немцы, сколько могли, подбрасывали резервы. Со стороны Орла немецкие бомбардировщики летели бомбить наступающие советские войска. Их появлению теперь всегда предшествовали большие группы истребителей «Фокке-Вульф», — это наши летчики наблюдали уже несколько дней.

Из девяти летчиков в полк вернулось двое. Из Тониного звена не вернулся никто. Звеном командовал Герой Советского Союза Гавриил Гуськов, «высокий широкоплечий парень с типично русским лицом и спокойными карими глазами», один из лучших летчиков в полку. У него было шестнадцать сбитых, звание Героя он получил в мае 1943-го. Отправляясь в тот день в боевой вылет, Гуськов надеялся увидеть сверху свою родную деревню, находившуюся в этом районе. Гуськов и Тоня Лебедева полетели ведущими, а ведомыми — недавно пришедшие в полк молодые летчики Пономарев и Альбинович. На подходе к Орлу, у деревни Бетово, группу атаковали истребители «Фокке-Вульф». Что случилось потом, никто точно не знает: погибли все четыре летчика. Летчик Адиль Кулиев из другого звена потом доложил, что видел, будто Лебедева отделилась от самолета и раскрыла парашют. По его словам, немецкий летчик стал расстреливать Лебедеву в воздухе. Но Кулиев ошибся: Тоня осталась в своем самолете.

О судьбе замполита ничего не было известно. Не вернулся и штурман полка Пленкин. «Личный состав, — писал полуграмотный автор донесения, — сильно переживает невозвращения наших лучших товарищей». Он сообщал, что обращения

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 19, 19 об.

к наземным частям с целью найти «пропавших товарищей» не дали результата. По всей видимости, они сбиты над территорией, занятой противником. Три человека, совершившие вынужденную посадку, в том числе Прокофьев, возвратились в полк на следующий день. Было установлено, что два летчика из группы погибли. О судьбе остальных пропавших, в том числе Гуськова и Тони Лебедевой, ничего известно не было.

Откуда-то взялся слух о том, что Лебедева попала в плен. После освобождения Орла стало известно, что кто-то якобы видел ее там, в госпитале, раненную — скорее всего, спутали с какой-то другой девушкой, раненной и попавшей в плен. Кто-нибудь сказал, что это была Тоня, и все поверили — наверное, хотелось хотя бы придуманной определенности. Ранее родным сообщили, что Тоня пропала без вести. Теперь адъютант полка решил, что для родных лучше недостоверная информация, чем никакой, и написал Тониному отцу в Москву вот такое письмо.

Здравствуйте, Василий Павлович! Получил Ваше письмо с просьбой рассказать о судьбе Тони. На Вашу просьбу я сейчас ничего точного ответить не могу, а что было раньше известно о Тоне, то напишу.

После освобождения города Орла мне стало известно, что Тоня находилась в госпитале и после эвакуации ее увезли немцы. Работники этого госпиталя рассказывали, что, когда ее допрашивали немецкие офицеры, она вела себя как большевик и патриот Родины. И когда они ей сказали: «Мы все равно победим», она им плюнула в лицо. После этого нам ничего о ней не известно. Все наши боевые товарищи не забыли о Тоне и никогда не забудут — ведь она была исключительно смелая, храбрая и инициативная в бою летчица, имела на своем счету 3 сбитых самолета противника. Память о Тоне мы чтим в своих сердцах. До свидания.

Пестряков Евгений Иванович, п/п 35428»¹.

¹ Полунина Е. К. Указ. соч.

Отец, мать и сестры много лет ждали, что Тоня вернется, постоянно искали ее. Тонина кровать в московской квартире стояла заправленная, готовая в любой момент принять свою пропавшую хозяйку. Тонин отец Василий Павлович Лебедев умер незадолго до того, когда ее наконец нашли.

Мальчишки остаются мальчишками и играют в войну всегда и везде, играют даже тогда, когда вокруг них нет ничего, кроме войны. Хотя Мценский район был оккупирован немцами и те жили почти в каждой большой деревне, мальчишки в деревне Разинкино обожали собирать стреляные гильзы и играть в стрельбу; соревновались, кто больше найдет гильз. Как только где-то поблизости от них завязывался воздушный бой, они бежали туда, перегоняя друг друга, в поисках гильз, не особенно задумываясь о судьбе воюющих у них над головой летчиков. Боев вокруг шло более чем достаточно: ежедневно к вечеру со стороны Орла к городу Болхову в сопровождении истребителей направлялись тяжелые немецкие бомбардировщики. Они летели на небольшой высоте, и на крыльях были четко видны кресты. Часто их встречали советские истребители.

Жарким днем 17 июля мальчик Саша Межуев пошел с бабушкой в лес за хворостом. Со стороны Орла послышался гул большого количества самолетов, навстречу появились русские истребители, и начался бой. Один немецкий двухмоторный самолет загорелся и пошел в сторону деревни Поляны. Вывалился из карусели и советский истребитель. Саша подумал, что самолет подбит: за ним тянулась белая струйка дыма. Раздался удар, и наступила тишина. Саша побежал к самолету, который упал совсем близко, но не добежал: метрах в десяти от самолета он увидел на земле человека. Летчик медленно, опираясь на руку, стал приподниматься, пытаясь осмотреться вокруг одним глазом: второй затек кровью. Он тут же опять опустился на землю, сил у него уже не было.

Подошла бабушка Василиса и пыталась ему помочь. Расстегнула шлем и положила ему под голову. Попыталась освободить шею, но не смогла. Взяла его руку, пощупала его пульс и сказала: «Сыночек, еще жив»...

Мальчик впервые увидел умирающего человека, и летчик навсегда остался в его памяти: худощавый, невысокого роста, с темными волосами. Был он в темно-синем кителе с четырьмя лычками на погонах.

Вскоре появились два немца, жившие в Сашиной деревне, и запретили подходить близко к летчику. От них Саша услышал, что умирающий летчик был француз¹.

16 и 17 июля в этом районе погибли трое летчиков из полка «Нормандия». Этот полк, сформированный на базе эскадрильи французских добровольцев — 14 летчиков и 58 авиамехаников, — участвовал в боях с апреля 1943 года.

После освобождения Знаменского района местные жители указали приблизительное место падения двух «французских» самолетов, но поиск был осуществлен лишь через тридцать лет. Один из них искали у деревни Бетово, но нашли не его, а самолет Тони Лебедевой².

Школьники-следопыты, раскапывая место падения самолета, нашли среди обломков самолета останки летчика, его парашют, пистолет, нож и документы, среди которых были полетная и медицинская книжки. В обеих книжках еще можно было прочесть имя летчика: Лебедева Антонина Васильевна. Нашли записную книжку с тезисами для подготовки к партийному собранию. Нашли хорошо сохранившийся пулемет, номер которого тоже подтверждал, что он был установлен на самолете Лебедевой. А в останках пилота следопыты нашли шлемофон с фрагментами черепа и двумя короткими, с проседью, косами.

¹ Нормандия в битве за Орел // Образование и общество. 2002. № 2.

² Полункина Е. К. Указ. соч. С. 133.

Останки захоронили неподалеку от этого места и поставили на могиле небольшой обелиск, сделанный из бронеспинки кресла пилота из Тониного самолета¹.

Немцев гнали на запад. В разрушенные поселки, сожженные деревни Курской области возвращались жители. Константин Симонов, видевший в 1941 и 1942 годах, как отступали в беспорядке армии и по дорогам брели, не зная куда, старики и женщины с детьми, написал под Сталинградом полные боли строки:

*Не плачь. Все тот же поздний зной
Висит над желтыми степями.
Все так же беженцы толпой
Бредут; и дети за плечами...*²

Теперь люди шли обратно, возвращались в родные места, но им было не легче. И сердце Симонова, поэта и солдата, снова переполняла та же страшная жалость, та же вина мужчины, который не в силах облегчить участь оставшихся без защиты и помощи женщин и детей.

Как только начались бои на центральном направлении — Курская битва, главный редактор «Красной Звезды» отправил туда Симонова, который, узнав о немецком наступлении, поехал со смешанными чувствами: слишком хорошо помнил страшное лето 1941 года и «почти такое же страшное» лето 1942-го. И поэтому, услышав от командира 75-й гвардейской Сталинградской дивизии Горишного фразу «Боюсь, не пойдут они сегодня на меня», он сначала не понял, и Горишный начал, как ребенку, объяснять ему, что его дивизию поддерживает восемь артиллерийских полков, и чем больше он перебьет

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 134.

² Симонов К. М. Указ. соч. С. 137.

наступающих немцев, тем легче ему будет потом, когда самому придется наступать на них. Симонов запомнил то утро и эту фразу, свой осадок удивления, что «вот мы те самые, которых так давили и гнали перед собой немцы, вдруг начали побеждать». После этого утра удивления уже больше не было, и то, что немцев били, стало наконец в порядке вещей.

На обратном пути в Москву, где корреспондент должен был «отписаться», Симонов с фотографом Халипом еще раз вернулись в район Понырей, где «печально стояли несжатые поля», «в балке искалеченные немецкие орудия, горы пустых плетенок из-под снарядов», неприметные сначала в густой ржи трупы убитых. Местные жители возвращались домой по пыльным проселкам или, «не по-крестьянски»¹, сокращая дорогу, напрямик через поля. Корреспонденты остановили машину около женщины, идущей с детьми по промятой во ржи тропке. Симонов сосчитал детей: пятеро, а потом оказалось, что на руках у матери еще шестой, грудной. И женщина, и дети были «безмерно тяжело нагружены», еле шли, сгибаясь под тяжестью узлов. Женщина остановилась и сняла с себя два связанных друг с другом мешка, — вернее, «вылезла из-под них», так они были велики. «Устало отерев лоб», она села на один из мешков, и все дети тоже освободились от своей ноши и сели рядом с ней. «Издали ли?» — спросил Симонов. Женщина ответила, что прошли они уже тридцать километров, а уже сил нет. «А бросить не могу. — Женщина показала на мешки и на убогие, залатанные узлы с вещами. — Небось немец пожег там все у нас, в деревне, во всем нужда будет. Нельзя бросить. А еще сорок верст идти».

Она начала плакать. Лицо ее казалось лицом старухи. Симонов спросил, все ли дети ее, и она, подтвердив, поочередно назвала имена детей. Старшему было десять лет, младшему — восемь месяцев. Муж пропал на войне.

¹ Симонов К. М. Указ. соч. С. 256–257.

Симонов молчал. В эмке их было четверо, и ехали они в другую сторону. Если бы даже сделать крюк, все равно всю семью и все вещи в эмку не возьмешь.

«Ну, пошли, что ли», — сказала женщина и снова подлезла плечом под мешки, которые, когда она встала, оказались «почти в рост с нею».

Симонов смотрел, как «дети тоже молчаливо, серьезно, как носильщики или грузчики, поднимают свои мешки и мешочки, даже предпоследний, трехлетний, тоже поднимает с земли и, как большой, переваливает через плечо узелок». Они уходили по тропинке, и Симонов «бесмысленно и беспомощно» смотрел им вслед. Ему казалось, что он и без того уже «ненавидел фашистов так, что дальше некуда», и все-таки вдруг ко всей этой ненависти добавилась еще одна капля.

Советские войска двигались к Орлу. В 65-м истребительном полку после июльских боев восемнадцать оставшихся в полку летчиков летали по очереди на уцелевших семи самолетах¹. Клаве Блиновой после гибели Тони разрешали летать неохотно. Но ей теперь еще важнее было летать: она хотела отомстить за любимую подругу.

У нее, теперь такой одинокой, холодело сердце при мыслях о судьбе Тони, с которой она любила петь про синий платочек. Попасть в плен было для советского человека позорно и очень страшно. Попасть в руки врага советский человек имел право только мертвым, иначе он предавал свою Родину. О том, как ужасна участь попавших в плен, знал каждый: советские газеты были полны заметок об издевательствах, которым подвергаются в плену советские солдаты, обильно проиллюстрированных леденящими кровь фотографиями. А Тоня к тому же была женщиной.

Но попасть в плен, который Клаве казался страшнее самой смерти, было суждено как раз ей.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 1. Л. 19, 19 об.

«Свои потери: самолетов — 6 шт., летчиков 5 чел. не вернувшихся с боевого задания», — писал в очередном донесении майор Прокофьев, который снова был в строю. Дальше кратко упоминались ведущий, член ВКП(б) гвардии старший лейтенант Ковенцов Н. И., и его ведомая, гвардии младший лейтенант, член ВЛКСМ Блинова К. М., которые не вернулись с задания по сопровождению штурмовиков. «По заявлению гвардии лейтенанта Сычева, два самолета Яка подбиты в воздушном бою ФВ-190. Из одного нашего подбитого самолета летчик выбросился на парашюте (предположительно Блинова). Другой на низкой высоте свалился на крыло и врезался в землю, где сгорел (предположительно Ковенцов)»¹. Выбросилась с парашютом действительно Клава Блинова.

Почему ее сбили, в какую минуту она ослабила внимание, Клава так и не поняла. Она помнила только сухой треск и скрежет металла. Ее сильно потрянуло, ударило о борт, и самолет начал разваливаться. Какое-то время она падала вместе с кабиной, зажав в руке бесполезную теперь ручку управления². Страха не было, была одна четко работающая мысль: «Жить, жить!» Она отстегнула шнур шлемофона и привязные ремни. В следующее мгновение, будто невидимой рукой, ее с дикой силой вышвырнуло из обломков машины. Раскрылся парашют, и тут она увидела, как, «на глазах все увеличиваясь, кажется, прямо на нее несется, стреляя огненными трассами», немецкий истребитель. Немец чуть не зацепил плоскостью за купол парашюта: Клава почувствовала, как ее сильно качнуло. Она услышала чей-то дикий крик — оказалось, свой собственный. Быстро-быстро намотав на кулак парашютные стропы, чтобы увеличить скорость падения, она понеслась к земле, и самолет с белыми крестами скрылся из виду.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 65 ГвИАП. Оп. 168041. Д. 2. Л. 24.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

В следующий момент в ее мозгу пронеслась тревожная мысль о том, куда она падает: ведь бой вели над вражеской территорией. Перед самым приземлением она заметила неподалеку лесок и решила бежать туда и спрятаться. Избавиться от парашюта — дело нескольких секунд. На бегу Клава вдруг услышала, как что-то «шлепается, обрывается вокруг... с незнакомым разбойничьим свистом». Она уже почти год была на фронте, но под обстрел на земле еще ни разу не попадала и, только почувствовав резкую боль в ноге, поняла, что по ней стреляют. Пуля попала ей в ступню. Она еще немного пробежала, пригнувшись, но больше не могла наступать на ногу и поползла. Немецкий солдат появился неожиданно прямо над ней.

Когда она поднялась, вся в пыли и земле, и сдернула с головы шлем, подбежавшие немцы запричитали удивленно и сочувственно: летчик оказался совсем молодой женщиной. Сочувствие сочувствием, а от сувениров немцы не отказались. С Клавы сорвали часы, погоны, оторвали «с мясом» от гимнастерки гвардейский знак и медаль «За отвагу». Потом ее на попутной машине отправили в полевую жандармерию, откуда, допросив, вместе с другими летчиками отправили в лагерь для военнопленных в город Карачев, к которому уже близко подошел фронт. В Карачеве все было в огне, рвались снаряды, «в панике метались мотоциклисты», на перекрестках орали регулировщики. Когда выбрались из Карачева, Клава уже знала, что их группу отправляют в Брянск.

В лагере военнопленных в Брянске лишь небольшая часть из восьмидесяти тысяч военнопленных жили в зданиях бывшей ремонтной базы, а большинство — просто под открытым небом. Как ни удивительно, среди этой огромной массы людей нашелся человек, который знал Клаву и окликнул ее по имени. У него на шее висела, как и у всех, вместо имени бирка с номером, а узнать кого-либо в обгоревшем обезображенном лице было невозможно.

— Да Головин я. Анатолий. Командир твой, — проговорил незнакомец еле слышно.

И только тут Клава не выдержала и расплакалась. «Плакала, как никогда в жизни»¹.

Двадцатичетырехлетний командир первой эскадрильи капитан Анатолий Головин в боях на Курской дуге показал себя как исключительно способный летчик. По документам, он сбил восемь немецких самолетов, но в своем последнем боевом вылете на прикрытие наземных войск все в тот же район поселка Знаменское (хотя со времени гибели Тони и ее звена прошло уже две недели, советские войска почти не продвинулись) был сам сбит «Фокке-Вульфом»². Докладывая о том, что Головин выпрыгнул с парашютом из горящего самолета над территорией противника, майор Прокофьев упоминал также, что штурмовики через свое командование передали Головину благодарность: на днях он их здорово выручил. За несколько дней до того, как его сбили, Головин с группой вылетал на прикрытие штурмовиков, и его ведомый застрял в грязи на старте. Из-за этой задержки всю группу повернули назад. Головин, которого повернуть не успели, в течение всего полета штурмовиков прикрывал их один и сбил два «Фокке-Вульфа». Он получил благодарность и от руководства своей истребительной авиадивизии. Ему светила высокая государственная награда, но судьба распорядилась так, что, раненный, страшно обожженный, он сидел на пыльной земле лагеря вместе с тысячами других советских военнопленных.

Вскоре Клаву и других летчиков отправили на железнодорожную станцию Брянска. Стало известно, что их увозят на запад. Они решили пытаться бежать в пути, и им, сильно рискуя, помогли местные женщины, которые пробирались к самой платформе, чтобы бросить военнопленным хлеб и кар-

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

² ЦАМО РФ. Ф. 65 ГВИАП. Оп. 168041. Д. 2. Л. 24.

тошку. В кульке с махоркой и в кастрюле с вареной картошкой Клава и ее товарищи по несчастью получили два ножа. Было решено прорезать в стенке вагона отверстие, чтобы откинуть у выхода дверную скобу.

Это удалось сделать только через три дня. Прыгали в темноту по очереди один за другим, как парашютисты, на полном ходу поезда. Клава на секунду замешкалась, рассчитывая, как не приземлиться на раненую ногу. Поднявшись, она прошла немного вдоль полотна и встретила остальных. Впятером они пошли через поле яровой пшеницы на восток.

У Клавы Блиновой было три брата: старший Сергей, Степан и Павел. Все трое ушли на фронт добровольно на второй день войны. Степан уже погиб под Смоленском, Сережа — под Сталинградом, младший Павел недавно еще был жив и воевал, но кто знает. Что, если его уже нет? Клаве нужно обязательно вернуться.

Собирая ягоды, грибы и коренья, минуя населенные пункты и дороги, они шли одиннадцать дней. Только через десять дней в первый раз зашли в деревню, где им дали картошки, табака и немного хлеба и объяснили, что до линии фронта осталось всего двадцать километров.

Реку, названия которой не знали, переплыли на досках от разрушенного моста. На советском берегу они наконец-то смогли выпрямиться во весь рост.

Кажется, Клава в жизни не слышала команды радостнее той, которая вскоре раздалась: «Стой! Кто идет?» Она думала, что все испытания позади, но предстояли новые.

В штабе одного из полков 21-й армии, куда их привели двое автоматчиков, с ними беседовал офицер из Смерша, недоверчиво реагирующий на любой их ответ. Каждому из них дали лист бумаги для объяснительной записки и покормили, только когда они закончили писать. «Спецпроверка» шла две недели; после нее их ждал фильтрационный лагерь. Условия там мало отличались от немецкого лагеря военно-

пленных: такие же нары, почти такая же скудная еда. Только вместо ненависти к тюремщикам была растерянность: ведь тюремщиками были такие же советские граждане, как ты сам.

Воздушный стрелок Николай Алексеевич Рыбалко, вместе с Клавой бежавший из плена и вместе с ней оказавшийся после немецкого в советском лагере, вспоминал, как бежали дни в этом лагере, «державшем в себе огромное количество боевой силы, способной брать любые преграды противника»¹. Все уже привыкли к лагерной жизни и работе. Многие люди находились здесь уже по году...

От советского плена Клаву спас ее старый знакомый — пьяница и грубиян Василий Сталин, любивший летчиков и по возможности защищавший их от длинных рук своего отца. Вскоре после того, как ей чудом удалось передать письмо в родной полк, в лагерь за ней приехал ее хороший друг, командир братской эскадрильи Вася Кубарев. Скоро она снова, со слезами на глазах, села в кабину истребителя.

Из новых друзей, которых Клава Блинова оставила в лагере, вернуться в летный строй не удалось почти никому. Судьба большинства из них была непоправимо искалечена. Многих ждали годы сталинских лагерей. Самого знаменитого, если говорить о побегах из немецкого плена, советского военного летчика Михаила Девятаева, который бежал из плена на немецком самолете, увезя с собой еще нескольких человек, родная страна наградила за подвиг десятью годами лагерей.

¹ Полунина Е. К. Указ. соч. С. 104–111.

Глава 26

Это за Катю!

«**Р**одная моя мама! — писала Катя Буданова 25 июня. — Я снова на фронте. Долетела благополучно. Здоровье хорошее. Приступаю к боевой работе. Мама, погибли мои четыре боевых товарища. Сейчас я вооружаю себя на беспощадную месть за них. Mamочка, ты обо мне не беспокойся. Я буду писать тебе часто, и ты мне пиши...»¹

Подробнее Катя, только по возвращении в полк узнавшая о гибели «Бати», Алеши и Гриши Буренко, написала в письме сестре Вале.

«Дорогая моя Валюшенька! Долетела благополучно, но ты, дорогая моя, не можешь себе представить, какой удар... Помимо «Бати» и его заместителя погибли еще два — командир эскадрильи Герой Советского Союза Леша Соломатин и Гриша Буренко. И вот теперь ты понимаешь мое состояние, что значит потерять самых дорогих людей из своей родной семьи — своего полка. Это все произошло за один месяц — за мое отсутствие. Чувствовало мое сердце, поэтому я так и рвалась скорее на фронт...»²

¹ Катюша... С. 15.

² Там же. С. 9.

Полк, когда Катя вернулась, стоял на другом аэродроме, но совсем недалеко от предыдущего: фронт совсем не продвинулся.

Командир звена из 2-й эскадрильи Иван Домнин в своих коротких воспоминаниях о Кате недоумевает, почему она не получила звания Героя. В его памяти и в памяти других однополчан она осталась настоящим героем. Домнин, часто бравший Катю ведомой, считал, что она спасла ему жизнь как минимум дважды. Как-то, садясь на аэродром около Миуса, Домнин «прозевал воздух». Оказалось, что за ним и Катей летела четверка немецких истребителей («по-воровски», выразился Домнин, хотя подкараулить самолет противника на взлете или посадке было совершенно обычным приемом). Домнин уже зашел на посадку, когда вокруг начали рваться снаряды, и он подумал, что по ним по ошибке бьют свои же зенитчики. Катя, вовремя сориентировавшись, спасла положение: осталась в воздухе и отбила атаку. Посадив самолет, она доложила пристыженному командиру эскадрильи: «Вы знаете, товарищ командир, пристали эти нахалы ко мне, еле выкрутилась, аж пот градом». Домнин, отдав должное ее чувству юмора, признался, что сам он немцев не видел. «За то, что меня не сбили, большое спасибо тебе»¹.

Второй случай, когда Буданова, как считал Домнин, спасла его, произошел совсем незадолго до ее гибели. Вместе с Катей он прикрывал штурмовиков, вылетевших на цель у Миуса. Налетели «мессера», и, увлекшись атакой, Домнин не видел, что по нему ведет огонь еще одна пара немецких истребителей, — снова, по его собственному выражению, «прозевал воздух». Эту атаку смогла отбить Катя, которая тогда, как и Домнин, сбила немецкий истребитель.

¹ Катюша... С. 29–32.

Стояло жаркое-жаркое степное лето, летчики 296-го полка, как и год назад, выбивались из сил. Немцы из-за небольшого количества самолетов в своих ВВС начали перебрасывать авиагруппы между фронтами и к середине июля, пользуясь наступившей плохой погодой под Курском, перебросили от туда часть воздушной эскадры «Удет». Летчики 296-го полка иногда делали по пять боевых вылетов в день, по ночам плохо спали, не могли есть между вылетами, да и обед, когда его привозили на аэродром, был несъедобным из-за постоянно налетающих стаями и падавших в борщ полевых блох¹.

Удивительно, но, несмотря на страшное дневное напряжение, по вечерам после ужина, если только находились желающие устроить танцы, Литвяк и Буданова по-прежнему «любили потанцевать». Как и раньше, Катя часто танцевала за парня². Об этих вечерах, которых было всего два или три, не пишут биографы Литвяк. Если им верить, то после гибели Леша Лиля хотела только одного: «воевать и мстить за него». Но то, что Лилька ходила на танцы, — неужели это означало, что Леша уже ушел для нее в прошлое? Валя Краснощекова считала, что это просто разрядка после страшного напряжения дня, способ поддержать ребят, своих боевых товарищей³. Теперь с Лилей снова была Катя, которую она очень ждала, смелая и неунывающая. Но они пробыли вместе совсем недолго.

8-я воздушная по-прежнему поддерживала армии Южного фронта, который проводил перегруппировку, готовясь нанести удар. Сначала силы — десятки тысяч людей, тысячи орудий и сотни танков — перемещали только по ночам. Но июльские ночи короткие, так что к 14 июля командующий

¹ Катюша... С. 29–32.

² Там же. С. 32.

³ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Январь 2012.

разрешил совершать марши и днем¹. Огромные колонны машин двигались по фронтовым дорогам круглые сутки, нуждаясь в защите с воздуха: их бомбили большие группы бомбардировщиков, переброшенные из других мест, в том числе с Курского направления. К 17 июля требовалось быть в полной готовности, чтобы нанести удар по участку фронта длиной в тридцать километров — Дмитриевка — Куйбышево — Ясиновский и прорвать там оборону противника.

Вечером 16 июля, поднявшись на патрулирование в район села Куйбышево, Лиля Литвяк участвовала вместе с Яками из других частей (всего советских истребителей было восемь) в бою с примерно тридцатью немецкими бомбардировщиками, которые, как насчитали советские летчики, сопровождало восемь «Мессершмиттов». Вылет этот был уже вечером, последний. Литвяк подбила бомбардировщик, Ю-88, который «после атаки со снижением и резким переворотом, сбивая с плоскостей пламя, ушел в западном направлении». Пилот, как отмечало донесение, «падения не видела, так как была атакована “мессерами”». Литвяк повезло: она сажала самолет «на пересеченной местности» около села Дарьевка, совсем недалеко от своего аэродрома, и посадила благополучно. Лилин самолет подбили: как отмечалось в другом документе, «самолет имеет пробоины фюзеляжа, левый бензобак, водосистема, воздушная система», из-за чего имеющую «большие повреждения» машину отправили в «заводской ремонт». Это был не тот самолет, на котором она обычно летала; на свой, номер 16131, который обслуживал Коля Меньков и в кабине которого она во время дежурства выцарапала «мама» и свои инициалы — «ЛЛ», она села уже на следующий день: от отдыха, несмотря на ранение, отказалась, сказав: «Я хочу летать на боевое задание, сейчас некогда отдышаться»².

¹ Жирохов М. Указ. соч. С. 161.

² Меньков Н. И. Интервью автору. Сентябрь 2011.

Бои, и на земле, и в воздухе, шли с колоссальной интенсивностью. «Наиболее напряженным периодом боевой работы являлся период с 17.7 до 6.8.1943 года», — отмечал в донесении Крайнов, прибавляя, что основной задачей полка в этот период было «прикрытие штурмовиков и бомбардировщиков путем сопровождения над полем боя».

Советское наступление началось рано утром 17 июля, после артиллерийской подготовки. Однако первая атака сразу же захлебнулась: слишком силен был артиллерийский огонь противника и атаки с воздуха. Телефонист из роты связи Александр Брехов вспоминал: «Мы прорвали их фронт и сумели продвинуться вперед на несколько километров, но понесли большие потери. Немцы напустили на нас столько авиации, что буквально разнесли наш передний край. Их пикирующие бомбардировщики атаковали непрерывно, одну группу в воздухе сразу сменяла другая, а в таких группах было по 18, по 36 самолетов».

За день советским частям удалось продвинуться всего на глубину от двух до шести километров, выйдя на рубеж Степановка — Мариновка, лишь немного расширив плацдарм на берегу Миуса. Противник подтягивал резервы.

У села Мариновка, по воспоминаниям очевидца, «жесточайший бой велся днем и ночью, каждый метр земли освобождался с боем». Перед деревней лежали трупы людей и лошадей, немцев и русских. Раненых ночью 17-го отвели к переправе и отвезли в тыл. В следующие дни Мариновку нещадно бомбили «Юнкерсы», каруселью заходя на бомбометание. Вскоре к селу прорвались немцы, советские войска отошли к кургану Саур-Могила, в очередной раз попав там под страшную бомбежку. Немцы продолжали контр наступление, и поселок Саур-Могила «как-то опустел». Советское наступление захлебывалось.

Во второй половине дня 18 июля на правом берегу Миуса остался советский плацдарм примерно десять на де-

сять километров. Подтянутая в помощь 5-й ударной армии, 18-го включилась в активные боевые действия 2-я гвардейская армия, которая должна была попытаться развить наступление и выйти на рубеж реки Крынки. Именно там и тогда при сопровождении штурмовиков погибла Катя Буданова.

Восемь штурмовиков, вылетевших в район села Покровское недалеко от Артемовска, они сопровождали всего лишь парой — лейтенант Катя Буданова и младший лейтенант Алехин. О том, что с ними случилось, стало известно со слов пилотов штурмовиков, которых эти два Яка защитили хорошо, отбив все атаки. На них напало шесть Ме-109, один из Як-1 ушел «домой», сопровождая подбитый Ил. Это был самолет Алехина, который, однако, на свой аэродром не вернулся. Второй Як-1, согласно донесению, «после ухода “мессеров”» на высоте около двух тысяч метров «вошел в отвесное пике — врезался в землю и сгорел...»¹.

Писарь из полевого госпиталя 2-й ударной армии Е. Швырова первой оказалась на месте падения самолета. Подробности она рассказала в письме, написанном в московскую школу № 63, в которой создали музей Кати Будановой. Она писала: «Воинская служба моя проходила в полевом подвижном госпитале, который находился в составе 2-й гвардейской армии. Июль — август 1943, когда шел штурм на Миус-реке, мы дислоцировались в селе Новокрасновка Антрацитовского района Ворошиловградской области»².

Швырова вспоминала, что бои шли такие жаркие, что из-за грохота снарядов и шума авиации в штабе можно было разговаривать, только крича друг другу на ухо.

«И вот так случилось, — продолжала автор письма, — что я оказалась на улице и мое внимание привлек снижавшийся

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Политдонесения.

² Катюша... С. 28.

самолет. Я поняла, что летчик ранен или убит; самолет упал и мгновенно вспыхнул...

Село расположено в низине, а самолет упал на пригорке, пока я его одолела, этот пригорок, самолет уже догорал, а летчица (это была Катя Буданова) лежала рядом с самолетом окровавленная, парашют окровавленный».

То, что обгоревший окровавленный труп был телом женщины, нашедшие Катю узнали из документов, которые были с ней. Похоронили ее деревенские женщины, а писарь Швырова и ее товарищи долго перечитывали письма, которые нашли у Кати, и пересматривали фотографии, только позже отослали все в Москву Катиной сестре Вале. Среди писем было письмо Кате от Михаила Баранова и Катино недописанное письмо матери. Были разные фотографии: в военной форме у самолета, в гражданской одежде и, совсем молодая, в красивой шляпе. Эти снимки Швырова хорошо запомнила — не верилось, что это фотографии девушки, которую переломанную, в крови, Швырова нашла у обломков самолета.

Девушки в штабе, хотя видели всякое, были потрясены гибелью летчицы. Ровно через день на том же пригорке упал и так же сгорел немецкий самолет. «Тогда у всех, как по команде, вырвался вздох: “Это за Катю!”»

Некролог на Катю, опубликованный в газете «Сталинский воин», подписали и начальники, и рядовые летчики, ее товарищи по полку: вслед за Хрюкиным, Сидневым, Гольшевым и Шестаковым шли имена Литвяк, Линовицкого, Сошникова и других людей, которые были с ней рядом на фронте¹.

Биографы Литвяк и Будановой писали, якобы со слов однополчан, что через несколько дней после того, как деревенские женщины похоронили Катю, в Новокрасновку прилетала де-

¹ Катюша... С. 27.

вужка-летчица, белокурая, невысокого роста. Она спросила, где похоронили Катю, и ходила на могилу. Без сомнения, это была Лиля Литвяк.

Но это выдумка. В Новокрасновке не было аэродрома, а Як — не У-2, посадить его там было негде. На похороны Кати приезжали на полуторке с женщиной-шофером несколько человек из полка, летчиков и техников — все, кто в этот момент жестоких боев смог поехать¹. Лиля не ездила на могилу к подруге, она все время была в воздухе. В день похорон, 19-го, она сбила еще один немецкий самолет².

После гибели Кати Валя Краснощекова Лилю почти не видела: Литвяк летала в другой эскадрилье, и шли такие бои, что не продохнуть³. Валя про Лильку часто думала, жалела ее, потому что Литвяк осталась совсем одна, и решила, когда представится момент, просить командира полка, чтобы ее перевели в ту же эскадрилью. Но командир полка Голышев через два дня после Кати Будановой тоже погиб.

21 июля был плохой день: из вылета по сопровождению Илов не вернулись командир полка Голышев, Лиля Литвяк и ее ведомый Дима Свистуненко. Майор Крайнов писал в донесении, что командир полка ушел на задание пьяный: его пытались остановить начальник штаба Смирнов и полковой особист лейтенант Перушев. Голышев «послал Перушева матом». Для интеллигентного, строгого Голышева такое поведение не было типичным, однако возможно, что сказался сильнейший стресс последних недель, опасные задания по сопровождению штурмовиков, постоянные потери⁴. Голышев, вероятно находясь в пьяном азарте, считал,

¹ *Меньков Н. И.* Интервью автору. Сентябрь 2011.

² ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 108.

³ *Краснощекова В. Н.* Интервью автору. Сентябрь 2010.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 109.

что он в прекрасной форме, поэтому особиста, которого, как и большинство людей в его полку, сильно недолюбливал, слушать не стал.

Они сопровождали шесть Илов в район деревни Криничка, близко от реки Крынка, где советские войска все еще обороняли маленький плацдарм, безуспешно пытаясь контратаковать. Над целью штурмовиков атаковала большая группа «Мессершмиттов». Как докладывал начальник штаба Смирнов, «Литвяк прибыла в часть 22.7.43 г., доложила, что она была в бою подбита и преследовалась Ме-109 до земли, произвела ВП (вынужденную посадку) на фюзеляж в районе Новиковка»¹.

Когда по расчетам в самолете должно закончиться горючее, механики начинали ждать свои самолеты назад, высматривать их в небе — они их как-то узнавали еще издалека. «Мой летит», — говорил кто-то, а те, кто не дождался свою машину после того, как горючее по времени уже кончилось, еще какое-то время ждали, а потом в подавленном состоянии уходили со стоянки. Теперь надежда была на то, что самолет сел где-то на вынужденную посадку и пилот подаст о себе весточку. Так было в тот день и с Колей Меньковым: его самолет не вернулся и ему ничего не оставалось, как ждать и надеяться на лучшее.

Литвяк, с царапинами на лице, но невредимая, появилась в полку уже на следующий день, и механик поехал на полуторке с шофером-женщиной вызволять ее самолет². Литвяк рассказала, что налетела большая группа «мессеров» и они приняли бой, но о том, что случилось с Голышевым и Свистуненко, ничего конкретного сказать не могла.

Судьба очень хорошего парня Димы Свистуненко, пришедшего в полк после полка ночных бомбардировщиков,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. Л. 109.

² Меньков Н. И. Интервью автору. Сентябрь 2009.

в составе которого он воевал под Сталинградом, стала известна лишь в сентябре. После прорыва Миус-фронта в примерный район падения его самолета, указанный Литвяк, выехал полковой особист гвардии старший лейтенант Перушев. Помогли местные жители, к которым он обратился: около хутора Михайловский Перушев нашел самолет, на котором летал Свистуненко, — Як-1 с хвостовым номером 28. Около самолета Перушев нашел, если верить донесению Крайнова, труп с отдельно лежащей головой, опознать который было невозможно. «Единственные приметы — это на нем была суконная рубашка, которая сохранилась в целости, и брюки. Документов обнаружить не удалось, так как карманы в рубашке и брюках были вывернуты».

Жители хутора рассказали Перушеву, что произошло. Самолет Свистуненко подбил немецкий танк (видимо, пулеметной очередью). Летчик развернул самолет на 90 градусов и взял курс на восток, но мотор начал давать перебои, и летчик «стал производить посадку прямо на склоне горки по канавам». Удачно посадив самолет на фюзеляж, летчик вылез из кабины. Мы не знаем, видел ли Свистуненко, что к нему едут немецкие мотоциклисты, вылез ли он для того, чтобы вести с ними бой, или не видел немцев и надеялся скрыться. Как бы то ни было, увидев двух подъехавших к нему мотоциклистов, он поднял руки, как будто хотел сдаться, и, как только немцы начали слезать с мотоциклов, выхватил пистолет и застрелил обоих. С другой стороны к нему уже бежали немецкие автоматчики. Перед тем как выстрелить последним патроном в себя, Дима попрощался со своей любимой машиной. «Летчик обвернулся, сняв с себя шапку, помахал лежащему самолету, произвел выстрел и упал, — писал Крайнов. — Подошедшие к нему автоматчики постояли возле него и ушли». Местные летчика не похоронили, потому что тогда же, в ночь с 21 на 22 июля, хутор оказался на линии фронта и их эвакуировали в тыл.

Перушев похоронил Свистуненко, которому в ноябре исполнилось бы двадцать два года, на деревенском кладбище, сделав ему с помощью местных жителей гроб и памятник, на котором написал, что Свистуненко погиб как герой. Над могилой он отдал погибшему пилоту салют. Доброе имя Свистуненко было восстановлено, его родные теперь имели право на пенсию. А командира полка Голышева, пропавшего в том же районе, Перушев найти не смог. Его нашли через тридцать лет школьники, искавшие самолет и останки Лили Литвяк.

Жительница села Артемовка Закутняя Анна Лаврентьевна рассказала школьной экспедиции, что она видела, как немцы в районе Красной Горы сбили самолет. Он загорелся в воздухе и упал прямо на немецкую батарею. Летчик не выпрыгнул, скорее всего, был ранен. Его выбросило из кабины взрывом, и он был еще жив, когда прибежали немцы. Летчика тут же расстреляли¹.

Немцы ушли, и местные женщины похоронили летчика возле разбитого самолета, который стал ему своеобразным памятником. Так делали часто, — не потому, что хотели оставить летчика с его машиной, а просто потому, что перенести куда-либо не было возможности. А для летчика его самолет становился, конечно, лучшим памятником. Лицо погибшего летчика Анна Лаврентьевна запомнила так хорошо, что через много лет сразу узнала его на групповой фотографии. Только глянув на показанное школьниками фото, она закричала: «Ой, деточки, вот же он!» Председатель сельсовета выделил телегу, и старуха показала экспедиции высокий обрыв, под которым в глубокой воронке и вокруг нее валялось множество обломков самолета. Там же потом нашли и останки командира 73-го истребительного полка Ивана Васильевича Голышева.

¹ Аграновский В. А. Указ. соч.

Поплутав с девушкой-шофером по деревням — спросить было некого, все местные жители были эвакуированы, ведь линия фронта была совсем рядом, — Меньков наконец нашел нужную деревню, около которой в высоком бурьяне лежал «на брюхе» Як — тот самый, под номером 16131, который он знал как свои пять пальцев¹.

Несомненно, самолет побывал в переделке: у него был пробит радиатор, поврежден мотор, винт погнут при посадке «на брюхо». Подошли солдаты-связисты, один из них азиат, видевшие эту аварийную посадку. «Самолет сел, — рассказали они Коле, — считай, упал в бурьяне». Прибежав туда, они стали искать летчика, звать его. Тут, как они со смехом рассказали Менькову, они услышали тоненький голос: «Я летчик», но никого не увидели: бурьян был намного выше, чем Лиля Литвяк. Скорее всего, бурьян ее и спас, закрыв самолет от огня с немецкой стороны. Когда она подошла к солдатам, лицо ее было испачкано машинным маслом и кровью: она при жесткой посадке ударилась носом о прицел. Поев со связистами и переночевав в их части, Литвяк уехала утром на попутной машине.

«У самолета был разбит правый блок и картер двигателя», — вспоминал Меньков, и, как рассказали связисты, линию фронта Литвяк перетянула с трудом, сев «на пузо» всего в семистах-девятистах метрах от передовой. Меньков с другим техником доставили самолет в часть на полуторке, подняв его с помощью привезенных с собой баллонов с воздухом и закрепив хвост на машине: передние колеса самолета ехали по земле. «№ 16131 ремонтируется при части», — докладывал Смирнов. У самолета заменили мотор и ремень планера, и через пять дней он снова был готов к работе. Механик Меньков точно помнил, что на его самолете Литвяк сделала до своего исчезновения еще семь боевых вылетов.

¹ Меньков Н. И. Интервью автору. Сентябрь 2011.

Глава 27

Мне тяжело писать Вам про безвозвратную потерю...

НОЧЬ НА 1 АВГУСТА СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА СТАЛА самой страшной из всех боевых ночей полка ночных бомбардировщиков¹. Утром в оперативной сводке доложили: «В районе боевых действий экипажи встретили активное противодействие со стороны ПВО противника, и главным образом со стороны его истребительной авиации и прожекторов². С задания не вернулись четыре экипажа: Высоцкая, штурман Докутович; Крутова, штурман Саликова; Полунина, штурман Каширина; Рогова, штурман Сухорукова. 3 экипажа сбиты ИА [истребительной авиацией] и 1 предположительно огнем ЗА [зенитной артиллерии]. Задание выполнено не полностью. Вылет был прекращен распоряжением из штаба дивизии»³.

Фронт после немецкого контрнаступления, в результате которого в руках немцев оказался ряд населенных пунктов — например, станица Киевская, — не двигался. Летчицы бомбили

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 78.

немецкую линию обороны; советская сторона подтягивала войска, выбрав место для главного удара на правом фланге немецкой обороны в районе Новороссийска.

В ночь, когда погибла Галя, начальник штаба Ира Ракобольская вместе с Бершанской проводила в первый вылет один за другим пятнадцать самолетов. Цель была недалеко, и с аэродрома были хорошо видны лучи прожекторов, старавшихся поймать самолеты. Неожиданно Ракобольская увидела, как один из самолетов вспыхнул и стал падать «медленно, огненным шаром». Она кинулась к журналу вылетов, чтобы понять, «кто сейчас горит». Тут вернулась машина, вылетевшая первой, и экипаж доложил, что они видели, как горел какой-то самолет в 22:18. Другой экипаж, которому посчастливилось вернуться, доложил, что видел, как горел еще один самолет — в 23:00. Потом — еще два таких же доклада. Все вернувшиеся экипажи доложили, что немецкие зенитки не стреляли. Бершанскую это озадачило, однако она быстро поняла, в чем дело: впервые против ее полка немцы выпустили ночной истребитель. Их зенитки не стреляли потому, что в небе был свой самолет или самолеты. Медленные самолетики в ярком луче прожектора были отличной мишенью.

Наташа Меклин, переучившаяся со штурмана, в ту ночь вылетела в один из своих первых боевых вылетов в качестве летчика. Когда до цели оставалось около семи минут, она и штурман Лида Лошманова увидели, как луч прожектора поймал летевший впереди самолет. Наташа подумала, как похож в перекрещенных лучах У-2 на «серебристого мотылька, запутавшегося в паутине»¹. Зенитки почему-то молчали, что было очень непривычно. Тут же все выяснилось. В воздухе вспыхнула желтая ракета — это немецкий ночной истребитель дал на землю сигнал: «Я — свой». Тут же к пойман-

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 244–245.

ному прожектором самолету «побежала голубоватая трасса огоньков»: истребитель стрелял трассирующими патронами, чтобы, если промахнется с первого раза, потом точнее прицелиться. Он попал со второго раза.

Охваченный огнем У-2 стал падать, «оставляя за собой извилистую полосу дыма». От него отвалилось горящее крыло, он рухнул на землю и там взорвался.

Наташе, пусть еще неопытной летчице, помог инстинкт: она тут же свернула в сторону и стала набирать высоту, чтобы спланировать на цель с выключенным мотором. От цели Наташа уходила на малой высоте, и прожектор ее не поймал. То же самое сделали другие экипажи, не ставшие добычей истребителя.

Могли ли девушки спастись из подожженного самолета, имей они парашют? Успели бы выпрыгнуть? Возможно, что успели бы, если не были ранены или убиты пулеметной очередью и если высоты хватало бы для прыжка. Во всяком случае, у них был бы хоть небольшой, но шанс спастись — так спаслись два экипажа в 1944 году, когда ввели парашюты. Почему же не было парашютов? Почему Бершанская, такой прекрасный командир полка, сделавшая из него образцовую боевую единицу, так пренебрегала жизнями людей — и обученными в полку боевыми летчиками, и штурманами? Сейчас нам сложно это понять. Без парашютов летало большинство «ночников».

От мысли о сгоревших заживо подругах, на месте которых могла оказаться ты, сжималось сердце. Женя Руднева, пославшая Галю Докутович с неопытной летчицей Аней Высоцкой, попросившей «более опытного штурмана», отчасти винила себя в ее гибели. Она не видела, как горели Галя и Аня, а вот «Женю Крутову с Леной Саликовой сожгли» у нее на глазах: Женя Руднева была в этот момент над целью и видела,

что самолет Крутовой и Саликовой с горящей плоскостью не падал, планировал. Он взорвался недалеко от станицы Киевской на территории противника, уже на земле. На аэродроме Рудневой доложили, что в 23:00 сгорел еще один самолет — либо летчицы Высоцкой, либо летчицы Роговой (оказалось, что сгорели оба).

Женя подбегала к каждому садящемуся самолету, но Галя не вернулась.

«Пустота, пустота в сердце... Кончено!» — записала Женя¹.

Последняя ее запись о Гале сделана 15 августа, когда в полку уже были уверены, что Гали нет в живых. «Теперь, когда Гали нет и она никогда не вернется... ой, как это жутко звучит, жизнерадостная моя Галочка!» Женя все не могла переложить Галину фотографию в маленький белый конвертик, где держала фотографии погибших подруг. «Всё говорит за то, что ее нет...» — продолжала Женя и в который раз анализировала свои отношения с Галей, которые теперь стали воспоминанием: «Да, вот теперь я хотела бы точно знать, как она ко мне относилась? Ей бывало скучно со мной, я это знаю, но по доброте своего сердца она мне слишком много прощала, больше, чем я ее упрямому характеру. И в ней никогда не было мелочной ревности — не потому ли, что не было и любви?.. Все-таки она искренне относилась ко мне очень тепло. И — немного странно — как старшая к младшей, хотя оснований для этого никаких не было...»

Жизнь продолжалась. Очень скоро так же, как в Галю, Женя влюбилась в летчицу Дину Никулину. Влюбилась по-настоящему: ревновала и плакала, когда на Дину заявила свои права другой штурман. И только в сердце Полины никто не мог заменить Галю.

¹ Руднева Е. М. Указ. соч. С. 179–180.

Когда «Голубая линия» была наконец прорвана и Галю безрезультатно искали в тех местах, где горел ее самолет, Полина написала семье своей лучшей подруги письмо, полное любви к Гале и горя за нее, но еще и сдержанности в выражении этого горя, на какую способны только очень сильные люди.

«... Мне тяжело писать Вам про безвозвратную потерю самого близкого и дорогого человека. Каждое слово снова и снова вызывает горечь и боль. Я знаю, Вы больше, чем кто-то другой, поймете меня. Тяжело, очень тяжело. Галочка не вернулась с задания 31 июля. Все примирились уже с мыслью, что нашей общей любимицы нет в живых, потому что против факта не пойдешь. Но я упрямо ждала, ждала про нее известий, даже писала ей письма, чтоб при первой весточке послать. Но недавно наши части освободили те места, где ее подбили, и страшное подтвердилось. Я бы могла Вам писать слова утешения, такие же ненужные слова, какие говорили мне. Но я понимаю, что совсем не надо говорить и не надо утешать.

Вот и всё. Галочка Вам, наверное, писала, что она была награждена орденом Красной Звезды. Посмертно ее еще наградили орденом Отечественной войны второй степени. Второй орден вручат Вам. На днях я вышлю Вам ее вещи и фотоснимки, а также переведу через финчасть ее деньги.

Пишите мне. Мне всегда будет приятно знать всё про близких моего дорогого, незабываемого друга. Светлый образ Галочки никогда не сотрется в моей памяти. И если вражеская пуля меня не тронет и у меня будет когда-нибудь дочка, я назову ее Галей и воспитаю такой же благородной и замечательной, какой была наша Галочка...»¹

¹ Докотович Г. Сэрца и крылы.

Полина Гельман умерла в 2005 году, пережив Галю на шестьдесят два года. Она окончила институт военных переводчиков, став специалистом по испанскому языку, родила дочь, которую, как и обещала, назвала Галей, работала в Центральной комсомольской школе, защитила диссертацию по экономике, была два года в командировке на Кубе, до очень пожилого возраста читала лекции на испанском языке, была активным членом Еврейского антифашистского комитета и активным членом Комитета ветеранов. И всю свою жизнь, долгую, активную и яркую, она думала о том, что живет и за себя, и за Галю.

Родным десяти сгоревших над целью в конце июля летчиц и штурманов Ракобольская написала, что девушки — восемь человек в ту ночь и еще двое за день или два до этого — пропали без вести. Было понятно, что они не могли остаться в живых, но доказательств их гибели не было. Комиссару полка Рачкевич удалось отыскать их могилы только после войны.

В 2003 году Ирина Ракобольская узнала имя немецкого летчика-истребителя, который в ночь на 1 августа сбил целых три «швейные машинки», как называли немцы самолеты У-2. Это был оберфельдфебель Йозеф Коциок (Josef Kociok), и он тоже погиб через полтора месяца после той удачной ночной охоты¹.

Последняя запись в Галином дневнике сделана 6 июля и была, как и другие, о Мише. Кто-то рассказал Гале, как в санатории, хмураясь, он отказался идти в кино, потому что собирался писать ей. «Вот напишу ей, чтобы она все поняла...»

«Молодчина, Ефимыч! Сейчас и я напишу ему хорошее-хорошее письмо...» Этой фразой Галя заканчивала ту запись и свой дневник. Ей было двадцать три года.

¹ Ракобольская И. В., Кравцова Н. Ф. Указ. соч. С. 81.

Глава 28

Пошла!

ВЕЧЕРОМ 1 АВГУСТА ДЕЖУРИВШАЯ АНЯ СКОРОВОГАТОВА в последний раз услышала по радио Лилю Литвяк. Та отчиталась: «Пошла!» — и больше на связь не выходила. Аню это не удивило: так случалось, радио работало ненадежно, и Литвяк была из тех летчиков, кто в воздухе много не говорит. Только закончив дежурство, Аня узнала, что Литвяк не вернулась.

Техник Коля Меньков, проводивший Литвяк в последний вылет на своем самолете с хвостовым номером 18, встретил остальных летчиков ее группы и еще долго ждал свой самолет, хотя давно должно было кончиться горючее, а потом в тревоге ушел с аэродрома.

Когда в московском издательстве вышла в 1979 году полудокументальная-полухудожественная повесть Валерия Аграновского о Лиле Литвяк, ее исчезновении и поисках ее останков и самолета, подполковник в отставке Николай Меньков написал автору повести длинное письмо, начав так: «Я очень взволнован, прочитав «Белую Лилию», потому что два месяца, июнь и июль 1943 года, работал вместе с летчицей-истребителем Лилей Литвяк в одной эскадрилье 73-го полка...»

Меньков решил написать Аграновскому потому, что надеялся, что его информация поможет в поисках. Николай Иванович Меньков, отец двоих детей, бывший военный инженер, а теперь учитель труда в школе, и через столько лет помнил до мельчайших подробностей пропавший самолет, в который он вложил столько труда, и летчицу, которая навсегда пропала вместе с самолетом.

«На ручке управления самолетом (на верхней ее части) было выцарапано две буквы «ЛЛ» (то есть Лиля Литвяк, это она выцарапала ножом во время дежурства), а на приборной доске вверху выцарапано слово «МАМА». В кабине самолета педали ножного управления поставлены до отказа назад, так как рост Литвяк был небольшой. Цвет обшивки самолета сероватый. На щитках хвостового колеса (дутика) поставлены пластинки на потайных заклепках. Масляный бак ремонтировался, на нем должны быть сварные швы. Хвостовой номер самолета 18.

У Лили Литвяк на левой руке, на среднем пальце, был надет позолоченный перстень. На зубах, на верхней челюсти с левой стороны, — две золотые коронки (заметно было, когда она улыбалась). Одетая в тот вылет Лиля была: хромовые сапоги с короткими голенищами, темно-синие брюки-галифе, гимнастерка цвета хаки, а темно-синий берет она всегда убирала в планшет»¹.

Мама Лили Анна Васильевна, когда Валя Краснощекова приезжала к ней после войны, все спрашивала: «Валя, а Лиля не болела? А как она выглядела? Может быть, она была очень усталая?» Но Валя ничего не могла сказать. Авторы очерков о Литвяк писали, что в последние недели перед гибелью она казалась усталой и подавленной и гибель Кати так сильно на нее подействовала, что она была сама не своя. Ссылаются на рассказ Инны Паспортниковой — в то время Фаины Плешивцевой, но Плешивцева, уехав из полка в конце мая или

¹ Аграновский В. А. Указ. соч. С. 38.

начале июня, в полк не вернулась. Ни техники, ни летчики, кто был рядом с Лилей в последние дни, ничего не говорили об усталости или подавленности. Воевала она с таким же азартом, как раньше. Настроение у нее, когда она шла в последний вылет, было «веселое и бодрое».

Лилино последнее письмо маме, которое она во время дежурства, сидя в кабине истребителя, продиктовала адъютанту эскадрильи, тоже не содержит намеков на усталость или тоску — только на то, что она очень скучала по маме и дому. Лиля писала:

«Все-все: и луга, и изредка встречающиеся здесь леса напоминают мне сейчас наши родные подмосковные места, где я выросла, где провела немало счастливых дней. Давно отвыкла от шума улиц Москвы, от грохота ее трамваев, от снующих всюду авто. Боевая жизнь поглотила всецело. Мне трудно урвать минуту, чтобы написать вам письмо и сообщить о себе, что жива и здорова, что люблю на свете больше всего свою родину и тебя, моя дорогая.

Я горю желанием как можно быстрее изгнать с нашей земли немецких гадов, чтобы снова зажить счастливой, спокойной жизнью, чтобы вернуться к тебе и тогда рассказать обо всем, что я пережила, что перечувствовала за те дни, которые мы не были с тобой вместе... Мамочка, это писал адъютант во время моего дежурства. Пока, крепко целую... 28.7.43 г.»¹.

В день своего исчезновения она сделала четыре вылета, в основном на сопровождение Илов, штурмовавших немецкие наземные войска, хотя Южный фронт уже получил приказ отходить.

Немцы бросили к району прорыва все свои оперативные резервы, с Белгородско-Харьковского направления в Донбасс перебросили значительные силы авиации. Южный фронт

¹ Письма Л. Литвяк из коллекции Музея, г. Красный Луч.

срочно произвел перегруппировку для того, чтобы 31 июля перейти в контрнаступление, однако этот план сорвала переброска трех немецких танковых дивизий из-под Харькова. 30 июля немцам удалось нанести мощный удар, в котором участвовало большое количество танков. То же самое повторилось и на следующий день — по советским данным, у немцев было 400–500 танков. Танки активно поддерживала авиация. Войскам Южного фронта дали приказ отходить на левый берег Миуса¹.

Штурмовики продолжили свою работу уже на левом берегу, с прикрытием истребителей. В третьем вылете Лиля сбивала Ме-109². Когда она пошла к самолету, чтобы лететь в четвертый раз, техник Меньков, хоть и должен был помалкивать со старшим по званию, не выдержал и стал ее отговаривать. Он сказал, что «очень тяжело одному человеку в такую жару делать столько вылетов», и заметил: «Что, обязательно тебе столько летать, есть же ребята!» — Литвяк ответила: «У немцев появились слабаки-желторотики, надо еще одного трахнуть!» Перед вылетом Лиля, как всегда, попрощалась с техником: «улыбнулась, качнула головой», а потом подняла левую руку, чтобы закрыть фонарь кабины, и пошла на взлет³.

Шесть Яков вылетели сопровождать группу из восьми Илов, Лиля, как часто бывало, с ведомым Сашей Евдокимовым. Илы, не дождавшись их, ушли к линии фронта и, подлетая, летчики группы прикрытия увидели, что они уже ведут воздушный бой у Миуса. Истребителям удалось сбить два Ме-109 и сохранить все Илы. Единственной потерей группы стала Литвяк, сбитая уже в конце, при выходе из боя. Ее падение видели ведомый Саша Евдокимов и Борисенко: самолет

¹ Жирохов М. Указ. соч. С. 167.

² ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. С. 114.

³ Меньков Н. И. Интервью автору. Апрель 2010.

падал беспорядочно, не горел. Летчик не выпрыгнул с парашютом, видимо, был убит в воздухе или тяжело ранен. Вернувшись с задания, Евдокимов доложил командиру, что Литвяк упала где-то в районе Дмитриевки, за линией фронта. Борисенко докладывал, что он видел, как, вынырнув из облаков, «мессер» дал очередь по оказавшемуся неприкрытым хвосту ближайшего Яка и тут же исчез. Он считал, что прощит очередь был самолет Литвяк.

Документ полка, озаглавленный «Сведения о летных происшествиях, боевых и небоевых потерях по 73 Гв. Сталинградскому Истребительному Авиаполку за период с 1 по 9 августа 1943 года» содержит запись о том, что Командир звена Гв. мл. лейтенант Литвяк Лидия Владимировна «не возвратилась на свой аэродром после выполнения боевого задания в период 10.40–11.50 по прикрытию своих войск» (здесь уже две ошибки: вылет произошел вечером, и ее группа не прикрывала свои войска, а сопровождала штурмовики). Как утверждает документ, «в районе Мариновка вели бой с несколькими группами Ме-109 и до 30 Ю-87»¹. Вероятно, автор донесения спутал этот вылет с вылетом 16-го июля, когда Лиля действительно участвовала в бою с группой из тридцати бомбардировщиков. Как бы то ни было, сведения о месте падения самолета совпадают с наблюдениями Евдокимова и Борисенко: «Экипажи в бою видели падение 1 Як-1 4–5 км северо-восточнее Мариновка». Автор документа заключал, что экипаж самолета, предположительно, погиб, самолет, предположительно, сбит.

По воспоминаниям ветеранов, в полку «был траур», почти никто не ужинал². Ее, несмотря ни на что, ждали, но Лиля не

¹ ЦАМО РФ. Ф. 73 ГвИАП. Оп. 273351. Д. 2. С. 110.

² *Аграновский В. А.* Указ. соч. С. 39; *Скоробогатова А. М.* Интервью автору.

вернулась. На следующий день в полк приехал Сиднев, который, заикаясь, сказал кому-то из командиров звеньев: «Ккакие же вы мужчины, если одну девчонку не смогли уберечь!»¹ Горевала вся 8-я воздушная.

Через день, когда советские войска немного продвинулись, Саша Евдокимов с Меньковым отправились на поиски упавшего самолета, объездили весь район, где в тот день шли бои, — от Дмитриевки до Куйбышево, объехали все деревни и балки, но ничего не нашли. В прифронтовых поселках почти не осталось гражданских, военные «давали противоречивые разъяснения», да им, у самой линии фронта, в жестоких боях, было не до пропавшего самолета. И самолетов в те дни здесь упало очень много.

Через три недели, когда советские войска освободили Донбасс, полк перелетел на аэродром Макеевка, и Меньков с Евдокимовым снова ездили на поиски, и снова ничего не нашли². Саша Евдокимов погиб при перелете на новый аэродром 25 августа: «прозевав воздух», был вместе с летчиком Бывшевым сбит над советской территорией парой «мессеров». Когда в полку узнали, что он выбросился с парашютом и парашют не раскрылся, его, такого молодого, красивого и хорошего парня, очень жалели, ведь это была «самая страшная смерть — ты летишь и все знаешь». После гибели Саши Евдокимова поисков больше вести не стали, занеся Лилю навечно в списки 73-го гвардейского истребительного полка. Посмертно ее наградили орденом Отечественной войны степени. О ее гибели написала «Комсомольская правда», где их с Катей так тепло принимали за четыре месяца до этого.

Все ждали, что Литвяк присвоят звание Героя, но получилось совсем по-другому.

¹ Аграновский В. А. Указ. соч. С. 39.

² Меньков Н. И. Интервью автору, 2009.

Все изменилось месяца через полтора, когда вернулся из плена один из летчиков соседнего истребительного полка, заявивший, что видел Литвяк в плену.

Валя Краснощекова из девушек, когда-то улетевших под Сталинград в 8-ю воздушную, осталась одна: Лиля и Катя погибли, Плешивцева уехала. Валя попросила, чтобы ее отправили обратно в женский полк, но Запрягаев, новый командир 73-го полка, «хороший летчик (он был одним из знаменитой семерки Еремина), но командир никакой»¹, в свойственной ему грубоватой манере малообразованного человека отказал ей, напомнив о том, что из своего женского полка она убежала.

Для Вали настали неприятные дни. Мучило не только одиночество, в сентябре ее начали вызывать на допросы в Особый отдел. Предметом допросов была Лилька. «Какая она была комсомолка? О чем она с вами говорила? Могла ли перейти на сторону немцев?» Валя возмущенно отвечала то, что думала: «Преданная комсомолка. Попасть в плен могла только тяжелораненой. На сторону немцев перейти никак не могла, смешно даже об этом думать». Вызывали и Менькова, но лишь раз. Вызывали, по одному, и летчиков. Сначала никто не мог понять, в чем дело.

Ползли и множились слухи, слишком уже благодатная была для них почва: бесследное исчезновение красивой девушки-летчицы. О Лиле Литвяк много сплетничали при жизни, не оставили в покое и теперь. Говорили, называя даже деревню, что местные рассказали, будто за линией фронта прямо на дорогу сел самолет. Из него вышла девушка-летчик маленького роста, с прямым носом и белокурыми волосами, которая уехала на машине с немцами.

¹ Меньков Н. И. Интервью автору, 2009.

Другие говорили, будто слышали, что Лилию немцы похоронили в Краматорске со всеми воинскими почестями. Будто бы целая процессия шла через город с оркестром, так как «фашисты для поддержания пошатнувшегося боевого духа своих войск» решились воспитывать их на примерах героизма «русгероев».

Шел и другой слух — будто кто-то видел немецкую листовку с ее фотографией: в листовке говорилось, что летчице Литвяк хорошо у немцев.

Постепенно распространилась информация о том, что все началось с рассказа бежавшего из плена летчика. Называли — вполголоса, так как официально, конечно, ничего не говорили — и его имя: Володя Лавриненков. В это не верилось: кто-кто, а Лавриненков, честный и смелый парень, не был похож на человека, способного оклеветать боевого товарища.

Сбивший 26 немецких самолетов Лавриненков, уже очень известный истребитель, автор статей о тактике воздушного боя, публиковавшихся с продолжением в газете «Красная звезда», Герой Советского Союза. Именно Хрюкин приказал ему в конце августа сбить «раму» — ненавидимый всеми немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-183»¹. Лавриненков взлетел выполнять задание гордый и взволнованный: за ним с земли наблюдало командование. Сбить «раму» никак не удавалось, она ловко уходила, и Лавриненков, помня уроки Шестакова о том, что стрелять надо наверняка, гнался за ней и стрелял. Что произошло, он точно не знал: то ли он попал и «рама» потеряла управление, то ли он не рассчитал скорость, но Лавриненков столкнулся с немецким самолетом, в результате чего пострадали и «рама», и «Аэрокобра» Володи: «рама» начала падать, но и у самолета Лавриненкова отвалилось крыло (его биографы потом писали, что он намеренно таранил немецкий самолет, но сам летчик в своих

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 102.

воспоминаниях рассказал о происшедшем честно¹). Выпрыгнув с парашютом, Лавриненков видел, что его несет за линию фронта, но ничего не смог сделать.

В плену он не стал скрывать, кто он, и с ним обращались хорошо, не били и не морили голодом, после первых допросов решили отправить в Германию: видимо, считали очень важным потенциальным источником информации. По дороге в Германию он вместе с товарищем по несчастью бежал из поезда, и они много дней шли назад к линии фронта, иногда, когда начинал сильно мучать голод, обращаясь за помощью к гражданским.

Линию фронта они не переходили: встретились с партизанским отрядом, в который их после проверки приняли. Вскоре отряд соединился с наступавшей Красной армией, и Лавриненков, в снятой с убитого немца шинели, вернулся в 8-ю воздушную. Его, видя радость Хрюкина от Володиного возвращения, встретили с распростертыми объятиями, как настоящего героя, вернули награды и повысили в звании. Скоро он был в родном полку. Лавриненкову, если верить его воспоминаниям, очень повезло: даже после партизанского отряда ему могли не поверить, отправить в советский лагерь на проверку, а то и разоблачить в нем шпиона.

В воспоминаниях Лавриненков рассказывает, что полтора месяца после возвращения в полк ему не давали летать: проверял Особый отдел, который связался и с отрядом, где он партизанил. Лавриненкову пришлось исписать много страниц, давая подробные показания о своей истории. Сохранились ли эти показания? Будут ли они когда-либо преданы огласке? О чем спрашивал Лавриненкова Особый отдел и что Лавриненков рассказал по собственной инициативе? Разумеется, в его воспоминаниях и воспоминаниях о нем нет ни слова об истории с Литвяк.

¹ Лавриненков В. Указ. соч. С. 103–108.

Мог ли Лавриненков — без сомнения, человек бесстрашный — оговорить погибшего товарища по оружию, девушку, которой он восхищался? Оговорить ее, если от него это потребовали, оговорить под угрозами? Это трудно себе представить. Но для Володи Лавриненкова небо, авиация были всей жизнью, и он знал, что вернувшимся из плена летчикам летать больше не разрешают. Что касается Литвяк, то она была мертва, и он знал, что повредить ей самой он уже не может — только ее честному имени. «Смутно все как-то...» — сказал об этой истории через много лет Борис Еремин — но не сказал, что уверен в том, что рассказанное вернувшимся из плена летчиком было ложью. В конце жизни Лавриненков отказался от своих слов.

Прошло много лет, ни одного из участников этой истории уже нет в живых, и мы почти точно знаем, что Лавриненков солгал, оговорив честное имя погибшего летчика. Если бы Литвяк согласилась сотрудничать с немцами или даже просто осталась жива и была у них в плену, немецкая пропаганда непременно раструбила бы это повсюду. Но ни одного упоминания о ней, ни одной фотографии на немецкой листовке, ни слова с радиоустановок, вещавших на русском языке для советских солдат, ни одного упоминания вернувшимися из лагерей военнопленными, которые такую девушку, конечно, запомнили бы. Лиля, скорее всего, погибла, оставшись, как еще восемьсот тысяч советских солдат, в земле у Миус-фронта.

А историю с пленом подтвердил — как оказалось, под давлением — летчик 85-го полка Голюк, вернувшийся из плена после окончания войны. Он тоже сказал, что видел в плену Литвяк, окончательно испачкав ее имя. Впоследствии он не скрывал, что его вынудили. На встрече ветеранов Валя Краснощекова как-то улучила момент, чтобы поговорить с ним наедине, и спросила, почему он так поступил. Голюк не стал записываться,

ответил, что оболгать Лию его вынудили, сказав, что иначе у него самого, попавшего в плен, могут возникнуть большие неприятности. Валя кипела. Отходя от этого человека, она бросила ему на прощание, переделав его фамилию: «Говнюк»¹.

С чего все началось? С листовки? С чьего-то доноса о том, что Литвяк собиралась это сделать? Известно ли было Особому отделу, что у нее репрессирован отец? Почему Сиднев не положил конец кампании против честного имени Лилии Владимировны Литвяк? Или Хрюкин, который тоже следил за ее боевой работой и гордился ею? Если они не предприняли никаких мер, значит, не были уверены в том, что Лиля погибла.

В Лилином родном женском полку, узнав об этих слухах, многие сразу поверили. Ничего удивительного в этом не было, считала Валя Краснощекова: «девки» завидовали «Лильке», ее красоте, популярности, тому, что она здорово летала, а к лету 1943 года и ее славе, гремевшей на всю страну. Считали, что победы ей записывали «за красивые глаза», и даже много лет после войны говорили и писали об этом, не стесняясь чернить память погибшей. И когда одна из летчиц полка через много десятилетий после войны рассказала, что она узнала Лию в якобы показанной по Первому каналу передаче о советской летчице, попавшей в плен и прожившей благополучную жизнь то ли в Швеции, то ли в Швейцарии, — многие согласились, что это конечно же была она².

Фаина Плешивцева, к тому времени ставшая Инной Паспортниковой, трепетно относилась к памяти Лили Литвяк и много лет вместе со школьниками из поселка Красный Луч на Украине и их учительницей Валентиной Ивановной Ва-

¹ Краснощекова В. Н. Интервью автору. Сентябрь 2012 г.

² Полунина Е. К. Указ. соч. С. 146.

щенко организовывала экспедиции по поиску останков Лили и ее самолета. Они нашли многих других летчиков, в том числе командира полка Голышева, однако самолет и останки Литвяк им найти не удалось. Правда, в семидесятых годах, как они узнали, останки неизвестной летчицы нашли деревенские мальчишки, пытавшиеся вытащить из норы ужа. Это было около деревни Мариновка. То, что осталось от самолета, было давно сдано в металлолом. Как узнала школьная экспедиция, находка была запротоколирована, а останки затем захоронены в братской могиле. Согласно рассказу Валентины Ващенко, в протоколе фигурировали сохранившиеся в останках фрагменты нижнего белья — а именно бюстгалтера из парашютного шелка и, кроме того, фрагменты летного шлема и обесцвеченные волосы. Однако копии этого протокола нигде нет, где искать его, неизвестно, а полагаться на слова Плешивцевой-Паспортниковой нельзя: если верить ее рассказам, то она не только проводила Литвяк в последний полет, но и сама сшила ей тот бюстгалтер. За перекисью для обесцвечивания волос Лиля якобы посылала тоже ее, Плешивцеву. Если верить Паспортниковой-Плешивцевой, то Литвяк еще и сказала ей незадолго до гибели, что без вести ей пропадать никак нельзя: тогда припомнят репрессированного отца. Фаина Плешивцева не была рядом с Литвяк перед ее гибелью, и кроме того про такие вещи в то время никто и никогда не говорил даже с самыми близкими. Как часто бывает, Фаина Плешивцева — Инна Паспортникова сыграла в посмертной судьбе Лили Литвяк двойную роль: посветив себя увековечению ее памяти, очень много сделала для этого, однако при этом создала вокруг имени Литвяк столько выдумок, что сама же здорово навредила.

Мать Лили, оставшись без ее аттестата и без пенсии, которую назначали за погибшего на фронте кормильца, сильно бедствовала после войны. Однако формулировка «пропала без

вести» в извещении из 73-го полка была для нее несравнимо лучше, чем «погибла смертью храбрых»: оставалась надежда. Вокруг, хоть и редко, происходили чудеса: возвращались даже те, на кого, не разобравшись, прислали похоронки. Встречаясь с Валею и Фаиной, она всякий раз задавала все тот же вопрос, на который никто не мог ответить: «Если она жива, то почему не подаст хоть какую-то весточку о себе?» И потом, покачивая головой, говорила, что Лили, должно быть, уже нет. И все равно до конца жизни ждала. Ждали с войны своих близких и другие люди вокруг нее, ждали тысячи, сотни тысяч, миллионы людей.

Константин Симонов, читавший свои стихи «Жди меня» несметное количество раз и на войне, и после нее, через двадцать лет после окончания войны решил, что больше никогда их читать не будет: все, кто мог вернуться, уже вернулись, больше ждать было некого.

Библиография

- Абрамов А. Мужество в наследство.* Свердловск, 1988
- Аграновский В.* Белая Лилия. Москва, 1979
- Адам В.* Трудное решение. Москва, 1967
- Алексашин М.* Последний бой Василия Сталина. Москва, 2007
- Алтухов П. В.* Интервью // Российская газета. 2012. 9 мая
- Амет-Хан Султан.* Профиль // www.airaces.narod.ru
- Аронова Р.* Ночные ведьмы. Москва, 1980
- Асы против асов.* Москва, 2007
- Баклан А. Я.* Небо, прошитое трассами. Ленинград, 1987
- Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. Москва, 1994
- Бешанов В.* Летающие гробы Сталина. Москва, 2011
- Бокк Ф. фон.* Я стоял у ворот Москвы. Москва, 2009
- Бронтман Л. К.* Военный дневник корреспондента «Правды». Москва, 2007
- Бухарин Н. И.* Злые заметки // Правда. 1927. 12 января
- Быков К.* Киевский котел. Москва, 2008
- Быков К.* Последний триумф вермахта. Харьковский котел. Москва, 2009
- Василевский А. М.* Дело всей жизни. Москва, 2002
- Васильев Н. И.* Тацинский рейд. Москва, 1969
- Вельц Гельмут (Weltz, Helmut)* Солдаты, которых предали. Москва, 2011
- Вершинин К.* Четвертая воздушная. Москва, 1975
- Видер Иоахим (Wieder, Joachim)* Катастрофа на Волге. Москва, 1965
(Original: Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. V. Manstein, Paulus, V. Seydlitz. — München: Nymphenburger, 1962.)
- В небе фронтовом: воспоминания советских летчиц — участниц Великой Отечественной войны.** Москва, 2008
- Воспоминания о Николае Баранове** // Шахтерский городской интернет-портал. www.shahtersk.com

- Герои Сталинграда** // Сталинский сокол. 1942. 7 ноября
Гличев А. В. Короткие рассказы о войне. Москва, 2009
Голубева-Терес О. Т. Богини фронтового неба. Саратов, 2008
Голубева-Терес О. Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. Москва, 2008
Голубева-Терес О. Т. Птицы в синей вышине. Саратов, 2000
Гранин Д. Ленинградский каталог. Ленинград, 1986
Григорян В. Два неба конструктора Поликарпова // Вера. 2014. 19 февраля
Гроссман В. С. За правое дело. Москва, 1954
Гроссман В. С. Годы войны. Москва, 1989
Губин Б., Киселев М. Восьмая воздушная. Москва, 1980
Докутович Г. Сэрца и крылы. Дзенник штурмана жаночага авіяцыйнага палка. Минск, 1957 / Пер. с белорусского В. Горбылевой и О. Вашковой
Долина М. Дочери неба. Дневные ведьмы на пикировщиках / Лит. запись Елены Вавиловой. Киев, 2010
Дрягина И. Записки летчицы У-2. Москва, 2007
Егоров Г. Рассказы о разведчиках. Барнаул, 2007
Еременко А. Сталинград: записки командующего фронтом. Москва, 1961
Еремин Б. Н. Воздушные бойцы. Москва, 1987
Еремин Б. Н. Интервью Артему Драбкину // www.iremember.ru
Жирохов М. Сражение за Донбасс. Москва, 2011
Жукова Л. Выбираю таран. Москва, 2006
Замулин В. Засекреченная Курская битва. Москва, 2008
Защитницам неба // Памятники Дона. 2010. 4 октября
Зоя Космодемьянская перед казнью // Дилетант. 2012. 19 ноября
Ильченко Ф. Интервью // <http://www.peoples.ru/military/colonel/ilchenko/>
Исаев А. В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. Москва, 2005
Исаев А. В. Когда внезапности уже не было. Москва, 2007
Карьков В. Оборванный полет // Серовский рабочий. 2004. 14 мая
Катюша. К 90-летию со дня рождения Екатерины Будановой // Вязьма: центр развития образования. Б. г.
Козлов А. В. 1943 — самый счастливый Новый год // Материалы конференции «Маршал Василевский и его вклад в победу». Без даты и места
Корнюхин Г. Советские истребители в Великой Отечественной войне. Смоленск, 2000
Корытов О. Интервью с Анной Макаровой Скоробогатовой // www.iremember.ru
Кочуков А. Берия, встать! // Красная звезда. 2003. 28 июня
Краузе И. Дневник // Известия. 2009. 16 октября

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кубарев В.* Атакуют гвардейцы. Таллин, 1975
- Лавриненков В.* Возвращение в небо. Москва, 1983
- Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города. Москва, 1999
- Левин И.* Грозные годы. Саратов, 1984
- Лубянка в дни Битвы за Москву.* Москва, 2002
- Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. Москва, 2002
- Маркова Г.* Взлет. Москва, 1986
- Микоян С.* Мы — дети войны. Москва, 2006
- Наступление на Голубой линии* // Военное обозрение // 2013. 7 декабря
- Нехрасов В.* В окопах Сталинграда. Москва, 1995
- Овчинникова Л.* Сталинград, девушки, самолеты // Столетие: Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. 2012. 16 октября
- Ортенберг Д.* Год 1942-й. Москва, 1988
- Панов Д. П.* Русские на снегу. Судьба человека на фоне исторической метели. Львов, 2003
- Панченко Ю.* 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград, 2006
- Полунина Е. К.* Девчонки, подружки, летчицы. Москва, 1999
- Правда. 1939. 25 января
- Правда. 1942. 7 ноября
- Прокушев Ю.* Последний адресат Есенина // Москва. 1980. № 10
- Развитие истребителей Яковлева* / Под ред. Иванова. Москва, 1999
- Ракобольская И., Крайцова, Н.* Нас называли ночными ведьмами. Москва, 2005
- Раскова М. М.* Записки штурмана. Москва — Ленинград, 1941
- Репин Л.* Молчаливая драма // Комсомольская правда. 2001. 15 октября
- Ростов официальный. 2012. № 17. 25 апреля
- Руднева Е. М.* Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. Москва, 1995
- Сводки Информбюро // www.great-victory.ru
- Северюкова В.* Об исподнем: советский унисекс // Независимая газета. 2008. 1 марта
- Семенов А.* На взлете. Москва, 1969
- Сеняевская Е. С.* Психология войны в XX веке. Москва, 1999
- Симонов К. М.* Разные дни войны. 1942–1945. Москва, 2005
- Смирнов А.* Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. Москва, 2006
- Сталин И.* О Великой Отечественной войне советского народа (1941–1945). Москва, 1947
- Техническое описание самолета ПО-2ВС // www.airwar.ru
- Тимофеева-Егорова А.* Небо. Штурмовик. Девушка. Москва, 2007
- Токарев Г.* Вести дневник на фронте запрещалось. Новосибирск, 2005

ЛЮБОВЬ ВИНОГРАДОВА

- Фиалковский Л.* Сталинградский апокалипсис. Танковая бригада в аду. Москва, 2011
- Фибих Д. К.* Двужильная Россия. Дневники и воспоминания. Москва, 2010
- Хвостикова И. В.* Максим Хвостиков // www.allaces.ru
- Хлысталов Э.* Смерть на Ваганьковском кладбище // Литературная Россия. 2001. № 50. 14 декабря
- Цагарав В.* Один век Андрея Цагаравы // <http://www.anaharsis.ru>
- Цена победы. Российские школьники о войне** // Сб. работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Москва, Б. г.
- Цибиков Н.* Интервью // www.iremember.ru
- Чечнева М.* Ласточки над фронтом. Москва, 1984
- Шеваров Д.* О Владимире Пивоварове // Дружба народов. 2010. № 5.
- Шолох Н.* Интервью // www.pomnivoinu.ru 2012. 13 марта
- Шушаков О.* И на вражьей земле. Москва, 2010
- Эренбург И. Г.* Мы поняли: немцы — не люди // Правда. 1942. 24 июля
- Юрьина Н.* Сталинград летом и осенью 1942 г. // Помни войну: воспоминания фронтовиков Зауралья. Курган, 2001
- Яковлев А.* Цель жизни. Москва, 2000
- Яковлев Н.* Маршал Жуков (страницы жизни). Москва, 1988
- Bevor A.* Stalingrad. London: Penguin, 1999
- Klee K.* Vermisst! Das kurze Leben des Soldaten Walter Michel // klee-klaus.business.t-online.de/vermisst.htm

Архивные материалы

Приказ № 813 Государственного Комитета Обороны // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12

Гриднев, А. Неопубликованные мемуары (Любезно предоставлены мне Рейной Пеннингтон)

Литвяк, Л. Неопубликованные письма из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1 г. Красный Луч (Луганская обл., Украина)

Коллекция писем музея-диорамы «Курская битва, Белгородское направление»

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Фонды 113 ИАП, 32 ГвИАП, 73ГвИАП, 65 ГвИАП

Интервью автору

Агафеева Людмила Ивановна, июль 2012, Москва

Ващенко Валентина Ивановна, 7–9 января 2012, г. Красный Луч

Голубева-Терес Ольга Тимофеевна, сентябрь 2010, Саратов

Калачева Инна Николаевна, ноябрь 2009, интервью по телефону

Козьмина Мария Михайловна, Красный Луч Луганской обл. (Украина), 9 января 2012

Краснощекова Валентина Николаевна, 2010–2012, Калуга

Лукина Елена Ивановна, Саратов, сентябрь 2010

Меньков Николай Иванович, Череповец, 2009, 2010 и 2011

Микоян Степан Анастасович, 2009 и 2011, Москва

Пасько Евдокия Борисовна, февраль 2010, Москва

Паспортникова Ольга Владимировна, декабрь 2009, г. Жуковский Московской обл.

Петроченкова-Неминущая Валентина Абрамовна, сентябрь 2009, Чкаловская

Ракобольская Ирина Вячеславовна, зима 2011, Москва

Скоробогатова Анна Макаровна, июнь 2011, Санкт-Петербург

Терехова Екатерина Федоровна, сентябрь 2010, Краснодар

Шебалина Нина Николаевна, интервью по телефону, ноябрь 2009

Оглавление

От автора	7
Глава 1. Прощай, прощай, Москва родная!	9
Глава 2. У меня пока что и биографии не было... ..	27
Глава 3. Деточки, на кого же вы нас покидаете?	38
Глава 4. Разве можно снимать такое горе?	48
Глава 5. Чудачки, война не отменяет поцелуев и любви!	69
Глава 6. Я ведь могла прожить жизнь и ни разу не летать... 84	
Глава 7. Первые похороны	109
Глава 8. Вот замечательно! Вот где скорость!	121
Глава 9. Мы ненавидим командира. Она трус!	131
Глава 10. Жди меня.....	145
Глава 11. Мы немца одолеем, только нюни распускать не надо.....	163
Глава 12. Когда я вернусь, я буду летать	181
Глава 13. Ни на земле, ни в воздухе не было передышки ...	199
Глава 14. А и поплачем. Ничего. Не обращайтесь внимания.....	209
Глава 15. Душечка, вы «Хейнкеля» сбили!	232

Глава 16. Мой милый крылатый Як — хорошая машина....	247
Глава 17. Это девушки или пугала огородные?.....	271
Глава 18. Мы не дезертиры, мы — наоборот!.....	290
Глава 19. С боевым крещением, Машка!	317
Глава 20. В каком вы виде, Баранов!	328
Глава 21. В бою, девушки, совсем не страшно.....	344
Глава 22. В чем ошибка Вари?.....	358
Глава 23. Жить ему надоело!.....	374
Глава 24. Командир, вижу «мессеров»!.....	384
Глава 25. Маленькие, прикройте!.....	391
Глава 26. Это за Катю!	410
Глава 27. Мне тяжело писать Вам про безвозвратную потерю... ..	422
Глава 28. Пошла!.....	428
Библиография.....	441
Архивные материалы	445
Интервью автору	445

Научно-популярное издание

Любовь Виноградова
ЗАЩИЩАЯ РОДИНУ
Летчицы Великой Отечественной

Редактор А. Мотина

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры О. Левина, Т. Дмитриева, Е. Туманова

Верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Издательство КоЛибри»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)



Подписано в печать 06.02.2015. Формат 60×90 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Original Garamond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 3000 экз. В-ВН-16972-01-Р. Заказ № 6955/15.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru



Любовь Виноградова родилась в 1973 году в Москве, в семье ученых. Переводчица с английского и немецкого языков. Мама троих детей. Занималась сбором материалов для исторических монографий, в том числе для книги Энтони Бивора «Сталинград».

«Какие-то истории тронули меня особенно глубоко – в основном женские, ведь женщины видят все не так, как мужчины, и запоминается им другое: не тактика и не стратегия войны, не цифры статистики, а детали, подробности, благодаря которым оживает рассказ».

Так появилась эта книга – рассказ о самых трагических месяцах войны глазами девушек – летчиц, штурманов и техников, главным событием в жизни которых стала Великая Отечественная.

